

Пётр Бузинецкий

**Заселение Сибири
и быт первых ее
насельников**

Пётр Никитьевич
БУЦИНСКИЙ

СОЧИНЕНИЯ
в двух томах

*Под редакцией С.Г. Пархомовича
Составитель Ю.Л. Мандрика*

69.

Петр Никитьевич
БУЦИНСКИЙ

том 1

**Заселение Сибири
и быт первых ее
населенников**

НИЖНЕВАРТОВСКОЕ
МУ «БИС»
ЦЕНТРАЛЬНАЯ ГОРОДСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

43

НИЖНЕВАРТОВСКОЕ
МУ «БИС»
инв. № УС 10173 -3-ХД

Издательство Ю. Мандрики
Тюмень, 1999

Б94

Пётр Никитьевич
БУЦИНСКИЙ

том 1

**Заселение Сибири
и быт первых ее
населенников**

НИЖНЕВАРТОВСКОЕ
МУ «БИС»
ЦЕНТРАЛЬНАЯ ГОРОДСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

43

НИЖНЕВАРТОВСКОЕ
МУ «БИС»
инв № 56103 -3-ХД

Издательство Ю. Медицины
Тюмень, 1999

ББК 63.3
Б 94

Б 94   БУЦИНСКИЙ Петр Никитьевич
Сочинения в двух томах: Т. 1. Заселение
Сибири и быт первых ее населянников /Под ред.
С.Г. Пархимовича. Сост. Ю.Л. Мандрика. —
Тюмень: Издательство Ю.Мандрики, 1999. —
328 с. — [Приложение к журналу «Лукча»].

Работы профессора Харьковского университета
П.Н. Буцинского (1852–1916) «Заселение Сибири и быт
первых ее населянников» были представлены на международном конгрессе
по археологии в Чикаго, когда, пас с 110 лет назад, она
не потеряла своего значения.

Книга адресована тем, кто интересуется историей
края, Сибири.

© Издательство Ю. Мандрики (издание), 1999

ISBN 5-93020-025-4
ISBN 5-93020-026-2 (том 1)

Заселение Сибири**и быт первых ее насельников****Разбор сочинения П.Н. Буцинского «Заселение Сибири и быт первых ее насельников». Харьков, 1890. IV. 345 с.****составленный профессором куратором А.Н. Пыпина.****Читалася в заседании Историко-Филологического Отделения 25 ноября 1892 г.**

После старых местных летописей, начало которых почти совпадает с заселением Сибири, сибирские летописи, сочинения с научными требованиями, начиная с XVII века, были единичны. Князь Григорий Миллер в знаменитом путешествии (1733—1743) собрал громадную массу исторического материала, неизданный и доныне. Его собственный исторический труд, продолженный Фишером, остался недовершенным. Долго спустя к источникам сибирской истории обратился Г.И. Соловьев — мечтатель о единой русской истории, автор труда, посвященного заселению Сибири Кримчанина. Еще позднее, с конца тридцатых годов, предпринял «Историческое обозрение Сибири» П.А. Соловьев (1888—44, 2-е изд. 1886), слишком поспешно называемый Карамзином сибирской истории. После книги Соловьева долго не было никакой попытки изобрести историю Сибири и ее заселения. Видимо, это объясняется тем, что в то время не было исследований. Рассказ о заселении Сибири входил в общую русскую историю, как геройский эпизод, параллельно с тем, как в литературе поэтической Ермак стал легендарным героем; но затем история громадной страны — ее земли, народы, быт, культура — вновь всплыла в широкие горизонты интересов и внимания, образована покровителями, выразившими русскую народность — оставалась в темноте или, в лучшем случае, вызывала только отдаленные эпизодические работы (как, например, труда П.И. Небольсина, Н.А. Абрамова и др.). Оживление литературы о Сибири, и, в том числе, национальной истории Сибири, было связано с общим распространением исторической литературы. Рядом с трудами многочисленных, особенно естественно-научных, исследований, которые, кроме изображения физической природы, касались и быта национальных, столь же болезненно-чувствительных наущений жизни крымских, чеченских, уральских, восточно-сибирских и пр. племен, — с осмысливанием их быта, языка, обычая, вспомогательных приставок и т. п. — в городе Острогожске Географического Общества, открытом в 1868 году в городе Острогожске Географического Общества. От зародившегося в нем интереса к заселению Сибири, в котором приставки и за последнее время мы встречаем ряд исторических предприятий, которые могут общать, находим, правильную и широкую постановку сибирской истории, включая в нее, кроме национальных историй, общую историю, акты и языки и т. п., а также попытки систематического изложения, как, например, в «Хронологическом очерке» Ильи Шеголева (1883) и в многотомном «Историческом очерке» В.К. Амдиенкча

(1886—89). Обзор Шеглова, исполненный при весьма недолгих научных пособиях, в таком с не вполне удачным приступом изучения, свидетельствует, однако, о значительной заслуге автора в распространении любопытности и мог принести пользу для распространения историей в гораздо большем широком круге читателей. Труд г. Акакриевича представил почти одно механическое сопоставление давних, преимущественно или почти исключительно заимствованных («Полного Собрания законов», хотя и в этом виде при необходимости целиком) по сибирской истории мог сказать свою пылью.

На смирился столкнувшись с обрывками, остатками, осколками, которых хранилось в стенах архивов, до последнего времени сознавшими историю, какими «Полные Собрания Законов» были, как и в других областях русской истории послеродов языков, драческий материал, далеко не исчерпывает (как и новейшие издания сибирских памятников) того богатства материалов, какие представляют сибирские архивы, сохранившиеся до настоящего времени до конца неизвестными сибирским бывшим. Этот богатый материал с помощью царствования императора Петра Великого доступен машинам историков в соединении в двух монографиях великих — знаниям историком Гавриилом Алексеем Министерского Иностранных Дел и в архивоустроителем г. Адрианом Министерства Юстиции. В том же духе и с тем же успехом должны быть составлены и другие подобные материалы, из которых черпали уже немалые кадатчики сибирских памятников, который еще окажет исследователям.

Стремление разрабатывать первоисточники выражалось в последнее время не только в изучении прямых первоисточников, но и в изучении первоисточников, напечатанных в виде отдельных памятников, например, в исследовании Д. Н. Акунича относительно древних ногирских сказий о Сибири и следяще до ее завоевания; также отдельными изысканиями гг. Тымкова и Оксенберга об этикете Европы и в старых описаниях Сибири, напечатанных Кутеповым («Описание Сибири и ее прибрежий морей»), путевищем Степаня (Ю. В. Арсеньева), описание Новикова об останком народа (Л. Н. Майкова), старые описания Сибири и карты столичного Гоголева (А. А. Тетова и Г. Л. Юдина), опись бумаг Московского Тайного Архива, относящихся к Сибири (г. Пумыновича), труда г. Огомбакина и т. д.

В ряду собственных исторических изысканий, основанных на первоисточниках, и именно на документах двух узлов иных монографиях архива, в которых подобное наиболее выдающее место занимает сочинение г. Вудникова.

Он говорит о плане своего сочинения:

«План сочинения Га есть только начало общего труда, задуманного мною. Мы имеем на руках исключительно заселение Сибири в частях исследований, в которых насаждены были исследования отечественного и зарубежного сочинителей моих и их земляков, чтобы потом написать общую историю Сибири от начала ее заселения и до половины XVII века. Первая часть, написанная исследователем Михаилом Федоровичем Сибиря, — уездов Верхнеудинского, Курганского, Томского, Тобольского, Тарского, Пинского, и Бердского в период от начала заселения этих краев до конца царствования Михаила Федоровича. Мы не можем сказать, что существующие сочинения о Сибири и печатные акты складывали нам достаточно помощи при исследовании этого вопроса. Эта первая часть нашего труда прему-щественно основана на основании русского материала, хранящегося в Архиве Министерства Иностранных Дел и Архиве Министерства Юстиции».

Заселение Сибири и быт первых ее насельников

Замечательно, что много важного материала для своей работы г. Вуцинский нашел в портфелях академика прошлого века Миллера хранящихся в первом из этих архивов; но особенно богатый материал автор нашел в делах Сибирского приказа, хранящихся в Архиве Министерства Юстиции в Москве. В архивах хранятся различные документы, заключающие дела приказные, юридические, земельные книги, «зодорны книга», списки служивых людей, посадских, крестьянских, руничников и оброчников населявших сибирские города, «списки пашенных и оброчных крестьян», живущих в уездах «сметы книги хлебных запасов и хлебных расходов»; «списки пашенных и оброчных крестьян», «списки хлебных расходов», «окладные книги», «стамоныни книга», «присяжные книги» городов Верхноторья и Пеэльмы; налоги, автор пересмотрел стопами, перепутанные и разбитые, которые заключают множество царских грамот, кое какими руками скопированными русской линейкой, и многое другое, именно все то, что включено в титул «Материалы для истории Сибири в XVII веке» и т.д. Материал, однако, ощущается полон, а именно не только периоду, которому посвящено исследование, множество материала за пятьдесят лет погибло от пожаров. Еще в первой половине XVIII века скорели дела Сибирского приказа в Москве; в последние того же века скорели архивы в Тобольске, потому что приказы других городов Сибири, членами которых были и Миллер, Эссе и другие, были утрачены пожаром.

Гуцкий ограничил его наставление исследованием 1645 годом: здесь он все-таки имел возможность восполнить иной раз недостаток прямых источников, но для последующего времени материала очень скучен и монотонен.

Труд г. Вуцинского озаглавлен «Заселение». Первая посвящена изображению заселения инородцев в южной части Западной Сибири, когда этот край переживал первые десятилетия русского владычества. Затем главы II—VII заключают описание городов Передней Сибири с их уездами: Верхноторым, Тюменским, Тобольским, Тарским, Пеэльм и Верхним Уральским. Каждый из этих разделов содержит описание соответствующих городов и уездов русскими, число десров и жителей, распространение хлебопашества, колонизационную деятельность монастырей, торговое значение городов, государевы доходы и расходы и вообще экономическое состояние заселения. Глава VIII посвящена специальному вопросу с тем, чтобы обратить внимание на Сибирь как установленную административный и народный — переход жителей в Сибирь по распоряжениям правительства и подчиненные, с тем различием от собственной России, что сибиряки не имели права отъезда от своего центра и недавности, сообщающей с самого начала создания в Сибири, в особом разделе административного быта, главною чертою которого был почти беззречинный и большей частью почти беззаконный произвол. Особую черту сибирской колонизации составила ссылка, начало которой восходит уже к первым десятилетиям русского владычества в Сибири. Результаты всех этих и многих других изображены в общем замечательном исследовании состояния сибирского общества за описываемое время, т.е. до конца царствования Михаила Федоровича. Глава IX, и последняя, изображает борьбу инородцев за независимость, замкнувшую края положения инородцев под русской властью и влияние на них со стороны русских.

Таково содержание исследования г. Вуцинского, которое наряду с упомянутыми изданиями документальных памятников сибирской истории

и подчиненность критическими изменениями представляются началом давних эпох, когда будут сняты привычки и известность археологических материалов сибирской земли и вымытты чистой исторической практикой, что которых для изученности предмета реставрируются судьбы изгнанного Ильи Чайковского, и неизвестные писатели обретут почетное место в истории. Буквально и нравственно обогащенный опыт показывает, что впереди — новые и новые результаты. Несколько измущают историки, когда на них приходят наследники настороженных драматургов сибирской истории времен города, расколовшего деревню, изгнавших из нее гражданский и церковный, парашютных и погонных, и даже изгнавших из нее имена и фамилии, и т.д. Это — лирика, о которой говорят, отчего мюзиклант был бы, геранился бы в склоне, а другой — пародийскому собеседнику сибирской почты, которая изменила представство различного рода сценам. Михаил Петрович, писательница, которая за основу поставила, неизменно для каждого из нас, у него же, и для других, вспомнила о своем прошлом, измущала авторов, вероятно, еще потребуют проверки новых изменений, но на крайней мере окажутся эти краски. Так, если изображение соединяется с интересом к изучению и восстановлению в Царской Сибири общечеловеческих норм и стояния свободы, то вспоминание о политических и народнических в Сибири национальных норм; о национальном управлении, доблести нации, имеющей в старом гардире солдат, которых по указанию автора, «с гордостью боялись солдаты», и т.д. Вспоминание о том, что в Сибири было лучше, и, может быть, лучше, чем в других провинциях России, и вспоминание о том, что в Сибири лучше, потому что там не было засух.

В общем внимание сплошь и буднично, настроимся лучше писательностью за изучением археологического материала, со вкусом смотреть и другие предметы критического исследования, составлять некою юмористическую сибирскую эпиграфику, а возможно, и античную русскую. Всегда интересны предположения, что в этом гробе нет гроба, не которой раскопано, и тем более, что этот гроб не был засыпан.

* Встречаются малкие неточности, как, напр., стр. XVII в передаче словами в кавычках, акта 1599 года; известный исследователь Сибири постоянно называется «Индрица», и т.п.

**Заселение Сибири
и быт первых
ее насельников**

«Земли Сибирь мириваемая зверобояных людей,
по тому что жируют по лесам и по рекам великии,
и питаются зверем и рыбой кроме хлеба,
едят крованое и сырое, вары же и грамоты не жмутъ,
добыывают же и продаютъ дичину и ягоды и кундуны
и бобры, и лисицы, и золото множество, простиратъ до Чорного
и долго, и созданию державы Московскаго Царя».

Ом. Истокъ, различиямъ козыгровий, писаніи
отъ древнихъ философовъ, перекладона
с греческого языка. По листамъ этой рукописи
оказываются цитаты изъ сочинений:

•Сия книга козыгровиа Петра Балакинова
сина Полона•
(А.М.И.Д. Портф. Миллера,
№ 613/1121, л. 10).

Предисловие

Настоящая книга есть только начало обширного труда, задуманного нами. Мы намерены по частям исследовать заселение Сибири, по частям исследовать материал, касающийся быта насельников этого края и взаимного отношения между ними и туземцами, чтобы потом написать общую историю Сибири от начала ее завоевания и до половины XVIII века. Первая часть нашего исследования касается заселения Передней Сибири: уездов Верхнотурского, Турийского, Тюменского, Тобольского, Тарского, Пelyмского и Березовского в период от начала завоевания этого края до конца царствования Михаила Федоровича. Мы не можем сказать, что существующие сочинения о Сибири и печатные акты оказали нам достаточную помощь при исследовании данного вопроса. Эта первая часть нашего труда преимущественно составлена на основании рукописного материала, хранящегося в архиве Министерства иностранных дел и архиве Министерства юстиции. В первом архиве мы просмотрели многочисленные портфели Миллера, нашли там много важных документов, которые вместе с известными печатным трудом этого первого историка Сибири, как и его продолжением в «Ежемесячных сочинениях», оказали нам немалую услугу при нашей работе. Некоторые сведения мы извлекли и из «приказных дел», хранящихся в том же архиве. Но несравненно более материала для нашего исследования мы нашли в архиве Министерства юстиции, в Сибирском приказе. Здесь находится много «ясачных книг», которые вместе с другими документами дали нам возможность коснуться в настоящей книге инородческого населения Сибири, указать на местожительство его, определить количество сибирских туземцев в первой половине XVII века.

в уездах Верхотурском, Туринском, Тюменском, Тобольском, Тарском, Пелымском и Березовском, то есть в тех именно уездах, обозрение заселения которых русским элементом и составляет главный предмет этой книги. Затем просматривали другие книги, хранящиеся в том же отделении архива Министерства юстиции: «дозорные книги» упомянутых уездов, списки служилых людей, посадских, крестьян, ружников и оброчников, населявших сибирские города, «списки пашенных и оброчных крестьян», живших в уездах, «сметные книги хлебных запасов и хлебных расходов», «ухимные книги», «сметные книги государственных доходов и расходов», «окладные книги», «таможенные книги», «приходоизходные книги» Казанского дворца и Сибирского приказа и «присяжные книги» гг. Верхотура и Пелыма. Просматривали столбы, переплетенные и разбитые, которые заключают в себе множество царских грамот, воеводских отписок, отписок приказчиков пашенных и оброчных крестьян, множество членитых инонродцев и всяких чинов русских людей, обыкновенные по ним дела и проч. Извлекли некоторые данные из дел Верхотурского уездного суда, составляющие особое отделение документов Сибирского приказа. Словом, в двух московских архивах мы нашли массу рукописного материала, касающегося истории Сибири, и изучали его внимательно. Но тем не менее мы не вполне остались им довольны. Относительно конца XVII века и первой четверти XVIII века сохранилось мало документов; они пропали для нас бесследно, сделались жертвой пожаров. В 1626 году сгорел весь архив Сибирского приказа в Казанском дворце, но это было не особенный бедой: Центральный архив можно было бы восстановить дубликатами, хранившимися в архивах сибирских городов. Когда Миллер во время пребывания своего в Сибири в половине XVIII века обращался в разные города за сведениями, касающимися основания городов, первоначального их населения и т. п., то получал из канцелярий этих городов один и тот же ответ: подобных сведений нет, древние архивы погорели. При исследовании вопроса о заселении Сибири историк должен особенно чувствовать недостаток в материале: для обозреваемого нами периода мы пользовались только од-

ной общей дозорной^{*} книгой за 1623/4 г. и несколькими частными дозорными книгами, относящимися к колонизационной деятельности тобольского Знаменского монастыря и тобольского архиепископского дома. Недостаток этого рода документов и заставил нас ограничить предмет нашего исследования 1645 годом, потому что для первого периода заселения Сибири и помимо дозорных книг нам удалось достаточно собрать материала: разные списки пашенных и обоченных крестьян, документы, касающиеся основания и развития сибирских слобод, познаграждающие за упомянутый недостаток. Но для дальнейшего времени отсутствие дозорных книг ничем не может быть восполнено. В списках документов Сибирского приказа мы находим «переписные книги», относящиеся уже к царствованию Петра Великого, а ранее этого времени подобных документов нет. Впрочем, существующие описи, как мы заметили при нашей работе, не полны и не точны и мало помогают исследователю разобраться в массе материала. В настоящие времена один из уважаемых чиновников архива Министерства юстиции Н.Н. Оглоблин составляет новые и систематические описи документов Сибирского приказа. Когда эта обширная работа будет доведена до конца, то она, можно смело сказать, наполовину облегчит труд исследователя, а может быть, даже г. Оглоблину удастся найти и другие дозорные книги помимо тех, которые мы заметили.

Считаем приятным долгом выразить особенную благодарность историко-филологическому факультету Харьковского университета, оказавшему нам материальное пособие для напечатания настоящей книги.

П. Буцинский.

* В Сибири в XVII веке «письмо и дозор» производили один и те же лица и в один и то же время; это делалось, как замечали воеводы, «для посещения».

Глава I

Нетрудно было покорить Сибирь: достаточно было похода славного Ермака^{*} с горстью отважных казаков, чтобы разрушить Сибирское царство — эту первую и довольно северную преграду распространения за Уральским хребтом русского владычества, русской колонизации и русской

* Летописное известие, что будто бы завоеватель Сибирского царства получил свое имя или, точнее, кличку от артельного котла, который по-татарски назывался «ермак», не заслуживает никакого вероятства: «Ермак» — это кличка, в есть испорченное христианским им. «Ермил». С этим же именем они и назывались первоначально, ибо в Сибирском приказе пречитывали так называемые именные списки различного чина сибирских людей. Но «чех спбников» указывает, что имя Ермак не было среди победителей Кучумова и многие ходы, посадские земли и деревни, находящиеся между Тобольском и Тюменью, в значительной части которых потом составили Тобольскую особую «старую сотню» пеших казаков, дав название всему тезким, одни отставной князь, прививший при крещении имя Ермил, также назывался Ермаком. Ермаком же прозваны, что называлось в то время: Ермаком, Ермаком, Ермаком, Ермаком и Ермаком. Правильное объяснение последних умножительных называний, мне кажется, следует обяснять тем, что имя Ермак было слишком громким в истории Сибири, а также и потому, что люди из разных казачьих полков, уединенных или искалеченных христианами именами, под разным сибирским наименем и крестьянам казалось здорово называться «Ермаками», и они большей частью назывались «Ермаками» и «Браминиками», но со временем, когда масса посадских людей могла уже называться «Браминами», есть ли смысл в том, чтобы называть деревни и поселения христианские. В Гимбори можно видеть и училища получившие свое название от имени Ермак; хотя эти деревни и училища не имели никакого отношения к Ермаку, например, одна деревня Ермаковка (по договору 1623 г.) принадлежала Морозовой бывшей деревне Ермаков, а при реке Плоской — деревне Громачковы; эти деревни так назывались потому, что основателем первой был христианин Ермак, а второй основателем был конный казак Ермакен. Согласно супружескому договору 1623 г., Ермаковка должна была приводиться в имение Ермаков; в списках наименок и крестьян это имя встречается или в своем настоящем виде, или в испорченном — Ермашка и Ермолова. В Сибири есть деревни Ермаковки; туркменский татарин, принявший христианство и получивший при крещении имя

культуры. Страшным ураганом пронеслись смелые казаки по владениям ногулов, остяков и татар, много пролили крови, разграбили многое инородческих юрт, а самое главное — победили и прогнали с юрт «вольного человека Кучума Цара», который составлял единственную связь разрозненного Сибирского царства. Июроиды были изумлены этими подвигами русских казаков и спешили покориться державе Белого царя. Ермак с товарищами «привели татар, остяков и ногулов к щерти, что им быть под его царсково высокую рукою до веку, покамест явлют Бог вселенной стояти, и ясак им давать государю по вся лета боялереводло»⁴¹.

Ермолов, так и писался Ермолов, а юрты его при реке Нице назывались Ермоловыми. Но имени Ермака мы ни разу не встретили в списках сибирских отрядов. Но это не значит, что Ермак не был союзником именем Ермака, а значит, что это имя было в списке, но не было видно, потому, что оно всегда заменялось Ермаком и Ермаком и т.п. Поэтому в некоторых народных песнях, относящихся к покорителю Сибирского царства, он совершенно верно называется Ермаком: «Атаманъ Ермакъ Тимофеевичъ» — читаем в одной песне; или в другой: «Гордъ Ермакъ Тимофеевичъ» — «Многіи страти, праты, подобаѣтъ мене, Ермаку, душунку придумыть». (См.: «Песни», собр. П. Киреевским, выпуск 6-й, стр. 25, 28, 36 и 37).
 Итак, неизвестные христианские имена, в том числе Ермак и в прошлом это имя, не имеют никакого отношения к Ермаку, то есть только обычное искажение христианского имени. Отсюда все замечания некоторых историков, что «скромная должность кашевара не могла удовлетворять Ермаку, желавшему более наземной, широкой, удалой жизни...» и т.д., — должны считаться ошибкой, некритическими фразами. Мне кажется, что имена Ермак и Ермаковы не являются родственными и Н.И. Костомарова, — что наставляется до Ермака Тимофеевича, — утверждает он. — Там нет никакого основания полагать, чтобы он принадлежал к разряду «богатых удалых, извеклих на сбоя споду скотин рабочих людей», о которых говорится в списке. Ермак, как известно, находился в парской службе и в конце июня 1581 года, вместе с русскими «чадами бывъ подъ Могилевомъ на дніпро...» («Русск. ист. в живопис.», выпуск III, стр. 529). Этую ошибку можно объяснить тем, что в книге Костомарова изображены встречи в списках кашевара, бывшего под Могилевом, а не Ермака, приводя, что это свойственно только покорителю Сибирского царства. Последний в 1581 году был уже в Сибири, а во приходе в Сибирь, казаков звал из Дона. Из этого положительно устанавливает найденными имена в Сибирском приложении к книге А.М. Федорова, из которых одно из них — имя Ермака Тимофеевича, кашека Ильина, который, между прочим, писал в ней, что до прихода в Сибирь он «двадцать лет служил с Ермаком в поле...». Выражение «в поле» именно указывает на воинское кашеворство, а не на парскую службу.

⁴¹ А. М. И. Д. Порфирь Малиновского, карт. 3, № 95, см. «Шергутная грамота татар, остяков и ногулов, принадлежащих к приходе Ермака с товарищи».

Казалось бы, что после таких ударов инородческий мир уже не в состоянии будет мечтать о своем прекрасном царстве и навсегда должен был бы погибнуть с той частью, которую всыпали на них «шерги», тем более что от перемены властелина сибирские инородцы ничего не теряли. Но на деле мы видим противное. Едва только стало известно о смерти Ермака, как поданные Кучума, ошеломленные прежде подвигами казачкого «величайшего вохдя», теперь, так сказать, пришли в сознание, забывши свою присягу и снова готовы были наложить на себя иго азиатского властелина. Да и впоследствии долгое время мечта «быть себе царством, как было при Кучуме царе» не покидала сибирских инородцев. Это значит, что одного завоевания посредством оружия, как бы ни было последнее победоносно, было недостаточно, чтобы удержать в повиновении столицу отдаленный край, а тем более иметь возможность с успехом эксплуатировать его богатства. Повторяю, легко было завоевать Сибирь, но гораздо труднее удержать завоеванное. Московское правительство давно усвоило эту истину при расширении Русского государства настет иноплеменных народов и вместе с тем давно поняло, что мирные средства более действительны для окончательного покорения инородческого мира, что оружием можно только победить, но удержать в подчинении побежденных можно, главным образом, чрез заселение покоренной страны русскими элементами, последствием чего являлось обрусение края. Поэтому и после завоевания Сибирского царства правительству немедленно начинают строить русские города и села. Мы увидим при нашем исследовании, что оно не щадило средств для заселения покоренной страны и в первое время смотрело, так сказать, сквозь пальцы на вольную народную колонизацию этого края даже в том случае, если последняя была противозаконной.

Прежде чем приступить к главному предмету нашего исследования, мы считаем нужным сообщить некоторые сведения, извлеченные нами из материала, достоверность которого не подлежит никакому сомнению, — сведения о расселении туземцев и их количестве при начале русской колонизации покоренного края. Начнем с Беркотурского уезда. Этот уезд в тогодашнее время простирался с востока на запад от устья реки Тагил по верхнему течению реки Туры с ее притоками, по рекам Лозве, Сосве, Ляле и Любье, по верховьям рек Косыни, Уфы

и Чусовой. Этую местность до поселения здесь русских занимали преимущественно богулы и самое незначительное количества татар и остяков. Древнейшая ясачная книга Верхнотурского уезда, сохранившаяся до нас, относится к 1626 году⁴. Из этого документа видно, что инородцы Верхнотурского уезда в первой четверти XVII века составляли 12 волостей: Туринскую, Верх-Туринскую, подгородную Лялинскую, вторую Лялинскую, Мулгансскую, Сосвинскую, Лазавинскую, Косинскую, двенадцатую Чусовскую по верховым Чусовой, Верх-Уфимскую и Айтскую около озера Айтского и по реке Альты, которая составляет верховые реки Рек. За исключением двух последних волостей, населенных татарами, и остатков юрт при Неве и все остальные были населены погулами. Во главе инородческой волости стоял сотник, поэтому волости назывались еще сотнями, на которые инородцы делились еще до завоевания русскими Сибири; волость, или сотня, состоялась из нескольких юрт, а иногда даже из одной! По ясачной книге 1626 года в Верхнотурском уезде находились следующие юрты:

	Число юрт	Живущих в них ясачных людей
При реке Турсе	3	21
При реке Тагил	2	16
При реке Санде	3	14
При реке Санде 2-й	1	10
При реке Мулгас	2	11
При реке Неве	1	3
При Айтском озере	1	29
По верховым рекам Уфы	2	25
По верховым рекам Чусовой	2	49
При реке Ляле	4	44
При реке Сосве	1	10
При реке Лозе	2	26
По верховым рекам Косым	6**	38

Всего в Верхнотурском уезде было 30 юрт, в которых жило 296 ясачных людей, из них 65 татар, 3 остатка и 228 богульев.

⁴ Архив Мин. юстиции. Сибирь. приказ, ик. № 10, л. 1036, см. «Книга, что взято Государева ясаку Верхнотурского уезда с татар, остатков и ногулчичей по окладу 1626 г.».

^{**} Прим. Кроме того, к Верхнотурскому уезду танули некоторое время смычинские и киренские остатки, жившие по сии стороны Уральского хребта.

Под именем ясачных людей здесь разумеются инородцы, платившие ясак, а так как женщины, дети, старые, ученые и захребетные люди не платили ясак, то и не входят в вышеупомянутое число. Мы привели данные об инородческом населении Верхотурского уезда по документу 1626 года, но в конце XVI века количество ясачных людей было в нем еще менее. Об этом можно судить по количеству собранного ясака в разное время; так, в 1626 г. верхотурцы уплатили ясак мехами по сибирской цене на 658 р. и поминочных (подарок государю и воеводе) на 17 р.**, в 1620 г. — на 555 р. и поминочных 7 р.**, а в 1599 г. с тех же инородцев собрано ясака и поминочных только 30 сороков, 24 соболя, включая скота и десантную попытку, собранную Верхотурской таможне***. К сожалению, цена этой мягкой рухляди не указана, но несомненно, что она стояла не дороже 500 р., и значит, ясачных людей в 1599 г. было значительно меньше, чем в 1626 г.****.

Туринский уезд расположек был по среднему течению реки Туры от владения в огнью Тагиле и почти до устья

Едва ли извещение Сибири эти инородцы платили ясак в Перми, но Богдан Годунов в 1598 г. присыпал в уезд Вятки и Верхотурья, и в Верхотурском уезде ясачников застали в 1605 г. обратившись с челобитной к Лжедмитрию о принесении их в Перми, но эта просьба не была услышана: царь только избавил их от ясачности и разрешил им сажать пшеницу ясак на Верхотурье и Чусовую (А.И. 63). Однако эта привилегия не привела к общему исчезновению ясака. В 1607 г. обратились к царю Василию на верхотурских служилых людей, не их власилства и общды и снова просили даволять им платить ясак в Перми Белой, в Чердыни. На этот раз челобитная осталась услышанной, и Верхотурскую землю вновь отдали под ясак и исконно ясачные земли (А.И. 20). Еще раз: имели 1607 г., отписано от Верхурского уезда к Перми впериесные вотчины в количестве 35 человек, и опять вседозволение злоугроблений верхотурских общинникам ясака (А.И. т. II, №№ 76 и 82).

* Публ. см. в книге той же ясачной книги.

** А. И. т. II, № 57.

*** «Описание Сибирь царства» Мильера. См. грам. цара Бориса на С. 273.

**** Несмотря на другие данные, также приводят нас к такому выводу, что в конце XVI и начале XVII в. количество ясачных людей в Верхотурском уезде было небольшим: в 1620 и 1626 г. Там, в 1601 г. с 25 поганых зогулами, присыпанных в следующем году от Туринска к Верхотурью, взято ясака 224 соболя, т.е. с каждого человека по 7 соболей, а в 1599 г. с Верхотурья присыпано в Москву ясака мехами и десантной рухлядью в количестве 104 соболей. Понятно, что в пересчете это было 104 соболя, и если оставаться количеством ясака 1120 соболей, разделенных на 7, то чистое показывает количеством ясачных людей, т.е. 160 человек. Этот расчет, конечно, чрезвычайно приблизительный первый.

Ницы и по реке Нице. Он также был слабо населен иородцами, как и Верхогурский. В начале XVII века в этом уезде находилось 14 остяцких и татарских юрт: от Туринска вверх по Туле шесть юрт — Кукузов, Ургунчи, Илясов, Байтарин, Калмак и Санкин, а от Туринска вниз по Туле — Еланчи, Енбас, Нагаев, Аккана, Небольсин, Берсегенев, Давлетев и Кабачин. Из царской грамоты от 9 сентября 1609 года к туринскому воеводе Федору Якову видно, что в первых трех юртах жило по 6 человек, в Байтарине и Калмаке — 2 ч., в Нагаеве — 30, а в остальных пяти юртах неизвестно*. По ясачной книге в 1628 году** туринские иородцы разделялись на 17 волостей:

	Число ясач. людей
1 Еланчина	11
2 Енбаса	3
3 Кукузова	8
4 Индреччева	14
5 Ильсова	9
6 Тертеева	5
7 Куртумова	6
8 Байтарина	5
9 Санкина	15
10 Нагаева	1
11 Тенгикова	1
12 Ермолеева	8
13 Калмакова	5
14 Кичубаева	6
15 Перзая Зензярова	2
16 Ичнайдеева	4
17 Вторая Зензярова	3

Итого во всем Туринском уезде в 1628 году было ясачных людей 106 человек, которые дали ясак мехами по сибирской цене на 334 р. 21 к. да поминков на 7 р. 60 к., а в начале XVII века, несомненно, и 100 человек не было в этом уезде.

Тюменский уезд до образования Верхогурского и Туринского уездов простирался по всему течению Туры с ее притоками.

* «Описание Сибирского царства» Миллера, стр. 273.

** Архив Министерства юстиции. Сибирь. прик., кн. № 19, л. 531.

ками, но в XVII веке после основания Верхотурья и Тюниска его территория охватывала нижнее течение рек Туры, Пышмы и Исети, значительную часть реки Тобол до владения в нее реки Иссы и все течение этой последней реки. Вследствие недостатка материала довольно трудно судить о населении этого уезда в начале XVII века. Древнейшая тюменская ясачная книга, сохранившаяся до нас, относится только ко 1628 году*. Из нее видно, что к этому времени Тюменский уезд состоял из четырех татарских волостей:

	Число ясач. людей
1. Кинирский городок	60
2. башкурская	25
3. Тираскская	24
4. Исильтская	3

Во всех волостях — 112 ясачных людей, но в начале XVII века и в конце XVI в. в Тюменском уезде жило гораздо больше татар. Так, в той же самой ясачной книге упоминается, что «сюда с товарищами «безвестно пропали», а более ранние документы указывают даже на массовое бегство татар из Тюменского уезда. В 1616 году тюменский воевода доносил, что многие терятские татары бросили свои юрты и побежали в степь, посланные за ними служилые люди настигли беглецов за рекой Тобол, многих побили, а 9 семей привели в Тюмень**, а по другой воеводской отписке возвращено 15 семей и убежали 30 человек***. Затем из числа беглой одиночества видно, что в 1617 году в Тюменском уезде существовала волость Еразовская****, которой, однако, не значится в ясачной книге 1629 года. Миллер в своей «Сибирской истории» указывает на случаи массового бегства татар еще в конце XVI века: в 1595 году убежжало из Тюмени 50 семейств*****.

Пельмский уезд в конце XVI века занимал обширнейшее пространство после того, как в 1595 году были присоединены к нему волости Большая и Малая Конды, которые до того времени находились в ведомстве Тобольска. Он простирался по всему речению рек Пельмы, Богулки, Конды,

* Ibid. кн. № 19, л. 521.

** «Рус. ист. библ.», т. II. № 112.

*** Адмиралтейство Министерства иностранных дел. Портф. Мицлера, карт. № 477, с. 1.

**** Ibid.

***** «Ежемесяч. сочин.» 1764, стр. 6.

среднему течению Лозы, нижнему течению Сосвы и, наконец, по реке Тавде, за исключением нижней части этой реки. В начале XVII века инородческое население Пельмского уезда разделялось на одиннадцать волостей^{*}:

	Число всехч. людей
1. Низ-Тавдинская по реке Тавде	20
2. Тахтанская по Верхней Тавде и по Лозе	23
3. Волость над Гельмским озером, называвшаяся апоследствии Верхнегельмской	34
4. Вогильская по реке Вогулке	28
5. Ворынинская по реке Воре, скопо Ворынского озера	18
6. Сосвинская по нижнему течению Сосвы	21
7. Подгородская (Листавининская тоба) по реке Пельмике	17
8. Лотусская [†] при реке Лотусе	22
9. Большая Кара по Тарданку и нижнему течению Конды, по верхнему бассейну реки Конды,	
10. Малая Кара, или Верх-Кондинская волость, по верхнему бассейну реки Конды	
11. Тобаринская по среднему течению Тавды. Эта последняя волость была населена татарами и востурами, которые вместо яксы обрабатывали государственную гашню: в 1594 году их было 60 человек, в 1598 только	55 50**.

Всего ясачных людей и пашенных инородцев в Пельмском уезде в начале XVII века по вышеприведенным данным было до 800 человек.

За Пельмским уездом к северу лежал Березовский уезд, простиравшийся по нижнему течению Оби и ее притокам: Полулу, Кулюату, Казмы, Б. Сосе и ее притокам: Сыне, Войкарю, Соби и Шучтый. На севере он простирался до самого Ледовитого моря, на востоке граничил Тазовской губой, рекой Пур, верховьем реки Лямин, а на юге — Тобольским уездом, к ведомству которого отходила часть Нижней Оби. Березовский уезд населен был остяками и самоедами.

В начале XVII века у остатков были следующие волости***:

	Число всехч. людей
1. Волость Подгородная занимала пространство по нижнему течению Сосвы, по реке Вогулке, а также ближайшим к городу Березову места по реке Оби	60

* Архив Министерства иностранных дел. Портф. Мицлера, кар. № 478, с. 68; сб. Г. гр. и др., ч. II, № 185; «Опис. Сиб. нар.», стр. 196.

** Р. И. Б., т. I, №№ 58 и 64.

*** Архив Министерства иностранных дел. Сибир. прик., кн. № 57 и 294.

2. Сосинская по реке Сосне	325
3. Липинская выше Сосинской	147
Эти три волости Березовского уезда составляли древнюю «югорскую землю»; обские остатки еще в начале XVII века называли оным этим именем.	
4. Обдорская при устьях Обы и по реке Голью	164
5. Кунгурская, выше Обдорской по Обе	109
6. Казымская, выше Кунгурской по Обе и по реке Казыму	120
7. Кодская земля по Обе, выше волости Казымской	150
8. Белогорская волость находившая на Обе выше Кодской земли, между рекой Ендира и устрем Иртыша	72

Мы определили количество ясачных людей в волостях Березовского уезда по ясачной книге 1633 года, но мы не ошибемся, если общее число ясачных людей в этом уезде в начале XVII века определим приблизительно в 900 человек².

Кроме того, к Березовскому уезду принадлежали самоды. Этот бродячий народ более или менее постоянно обитал по тундрам между Обской губой и Карским морем и по берегам Тазовской и Обской губ. Но летом их чумы появлялись на реках Сыме, Войтаре, Соби, Надыме и других; наловив рыбы, самоды снова удалялись в тундры. Мы не имеем никаких сведений ни относительно количества собираемого с них ясака в начале XVII века, ни относительно количества этих инородцев Березовского уезда. Кажется, что самоды в это время не были еще обложены определенным ясаком и приносили последнего столико, сколько им заблагорассудится. Самы сборщики березовские не проникали в их тундры, а собирали ясак с самодов или в Обдорском городке, или в другом каком-нибудь месте. Обыкновенно березовские воеводы посыпали казымских остатков собирая самодов в известное место «и как-де оную самоды, — жаловались царю Василию эти остатки, — соберут и в ту пору присыпают воеводы с Березова казаков по самодейский

² По ясачной книге 1633 г. всего ясачных людей в Березовском уезде было 900 человек, но в начале XVII в. ясака не платили многие из них. Это можно объяснить тем, что в следующих записях в Царской книге в 1608 г. было 60 человек, а по ясачной книге 1633 г. — 52 человека; в Казымской книжке около 1610 г. было ясачных людей 130 человек, а в 1633 г. — 121; в Колпинской вол. в 1584 г. было 8 человек, а в 1645 г. — 6 человек.

ясяк по годовому сбору, а собирать-де оную самоядь ходят по месяцу и по шести недель и им в том нужа великая...»*. При таком способе сбора ясяка с самоедов и сами сборщики не могли узнать действительного количества последних.

Тобольский уезд в начале XVII века занимал значительную часть Иртыша, начиная от устьев последнего вверх по течению до впадения в него реки Ишим, часть Оби и нижние течения рек Тобола и Тавды, а в конце царствования Михаила Федоровича к нему были присоединены от Пелымского уезда Большая и Малая Конды. Население этого уезда состояло главным образом из татар и отчсти из осталок, живших по Оби. О количестве этого населения в начале XVII века мы не имеем сведений. Но по ясачной книге, относящейся к концу царствования Михаила Федоровича (к 1640 г.), ясачных людей в Тобольском уезде было 732 человека**.

В этом документе упоминаются следующие волости:

	Число ясачн. людей
1 Яскобы	86
2 Ваниера	13
3 Аремзянъ	23
4 Схабичы	30
5 Турязская и Културская	55
6 Натцая	51
7 Назымъ	60
8 Городок Демьян	40
9 Цинчи	5
10 Терка	36
11 Демьянская-Миткина	6
12 Демьянская-Григорьева	12
13 Конда Большая	54
14 Конда Малая	45
15 Лобугта	3
16 Городок Кошуков	82
17 Кальма	9
18 Индеря	13
19 Уялта	24
20 Лаймы	7

* «Рус. исц. биб.», т. II, стр. 291.

** Арихив Министерства юстиции. Сиб. прик., кн. № 9.

21.	Супры	6
22.	Бабасанская	22
23.	Нердинская	10
24.	Кречатникова	13
25.	Кекиенцы	7
26.	Калкиан	7
27.	Аильты	8

Тарский уезд простирался к югу от Тобольского по реке Иртышу и его притокам. Еще в самый год основания города Тары, т.е. в 1594 году, от Тобольска к нему отписаны следующие татарские волости¹:

Число ясач. людей		
1.	Куаддак	350
2.	Соргачь	80
3.	Отуз	15
4.	Тава	10
5.	Уруз	6
6.	Токуз	3
7.	Супра	
8.	Аял	500

В начале царствования Михаила Федоровича некоторые из этих волостей, как Уруз, Токуз, Супра, совсем не упоминаются в документах. Зато встречаются несколько других татарских волостей в Тарском уезде, иконы покоренных еще в XVI столетии и присоединенных к тарскому ведомству. Так что к 1615 году этот уезд распространялся на юг до самого верховья Иртыша, на восток — в глубь Барбинской степи, а на запад — до кочевьев ногайцев; из отписки тарского воеводы в 1620 году видно, что некоторые из этих волостей отстояли на 200 и 300 верст от города Тары. По «новому дозору», произведенному в 1620 году**, Тарский уезд состоял из четырнадцати татарских волостей; из них восемь лежали от города Тары вниз по Иртышу и назывались «нижними» и шесть — вверх по этой реке и ее притокам, в потому назывались «верхними».

¹ «Опис. Сиб. царства» Миллера, стр. 194. См. Наказ Андрею В. Елецкому.

^{**} Из этого документа видно, что в 1615 году в Тарском уезде было то же самое количество волостей и в них ясачных людей, как и в 1620 г.

Нижние		Число ясач. людей
1.	Отуз	10
2.	Тауская	7
3.	Такотуз	33
4.	Каурадацкая	178
5.	Тебенды	71
6.	Ияртыш	4
7.	Саргацикая	4
8.	Глын-ская	168
Верхние		
9.	Тунус	22
10.	Тураш	22
11.	Любер	16
12.	Порубежная Барабинская	76
13.	Чам	14
14.	Терен	16

Всего ясачных людей в Тарском уезде в начале царствования Михаила Федоровича было 642 человека и 4 человека захребетных татар*.

В этой главе мы старались представить краткий очерк расселения инородческого мира и сообщить некоторые статистические сведения о количестве инородцев в семи уездах явно покоренного края; более подробных и точных данных относительного этого предмета мы не могли дать единственно вследствие скучности добывшего нами материала. Для нашей цели, впрочем, вполне достаточно сказанного. Мы теперь знаем, где могло русское население встретиться с инородцами и как было велико количество последних в пределах уездов тобольского разряда при начале русской колонизации оных.

Несомненные исторические данные ясно говорят нам, что хотя русские начали основывать свои поселения за Уральским хребтом не в совершенно безлюдной стране, уже давно обитаемой племенами разного происхождения, тем не менее количество туземного населения было слишком ничтожно сравнительно с обширностью занимаемой ими территории — это одинаково верно как в отношении всего пространства, так и каждого уезда в отдельности. В начале

* Арии Министерства юстиции. Сиб. прик., кн. № 11, л. 183.

XVII века ясачных людей (вместе с служилыми инородцами, которых было около 250 человек) в семи уездах не превышало и 4000 человек. Правда, в это число не входит женщины, дети, старики и увечные, но во всяком случае количество последних должно было быть пропорционально выше приведенной цифре ясачных и служилых людей. Немногим увеличится количество инородцев, если присоединим к захребетным людям: сибирские воеводы, как видим впоследствии в особой главе об инородческом поселении, зорко следили за ясачными людьми и производили почти ежегодные ревизии последним; от них ясачному человеку довольно трудно было укрыться за хребтом своего собрата с целью избавиться от платежа ясака в государеву казну. В большинстве случаев такие захребетные инородцы были известны русским воеводам, и они в своих отписках о сборе ясака иногда указывают на количество оных, и это количество совсем ничтожно; например, в Тарском уезде, как мы упомянули выше, из 642 человека ясачных людей захребетников было только 4 человека, а в других уездах встречается таковых 5, 10 или несколько более человек. Теперь, если мы сравним приведенную цифру ясачных людей в начале XVII века с количеством «черных людей» в сибирской земле при Едигере, то увидим громаднейшую разницу: послы этого цара, прибывшие в Москву в 1558 году, говорили, «что у Едигера 30 700 человек черных людей», т.е. таких, которые платили ясак. Эта разница свидетельствует о том, что во время завоевания русскими Сибирского царства погибла масса инородцев.

Глава II

Верхотурье и Верхотурский уезд (1598—1645). Поводом к основанию Верхотуры послужило открытие новой дороги из Руси в Сибирь. До того времени в этот край через Уральский хребет вели три дороги: самая северная выходила на реку Собь, вторая — в югорскую землю на реку Сыгву, впадающую в Сосьву; эти две пути вели в Березовский уезд и служили главным образом для купцов и промышленников; служилые же люди хотя и пользовались иногда вторым путем, но только при своем возвращении из Сибири. Николец, третий путь выходил на реку Лозаву. Московское правительство для всяких сношений с сибирским краем исключительно пользовалось этой последней дорогой. На реке Лозве при владении в нее речки Инили в 1589 году построен был город Лозва, от него-то и начинался Лозгинский путь, ведший в Тавду, а из этой реке в Тобол и по Тоболу в Иргиз к городу Тобольску. Этот путь простиравшийся на две тысячи тогдаших верст, был слишком длинен, поэтому Федор Иванович приказал соликамскому посадскому человеку Артемию Софонову Бабинову проведывать ближайшую дорогу в Сибирь от города Соликамска. Поиски последнего, вероятно, руководимые ивородами¹, увенчались успехом в 1597 году. После своих изысканий он указал сухой путь от Соликамска на реку Турь. Как видно из атласа Ремизова, Бабиновская дорога шла от Соликамска через верховья Ийы и некоторых других речек на реку Косу, именно к устью ее притока Тулунка, затем по северному берегу Косы, по притоку ее Кыре, через павловский камень на реку Наву, впадающую в реку Лялю, и по левому берегу этой последней, не доходя до устья речки Раисохиной. Бабиновская дорога пересекала Лялю и тянулась к речке Мостовой, относящейся уже к системе реки

Туры, а от Мостовой поворачивала к устьям речки Калачика. Протяжение этой дороги, по определению самого Бабинова и составителя «Чертежа Сибирской земли в 1672 году», равнялось 250 тогдашним верстам*. Правительство одобрило этот путь, так как он значительно сокращал расстояние между Соликамском и Тобольском сравнительно с прежней дорогой: ямщик с легкой ладью зимой и летом проезжал его в 22 дня, между тем как по Лозинской дороге для проезда из Соликамска через Лозу и Пелым до Тобольска требовалось не менее 30 дней**. Тому же Бабинову правительство немедленно поручило расчистить новую дорогу и построить мосты. «А мостов мостили, — доносили пермские целовальники, — от Соликамской через речки, буртики и грязные места до Верхогуры — поперецых сены по 50 саж., а длинных по 130 саж.».

Построение новой дороги совершиено довольно скоро. Но уже в 1599 году служильные люди жаловались, «что та новая дорога чищена узко и худо, и мосты весеннею водою посносило, и выбои образовались великие, и если весною не будет произведен ремонт, то по той дороге сибирских хлебных запасов и сибирской государевы казны пропасти невозможно, и им, служильым людям, ездить будет тягость великая». После этой жалобы правительство приказало Бабинову, чтобы эту новую дорогу чистили «старого лучше и шире и мосты мостили бы хорошие***».

Открытие новой дороги сделало непружинный город Лозу, и вместе с тем явилась необходимость основания города на Туре — на конечном пункте Бабинской дороги. Уже в 1597 году Федор Иванович приказал найти удобное место на Туре и заложить там город. Осмотришки долесли, что на Туре (между реками Калачиком и Дерпейской) есть старое чудское городище Неромкура, на месте которого и следует построить новый город. В одной пермской отписке от 3 октября 1597 года это место описано так: «На северном берегу Туры находится кругой камень-гора, называемыйся над поверхностью воды на

* Тогдашняя верста = 1000 саж. См. «Книгу Соликамо письма 1629 г.», налеч. во «Временнике», в 17 ик.

** Сведения об этом предмете мы зачеркнули из разных членитых ямщиков, относившихся к началу царствования Михаила Федоровича и хранившихся в Сибирском приказе.

*** А. И. т. II, № 26.

12 саженей и больше, а длина оного по реке простирается до 60 сажен, так что со стороны Туры нет надобности ставить стены, то место и без городовой стены всякого города крепче, разве б по тому месту велеть хоромы поставить в ряд, да избы поделать, а дворы поставить постенно, а по углам города от Туры поставить наугольные башни». Соответственно этому указанию Федор Иванович в том же 1597 году велел ехать в Сибирь Василию Петровитцу Головину да Ивану Васильевичу Воейкову для постройки нового города. При этом предписывалось им заехать в Пермь и « взять у Сарича Шестакова 300 рублей, а на эти деньги нанять посошных людей лещих, конных и плотников со всяким пособищем счастью по договору, почем найдутся и поруки по них взять крепкие с записами, чтоб им город и осторг делать, и не долелят от городового и острожного дела не сбежать ». Но строить город « охочими людьми по договору » оказалось слишком дорого. Головин и Воейков донесли, что по смете постройки города нужно нанять 550 человек посошных, конных и плотников на три месяца, и постройка обойдется в 3120 рублей. «Лещих люди, — писали они, — договорились до полутора рубля на месяц человеку, и просят денег вдруг на три месяца, а на полтора и на два месяца не възьмут: они говорят, что место дальнее и пустое, без запасу исти немозможно. Конные договорились на месяц по два рубля, по 26 алтын, по 2 деньги (2 р. 80 к.), а плотники просят по два рубля на месяц, и деньги просят на три ж. месяца ». Получив такое донесение, правительство разочаровало, что лучше строить новый город «по указу», чем «по договору», и поэтому приказали вышепомянутым лицам немедленно «оправить» на всей пермской земле посошных, конных людей и плотников, назначив этим рабочим самую минимальную плату. В то же время указано Ловзинскому городу «не бывать», а воевода этого города Иван Траханин получил предписание отправиться весной вместе с ловзинскими служилыми людьми и государевой казней на Верхотурье, а городской и острожный лес Ловзы сплавлять в Пельмы⁴, если последний нуждается в готовом строительном материале для разных построек*. Таковы обстоятельства, сопровождавшие основание Верхотуры.

* Древнейшие документы, относящиеся к учреждению города Ловзы и постройки Верхотуры. См. Арихив Министерства иностранных дел. Портф. Миллера, № 478; «Р. и. бб.», т. II, № 65; «Временник», кн. № 17; «Опис. Сиб. ц.» Миллера, стр. 263 и др.

Первыми строителями этого города были Головин и Веейков. Хотя правительство грамотой от 15 декабря 1597 года и побуждало их спешить из Перми на Туру и город поставить «к зиме», но они были задержаны в Перми и могли прибыть в Сибирь и приступить к заложению Верхнотурье не ранее весны 1598 года. Первоначально был построен острог, т. е. его стены и башни, а в нем храм Живоначальной Троицы с приделом, воеводской двор, двор других служилых людей, съезжая изба, двор попа и несколько других дворов. Эти строения занимали самое ничтожное пространство по вышеупомянутому камню; даже после расширения острога в 1600 году вдвоe против прежнего, онъ имел в окружности только 630 сажен*. Из одной воеводской отписки 1603 года видно, что «места под дворы давали не великие — детям боярским вдоль и поперек по 8 сажен, а стрельцам — по 5 сажен**». Головин и Веейков были первыми начальными лицами в новом городе: первый — воеводой, а второй — головой. Осенью 1599 года их сменили воевода Иван Михайлович Виземский и голова Гаврило Самойлович Салманов. Последний по указу царя в 1600 году построил гостиный двор с 4 избами и 20 амбарами да на татарском дворе — избу и амбар на приезд татарам, оставлям и vogутам. Скоро в Верхнотурье появились и кабаки; по крайней мере в одном подданным документе говорится, что онъ построен еще «до московского разорения», стало быть, при царе Борисе***. Вследствие этих построек на небольшом пространстве в остроге Верхнотурском образовалась необыкновенная теснота, так что в начале 1603 года воевода Неудача-Плещеев писал царю Борису, «что в остроге теснота великая», а между тем посадские люди и пашенные крестьяне, поставившие свои дворы за острогом, опасаясь нападений инородцев, постоянно были членом о том, «чтобы их жилицкой слободе быть в остроге».

Вместе с тем воевода просил разрешения «поотнести стрельцам двемя дворы третий и учинить новая улица и на ней поставить дворы посадских людей и крестьян»****.

* Р. и. б.б., т. II, № 132.

** А. М. И. Д. Портф. Миллера, кар. № 477, св. II, № 5.

*** А. И. т. II, № 122.

**** А. М. И. Д. Портф. Миллера, № 477, св. 5.

Но это разрешение последовало только от Федора Борисовича и его царицы-матери, а острог впервые был расширен и в нем была устроена жилецкая слобода не ранее 1606 года*. В 1607 году верхотурский воевода жаловался царю Насилю, что в соборной церкви Икононачальной Троицы служба бывает только летом, а зимой совершается в съезжей избе, и просил о разрешении построить теплый храм. Разрешение было дано, но теплый храм, как видно из других документов, поставлен не отдельно, а в виде пристройки к Соборной церкви. Затем в самом начале царствования Михаила Федоровича основана еще новая церковь во имя Воскресения Христова**.

Следует также упомянуть, что вскоре после построения Верхотурского острога около него между речками Калачиком и Сиянкой положено основание мужскому монастырю. Еще в 1602 году черный погост Ионы-пошеконец был членом царя Бориса, что он дал обет устроить монастырь в Верхотурье во имя Николая Чудотворца, но воеводы не дают лесу для постройки храма и келий. Царь пожаловал и велел верхотурским воеводам дать Ионе для монастыря строительный материал***. Из последующих члобитных того же Ионы видно, что хотя верхотурские воеводы и дали ему лес для постройки храма и келий, но только не даром, а взаймы, и требовали возврата долга. Из этого земного леса Иона построил стены для храма св. Николая и несколько келий. В начале 1604 года строитель снова обращается к царю с члобитной, в которой, во-первых, просит «не править с него заемного лесу, а во-вторых, дать ему еще строительного материала для окончания монастырских построек****». В том же году Иона отправился в Москву и выпросил у царя «деревенное строение» в новостроенный храм, себе жалованье по 6 р. в год и лыжчуко по 3 р., а вместо хлебной ржи получил пашни и покосы*****. Впоследствии, именно в 1621 году, первый архиепископ Сибирский Киприан сообщил патриарху Филарету, что Николаевский Верхотурский монастырь построен Ионой «мирскою дачей»*****; но вышепри-

* Ежемес. соч. № 1764 г., авв., стр. 15.

** А. М. Ильин. Портр. Миллера, № 184.

*** А. И. т. I, № 184.

**** А. И. т. I, № 48.

***** А. М. И. Д. Портр. Миллера, № 184.

***** Ibid, № 477, св. 1.

веденные сведения противоречат этому сообщению: правительство принимало самое живое участие как в основании других сибирских монастырей, так и Верхнотурского.

Теперь скажем о населении Верхнотура и о дальнейшем развитии этого города до 1645 года. Первыми обитателями Верхнотура, кроме его строителей, были жители города Лозы: два человека боярских детей, 46 человек стрельцов и казаков, два подьячих, vogульский толмач, мельник, кирничник, баник и несколько сторожей. В этом же году из Перми Великой прислан в новый город поп Леонтий и, вероятно, с дьячком для служения в Троицкой церкви, а из Тобольска туда же переведен атаман касицкий Пиний Степанов. Весь этот контингент населения получал в разных размерах из казны денежное и хлебное жалование: всего по 1599 год служилимы людям, ружникам и оброчникам приходилось по окладу 247 р. 75 к. денег, 300 ч. мухи, 28^{1/2} толокна да 100 пудов соли. Но священник верхнотурский в первое время получал жалование не из государственной казны, а из пермской земли — по 15 р. в год, и только в 1601 году пожалован денежной и хлебной руслой — по 6 р., 7 ч. ржи, по чети крупу и толокна*. Между обитателями Верхнотура уже во второй год существования этого города встречаются торговые люди и крестьяне. Так, в 1599 году переселены из Вятки два торговых человека — Терентьев и Лашкин, в следующем году — 50 ямщиков и 80 плотников, набранных в разных поморских городах. Кроме того, у служилых, торговых людей и пашенных крестьян встречаются наймиты из волынских людей, которым также нужно отнести к первоначальным жителям города Верхнотура. Благодаря относительной близости этого сибирского города и расположению его на большой дороге, в нем появляется такое множество «охочих, гулящих людей», что уже в 1604 году велено верхнотурскому воеводе набрать из них 50 человек на службу в Сургут, а в следующем году такое же количество в Томск**. И впоследствии привлек «охочих людей» в город Верхнотурье было довольно значительный; правительство и частные лица пользуются этим элементом как для разных работ, так и для заселения разных мест Сибири. По долгуору Михаила Тюхина в 1624 году Верхнотурье представляет-

* А. И., т. II, №№ 3 и 37; «Опис. Сиб. Ц.», стр. 367; см. гр. ц. Бориса от 20 февр. 1599 г.

** А. И., т. II, №№ 40, 46, 51 и 52.

ся уже довольно застроенным и заселенным городом*. В нем находились два храма с приделами, государев гостинный двор с четырьмя горницами для присеада торговых людей и 60 амбаров для склада их товаров, два государевы житницы, съезжая изба, 13 лавок, принадлежащих разным частным лицам, и 112 дворов, из них два воеводских, 7 священно- и первоконсулжителей, 1 сына боярского, 3 подьячих, 1 сотника стрелецкого, 39 стрелецких дворов, 26 дворов посадских людей, 25 дворов паненных крестьян и несколько дворов, принадлежащих профорпине, палачу, сторожу и т. п. Относительно количества обычайтелей в вышеупомянутых дворах можно только сказать, что было не менее 110 семейств, не считая при этом холостых служилых людей и разных наймитов, живущих по чужим домам. А по «списку с окладной книги 1626 г.» в городе Верхотурье было людей, получающих денежное и хлебное жалование, 162 человека, из них служилых людей, стрельцов, казаков и пушкарей — 66, детей боярских — 7, подьячих — 7 и пр.**.

Около города, кроме Ямской слободы, о которой скажем ниже, находились два монастыря: мужской Николаевский и девичий Покровский, основанный в 1621 году Сибирским архиепископом Киприаном. В первом в 1624 году было 4 кельи — игумена, строителя, черного попа и старца да двор для монастырских рабочих людей; в девичьем монастыре было в то же время только три кельи: одна игумения и две кельи, в которых жили десять старин***.

Далее, просматривая материал, касающийся Верхотурья, мы не заметили никаких выдающихся явлений в жизни этого города до самого конца намеченного периода, таких явлений, на которые следовало бы указать. Могем только упомянуть, что количество верхотурцев, получающих хлебное жалование, постепенно уменьшается: в 1626 году таковых было 162 человека, 1633 г. — 100, а в следующем году 94 человека****. Такое уменьшение указывает на развитие хлебопашства в Верхотурском уезде, многие служильные люди отказываются от хлебного жалованья, а вза-

* А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 5, ст. 181. «Список с верхот. дозорных книг поездов и уездов...» 1624.

** А. М. Ю. Сиб. пр., кн. №№ 10 и 160. «Список с окладных книг...»

1626 г.

*** А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 5, л. 190.

**** А. М. Ю. Сиб. пр., кн. №№ 35 и 41.

мен получают земельный надел и занимаются земледелием. Боярские дети — 7 человек в 1636 году все стали служить «с царем».

Чтобы иметь представление о числе и роде населения города Верхотуры в год смерти Михаила Федоровича, сообщим здесь сведения из рукописи, озаглавленной «Книга, кто именем верхотурских и приезжих люди приведены к присяге царю Алексею» с 15 октября 1645 г. по 3 июня 1646 г.*; при этом мы исключаем приезжих людей*.

Летой боярских	9 человек
Архангелогородский боярский сын	1
Порядых съезжей избы	8
Таможенных и заставных голов	5
Целевальников	3
Житинных дьяков	2
Церквенных и площацких дьяков и дьячков	11
Таможенных подьячих	3
Гостиного двора дворник	1
Мельников	7
Сторожей	17
Панч, кузнеч, воротник и котельник	4
Богулуских толчавей	2
Соныльный князь Матвей Великопермский	1
Служилых людей	100
Жильцов	3
Купцов	2
Посадских людей	43
Крестьян	10
Гулящих поддай	617

По этому документу количество населения в городе Верхотурье в указанное время простиралось до 849 человек, кроме женщин, детей, братии и других свойственников, живших несамостоятельно, и кроме священников и их семей. Мы, однако, не ручаемся, чтобы все гулящие люди — 617 человек — проживали в самом городе; утомленная присяжная книга не дает нам на этот счет точных указа-

* Ibid., kn. № 194.

ний, хотя и несомненно, что количество этого бездомного люда, проживавшего в Верхотурье, как мы уже упоминали, всегда было довольно значительно. Этот люд, как видим впоследствии, составлял главный контингент для набора войск, пашенныхых и оброчных крестьян.

Одновременно с основанием города Верхотурья начал заселяться русским элементом и Верхотурский уезд. В этом заселении участвовали разные факторы: правительство, верхотурские монастыри, священно- и церковнослужители, служилые люди, посадские, крестьянки и ямские охотники. Помимо дальнейшей цели оббурения края, правительство старалось заселять Сибирь, будучи побуждаемо к тому прежде всего экономическими расчетами: подвоз хлеба из Европейской Руси в сибирские города долго обходился правительству, был слишком тяжелой повинностью, хотя и оплачиваемой для областей, на которые возложена обязанность доставлять ежегодно в Сибирь известное количество разного хлеба, и, наконец, этот способ прокормления сибирских городов не всегда был верен. Та же экономическая нужда заставляла и монастыри, и частных лиц, поселившихся в сибирских городах, заводить папши, устраивать на них хутора, из которых впоследствии развивались деревни и села. Служилые люди, ружники и оброчники сибирских городов хотели и получали от казны хлебного жалованья, но последнее давалось в таком количестве, что одним жалованием невозможно было прокормиться человеку, даже получающему высший хлебный оклад, а тем более стрельцам, казакам и пушкарям*. Верхотурские боярские дети, стрелки, десантники, служилые люди, ружники[†] и оброчники были членами государства, что хлебного жалованья в 1602 году «не стало до срока» и они принуждены были занимать хлеб из государственных житниц**. Но не всегда и парские житницы аккуратно пополнялись хлебом; например, в 1608 году не было довезено в Верхотурье разного хлеба 629 четвертей; пока об этом предмете шла переписка, верхотурцам приходилось жить впроголодь. Случалось даже хуже, и не

* Боярские дети получали хлебного жалованья в год по 10 ч. рожи, или около 50 пудов; стрельцы, казаки и пушкари — по 5 ч., или около 25 пудов.

** А. И., т. II, № 41.

один раз. В 1609 году тобольский воевода писал в Пермь, что «служилые всякие люди бывут челом о денежном и хлебном жалованье беспрестанно, а дать им нечего: денег и хлеба на 1609 год с Руси не прислано, а в казне денег и в житницах хлебных запасов нет. От служилых людей всех городов докуча великая, а говорят, приходи к нам, толькоде им хлебного жалованья не будет, и им всем от голода с женами и детьми брести на Русь, а сибирские города и острова покинуть, чтобы им с голода не помереть...»

Нечего уже и говорить, сколько сибирские города страдали от недостатка хлеба во время междуцарствия! Из грамоты князя Пожарского, писанной из Ярославля к верхноторским воеводам, видно, что в 1610 и 1611 годах в сибирские города с Вятки, с Вымой, с Устюга Великого и Солынчегодска денег и хлеба ничего не прислано. Вследствие этого по указу всей земли верхноторскому воеводе велено, если на 1612 год не будет прислано хлеба, то всяких тех городов торговых людей, которые приедут в Верхноторье, схватывать «и доправить на них хлебные запасы и деньги». Если ружинцы часто голодали, то тем более должны были чувствовать недостаток хлеба те, которые не получали из казны хлебного жалованья. Нужно заметить, что до 1609 года торговые люди под опасением конфискации товара не смели торговаться хлебом в Сибири, и, значит, тамошним жителям приходилось или отправляться за покупкой хлеба за Уральский хребет, или обращаться к парским житницам, но тот и другой способ приобретения хлеба был сопряжен с большими затруднениями. Только царь Василий Иванович по жалобе служилых людей в упомянутом году разрешил в сибирских городах свободную торговлю хлебом**. Все эти вышеуказанные обстоятельства заставили и правительство, и частных лиц заниматься хлебопиществом, заселять удобные места земледельческим людом, и мы видим, что уже в первой четверти XVII века по всему Верхноторскому уезду возникают русские поселения.

Одновременно с основанием Верхноторья правительство поселило около Верхноторского острога несколько крестьянских и посадских дворов, которые составляли так называемые

* А. И., т. II, №№ 94 и 337; А.А.Э., т. II, № 101.

** А. Э., т. II, № 141.

мую «Жилецкую слободу». Разные обязанности несли жители этой слободы: крестьяне должны были обрабатывать государеву пашню, находившуюся под городом, и делать, по тогдашнему выражению, «разные заделия»: приготавливать солод, муку, крупу, толокно, возить дрова, делать веники для бани, драть лыко, собирать сено, отправлять обязанности житнических целовальников, рубить амбары, суда и т.п. Хотя некоторые из «изделий» и были оплачиваемы царской казной, но тем не менее они входили в круг натуральных повинностей, от которых крестьяне не могли отказаться. Посадские люди закупали хлеб в царские житницы, оценивали ясачную казну вместе с торговыми людьми, служили в таможенныи и заставных головах и т.д. Наконец, с 1624 года они обложены еще были оброком в разных размерах — по рублю, по 50 копеек «смотря по животом и семьянитости»*. Но как посадские, так и крестьяне верхноторские занимались торговлей и обрабатывали «собинную» пашню, которой они наделялись за отправление вышеизначенных повинностей. Мы выше упомянули, что в 1605 году Жилецкая слобода внесена в острог, и, таким образом, пашенные крестьяне сделались городскими жителями и были «присудны», как и посадские, к городу. Но в то же время они составляли особую Подгородную волость и в актах называются «подгородными пашенными крестьянами». Это название вело в заблуждение Словцова и дало повод думать, что не позже 1623 года под Верхотурьем основана особая Подгородная слобода. Упомянут об основании этой слободы, почтенный историк Сибири замечает: «Руководитель Миллер относит основание этой слободы к половине XVII века, но, как Сулецкий упоминает о ней в своем распорядке, надлежало ей существовать прежде**. Действительно, Миллер в своей «Сибирской истории» говорит, «что при Верхотурье около сего времени (1648 г.) построено предметье, кое составляют дворы, стоящие на южной стороне реки Туры, против города, и называется Заречной слободою. К заведению сего предметья, — продолжает он, — подала повод церковь, которую городские жители на противолежащем берегу реки во имя Одигитрия Пресвятой Богородицы

* А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 5, л. 185.

** «Истор. обзор. Сибири», изд. 2-е, стр. 22.

построили*. Из этой выписки видно, что Миллер говорит об основании какого-то предместья в половине XVII века, которое в его время называлось Заречной слободой, но не о Подгородной слободе. Подобной слободы не было, как и не основывалось в половине XVII века никакого предместья под Верхотурьем. Но, как далее мы увидим, на южном берегу Туры против Верхотурия еще в начале XVII века и служилые люди, и посадские, и пашенные верхотурские крестьяне вследствие тесноты в городе и ради пашни ставили дворы, количество которых в половине XVII века столпилося, что городские жители просили о постройке там церкви, т. е. существование там дворов, принадлежащих разным жителям Верхотурия, подавало повод к основанию церкви, а не наоборот, как предполагает Миллер.

Итак, мы будем говорить о развитии Подгородной волости, а не Подгородной слободы. Зерном, из которого развилась Верхотурская Подгородная волость, были те самые крестьяне, которые поселились в Верхотурье. Обрабатывая государеву пашню, они в то же время заводили и свои собственные. Но как ближайшие к городу земли частью отошли под государеву пашню, частью были заняты ямщиками, посадскими и служилыми людьми, то большинству крестьян приходилось искать удобные места для хлебопашества вдали от города, заводить там так называемые «отмежевые пашни». При этом они мало стеснялись расстоянием и захватывали земли под пашню за 50, за 100 и более верст от Верхотурия. То же, впрочем, и вследствие того же обстоятельства привнуждены были делать и другого рода верхотурские жители — посадские и служильные люди: не всех же могла удовлетворить подгородная земля! Тем более что количество удобной для хлебопашества земли под самым Верхотурьем было довольно ограничено: к северу от города почва была каменистая, а к югу покрыта дремучими лесами, и только к западу и востоку возможно было с успехом заниматься хлебопашеством. Поэтому уже в 1612 году верхотурские ямщики, пашенные и торговые люди были членом русским воеводам Трубецкому и Пожарскому, чтобы их пожаловали урочищем пашенными землями по рекам Тагилу и Мултаю, потому что «под городом-де им пахать негде». «И мы, — писали упомя-

* Ежемес. соч., 1764, стр. 506.

кнутые воеводы к воеводе верхотурскому, — по совету всей земли велели им те земли дать на пашню и в половники присущать». Это урочище, как объясвили сами члены бичевки, находилось от Верхотурия верст за 50, но в 1599 году торговые жилеческие люди просили о пожаловании им земли по сю сторону Уральского хребта, именно по реке Косе и впадающим в нее притокам, чтобы там ставить дворы, амбары и пользоваться разными угольями. Правительство охотно удовлетворяло подобные членобития, и верхотурские жители в короткое время заняли громадное пространство земли в своем уезде. Оно уловлено требовалось при этих пожалованиях — чтобы земли просимые до того времени никому не принаследжали, были землями вольными^{*}.

На запятых пашнях верхотурии ставили дворы, в которых поселяли своих свойственников или гулачных людей в качестве половников[†], и только немногие жили там сами; например, по первой дозорной книге из верхотурских жителей только десять человек поседских людей жили по сношим деревням, а остальные имели дворы в самом городе. Название «деревня» не должно нас вводить в заблуждение относительно количества населения в них — это скорее хутора, состоящие из одного, двух, трех дворов и принадлежащие большей частью одному семейству. Но эти хутора были зерном, из которого развивались целые села. Семейство исследований естественного размножения увеличивалось, некоторые члены выделялись, строили отдельные дворы, и хутора таким образом разрастались. На такое происхождение сибирских сел указывает и то, что жители этих сел иногда носят одну фамилию. Кроме того, правительство постоянно наказывало верхотурским воеводам пребирать крестьян на государеву пашню «из охочих людей», давая им льготу и подлогу. Новоприбравшиеся или селившиеся в деревнях прежних верхотурских пашенных крестьян, или основывали свои деревни. Но как старые, так и новые крестьяне обязаны были обрабатывать за право пользования землей государеву пашню; при этом те крестьяне, которые обрабатывали пашню, находящуюся под городом, и составляли Подгородную волость, а сами крестьяне назывались «подгородными», хотя бы они жили за сто верст от города.

* А. И. т. II, №№ 28 и 341.

К концу первой четверти XVII века эта волость состояла из следующих крестьянских деревень:

Деревни при реке Тире	Число дворов
Ивашки Савельева Бутакова	1
Демидки Евгоплина	1
Семёники Мартемьяниса	1
Оксеники бабинова	1
Бориски Петухова	3
Ивашки Бутакова	
Пимники Федотова	1
Мишкини Вагина	1
Захарки Смыльнина	
Худаки Пурегова	1
Терешки Желобова	1
Шестаки Удичцова	2
Семёники Удичцова	2
Фомы Петухова	1
Ерзека (при реке Ерзовке)	6
Д. Кунашева	1
Матвея Смыльнина	5
Рычки Иванова	1
Федики Шапсева	2
Митки Худорощкова	2
Митки Трубчина	3
Оксеники Загонинова	2
Сергеи Загонинова	2
Бр. Литовских (озеро Литовское)	3
Бр. Литовских (ibid) ⁶	3
Офошки Таскина	2
Мартемьяниса	1
Еремки Загонинова	1
Меркушки Федотова	3
Василии Липтнева	2
Овери Шапсева	1
Ивашки Чёрмного	1

При реке Пис	
Ивашки Чеснокова	2
Василии Зыряна	1
Трошки Таскина	3
Левки Борзунова	1

При реке Салде

Сергушки Нифонтова	2
Лентовского Савки	1
Путищевых (5 братьев)	2
Семёники Кутакова	1
Василии Жернова	2
Балакиных	1
Василии Боровского	1
Ромахи Петрова	3

Всех деревень в 1624 году в Подгородной волости было 44, 2 починка и 6 пустошей, а в деревнях 80 дворов, в которых жило 102 человека, кроме женщин и детей. Кроме того, на левом берегу Салды, ниже деревни братьев Балакиних, находился погост, а при погосте храм во имя Прокопия Устюжского и три двора, принадлежавших церковному причту¹⁵.

Крестьяне вышеупомянутых деревень пахали на себя «добро земли» 750 ч. в поле, что составляло 30 выты, так как в это время в Верхноторском уезде в выть подглагалось 25 ч. в поле; за теми же крестьянами было: пашни в починках 145 ч., перелогу 1079 ч. и сенных покосов на 13425 копен. За пользование этой землей и угодьями подгородные крестьяне должны были обрабатывать государевой пашни, находящейся под городом, по две десятинам за каждую выты, итого 60 десятин, но ни пашни в починках, ни перелог, ни покосы не «верстались» в выты.

Здесь следует заметить, что каждый крестьянин пользовался землей как собственностью и соответственно величине своего участка обрабатывал известное количество государевой пашни: если его участок равнялся выты, то он должен обрабатывать на государя две десятинны, если четверть выты, то половину десятинны, и т.д. Но в то же время некоторые крестьяне имели общую пашню, которая называлась «артельной пашней», потому что она обрабатывалась сообща и сообща за нее крестьяне пахали на государя, а равным образом имели и общие деревни. Так что наряду с личным землевладением встречается и общинное, только в Подгородной волости последнего рода земель было очень мало¹⁶.

* Архив Министерства юстиции. Сиб. пр., кн. №№ 4 и 5.

Несколько вышеупомянутые деревни имели будущность, многие из них скоро после основания уничтожились вследствие того, что владельцы бросили там пашни, находя не выгодным обрабатывать оные, и заводили пашни в других, более плодородных местах. Но некоторые деревни развивались и встречаются в конце XVII века на атласе Ремезова, в половине XVIII века в списках деревень, составленных Миллером, и в настоящее время.

Далее мы не можем следить за возникновением деревень в Подгородной волости, для этого у нас нет материала. Но относительно увеличения количества людей в этой волости мы можем сообщить вполне точные сведения. Так, в 1632 году в Подгородной волости старых пашенных крестьян было 131 человек, у них детей, братий и племянников — 52 человека, пашни на государьи они пахали 85 десятин^{*}; в 1633 году в той же волости было 99 человек, детей, братий и племянников — 52 человека да поприборных 2 человека^{**}; в 1640 и 1641 годах в списках пашенных крестьян Подгородной волости показано одинаковое количество людей — 98, братий и племянников — 42 человека, поприборных 3 человека^{***}; наконец, в 1645 году подгородных крестьян было 109 человек, детей, братий и племянников — 41 человек; пашни на государьи пахали 73 десятины, да вновь прибило 4 человека^{****}. Из этой росписи, как и из других данных, просмотренных нами в архиве, видно, что количество пашенных крестьян в Подгородной волости в это время увеличивалось главным образом «нонприборными из охочих людей». Всюжды ежегодно прибирали и сажали на государеву пашню новых крестьян по одному человеку, по два, иногда и по десять человек; эти поприборные крестьяне ставили свои дворы или в деревнях старых крестьян, или же основывали собственные деревни. Если же иногда замечаем уменьшение пашенных крестьян в этой волости, то это было или исследование бесгосударств крестьян, или переход из пашенных в оброчные, или, наконец, количество пашенных крестьян уменьшалось от того, что само правительство выселяло часть их в другие места. Например, в 1632 году пашенных крестьян был

* А. М. Ю. Собр. пр., кн. № 35.

** А. М. Ю. Собр. пр., кн. № 41.

*** А. М. Ю. Собр. пр., столп. № 6122/88, л. № 519, кн. № 43.

**** Ibid., кн. № 204.

131 человек, а в следующем году — 99 человек. Всеводова в «росписи государевой подгородной панни» объясняет эту убыль тем, что один крестьянин сбежал, 10 вышли на оброк, а 21 человек с женами и детьми посланы в Томск*. В 1645 году количество оброчных крестьян в Подгородной волости было уже 14, а всех крестьян, исключая детей, собственников и женщин, — 127 человек. Таким образом, Подгородная волость со-стояла главным образом из деревень по реке Туре, но некоторые крестьяне той же волости имели деревни по Салде и Пие. Другие пашенные крестьяне — старые верхотурские и новоприбрежные — заняли земли по Тагилу и Невье с их притоками и основали там свои деревни. И так как они обрабатывали государеву панну, находившуюся при реках Тагиле и Невье, то назывались тагильскими и невьянскими.

По Тагилу и его притоку Мулгаю начали возникать поселения с 1612 года, и таким же образом, как в Подгородной волости. Прежде всего, конечно, основали там свои деревни пашенные крестьяне, которые жили в Верхотурье, а потом уже новоприбрежные крестьяне из охочих людей; при этом некоторые из последних основали деревни при Туре, Салде и Пие и все-таки причислялись к тагильским крестьянам.

По дозорной книге 1624 года** Тагильскую волость составляли следующие деревни пашенных крестьян:

Деревни при реке Тагиле	Колич. дворов
Фомина	1
Кандошки Калинина	1
Менищичка Молодого	1
Лошино	3
Балакина Ивашки	2
Бр. Пурговых	2
Болотова Лари	2
Дементьева	1
Дедохина	2
Борисова Панка	1
Черепанова	1
Синисимова	2
Чагурина	1
Гаврилкова	1

* А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 41.

** А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 5, л. 238.

Матвеи Берсеневы	2
Ильинки Берсенева	1
Лоонтьева	1
Ортентьев	1
Галея	4

При реке Пим

Зеллапина	2
Цыплакова	1
Федоринна	1
При реке Салде	
Жерновская Васьки	3

При реке Нырье

Бр. Горсткиных	5
----------------	---

При реке Мулгав

Ромсина	1
Богданка Топоркова	2
Федым Губа (речка Губина)	2
Константина	1
Белоусова (речка Белоусовка)	2
Гаврилки Берсенева	2
Покалуева	1
Фомикова	2
Новгородцова	1
Самойлова Рыжкова	4

При реке Турье

Синичникова	3
Корчемнина	2

Всего деревень тагильских пашенных крестьян было 36, дворов в них 65, за ними пашни добродой земли — 625 ч. в поле, или 25 вытей, перелогу 800 ч., сена 8780 колен, а государевой лапши они обрабатывали 50 десятин, по 2 десятинам на вытей.

В центре Тагильской волости, на правом берегу Тагила, при речке Булихе, находился монастырь с храмом во имя Пребоявления Господня и приделом в честь святого Михаила. Трудно сказать, когда здесь возник монастырь, в еще труднее опре-

делить время его закрытия. Можно только полагать, что этот монастырь основан не ранее 1612 года, так как русские поселения при Тагиле начали появляться, как мы упомянули выше, именно с этого времени. Архиепископ Киприан в 1621 году послал в этот монастырь игумена Авраамия и с ним старца строителя Варлама. По дозору Тюхина в Тагильском монастыре было 6 келий: одна для игумена, другие для строителя и четыре кельи для нищих, но о простых монахах в дозорной книге 1624 года не упоминается. А вместе того в том же документе находится известие, что на монастырском дворе были два двора, принадлежащих белому духовенству — священнику и дьячку, двор профорниши и двор крестынина. Существование белого духовенства указывает уже на то, что здесь, кроме монастыря, находился и погост. Но после 1624 года мы ни в одном документе не встречаем упоминания о Тагильском монастыре, и, кажется, он покончил свое существование вследствие набега на Тагильскую волость калмыков в 1625 году. Следствием этого набега, между прочим, было то, что на Тагильском погосте по просьбе крестьян Тагильской волости построен в том же году острожек, а с основанием острожка здесь начали селиться крестьяне и образовали Тагильское село*. Несколько ниже от Тагильского монастыря, по реке Тагилу, находилась еще деревня Архангельского Успенского монастыря, в которой жили старец Захей и слуга его. Относительно дальнейшего развития вышеупомянутых деревень мы не можем судить за отсутствием соответственного материала, но о количестве населения во всей Тагильской волости в 1624 году и о постепенном его увеличении до 1645 года можем здесь сообщить точные статистические данные за несколько лет.

В Тагильской волости было:	Колич. двор	Людей	Государевой пашни
в 1624 году	65	103	50 дес.
в 1626 году**	89	134	55 дес.
в 1633 году***	124	175	88 дес.
в 1639 году****	108	175	78 дес.

* А. М. И. Д. Портф. Миллера, № 477; А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 6306/262, л. 232.

** А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 10.

*** Ibid., кн. № 35.

**** Ibid., ст. № 6306/262, л. 232.

в 1641 году*	115	166	$73\frac{1}{4}$ дес.
в 1645 году**	113	152	75 дес.

В 1639 году пашенных крестьян в Тагильской волости показано менее, чем в 1633 году. Это потому, что в 1634 году правительство переселило из этой волости в Томский и Красноярский остроги 24 семейства, а 9 семейства вышли на оброк***. В 1645 году таких оброчных дворов в Тагильской волости уже 11; они уплатили в этом году оброчного хлеба 151 четверть ржи и 136 четвертей овса. Стало быть, всех крестьянских дворов в этой волости в конце царствования Михаила Федоровича было 124.

Несколько позже начали колонизоваться реки Невья, или Нейва, и Река с их притоками, и поселения здесь возникли в первое время исключительно по распоряжению правительства. Совершенно несправедливо говорит Миллер, что начало Невьянской слободы в 1619 году положил известный Артемий Бабинов, тот самый, который проложил верхнотурскую дорогу****. Действительно, он в 1619 году был членом государя, «что государь пожаловал ему землю по Кризе-реке, вверх реки Ницы, ниже устья реки Режа, десять верст и через гору по Кризе-реке до камени десять верст на льготу на пять лет пашенными местами и рыбными ловлями, и сennыми покосами владеть и пашенных крестьян на то место призывать». Но, во-первых, здесь идет речь о пожаловании земли ниже устья реки Реж и по реке Нице, между тем как Невьянская слобода возникла несколько выше, именно по реке Невье за устьем реки Реж. Во-вторых, сдав только Бабинов с товарищами поселился на пожалованной земле, как иноходцы Туринского острога подали парю жалобу, что Бабинов с товарищами завладел их вотчиной: «звери, лоси, соболи и лисицы бывают, а в реках бобрь выбывают, рыбу ловят, хмель дерут, и им государева ясака ныне и впредь добывать стало негде, и они в конец ноги били...». По этой жалобе в 1620 году царь велел верхнотурскому воеводе Милославскому сыскать, что если иноходцы давно владеют той землей, которую захватили Бабинов, то отдать ее прежним владельцам*****. Что иноходцы были

* Ibid., стол. № 6132/88, л. 519.

** Ibid., кн. № 195, л. 64.

*** Ibid., кн. № 41.

**** «Ежем. соч.» 1764, стр. 484.

***** А. М. И. Д. Портф. Миллера, № 477, св. № 1.

довольстворены, в этом нет никакого сомнения, и деревень Бабинова по дозорной книге 1624 года мы здесь не встречаем. Невьянская слобода возникла совсем иным путем, и не в 1619-м, а в 1621 году. Но, кажется, несомненно то, что дело Бабинова имело отношение к основанию этой слободы. По поводу ею правительство узнало, что на устье Реки есть прекрасная земля, на которой можно завести государеву пашню, и приспало туда в 1621 году для поселения пашенных крестьян 41 семейство, набранных в казанских дворцовых селах. Из этих «переведенцев» 10 семейств поселились на южном берегу Невы и основали Невьянскую слободу, а другие «переведенцы» поселились вверх по Неве¹¹ и Реку и основали несколько деревень:

	Колич. дворов
Деревня при Ключе	10
Деревня при Реке	5
Деревня Фильмы Вылажани-я	3
Деревня Куземинко	5
При реке Неве: Елань	6

Всего при Неве и Реке казанских переведенцев была слобода из 5 деревень, людей в них был 41 человек, а детей, братей и племянников — 85 человек. Пахотной добробой земли они имели в 1624 году 20 вытей, или 512 четвертей в поле, сена косили 5900 копен. Да в том же 1621 году Федор Тараканов прибрал из окочих людей на льготу 47 семейств, из которых 4 семейства поставили дворы в Невьянской слободе, а 21 семейство основали следующие деревни:

	Колич. дворов
При реке Неве и ее притокам:	
Патрикесова	1
Кабакова	2
Сизикова	2
Сизикова	1
Смолыникова	1
Трифонова	2
При реке Тагил	
Перевалова	2
Гуляинова	1

Маркова	2
Гуленикова	1
Орлюшки Маркова	1
Васыкина	1
Федыкина	1

При реке Реж

Ячменова	2
Елизаровых	1

В этих 15 деревнях в 1624 году дворов было 21, а людей в них — 26 человек; пашни они на себя пахали $7\frac{1}{2}$ выты, а на государя — 15 десятин в поле. Остальные крестьяне из прибранных Тарakanовыми частей поселились в Тагильской волости, а частично разбежались.

Невьянская слобода с вышеупомянутыми деревнями составляла новую волость в Верхотурском уезде — Невьянскую; всего народонаселения в ней, кроме женщин и детей, в 1624 году было 165 человек*. Но хлебородные земли и разные уголья привлекли новых поселенцев на Невью и Реж, и Невьянская волость довольно скоро увеличивала свое население настолько, что стала многогодичной Подгородной и Тагильской волостями. Уже в 1625 году в Невьянской волости основалась новая слобода «на безводных полях на реке Невье, выше старой слободы...». Первыми поселенцами в этой слободе были 58 человек из «охочих людей», прибраных верхотурским боярским сыном Федором Бужениновым, а в следующем году еще прибрано 29 человек. Эти напеченные крестьяне получили на 4 года льготы $139\frac{1}{2}$ рубля в подмогу и 364 рубля ссуды. Этой суммы тогда было вполне достаточно для первого хозяйственного обзаведения. В 1626 году крестьяне Невьянской волости были членом государю, чтоб им было разрешено поставить в слободе острог «для приходу от калмыцких людей»**. Разрешение дано, но неизвестно, в каком году построен был острог; несомненно только то, что острог поставлен в новой Невьянской слободе, что «на безводных полях». Слободские остроги представляли собой небольшие деревянные крепости вокруг сажен 40 или 50, а защитниками их были в первое время

* А. М. Ю. Собр. пр., книги №№ 4 и 5.

** А. М. И. Д. Порф. Мицкера, № 477, св. II.

служилые люди, временно присылаемые из городов. Но подобные посылки скоро были отменены, и временные защитники заменены постоянным войском, состоящим из беломестных казаков. Эти служилые люди набирались большей частью также из охочих людей, но они служили в осторожках не за жалование, а «с пашни», т.е. за свою службу получали земельный надел и за пользование последним не платили никаких податей. Около 1635 года в Невьянском острожке было 17 беломестных казаков, а вооружение заключалось в 4 пищальях затинных, полковой мелкой пищали и 27 пищальях солдатских со всеми необходимыми принадлежностями*. Как ни ничтожен был этот острожек, но он все-таки путал калмыков и ногайцев; население Невьянской волости было более уверенным в своей безопасности, и крестьянские деревни при Невье и Реже все более и более заселялись охочими людьми. В 1632 году в Невьянской волости уже было 186 дворов, людей в них 350 человек, пашни государевой они обрабатывали 183 десятины в поле**. Но в следующем году из невьянских крестьян 32 человека с женами и детьми были отправлены в Томский, Енисейский и Красноярский остроги***. И после мы встречаем переводы из Невьянской волости в разные отдаленные места Сибири, но тем не менее количество пашенных крестьян в ней год от году увеличивалось: в 1639 году невьянских крестьян был 231 двор, людей в них 359, да вновь прибрано 54 человека; в 1641 году — 277 дворов****. Наконец, в 1645 году всего взрослого населения мужского пола в Невьянской волости было 423 человека, государственной пашни они обрабатывали 200 десятин в поле*****. Кроме того, при реке Невье, выше Невьянской слободы, с 1622 года начал строиться монастырь старцем Серапионом. Но постройка подвигалась очень медленно: к 1624 году по дозору Тюхина строитель срубил только 12 венцов храма Преображения Господня да поставил келью и клеть. Однако земли захвачено было Серапионом очень много: доброй пахотной земли у него было 9 ч., сенных покосов на 300 копен, перелогу на

* А.М.Ю. Сиб. пр., столп № 6440/40.

** Ibid. № 41.

*** Ibid. № 41.

**** Ibid. книга № 128, столб. 6132/88, л. 524.

***** Ibid. книга № 203, л. 80—91.

500 ч., да от речки Тегери по речку Моленку он занял «чистых мест» на 10 верст. Этот монастырь впоследствии назывался Богоявленским, потому что построенный Сергиевом храм освящен не во имя Преображения Господня, как предполагалось, а во имя Богоявления.

Доселле мы говорили о слободах и деревнях в Верхотурском уезде, основанных или переведенных из Европейской Руси, или новоприбанными из охочих людей, или же верхотурскими крестьянами. Последним в 1624 году принадлежало 20 деревень, так что почти каждое семейство имело свою деревню, но и другие обитатели Верхотурия, а разным образом ямщики и монахи, поселившиеся около Верхотурского острова, были явновинниками возникновения многих деревень в Верхотурском уезде. Их колонизационная деятельность имела тот же характер, что тем же путем и начиналась в то же время, как и верхотурских крестьян, и они сначала основывали деревни по Туре, Салде, а с 1612 года — по Тагилу и Мугаю, или Мугаю.

По дозору Тюхина у верхотурских всяких служилых людей и подьячих были следующие деревни по Туре и ее притокам.

деревни	дворов
Завалки Матвеева	1
Иваши Долгого	1
Федяки Дегтерева	1
Степанки Пахалая	1
Степанки Михайлова	1
Братяя Глазуновых	1
Федыки Вискунова	1
Васильки Караголова	1
Вдовы Ельцовской	1
Гари Путинцева	1
Окулы Михайлова	1
Посника Тимофеева (при Салде)	1
Васильки Кошкарова (при Тагиле)	1
Ивана Спицьина (там же)	1
Подъячего Карпова (там же)	1
Васильки Латеев (при Шайтанке)	1
Трифонса Дыминсова (при Юрье)	1

Кроме того, два стрельца имели дворы с пашнями в деревнях пашенных крестьян, пять человек имели пустопорожние и один — починок; всего служилые люди пахали доброй земли 218 ч. в поле, сена косили 4300 копен да перегону имели 253 ч.

Деревни посадских людей	Дворов
При реке Туре	
Гаврилки Смолотина	1
Вдэви Русакской	1
Федаки Чаглична	1
Свичинникова	2
Герасимкова	2
Серебряникова	1
Прокофьева	1
Шубина	2
При реке Отрадне	
Федаки Отрадного	2
Меркушева	1
При реке Тагил	
Цыпелева	2
Толмачева	2
При реке Салде	
Кошкова	1
Синисса	1
Глазунова	3

Во всех этих деревнях по дозору Тюхина было 23 двора, а людей — 30 человек. Пашни за ними в деревнях и починках было 339 ч., перегону — 387, сенных покосов — 5670 копен. За пользование пашнями и угодьями посадские люди с 1623 года начали платить «платинный спон».

Берхтугурские священники также имели свои деревни:
 1) Деревня троицкого священника (при реке Туре);
 2) Деревня воскресенского священника Ларинова (при Тагиле);

3) Деревня воскресенского священника Авдея (там же).
 Берхтугурскому Никольскому монастырю принадлежали две деревни: одна при реке Туре, другая — при речке

Юре, да под монастырем пашня и двор, в котором жил Фелька Прянишник. Всей пашни за монастырем в 1624 году было 41 ч. в поле, перелогу — 70 ч., сенных покосов — на 660 конен. В деревнях жили монастырские половники: в первой три человека, а во второй два. За пользование землей монастырь платил «пятинный сноп».

Теперь скажем о Ямской слободе и о деревнях, основанных верхнотурскими ямщиками. Ямская слобода началась строиться не ранее 1600 года. С проложением Бабиновской дороги ямскую службу от Верхотуры до Соликамска начали отправляли ляливские vogulичи. Последние еще в 1599 году жаловались царю, что всякие служилые люди берут у них лишике подводы, и просили избавить их от этой тягости. Борис Федорович в том же году указал передъ с инородцев подвод не брать и велел устроить по Верхнотурской дороге ямы*. Но из одной членобитной самых верхнотурских ямщиков видно, что они начали отправлять ямскую службу только с 1601 года**. В 1600 году ямщики в количестве 50 семейств были устроены в Верхотуры и оттуда были царю челом, чтобы дать им льготы от их должников на три года, а они в те льготные годы построят себе дворы и пашни заведут. Царь пожаловал и велел верхнотурскому воеводе «не давать в эти льготные годы на них суды и управы ни в каких долгах***». За ямскую службу ямщики сначала получали на пай по 20 рублей денег и по 12 четвертей ржи и озва, но едва только они завели свою пашню, как хлебное жалование было совсем отнято, а денежное уменьшено на 7 рублей. Между тем тягость их службы по мере увеличения дорог от Верхотуры все более и более возрастала. В 1619 году они жаловались: «гоняют они всякие службы зимние и летние ежедневно на 6 дорог на Соликамск, на Чусовую, на Еланчин, на Пелым, на Лялю, на Тагил перст на 400 и 500 и от тех многих дальних служб лошадьми отвали и одолжили великими долгами, жен и детей» позакладывали и многие из товарищ разбрелись****. И действительно, в следующем году верхнотурских ямских охотников осталось только 39

* А. М. Ю. Собр. пр., кн. № 2, л. 183.

** А. И., т. III, № 78.

*** Ibid., № 35.

**** Ibid., № 78.

человек, а 11 бежали неизвестно куда. Царь велел прибить жалованье ямщикам и на место выбыших прибрать новых, но охотников не нашлось, а из старых ямщиков еще бежали пять, так что к 1624 году осталось на ямской службе из 50 только 34 человека. Верхтурские ямщики за ямскую службу, кроме денежного жалованья, получали земельный надел под самой слободой во чети в поле на человека да за рекой Калачиком по 2 чети в поле. Но эти земли не отличались плодородием, и ямщики,бросив их, заняли в 1612 году пашню по Тагилу, Мулгано и в других местах и основали там сюн деревни. По дозору Тюхина верхтурские ямщики в 1624 году имели следующие деревни:

	Дворов
При Туре Максима Вычегжанича	1
При Атке Ептышева	1
При Атке Питиратова	1
При Садле Фефилова	1
При Тагиле:	
Ясаплева	1
Кишкана	1
Ерсика	4
Манчева	9
Бр. Переваловых	3
Ощелковых	2
Чагуриних	1
Анисимкова	4
При Мулгасе:	
Гаврилова	1
Фефиловых	1
Комарова	1
При Реже Потима	2

В этих 16 деревнях было в 1624 году 34 двора, людей с детьми и братий — 65 человек, пашни за ними было пахотной 478 ч. в поле, перелогу 410 ч., сенных покосов на 6300 копен. Между тем несколько ранее издан указ, по которому каждый ямщик наделялся 7 четами в поле и только с этой пашни не платил «пятинного спона». Но по дозору Тюхина за ямщиками оказалось пашни более против положенного на 61 ч., поэтому с этой последней они обязаны были платить выдельной спон.

Всего в Верхотурском уезде в 1624 году было две слободы и 149 деревень, а взрослого мужского населения в городе и уезде было 1273 человека. К этому числу нужно прибавить захребетников, половников и бобалей, которых в это время было 49 человек. Всякого чина люди обрабатывали своей пашни 2220 ч. в поле, а на государя пашенные крестьяне пахали 166 десятины в двух полях; сена косили верхотуры на себя 49315 копен, да на государя пашенные крестьяне косили по две копни с десятиной*.

Из всего сказанного нами доселе о заселении Верхотурского уезда следует, что это заселение происходило главным образом посредством основания хуторов; в первой доцерной книге упоминаются только две слободы — Ямская и Невьянская. К сожалению, мы не имеем материала, чтобы проследить как дальнейшее развитие уже существующих хуторов, так и возникновение новых в этом уезде. Имеющийся у нас под руками материал исключительно относится до основания правительством слобод в разных местах. К обозрению этого рода заселения Верхотурского уезда мы теперь и перейдем. Мы уже упомянули, что в 1625 году выше старой Невьянской слободы построена новая Невьянская слобода, и в том же году возник Тагильский остров. Но несколько ранее, именно с 1624 года, начала заселяться река Ница. Здесь уже существовало землемерие, которым занимались туринские татары, потому при заселении этой реки возникли постоянные распри между русскими и инородцами. Еще в 1619 году, как мы упоминали, основал на Нице около устья Режи несколько дворов Артемий Бабинов с товарищами, но эти русские поселенцы по жалобе татар были согнаны верхотурским воеводом. Тём не менее в 1623 году правительство велело тобольскому воеводе основать здесь государеву пашню и на неё перевести из Тобольска и Тюмени смельчаков людей, а равным образом велело привозить охочих на лыготу на два года и давать подлоги на человека на 10 рублей денег, по 5 четвертей ржи, по чети ячменя, по 4 чети овса и по три пуда соли**. Новая слобода заложена при реке Нице, именно между владющими в неё речками Кожей и Ключевой. Так как строителем был верхотурский слободчик Ощен-

* А. М. Ю. Сб. пр., кн. №№ 4 и 5.

** А. М. И. Д. Портф. Мицлера, № 477.

ков, то и слобода называлась Ошепковой-Ницынской, а первыми ее обитателями были 12 человек ссыльных, переведенных из Тобольска и Тюмени. В 1626 году эти поселенцы были членом: «как-да они посланы из Тобольска в Тюмень на Ницу в крестьяне и в ту пору дано им государева жалованья подмоги денег по 11 рублей с полтиной, и она на те деньги купили лошадей дорогой ценой — по 6 и 7 рублей и больше за лошадь, и с тех купленных лошадей и с иного, кто что купил или продаст, берут на них в Тюмень и в Турийске пошлину, и государь бы их, ницынских крестьян, пожаловал для их скудости, для помой селитбы и для расстапки государевой пашни не велел у них с тех купленных лошадей и с иных товаров брать пошлины...». Государь пожаловал, не велел с них брать в течение двух лет пошлины с купли и продажи, если доведется им купить или продать «не велико», стоимость не свыше пяти рублей². Но, несмотря на хорошую подмогу и льготы, упомянутые крестьяне недолго жили в новой слободе. В 1626 году кончились льготные годы, и ницынские крестьяне должны были обрабатывать государеву пашню; а начало того же года в Ницынскую слободу прислан приказчик, боярский сын Степан Молчанов, для суда и расправы над крестьянами и для надзора за пашней. Вероятно, он спешком усердно начал редеть о государевой прибыли, положил большие пашни на крестьян, что последние подняли бунт, убили Молчанова и бросили его в воду. В убийстве приказчика участвовали 11 человек, и все они по государеву указу были сосланы в Кузнецкий и Томский остроги, а двенадцатый еще ранее сам скрылся куда. Верхотурский воевода, донес в Москву о ницынском бунте и других крестьянских бунтах, просил разрешения строго наказывать бунтовщиков, а если, замечал он, «по твоему государеву указу не будут они наказаны, то и вперед от них чаять еще больше того дурна, потому что в Сибири мужини склоне из разных городов, от всякого воромства бегачоны**. Таким образом, Ницынская слобода осталась без крестьян. Снова велено бирюкам «кричать не один день», призывать пашенных крестьян на государеву пашню в эту слободу, и в

* А. М. И. Д. Портф. Миллера, № 1, с. 31.

** А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 6078/34; А.М.И.Д. Портф. Миллера, № 477, с. 1.

том же 1626 году явились 12 человек новых поселенцев. Затем год от году поселение Ницынской слободы увеличивалось, и в 1630 году в ней было 76 семей пашенных крестьян^{*}. Развитию этой слободы способствовало, между прочим, и то, что в это время была проложена новая сухопутная дорога, кратчайшая из Туринска к Верхнотурью, которая шла через разные слободы и в том числе через Ницынскую на Тагил; по новой дороге начали ездить служильные, торговые и промышленные люди, от которых жители имели немалый доход. Для сбора государственной пошлины «с тутопших и просыхих людей» в Ницынской слободе основана таможня, а опасность от неприятельских нападений «Кучумовых винчут» заставила правительство построить там острожек. С построением таможни и острожка в Ницынной слободе появились цеповальники и служильые люди — беломестные казаки, которых около 1635 года было уже 30 человек^{**}. Вместе с тем и количеством крестьянского населения значительно увеличилось: в 1637 году пашенных крестьян в этой слободе было 144 человека, государственной пашни обрабатывали 87 десятин^{***}. Кроме массы хлеба, Ницынская слобода доставляла правительству много и других доходов, так что ницынскому приказчику велико завести «сметные книги», в которые писать всякие доходы по статьям^{****}.

Для примера приведем из сметной книги 1637 года данные относительно государственных денежных доходов и расходов в этой слободе. Прежде всего читаем в этой книге, что от прошлого года на именший 1637 год осталось за всякими расходами 56 р. 28 к. На 1637 год помечено взять (соответственно сбору прошлого года) всяких пошлин 79 р. 9 к., а взято 140 р. 57 к.

С судных дел взято	3 р. 9 к.
с ницынских мельниц	36 р. 69 к.
яичного с пив и браги	3 р. 60 к.
с зеленого отпуга	3 рубля.

Всего дохода в 1637 году собрали 186 р. 95 к., а израсходовано за тот же год: разным людям за службу 721 рубля, да

*А. М. Ю. Сиб. пр., № 6202/168; А. М. И. Д. Портф. Миллера, № 478, св. 2.

** А. М. Ю. Сиб. пр., столб. № 6440/40.

*** Ibid, кн. № 93.

**** А. М. И. Д. Портф. Миллера, № 478, св. 76.

мелких расходов, как, например, на чернила, бумагу и т.п. — 3 рубля. Таким образом, доход более чем вдвое превосходил расход, и к следующему году с остатками от прошлого года в государевой казне было 162 р. 79 к.*. После 1637 года население Ницынской слободы не только не увеличивалось, но даже значительно уменьшилось, так что в 1640 году старых пашенных крестьян осталось только 68 человек**. Это уменьшение объясняется, во-первых, тем, что правительство переселяло ницынских крестьян в другие уезда; во-вторых, слободчики прибирали в этой слободе крестьян в другие слободы и, наконец, в-третьих, некоторые крестьяне сами выходили из Ницынской слободы и основывали на своих пашнях собственные деревни. Так, в 1639 году из этой слободы выселился Мишка Эзриани с четырьмя товарищами и основал деревню на Ключе Ключевке, которая вследствии стала называться по имени основателя «Эзрииной». В следующем году в этой деревне уже было 17 крестьянских дворов, из них пять дворов переселились туда из слободы Рудной***. Тем не менее плодородные земли и разные уголья при реке Нице привлекли новых поселенцев в Ницынскую слободу, и крестьянское население последней в 1645 году состояло уже из 120 дворов, а людей в них было 144 человека взрослого мужского пола. Но количество государевой пашни, обрабатываемой ницынскими крестьянами, значительно уменьшилось: в 1645 году эти крестьяне пахали на государя только 48 десятин в поле, тогда как восемь лет назад они обрабатывали государевой пашни 87 десятин в поле. Это обстоятельство объясняется тем, что большая часть ницынских крестьян недавно переселилась в этой слободе и пользовалась еще льготными годами****. К западу от Ницынской Ошепковой слободы при реке Нице в 1630 году основана была слобода Рудная. Поводом к ее основанию послужило открытие в 1628 году железной руды в одном болоте, находившемся на южном берегу реки Ници. Правительство, узнав об этом, велело построить там железный завод, а для работы на нем поселить при реке Нице несколько крестьянских семей; прибраные крестьяне в количестве 16 се-

* А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 87.

** Ibid., кн. № 43.

*** А. М. Ю. Сиб. пр., № 6132/88.

**** А. М. Ю. Сиб. пр., № 203, л. 101.

мейст и положили начало Рудной слободы. Жители этой слободы обязаны были работать на заводе с 1 сентября по 9 мая и за это время выплачивать 400 п. железа; зато они освобождались от всяких податей и повинностей, пользовались землей, не платя за нее обычного «платинного спола», да еще получали денежное жалованье в год по 5 рублей*. Однако труд на заводе был столь тяжелый, что крестьяне при первом удобном случае бросали слободу и разбегались в разные стороны**. Мы не имеем никаких данных относительных количества населения в Рудной слободе после 1630 года, потому что жители опять, благодаря своему особенному положению, не писались ни в «списках плененных крестьян», ни в «ужимных», ни в «сметных книгах хлебных запасов», а эти книги суть единственные, сохранившиеся до нас от того времени документы, по которым мы можем судить о населении той или другой слободы.

Вскоре после Рудной возникла слобода Ирбитская. В 1632 году по указу царя верхотурский слободчики Иван Спичин прибыли отчести из окраин людей, а отчести в других слободах от отцов детей, от братьев, от дядей племянников 20 человек крестьян и поселили их при устьях реки Ирбек, или Ирбита, с тем, чтобы они обрабатывали основанную здесь государеву пашню. Прибранные крестьяне получали подмогу по 10 рублей за десятину и льготу на два года. Но этим крестьянам не пришлось обрабатывать государевых десятин: едва только минули льготные годы, как они были членом, чтоб государь пожаловал, зелен братъ с них оброчный хлеб вместо обработки пашни. Государь пожаловал, и ирбитские крестьяне должны были за пользование землей с каждойй $\frac{1}{4}$, выты доставлять ежегодно в царские житницы по 20 четвертей ржи и 20 четвертей овса, да за сенные покосы и за всякие «годовые наделки» по 5 четвертей ржи***. Несмотря на значительный оброк, которым были обложены ирбитские крестьяне, Ирбитская слобода развивалась довольно быстро: через восемь лет после ее основания в ней старых и новоприобретенных крестьян было уже 85 человек****, а в 1645 году одних вышедших из льготы

* Ibid. стоб. № 6076/32, л. 175.

** Ibid. стоб. № 6132/88, л. 798.

*** А. М. Ю. Сб. пр. № 43.

**** Ibid. кн. № 203, л. 107.

крестьян было 82 человека, плативших оброк 570 четверей ржи и 712 четверей овса, т.е. с каждого человека (двора) собиралось в государевы житницы разного хлеба почти по 63 меры, да новоприбанных крестьян в этом году в Ирбитской слободе было 15 человек*. Около 1640 года в этой слободе построен острожек, а для защиты его прибраны беломестные казаки, которых в 1645 году было 25 человек.

От Ирбитской слободы, лежавшей около устья реки Ирбит, нужно различать слободу Усть-Ирбитскую, заложенную на реке Бобровке при владении последней в Ирбит. В «Списке с чертежем Сибирской земли 1672 г.», она зовется «Усть-Ирбитею, что на р. Бобровке», и расстояние ее от Оренбургской-Нининской слободы показано там 20 верст**. Но впоследствии слобода с подобным называнием мы не встречаем ни в атласе Ремезова, ни в списках Миллера; по всей вероятности, она стала называться Бобровкой по имени речки, при которой была основана. Об основании Усть-Ирбитской слободы мы можем привести из книги верхнотурских пашенных крестьян» следующие сведения: «в 1642 году в Верхнотурском уезде на Усть-Ирбите заведена новая слобода, в которую с 1642 года по 1646 год призвано на оброк 18 человек со льготой на 6 лет, а как льготные годы кончатся, им платить государев оброчный хлеб каждому с десятны (т.е. $c^1\frac{1}{2}$ выты) по 20 четверей ржи и по 25 четверей овса».

Через два года после основания Усть-Ирбитской слободы в 20 верстах от последней, на правом берегу реки Ирбит, возникла слобода Белосудская. Строителем ее был приказчик Ирбитской слободы Василий Муравьев, а первыми обитателями были 8 крестьян, прибранных этим приказчиком из охочих людей на оброк со льготой на шесть лет, затем в следующие два года прибрано на тех же условиях еще 62 крестьянина. По прошествии льготных лет упомянутые крестьяне должны были платить оброчного хлеба в государевы житницы 310 ч. ржи и 387 ч. овса***.

В конце же царствования Михаила Федоровича в Верхнотурском уезде вошли слободы Арамашевская на Реже, Мурзинская и Краснопольская на Неве. Впрочем, Миллер

* Ibid., кн. № 195.

** «Временник» 1849, кн. 3.

*** А. М. Ю. Собр. пр., № 195.

относит основание первой слободы к более раннему времени — к 1631 или 1632 году*. Правда, в одной отписке тобольского воеводы от 1639 года Арамашевская слобода упоминается уже существующей в это время**; но зато ни в «росписях» сбора государева хлеба, ни в «списках» крестьян Верхотурского уезда мы не встречаем до 1641 года этой слободы. Можно думать, что она основана именно в 1639 году и что часть крестьян из 38 семей, прибывших в этом году в Невьянскую, Нижнекамскую и Арамашевскую слободы, и были первыми поселенцами в последней. В 1645 году в ней было уже 32 человека, пахавших государевой пашни 14 десятин в поле***. Вскоре после основания Арамашевской слободы в ней построен острог, в котором было казаков в 1645 году 16 человек.

Одновременно с Арамашевской слободой возникла и Муринская при реке Невье. Основателем ее был верхотурский боярский сын Андрей Бужанинов; в 1639 году он принял туда на оброк 40 человек крестьян и построил церковь****, а в 1645 году в этой слободе вышедших из лытгы крестьян было 45 человек да новоприбывших 8 человек*****.

В самом конце обозреваемого нами периода, именно в 1645 году, начала строиться в Верхотурском уезде при реке Вильсе, владающей в Невью, Краснопольская слобода; тот же Бужанинов привил и первых ее обитателей — 10 человек крестьян*****.

Кроме того, нужно заметить, что с проложением Бабиновской дороги по ней в разных местах устроены были караулы с таможнями, около которых к концу царствования Михаила Федоровича образовалась небольшие поселки крестьян, из которых впоследствии разрослись значительные села. Таких караулов на новой дороге было три: первый построен был на реке Ляле на том месте, где новая дорога пересекала эту реку; второй — при пересечении той же дорогой реки Плавды, владавшей в Ляле; третий под названием Ростес поставлен по Бабиновской дороге на горах, которые отделяют

* «Ежемес. соч.» 1764, стр. 495.

** А. И. т. II, № 211.

*** А. М. И. Д. № 203, л. 94.

**** А. М. И. Д. Порф. Миллера. № 477, св. II.

***** А. М. Ю. Сиб. пр., № 182, а. 284.

***** Архив М. И. Д. Порф. Миллера. № 477, св. II.

Сибирь от России. Эти караулы построены не позже 1600 года, и поводом к основанию их послужило следующее обстоятельство. Новой дорогой пользовались торговые и промышленные люди, но, чтобы не платить десятину со своих товаров, они еще в 1598 году, дойдя до того места на Илье, где нужно пересекать эту реку, остановились и начали торговать со здешними инородцами. Узнав об этом, верхнотурский голова послал за ними стрельцов, чтобы они шли для торговли в Верхнотурье, но русские купцы отказались ехать в город и, не заплатив никакой пошлины, возвратились за камень^{*12}. Тогда-то, вероятно, и решено было построить упомянутые караулы с таможенными постами, на которых собирались пошлины со всяких проезжих людей и куда собирались инородцы для торговли с русскими купцами. Из «приходской верхнотурской книги» 1627 года видно, что подобная торговая происходила на Лялинском и Ростеском караулах: в 1627 году на Лялинском карауле взяты пошлины 8 р. 10 к., а на Ростеском — 13 р. 7 к. При этих караулах образовались впоследствии села Каравульное, Павдинское и Ростес. При последнем карауле еще в 1627 году жило несколько крестьян, но в следующем году они, как доносил верхнотурский голова, разбежались от разбойников^{*13}. Подобное происхождение имеет Чусовская слобода, возникшая на Чусовой дороге, где построен караул и таможня и где уже в 1624 году была деревня одного верхнотурского пашенного крестьяниня и Копайское село, образованное из Копайского караула. Постройка последнего вызвана следующим обстоятельством. При реке Негле, впадающей в Сосву, по указанию одного vogula найден соленый ключ, и построена там варница. По первому опытуказалось, что «варничное дело» будет иметь успех: уже в 1602 году солевар Воронцов вывярил 313 пудов соли^{*14}. Но этой варнице постоянно угрожали неприятельским нападениям соседних инородцев, а потому там велено устроить караул. В 1605 году варнице действие свое прекратила, потому что расход по эксплуатации здешнего соленого ключа не окупался результатами самого дела, но караул остался, так как в это время мимо Сосвы с Верхнотурья на Пельм проложена была дорога, и по ней начали ездить торго-

* А. М. Ю. Сб. пр., № 2, л. 160.

** Ibid, стоб. 6063/19.

*** А. И. т. II, № 39.

вые и промысленные люди. Для сбора пополнения с торговли, возникшей между русскими людьми и сибирскими ногулами, при Копайском карауле построена таможня, которая в 1627 году доставила в казну 16 р. 20 к. пополнения сбора, ту же сумму в этом году дала и Чусовская таможня*.

Заселяя Верхотурский уезд русским элементом, московское правительство при этом прежде всего преследовало экономические цели, стремилось разить земледелие по ту сторону Уральского хребта, чтобы Сибирь могла иметь свой местный хлеб. Теперь интересно знать, насколько эта цель была достигнута в обозреваемый нами период? Громадные расходы, затрачиваемые казной на пашенных крестьян, окупались ли их земледельческой деятельностью на государевых пашнях? Приведем некоторые данные из современных документов, касающихся Верхотурского уезда, из разных «сметных книг хлебных запасов» и «книг ужимных», чтобы судить об успехах земледелия в этом уезде. Но предварительно считать нужным заметить, что вышеупомянутые книги были заведены в Сибири только в конце первой четверти XVII века, а потому и сведения наши относитель но состояния хлебопашества в этом крае будут относиться только к позднейшему периоду, именно ко второй половине царствования Михаила Федоровича; более ранних документов, касающихся этого предмета, мы не встречали. Правда, еще в 1619 году государь указал, чтобы сибирские воеводы составили описи городов, острогов, сел и деревень с подробным ознакомлением жителей оных, их промыслов, их занятий, а равным образом, чтобы и на будущее время составляли ежегодные сметы хлебных и денежных доходов и расходов и «именные списки» пашенных крестьян, но воеводы не спешили с этим делом, даже несмотря на повторительные указы. Только с прибытием в Тобольск в качестве воеводы боярина Юрия Суленшова в 1623 году и по его распоряжению сибирские воеводы в 1624 году составили «дозорные книги», а с 1625 года начали ежегодно составлять «сметные книги хлебных и денежных доходов и расходов» и «именные списки пашенных крестьян». Тот же Суленшов издал подробное «уложение», которым точнее определено: а) количество государственной пашни, которую должен обрабо-

* А. М. Ю. Сиб. пр., стаб. № 6063/18, л. 192.

тать пашенный крестьянин за пользование землей и разными угодьями, б) сбор «пятинного хлеба» с непашенных людей и в) количество разных пошлин со всяких торгов и промыслов. После этого «уложения» размер государственной пашни в Сибири и количество выделенного хлеба с непашеных людей, как равным образом и сборы разных пошлин, значительно увеличились. Уложение Сулепова имело большое влияние на развитие земледелия в Сибири; сибирские воеводы «пашенные города» с этого времени начинают доносить в Москву, что «в Сибири теперь заведена государевна пашня большая, а прежде была малая» и что «сибирские всяких чинов люди пашут на себя пашни пред прежнем болшине». Крестьяне с этого времени преимущественно стали заниматься хлебопашеством, тогда как прежде они более обращали внимание на разные промыслы.

Для примера возьмем 1628 год и посмотрим, сколько собрано за этот год в Верхотурском уезде разного хлеба в государственных житинни, а по этому сбору можно судить и вообще о состоянии хлебопашества в этом уезде. Всего с государственной пашни в трех волостях: Подгородной, Тагильской и Невьянской — в 1628 году собрано 4489 четвертей ржи и 6959 четвертей овса. По моему расчету, урожай был: ржи — сам 10, овса — сам 8, да выделяемого хлеба со всяких людей взято 930 четвертей ржи, 112 четвертей ярицы и пшеницы, 392 четверти овса. Между тем вышло в расход с 1 сентября 1628 года и по 1 сентября 1629 года на жалованные ружникам, оброучикам и служилым людям ржи 482 четверти, овса — 248 четвертей¹; семян из государственной пашни: ржи — 494 четверти и овса 1125 четвертей². Таким образом, за удовлетворением местных потребностей в государственных житинниках оставалось еще значительное количество хлеба; большую половину остатка верхотурский воевода отоспал в другие сибирские города³. Затем с увеличением государственной пашни в Верхотурском уезде увеличился и сбор хлеба, так что, например, в 1640 году на Верхотурье отправлено в Тобольск местного хлеба 15 тысяч четвертей⁴. В одной Невьянской волости в этом году со 192 десятин

¹ А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 6063/19, л. 31.

² Ibid, лл. № 18.

³ Ibid, стобл. № 6138/94, л. 612.

собрано ржи и овса 6092 четверти, т.е. с десятини почти по 32 четверти, и при этом верхнотурский землемер замечает, что «хлеба получилось менее против опыта, потому что во время молотьбы хлеб был еще зеленъ».

Тем не менее верхнотурские землемеры постоянно жаловались на недород хлеба на государственных пашнях, и этот недород объясняли тем, что «христыны пашут государевы десятини под соисное и яровое смесяю, а не в три поля, как в дворцовых селах московских городов... а только де пахать сразу и на ту пашню скот пускать и наизу везти невозможно, и хлеба будет недородъ». Правительство обратило внимание на это обстоятельство и в 1635 году велело разверстать государевы пашни в три поля, но это распоряжение исполнено было только в 1640 году**. И как велика была разница в сборе хлеба при двупольной и трехпольной системах, можно судить по следующим данным: в Подгородной волости, например, с 72 десятин в первом случае собрано овса 1430 четвертей, а во втором с этой же пашни умологично 1879 четвертей овса***. Вообще Верхнотурский уезд тогда был житницей для Сибири. Конечно, урожан не во всех его частях были одинаковы, однако средний урожай в этом уезде был ржи сам 10 и овса сам 12. Но в некоторых местах урожан были необыкновенные, например, в Бирбигской слободе в 1640 году собрано оброчного хлеба 505 четвертей ржи да куплено в ней в том же году ржи 927 четвертей****.

Если теперь обратим внимание на государевы денежные доходы в городе Верхнотурье и его уезде, то увидим, что здешние местные средства не только покрывали расходы, но доставляли значительный излишек. Считаем не лишним здесь указать на самые доходные статьи города Верхнотурья за 1627 год и отметить выдающуюся разницу в некоторых статьях доходов за 1628 год*****.

С 1 сентября 1627 г. по 1 сентября 1628 г. собрано:

1) Таможенный пошлинъ — 487 р. 87 к.

2) Отъезжий пошлинъ — 513 р. 54 к. (1628 г. — 1865 р. 54 к.).

* Ibid., стобл. № 6122/86, л. 733.

** Ibid., лл. 516 и 519.

*** А. М. Ю. Собр. пр., ст. 6127/82, л. 184.

**** Ibid., ст. № 6063/19, см. «Список сметных книг денежных доходов

и расходов г. Верхнотурья 1628 года».

- 3) С государева кабака — 455 р. 14 к. (1628 г. — 1071 р.).
4) Явочной пошлины — 5 р. 87 к.
5) С откупного кабака — 13 р.
6) Штрафных с ярыжных¹³ людей за игру в зернь в
кабаке — 2 р. 68 к.
7) Банных денег — 63 р. 78 к.
8) С судных дел и заемных кабал — 46 р. 33 к.
9) Сенных денег (продано государева сена) — 157 р.
81 к. (1628 г. — 211 р. 54 к.).
10) С холочных кабал — 14 р.
11) Печатной пошлины — 74 р. 81 к.
12) Ярыжных оброчных денег — 282 р. 34 к.
(1628 г. — 430 р.).
13) Оброчных денег с бобылей и захребетников — 10 р.
84 к.
14) Мельничных и оброчных денег — 62 р. 66 к.
15) За государево ухоботье¹⁴ и за яровую солому — 27
р. 30 к.
16) Амбарной и лавочной пошлины — 4 р. 37 к.
17) С рыбных ловель — 6 р. 15 к.
18) Пролубного — 9 р. 13 к.
19) Оброчных денег с посадских людей — 29 р. 48 к.
20) Откупных денег с кваса и харчи — 52 к.
21) Поголовных и заповедных денег и за государеву
мякину — 25 р. 87 к.

Перечисленные доходные статьи показывают, что самый крупный доход составляли сборы десятой пошлины с товаров и отъезжей пошлины с торговых и промышленных людей. Последнего рода пошлина свидетельствует о большом торговом движении через город Верхотурье, стоявший на бойком месте, на большой дороге, ведущей из Европейской Руси в Сибирь и обратно; отъезжей, или проезжей, пошлины с 1 сентября 1628 года по 1 сентября 1629 года взято четырехпроцентного сбора (4 к. с рубля) — 1865 р. 54 к., это значит, что через Верхотурсскую таможенную заставу прошлоено товаров более чем на 46 $\frac{1}{2}$ тысячи рублей. Но правительство московское не пренебрегало никакими статьями доходов, как бы они ни были ничтожны: продавало мякину, ухоботье, солому, отдавало на откуп проруби, торговлю квасом и харчами. Кабак, как и всегда и всегда, так и

в Верхотурье, составлял очень важную статью казенных доходов и в то же время был величайшим злом для верхнотурского населения и для проезжаих людей. Как видно из вышеприведенной росписи, верхотурский кабак в 1628 году доставил казне 1071 рубль — сумму по тому времени довольно большую, свидетельствующую о значительном развитии пьянства в этом городе. Правительство не только не боролось с этим злом, но даже стремилось к распространению онного, как показывает дело о верхотурском кабаке. Верхотурский воевода Никита Петрович Боятинский и его товарищи, видя, как гибельно действует царев кабак на верхотурское население, решили сделать представление правительству об уничтожении онного по примеру города Тобольска. В начале 1623 года они писали в Москву: «Верхотурские служильные люди, стрельцы, казаки, ямские охотники и пашенные крестьяне в верхотурском кабаке многие пропали, и верхотурские служильные люди от государевой службы многие отбыли, многие ямские охотники разбрелись, а пашенные крестьяне от того же кабака одолжили и обищали...». На это представление верхотурский воевода с товарищами получил грановую грамоту от царя и великого князя всей Руси Михаила Федоровича. «И все то пишите к нам, — читаем в этой грамоте, — не ради о нашем деле, что кабак хотите оставить, а кабак заведен давно на Верхотурье до московского разорения задолго и прежде вас многие наши воеводы на Верхотурье бывали, а о том кабаке к нам не писывали, а вам, где было искать пред прежним во всем прибыли, а старое хотите растерять... и вы, делая леность свою и не хотя нам служити, пишите к нам не делом, или на то смотрите, что в Тобольске зелено кабак свести, и то вам не образец...».

Радею о кабачких доходах, правительство в то же время понимало, что оно может потерпеть большой убыток от неисправности служильных людей, ямских охотников и пашенных крестьян, и поэтому предписывало: «увинимать от пьянства тупошник людей и заботиться об увеличении продажи вина людям преским, «чтобы на верхотурском кабаке кабачких денежных доходов перед прежними годами собрали с приближью»*. Нужно заметить, что сумма доходов с верхотурского

* А. И., т. III, № 122.

кабака и явочная пошлина далеко не дает нам полного понятия об употреблении количества вина в Верхотурье. Дело в том, что до 1627 года в том городе не было еще казенной «винной и пивной поварни», а вино и пиво в верхогурский кабак доставляли по договору верхогурские служилые, посадские амщики и пашенные люди. «Они курили вино и варили пиво, — читаем в одной отписке, — у себя по домам, в деревнях и по селам своим котлами». Само собой понятно, что эти «утоворщины» не все количество выкуриемых спиртных напитков доставляли в царев кабак, а значительное количество оставляли для собственного употребления и для тайной продажи; например, воевода Гагарин доносил, что те служилые, посадские и пашенные люди и амские охотники, сварили вино, выпивали сами. Вследствие этих злоупотреблений «утоворщиков» тот же воевода в 1627 году отобрал у жителей винные котлы и трубы в царскую казну и устроил «винную и пивную поварню» в Верхогурском остроге, и запретил частным лицам курить вино и варили пиво на верхогурский кабак. Правительство вполне одобрило эту меру, как клевещущуюся к увеличению дохода с верхогурского кабака, и только приказывало воеводе выдать деньги из царской казны за отобранные винные «суды». И непод шарь наказывал зерко смотреть, «чтобы на Верхогурье и в Верхогурском уезде винных судов ни у кого не было, чтобы чрез то напему верхогурскому кабаку никакой вина и нашей казне недобру не было»*. Приложение вышеуказанной меры, по-видимому, в первый же год дало блестящий результат: по смете предполагалось доходов с верхогурского кабака в 1628 году 455 р. 14 к., а собрано более чем вдвое — 1071 р. Воевода по этому поводу замечает, что «птиухов было более**». Но, кажется, «птиухов было более» в верхогурском кабаке в 1628 году не вследствие уничтожения частного винокурения, а зависело от большого количества проезжих людей через Верхогурье в этом году; на это ясно указывает сумма отмежевой пошлины. Но тайное винокурение и тайная продажа вина продолжали существовать, и борьба с этим злом была не по силам представителям царских интересов, а равным образом и жалобы верхогурских воевод на пьянство всяких верхогурских людей встречаются и впоследствии.

* А. И., т. III, № 122.

** А. М. Ю. Собр. пр., № 6063/19, л. 192.

Выше мы сообщили распись казенных доходов, исключительно собиравшихся в городе Верхотурье, но и уезд доставлял значительную сумму; и там собирались разного рода пошлины на караулах и на слободских таможнях, и там пропавалась государева мякина; всех доходов с Верхотурского уезда в 1628 году собрано было 468 рублей. Если эту цифру сложим с цифрой доходов города Верхотурья, то получим довольно крупную сумму всех доходов за 1628 год, именно — 4484 рубли, не считая ясака. Между тем как складные и нескладные расходы за тот же год сделаны только на сумму 2240 рублей, из нее уплачено жалование верхотурским служилым людям, ружникам и оброчникам — 117 людьми — 569 рублей, да имским охотникам — 50 людьми — 750 рублей, а нескладные расходы главным образом производились на подмогу крестьянам. Вообще в Верхотурье доход значительно превышал расход: в 1625 году в «сметной книге денежных доходов и расходов» показан остаток 1758 рублей, в 1627 году — 1065 рублей, в следующем году — 2344 рубля, а в 1629 году — уже 3089 рублей*. К этим доходам нужно прибавить еще ясачный и поминочный сборы мягкой рухлии с инородцев Верхотурского уезда. Так, в 1628 году собрано ясака и поминков по московской цене на 1227 р. 8 к.**, в следующем году — на 977 р. 66 к.***, в 1635 году — на 671 р.****, в 1644 году — 814 р.*****

* Ibid, л. 195, кн. № 8, л. 99.

** Ibid, кн. № 17, л. 34.

*** Ibid, кн. № 19, л. 423.

**** Ibid, кн. № 61.

***** Ibid, кн. № 153.

Глава III

Туринск и его уезд (1600—1645). Основателем этого города был тюменский голова Федор Янов. В начале 1600 года от царя Бориса к нему послана грамота, которой предписывалось отправиться по реку Туру, в Еланчин юрт, с тобольскими и тюменскими служилыми людьми и освоить там ям и государеву пашню, а для защиты ямчиков и пашенных крестьян построить острог. В этой грамоте ясно высказываются мотивы, побудившие московское правительство к основанию нового города по реке Туре: именно необходимость устроить ям на половине дороги между Верхнотурьем и Тюменью и развитие здесь хлебопашества. До того времени ямскую службу на дороге между этими городами несли инородцы Еланчинского юрта, но они постоянно жаловались на эту тягость и были неисправны в этом деле, так как оно было им «не за обычай». С другой стороны, попытки правительства замести хлебобашество в Пелымском и Тарском уездах дали пока плохие результаты; не особенно процветало земледелие и в Тобольском уезде. Между тем, по сообщению служилых людей, на Туре около Еланчинского юрта «места угожие, крепкие и государеву пашню завести можно». Но, помимо всего этого, правительство, кажется, при основании Туринского острога руководилось и стратегическими соображениями: средина реки Турьи была совершенно не прикрыта, а между тем в Москву уже доходили слухи о праждебных движениях ногайцев, которые с юга без всякого препятствия могли делать нападения на юрт Еланчина и другие окольные ино-реческие юрты. Верхнотурье и Тюмень были единичном отдалены, чтобы могли запинать этих ясачных людей. И вышеупомянутая царская грамота к Янову предупреждает, «чтоб он жил с великим бережением... и про ногайских людей, и про сырязцов промедывать, чтобы ногайские люди и сыряз-

цы пришел безвестно дурна не учинили». Скоро мы увидим, что подобные опасения московского правительства были не напрасны.

Постройка Туринского острога совершина была в том же 1600 году около того места, где находился юрт остинкого князя Еланчика¹⁵, имени при владении реки Яльники в Туре. Острог отличался очень незначительными размерами: вокруг него даже после расширения в 1603 году было не более 360 сажен. Между тем в нем, помимо разных казенных зданий, должны были поставить свои дворы служилые люди и ямщики. Кроме того, в том же году построен в остроге храм во имя святых Бориса и Глеба, а с Верхотурья присланы священник и пономарь, которые также в остроге поставили свои дворы. Вследствие этого образовалась такая теснота, что ямщики были членом государя, чтобы перенести их дворы за острог на то место, где жил Еланчик «с товарищи». Разрешение было дано, и инородцы должны были снести свои юрты и переселиться в Еланев юрт, который находился при Туре же, за речкой Сибревкой, от Туринского острога в пяти тогдашних верстах¹⁶. Таким образом, около Туринска на восточной стороне, на месте инородческих юрт в 1601 году возникла русская Ямская слобода. Вследствие этой же причины и некоторые служилые люди, крестьяне и посадские также поставили свои дворы вне острога, именно на западной его стороне, и образовали посад. Скоро, именно в 1604 году, и на посаде построена была церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы, при которой в том же году возник мужской Покровский монастырь.

Что же касается населения Туринска, то оно в первый же год его существования было довольно значительно. Со строителем города Федором Яновым прибыли 10 тюменских казаков и пушкарей из Нельмы, по царскому указу присланы 10 человек черкасов¹⁷, верхотурскому голове велено было туда же отправить «лаишевских и тетюпских полоненников и новокрещенцев 55 семей, да ямских охотников 6 человек, да охочих папиных людей, сколько приверется, и десять человек стрельцов»¹⁸. В грамоте к нельмы-

* Описание Сиб. цар. - Миллера, стр. 236 и др. См. гр. царя Бориса к Япону от 30 января и 12 октября 1600 г., атлас Ремезова, л. 7.

¹⁵ Ibid. см. грамоты.

кому воеводе от 17 апреля 1600 года говорится также, что-бы он присял к Федору Янову пашенных людей, которые переведены из Казани. Той же грамотой предписывается, чтобы пельмские пашенные люди, «принеф в Еланчи... поставши дворы до полые воды и почали пахать государеву пашню сее весны». В 1603 году в Турицк прислано из Тары 25 семей пашенных крестьян из казанских, лаишевых и тетюцких «переведенцев». Поводом к этому перевозу послужило то, что упомянутые крестьяне, как доносили в Москву татарский воевода, «хлеба себе не налахидают, а кормятся из пареских житин». Царь велел их перевести в Турицкий острог «и дать им подмоги на дворковое строение» по рублю на человека**. Кроме того, воеводе Федору Янову и его преемникам постоянно наказывалось, «что-бы они прибирали на государеву турицкую пашню охочих людей на лаготу и давали им подмогу сколько пригоже». Неизвестно, много ли удачно туринским воеводам выготой и подмогой привезли пашенных людей на государевы земли, но уже в 1605 году всех пашенных крестьян вместе с новоприобретыми в Турицком остроге был 81 человек, кроме женщин, детей и разных священников. Таким образом, не прошло и пяти лет после основания этого города, а число пашенных людей в нем собрали различными мерами довольно значительно. Из этого можно видеть, что правительство особенное внимание обращало на развитие хлебопашества в Турицком уезде, и, как мы увидим впоследствии, его заботы об этом предмете увеличались полным успехом: почва здесь была довольно плодородная, и хлеба с государственных пашен собиралось ежегодно большое количество. Следует, однако, при этом упомянуть, что местность около самого города оказалась слишком сырой и неблагоприятной для развития скотоводства, по крайней мере конский падеж бывал почти ежегодно и в течение долгого времени. Уже в конце 1605 года туринские крестьяне — 91 человек — были перед царю Дмитрию Ивановичу (самозванцу), что у них на всех осталось только семь лошадей и им «на весну пашню пахать не на чем». Царь приказал

* А. М. И. Д. Портф. Мильтера, № 478, св. 1 и 18. См. две гр. Бориса к пасхальным мейдже от 30 апреля и 8 марта 1600 года.

** А. М. И. Собр. кн. № 11, л. 72.

верхнотуркским воеводе и голове: «как на Верхнотурье посопные люди из городов с хлебными запасами придут и учнут лошадей продавать, и вы купили у них для нашей пашни лошадей, сколько будет приложе по таможенной цене... и послали тех лошадей в Туринский острог, чтобы наша пашня за лошадьми не стала...»*. О служилых людях и ямщиках туринских мы уже упоминали; последних сразу прибрано значительное количество — в 1601 году их было 50 семейств. Относительно туринских посадских и торговых людей нам не приходилось встречать ранних указаний, можно только сказать, что их в первые два года существования Туринска не было ни одного, потому что в общих челобитных от туринских жителей они не упоминаются. Поэтому, когда торговые посадские люди начали появляться в этом городе, то большей части из них приходилось селиться за острогом, так как острог был уже застроен.

Ко времени первой переписи Туринск уже значительно был заселен. По дозору письменного головы В. Беглецова, в 1624 году этот город состоял из двух частей — острога и посада. Замечательно, что в этом документе мы не находим известий ни о стенах, ни о башнях, ни вообще о каких-нибудь укреплениях, известий о таких предметах, о которых дают столь подробные указания дозорщики других сибирских городов. Правда, но в всех городах мы сообщаем подобные сведения, но это потому, что немногие дозорные книги дошли до нас в полном, не испорченном виде, чего нельзя сказать о дозорной книге Туринска, составленной Беглецовым. Но о разных казенных зданиях, дворах частных лиц и о населении Туринска в 1624 году мы находим в упомянутом документе самые точные указания. В остроге в это время помещались церкви ими Бориса и Глеба, несколько казенных зданий, как стезжая изба, тюрьма и др.; двор воеводский, два двора причта, два двора подъячих, земский двор, двор приказчика пашенных крестьян, двор пушкаря, пресфорницы, палача и сторожа; дворов стрелецких — 23, торговых и посадских людей — 7, пашенных крестьян — 38 и 9 дворов бобылей. На посаде — Покровский монастырь с семью кельями, двор попа Покровской церкви, двор сына боярского, двор подьячего, двор пушкари, стре-

* А. М. Ю. «Дела верхнотур. уезда: суды», см. грам. иара от 2 янв. 1606 г.

лещих дворов — 4, торговых и посадских людей — 22, пашенных крестьян — 74 и два двора бобылей. Всего населения в остроге и на посаде — 202 человека, исключая женщин, детей и разных свойственников; впрочем, из посадских людей семь человек жили в уезде на своих пашнях или по подворьям. К общему числу жителей Туринска нужно еще присоединить гуляющих людей и ярыжных, которых в это время было около 40 человек. Ямская слобода, по дозору Белголова, состояла из 43 дворов, да восемь ямщиков имели дворы на своих пашнях, а всех ямщиков в 1624 году было 57 человек*.

Относительно дальнейшего развития населения города Туринска до 1645 года мы в разных документах находим следующие сведения. Число служилых людей как в первый год существования Туринска, так и впоследствии, до 1633 года, было одинаковое, именно 30 человек. Но в этом году переведено из Пелымы в Туринск еще 30 человек стрельцов**, а в конине царствования Михаила Федоровича разных служилых людей в Туринск вместе с ружниками и оброчниками было 81 человек, кроме, конечно, женщин, детей, братий и племянников***. Число торговых посадских людей после 1624 года не только не увеличивалось, но и постепенно уменьшалось — в 1645 году отсталось только 32 человека. Это уменьшение зависело от того, что правительство все более и более прибавляло на них оброка и повинностей. Долгое время они со своих дворов, сенных покосов и пашни не платили ни оброчных денег, ни выдельного спона, а только несли разные службы. Но с 1621 года торговые и посадские люди обложены головным оброком: « прожиточными » платили по 3 руб., « средней статьи » — по 1½ руб., « молотчие » — по 30 и по 10 алтын****. Затем около 1628 года с них же велено брать выдельной спон. Эти тяготы заставляли их или бежать, или санкциенться в пашенные крестьяне, последнее, впрочем, не всегда удавалось, так как их товарищи в таком случае жаловались царю и просили снова обратить таких «выбывших» в класс посадских людей. Также и ямщиков ту-

* А. М. Ю. Собр. пр., кн. № 5, л. 514—547.

** А. М. Ю. Собр. пр., столб. № 6138/94, л. 537.

*** Ibid, книга № 35 и 88.

**** Ibid, столб. № 6151/107.

ринских после первой переписи не только не увеличилось, но к 1630 году значительно убыло: в этом году их было только 25 человек, а остальные разбежкались. Ямщики туринские устроены на тех же условиях, как и верхнотурские. Их наделены землей, за пользование которой они не платили никаких податей и не давали «выделенного спона», да, кроме того, на каждый пай отпускалось из казны жалованья по 15 рублей в год, всего на 50 пав 750 рублей. Сначала они должны были давать подводы только до Верхнотуры и до Тюмени; по свидетельству самих ямщиков, они гоняли водой до Верхнотуры 700 верст, а сухим путем — 400 верст, вин по Туре до Тюмени — 400 верст, а сухим путем — 300. Таким образом, у туринских ямщиков «гоньбы» было гораздо меньше, чем у верхнотурских, но со временем основания свобод в Туринском уезде и им значительно прибавилось служб. Вместе с тем и начинаются жалобы туринских ямщиков то «на жестокую ямскую гоньбу», то на надеж лошадей или на недостаточность жалованья и земельного надела. В Москве не всегда во времена обращали внимание на подобные жалобы ямщиков, а следствием этого было столь знакомое нам «бегство прозъ». В 1631 году туринский воевода писал царю Михаилу Федоровичу, что «из Туринского острога ямские охотники от жестокой ямской гоньбы и великого тужи разбрелись в выте (или пав), потому что им государева дежнекного жалованья и пашен за ними мало...». Вместе с тем воевода просил «учинить указ, кем тог им строить». Вследствие этого донесения велено тобольскому воеводе послать в Туринск письменного голову, который бы смыхал старых ямщиков и снова посадил бы их на старые пав, а вместо тех, которых не сыщет, прибрал бы в ямщики из гулящих, зажребетников, половников и посадских людей. Но в Сибири трудно было угоняться за беглопами: большая часть туринских ямщиков были люди бессемейные, им как легко было бежать, так и скрываться. Поэтому письменному тобольскому голове удалось сыскать и посадить на ям только 5 человек, а на место остальных выбылых прибрать гулящих людей. В 1645 году Ямскую слободу населяли 49 ямщиков⁴. Число крестьян в Туринске, несомненно, постепенно увеличивалось и вследствие естественного размножения, и вслед-

⁴ А. М. Ю. Сб. пр., столб. № 6151/107 и 6138/94.

ствие воеводского «прибора», но точно определить в разное время количество оных в самом городе мы не можем, так как документы, дошедшие до нас, упоминают о них вместе с уездными крестьянами, а выделить из общего числа тех, которые жили в Турийске, нет возможности. Поэтому о пристое крестьянского населения вообще скажем после.

Теперь обратимся к Турийскому уезду. Колонизационная деятельность туринских обитателей была в высшей степени слаба сравнимая с такой же деятельностью верхнотурецких. Из туринцев только пашеные крестьяне на своих пашнях строили хутора или деревни, а остальные классы хотя и занимались хлебопашеством, но имели целину большей частью около города и деревень и основывали. Пашни распахивали и сено косили они довольно значительное количества. По дозору Беглецова, посадские и горожане люди в 1624 году пахали на себя «доброй земли» 225 ч. в поле, а сена косили 2860 конен, служилые люди — 52 ч. в поле, сена косили 500 конен, туринские ямщики — 163 ч. в поле, сена косили 3730 конен, ружники, т.е. церковные притчи, подьячие, пушкари и т.п. пахали 60 ч. в поле, а сена косили 1150 конен. Но туринские крестьяне основывали несколько деревень. Эти деревни возникали тем же путем и имели такое же значение, как и в Верхнотурецком уезде. Однако относительно деревень туринских крестьян нужно заметить следующее: они — общинные, принадлежат товариществам. Правда, и в Верхнотурецком уезде встречалось то же самое, но как единичные случаи. Товарищества эти иногда состоят из единокровных братьев, а большей частью из лиц, не имеющих между собой никакого родства; они совместно владеют землей и совместно обрабатывают государевы десятинки. По первой переписи у туринских крестьян было десять деревень.

Дворов

При реке Туре	Дворов
Деревня Ильинка Лыжина с тов	3
Деревня Ижумки Полозники с тов	3
Деревня Степанки Митрофанова с тов.	5
Деревня Афанаски Пузырева с тов.	4
Деревня Кондратки Пузырева с тов.	3
Васильки Кайгородова с брат.	2
Платн. Пермякова с брат.	3

При речке Ямынка	
Деревни Иваныши Назарова с тов.	3
Афоньки Колыкова с тов.	2
При колодцах деревни Усени-оскская	8

Всего в десяти деревнях 37 дворов, а людей в них с детьми и свойственниками — 95; пашня за ними — 34 мыти, а на государя они обрабатывали 77 десятин в поле, за каждую мыть по 2½ десятины в поле. Другие туринские крестьяне имели земщиками с дворами или отъезжие пашни в разных местах и также обрабатывали государеву пашню. Всего в Туринске и в уезде в 1624 году дворов пашенных крестьян было 154, людей в них — 142, а братии, детей и племянников — 162. Пашен за ними — 67 мыти, сенных покосов на 17700 колен, а на государя они обрабатывали 151 десятину в поле*. Некоторые из вышеупомянутых деревень, как, например, Усениновская, Пермикова и Лыжкина, основавши, вероятно, еще в начале XVII века, на это указывает значительное количество переложной земли, находящейся под этими деревнями.

Вообще тогдашний Туринский уезд до 1624 года довольно мало был заселен русским элементом. Это объясняется тем, что окочие гулящие люди, служившие главным контингентом для заселения Сибири, по переходе за Уральский хребет прежде всего оседали в Верхотурском уезде и немногие из них доходили до Туринска. Вот почему ни служилые люди ни посадские, ни ямщики этого города не основывали деревень, ибо трудно было найти половников и ярмных людей, чтобы поселить их в деревнях и при помощи их обрабатывать свои пашни. Между тем по реке Нице находились прекрасные земли, на которых можно было с успехом заниматься хлебопашеством и скотоводством. На это обстоятельство одновременно обратили внимание и тобольские, и верхотурские воеводы и решили по реке Нице основать русские слободы, чтобы увеличить хозяйство своих уездов. Мы уже упоминали о двух слободах, возникших при этой реке, — Рудной и Ницунской-Щепенковой; они были основаны верхотурскими воеводами. Другие же, как

* А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 5.

Кирганская, Чубарова, Верхне-Ницынская, Нижне-Ницынская, или Красная, обязаны своим возникновением заботам тобольских воевод; поэтому они были присвоены к Тобольску и считались слободами «тобольского присуду Туринского уезда». Но так как эти слободы построены были на землях, принадлежащих туринским ясачным людям и некоторое время зависели от Туринска, то мы считаем удобным сказать о них в этой главе при исследовании заселения Туринского уезда. Из вышеупомянутых слобод ранее всех возникла слобода Чубарова, или Чубарово городище; она так называлась потому, что около нее находился татарский город Кичубаевской волости Зубар — резиденция главы этой волости музы Гильдебеки Кельдебанова. Начало этой слободы положено в 1623 году. В этом году тобольский воевода Ю. Я. Суленцов писал туринскому воеводе: «По государеву указу велено в сибирских городах прибрать на Чубарово городище из охочих людей пашенных деловых крестьян и тебе бы, воеводе, послужить и прибрать 50 человек, а сказать им охочим людям государева жалованья на плаятье и на всякий обиход денег по 5 рублей человеку, по две лошади, по корове, по две овцы, по свинье и по 10 кур, да месечные им по полу-осмине (2 меры) ржи и овса, да им же присевять на себе по четырех ржи и по две чети овса государевыми семенами, а на государя им пахать по 2 десятинам ржи человеку». Кроме этого жалованья, как единовременного дарожного пособия, всем охочим людям, изъявившим желание поселиться в Чубаровом городище, обещавая ссуду по 12 рублей на человека с тем, чтобы они немедленно построили избы, клети и дворы*. Такая широкая помощь оказывалась правительством потому, что охочих людей в Туринске было мало и их нужно было привлечь из других уездов, а привлечь и возможно было только такими пособиями. Как видно из отписки туринского воеводы и челобитной татар Кичубаевской волости, на Чубаровом городище в том же 1623 году уже поселилось несколько семей крестьян. Воевода туринский в начале 1624 года писал Суленцову, что присланные деньги 100 рублей уже все раздал на подмогу крестьянам и что приходят новые охочие люди и просят госу-

* А. М. И. Д. Порф. Миллера, № 477, св. II, л. 14.

дерева жалованья. По этой отписке тобольский воевода послал еще 250 рублей для той же цели^{*}. Благодаря этим пособиям Чубарова слобода заселялась довольно быстро: в 1624 году в ней было 50 человек крестьян, прибравших из захребетников и гуляющих людей; в следующие два года туда же прислано из Тобольска ссыльных людей 11 человек и велено им устроить в пашенное крестьяне**.

Затем почти ежегодно по одному и по два человека из гуляющих и из ссыльных людей туринские воеводы ссыпали в Чубарову слободе. Но в 1634 году на эту слободу, как и на другие слободы по реке Нице, напали «Кучумовы винчата», разорили и пожгли много дворов, убили значительное количество скота и несколько человек убили. Правительство снова пришло на помощь, и всем пострадавшим для постройки дворов и для покупки скота прислано 200 рублей денег. В 1640 году в Чубаровой слободе было 70 человек пашенных крестьян, обрабатывавших государевой пашни 46 десятин в поле***. Наконец, в 1645 году в ней было уже 85 человек, пахавших на государь б5 лестихи в поле****. Крестьяне Чубаровой слободы ежегодно доставляли в Тобольск значительное количество разного хлеба из государевой пашни, в равном образом и для себя столько обрабатывали земли, что могли ежегодно продавать правительству по 400—500 четвертей ржи*****. Около 1628 года в этой слободе поставлена таможенная застава, а после вышеупомянутого погрома «Кучумовыми винчатаами» в ней построили острожек, в который ежегодно во все летнее время, когда можно было ожидать нападения неприятель, присыпались из Тюмени или из Туринска служилые люди. Но постоянно в этой слободе находились 4 затинные железные пушкны, 47 пищалей ручных^{††} и несколько пудов пороха, свинца и пущечных ядер*****.

Чубарова слобода доставляла и денежные доходы казне, и в ней велись разные сметные книги. Доходы эти были незначительны, но зато и расходы были совсем ничтожны. Например, в 1638 году собрано всяких денежных доходов

* Ibid. Л. 15; А. М. Ю. Собр. пр., стоб. № 6132/87, л. 811.

** А. М. Ю. Собр. пр., № 6202/158, л. 66—67.

*** Ibid. кн. № 131, л. 203.

**** Ibid. кн. № 132, л. 265.

***** Ibid. стоб. № 6127/83, л. 185.

***** А. М. Ю. разб. стоб. № 400.

28 р. 62 к., к 1637 году — 33 р. 20 к., в следующем году — 33 р. 81 к., между тем как ежегодные расходы не превосходили и полугорта рублей. Эти расходы производились на следующие предметы: на бумагу, чернила и холст 1 р. 20 к. и на «государевы заздравные молебны» — по 22 к. ежегодно*. К чести жителей Чубаровой слободы относится то, что они не любили судиться: за три года правительство ни кейки не получило с судных дел, «потому что, — замечает составитель сметной книги, — таковых дел не было никаких».

Чрез год после основания Чубаровой слободы возникла при реке Нице слобода Красная. Строителем оной был боярский сын Степан Молчанов, тот самый, которого впоследствии убили крестьяне Нижненикольской-Ошепковой слободы. По приказанию тобольского воеводы Сулецкова этот Молчанов взял из Тобольска 26 человек крестьян да в Тюмени 30 половников и четырех пашенных крестьян и в 1624 году поселил их при реке Нице «на уоронце между двух речек, впадающих в Ницу, — Каньзбой и Блуком»**. Место, где поселились эти крестьяне, называлось Красная Елань, а от этого и слобода получила свое прозвание Красной, или Еланской. Но с основанием новой слободы при реке Нице Верхне-Нижненикольской Красная стала называться Нижне-Нижненикольской, потому что находилась недалеко от устьев реки Ницы.

Крестьяне Красной слободы поселились на тех же условиях и с теми же пособиями от правительства, как и чубаровские крестьяне. В 1628 году и в этой слободе построены острожек, в который ежегодно в летнее время «для побегу пашенных крестьян и для приходу воинских людей» присылались из Тюмени по 5 человек служилых людей, но эти временные защитники оказались невадежными, часто «бегивали, не дожида до срока», т.е. до осенних гроз. Поэтому в 1634 году велено приказчику Нижне-Нижненикольской слободы П. Перхуркову прибрать из гулящих людей в конные казаки 10 человек, обещая им государева жалованья $4\frac{1}{2}$ рубли денег, пашни по 4 десятинам в поле и сенных покосов по 80 копен на человека. Эти условия так показались привлекательными гулящим людям, что Перхуркову в том же

* Ibid, кн. № 87.

** А. М. И. Д. Портф. Миллера, № 477, св. II, л. 17.

году удалось прибрать из них требуемое число конных казаков*, а около 1640 года количество служилых людей в Нижне-Ницанском острожке увеличилось 10 беломестными казаками, также прибранными из вольных людей**. Что же касается пашенных крестьян, то количество их быстро увеличилось, и Нижне-Ницанская слобода вскоре стала самой населенной из всех сибирских слобод. Мы видели, что начиная с 1628 года наслаждались свободой 60 человек крестьян. Но в 1637 году их было уже 144 человека, пахавших на государя 87 десятин в поле***, в 1640 году — около 200 человек****, а в 1645 году в Нижне-Ницанской слободе было уже 300 человек, которые в этом году пахали на государя более 100 десятин в поле, а «в дну потомух»*****. Такой приток населения в эту слободу объясняется земельной плодородной почвой и богатыми угодьями: жители ее ежегодно пропадали правительству сотнями четвертей разного хлеба*****.

Вышепомянутая Верхне-Ницанская слобода построена в 1628 году реке Нице, в устье на 15 ниже Чубаровой. Первыми ее населителями были 45 человек крестьян, прибранных из вольных людей боярским сыном А. Бужаниновым*****. Попечь здесь оказалась столица плодородной, что государь в 1632 году указал туринскому воеводе помочьться от увеличения населения новой слободы и, между прочим, велел немедленно отделить у туринских пашенных крестьян от отцов детей, от братий братьев 5 человек и послать их на пашни в Верхне-Ницанскую слободу, «чтобы государева пашня пред прежним умножилась»*****. Благодаря этим заботам в Верхне-Ницанской слободе в 1640 году было уже 77 человек пашенных крестьян, а в 1645 году — 85 человек, которые в этом году пахали государевой пашни 4 десятины в поле*****.

Выше Чубаровой слободы, при реке Нице, в 1635 году заложена слобода Киргизская; она получила свое название от

* А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 6081/37, л. 87.

** Ibid, стаб. № 6111/97, л. 462.

*** Ibid, кн. № 92.

**** Ibid, кн. № 131.

***** Ibid, кн. № 182, л. 252.

***** А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 6107/3, л. 118.

***** А. М. И. Д. Портф. Миллера, № 477, св. II, л. 27.

***** А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 6078/34, л. 10.

***** Ibid, кн. №№ 131 и 182.

реки Кирги, которая недалеко от слободы впадала в реку Ницу*. Нам не пришлось найти каких-либо сведений о первых поселенцах в этой слободе, но, по всей вероятности, их сперва прибывало ничтожное количество, потому что в 1639 году Киргинская слобода доставляла хлеба только 57 четвертей, между тем как к этому году прибывшие крестьяне в 1635 году должны были уже «выйти со льготами**». Затем с 1637 года начинается быстрое увеличение народонаселения этой слободы, и в 1640 году старых крестьян было 39 человек, пахавших на государя 13 десятин в поле, и новоприбывших крестьян в Киргинской слободе было 256 человек***. В 1637 году в Киргинской слободе построен острожек, в котором в 1645 году было 10 человек конных и 10 человек беломестных казаков.

Других слобод по реке Нице, кроме вышеупомянутых, в образованном нами период уже более не строилось. Чтобы закончить обозрение заселения тогдашнего Туринского уезда в этот период, нам еще остается сказать о слободе Сусатке, или Благовещенской, основанной в 1639 году «на высоком поле при впадении реки Чукреевки в Сусатку». Об ее возникновении и первоначальных обитателях мы находим следующие сведения. В 1639 году туринский воевода Кофтырев писал Михаилу Федоровичу: «Вверх по Турс-реке есть речка Сусатка от Туринского острога веер за 50 и более, а по той речке есть дикое поле, и в нынешнем 1639 году я ездил на то поле и досматривал, а на том диком поле государеву пашню завести можно, и тело речкою Сусатково несено, в большую воду, хлеб судами сплавлять в Туру можно... и лес к той речке для судового дела, для постройки государственных житниц и крестьянских дворов есть, верстах в четырех или пяти и пашенного места много... И я, холоп твой, в нынешнем же году в Туриńskом остроге прибрал на то высокое поле на реку Сусатку 14 человек пашенных крестьян и дал им льготы на шесть лет да денег в судзу по 3 и 4 рубли человеку для присухи, чтобы окочие, гулящие люди и природа или по ласкотные годы, а доизграять за теми крестьянами я велел туринскому стрелецу Бремке Кондратьеву, чтобы они на себе пашню пахали и короминский лес ропили неопределенно, и вперед ему, Бремке, быть в приказачиках

* Ibid. ст. № 6123/88, л. 811.

** Ibid. ст. № 6127/83, л. 180.

*** Ibid. кн. №№ 131 и 182.

можно, потому что пашенное дело и новая селитба за обычай*. В этом же году прибранные крестьяне были членом государя, что им без храма быть невозможно и чтобы государь велел устроить храм и поклоновал книги, образа и колокола, а попу денежное и хлебное жалование**. Храм в «слободе на высоком поле» построен только в 1642 году во имя Благовещения Пресвятой Богородицы, а с того времени и слобода стала называться Благовещенской. Льготные годы, денежная ссуда, хлеб «на семена и на емえ» действительно привлекли в новую слободу массу поселенце, и уже в 1645 году в ней было жителей 80 человек***.

Таким образом, в короткое время в Туринском уезде основано пять слобод, все они к концу царствования Михаила Федоровича были довольно населены. Затем обратимся несколько назад и посмотрим на развитие крестьянского населения в самом Туринске и в деревнях Туринского уезда, основанных до 1624 года. Документы свидетельствуют, что количество этих крестьян постепенно возрастало и вследствие естественного размножения, и вследствие крестьянского призыва из вольных людей, а вместе с тем разнилось и землемерие в Туринском уезде. Это очевидно будет из инженерной росписи количества крестьян и обрабатываемой ими государственной и своей пашней за пять лет.

	Колич. крестьян	У их детей,	Государ пашни	Своей
	с юдостами			
В 1624 -	142	162	151 дес в поле	67 выт.****.
В 1632	215	214	207 дес в поле	ок. 92 выт.*****
В 1634	158	196	173 дес в поле	ок. 77 выт.*****
В 1640	211	275	189 дес в поле	ок. 84 выт.*****
В 1645	238	334	193 дес в поле (х. 86 выт.*****)	

Относительно «своей» пашни, количество которой мы представляем в вытах, считаем нужным сделать следующее замечание. В это время в Туринском уезде в выты полагалось 20 ч. в

* А. М. Ю. Собр. пр., ст. № 6238/94, л. 288.

** Ibid, столб. 6132/88, л. 698.

*** Ibid, лист. 6132/88, л. 698.

**** А. М. Ю. Собр. пр., кн. № 5, л. 657.

***** Ibid, кн. № 35.

***** Ibid, кн. № 42.

***** Ibid, кн. № 43.

***** Ibid, кн. № 203.

поле, государева папия «разверстывалась по вынто», и за каждую вынь земли крестьянам приходилось, по уложению Сулепова, обработать на государя $2\frac{1}{4}$ десятины в поле. Руководствуясь этим, мы, точно зная количество обрабатываемой крестьянами государственной пашни, указали на приблизительное количество вынь земли, обрабатываемой ими на себя. Говорим приблизительно, потому что не всегда упомянутое уложение соблюдалось воеводами, а ради государевой прибыли и своей службы последние «накидывали», как жаловались крестьяне, по $\frac{1}{2}$, по $\frac{1}{4}$ и $\frac{1}{8}$ десятины в поле на двор, между тем как своей папии у них распахивалось прежнее количество. В 1645 году на каждый двор в среднем количестве приходилось: своей папии по $7\frac{1}{2}$ ч. в поле, но некоторые туринские крестьяне в то же время обрабатывали на себя по 30 и более четей в поле, потому что были «семьянинами и прожиточными».

Мы выше упомянули, что количество крестьян в Турийске и в деревнях год от года увеличивалось, но, по-видимому, роспись 1634 года противоречит этому заключению. Поэтому мы считаем нужным относительно уменьшения числа крестьян за этот год сравнительно с предыдущим заметить, что в 1633 году несколько семейств переведено в Енисейск, а 38 человек сбежали^{*}.

Всего русского взрослого населения мужского пола в Турийске и его уезде в конце царствования Михаила Федоровича, исключая монахов, половников, захребетников и гуляющих людей, простиралось до 1600 человек, а ясачных людей в то же время было не более 120 человек.

Земледелие в Турийском уезде, можно сказать, прощало: одной государственной пашни в 1645 году обработано 442 десятины в поле. Средние урожаи в этом уезде были не одинаковы во всех его частях: в Ницынских слободах сам 8, а в других местах — сам 6. К концу царствования Михаила Федоровича за удовлетворением местных потребностей с государственных туринских десятин отправлялись в Тобольск и Пельм ежегодно по 10 и 15 тысяч четвертей разного хлеба, да еще в царских житницах оставался значительный запас.

Что же касается денежных доходов, то в этом отношении Турийск значительно уступал Верхотурью: здесь местные средства были недостаточны для покрытия расходов; в

* А. М. Ю. Смб. пр., ст. № 6138/04.

сметных туринских книгах замечается постоянный дефицит. Мы не будем перечислять доходных статей города Туринска, они те же, что и в Верхотурье, только статья кабакских доходов отсутствует в туринских сметных книгах, потому что в Туринске не было государева кабака. Но и здесь мы встречаем сборы «банные», «яловичные», «зерновые», видим статью доходов с «государевой мицкими», с «государевой соломы» и т.д., а главный доход, как в Верхотурье, так и в Туринске, доставляла царской казне таможня. В 1628 году вских денежных доходов собрано 640 р. 67 к., из них таможенных — 320 рублей, а расход в этом году простирался до 845 рублей*; в следующем году собрано денег 871 р. 81 к., а израсходовано 1043 рубля**. Тем не менее до 1630 года Туринск доставлял еще царской казне прибыль, если в сумму денежных доходов включить ясак, которого ежегодно собирались с туринских ясачных людей до 300 и до 500 рублей. Но после 1630 года вследствие увеличения в Туринске служилых людей вообще местные доходы, включая и ясак, не покрывали расходов, например, в 1637 году собрано денег около 1000 рублей, а израсходовано 1912 рублей***. Поэтому для покрытия расходов в Туринск ежегодно присыпались деньги то из Тобольска, то из Верхотурья, по крайней мере так было до 1645 года.

* А. М. Ю. Собр. пр., ст. № 6063/19, л. 148.

** Ibid, кн. № 18, л. 216.

*** Ibid, кн. № 87.

Глава IV

Тюмень и ее уезд (1586—1645). Если не считать построенного около 1585 года Мансуровым при устьях реки Иртыша Обского города¹⁴, не имеющего будущности, то Тюмень является древнейшим из всех сибирских городов, основанных русскими людьми. Это первая опора русского владычества в Сибири, базис, опираясь на который, русские начали вторично, после смерти Ермака, завоевывать Сибирское царство. Весть о смерти победителя Кучума было разнесено по иородским юртам и подвигла у иородцев радостные надежды. Их уже ковалось, что иго властей Белого нара окончилось вместе с гибелью того, кто наложил оное: иородцы видели, как храбрые сподвижники Ермака, сидевшие в Искере, узнав о смерти своего вожжа, бросили столицу Кучума и во главе воевода Глухова поспешно убрались из Сибири¹⁵; видели также, что и воевода Мансуров с отрядом казаков, шедший на помощь Ермаку, вследствие той же громовой вести направился не к Искеру, а к реке Оби, т. е. последовал по стопам Глухова. Это был критический момент в истории русского завоевания Сибири! Теперь судьба Кучумова царства зависела от единодушия сибирских иородцев и от такого иного поведения московского правительства. Не покажи последнее энергии и настойчивости для поддержки дела Ермака, лай оно одуматься, собраться с силами ополченным поднятом первого завоевателя иородцам — и Кузум, а может быть, и его потомство еще долго господствовали бы в Передней Сибири. Трудно определить с точностью время, когда в Москве узнали о катастрофе, постигшей сибирских завоевателей, а это обстоятельство важно было бы знать, чтобы судить о поведении московского правительства. Несомненно, что Мансуров отправился в Сибирь в 1585 году, и ему, веро-

ятно, удалось совершил большой переход прежде, чем Глухов прибыл в Москву с печальной вестью, а в противном случае он бы был остановлен на своем пути и для продолжения похода подкреплен был бы новыми силами: не могли же в Москве рассчитывать, что Мансуров с сотней казаков будет иметь успех в Сибири, когда там уже не оставалось никакого другого русского войска. Отсюда с вероятностью можно заключить, что воевода Глухов явился в Москву не ранее весны 1585 года, и, значит, московское правительство узнало о смерти Ермака месяциев через десять после этого события. А новая экспедиция для завоевания Сибири отправлена только через год после возвращения Глухова. Из этого можно видеть, что правительство Федора Ивановича слишком долго думало над сибирским вопросом, прежде чем принять то или иное решение. Очевидно, оно было поражено катастрофой, случившейся с Ермаком и его храбрыми сподвижниками, и не знал, на что решиться. Дело покорения Сибири, так блестяще начатое волжскими «ворами», теперь, когда их вождь «велеумный и храбрый ритор Ермак убий бысть», приняло дурной оборот и грозило кончиться позорным образом. Царский воевода Глухов, имевший до 150 человек войска, не решился защищать завоевания воров, оставил Сибирь, а прибывавши в Москву, вероятно, чтобы оправдать свою бесполезность, не преминул преувеличить силы врагов русского владычества за Уральским хребтом. Эти соображения наверно нам приходят в голову, когда мы думаем относительно намерений московского правительства после того, как оно узнало от Глухова о положении дел в Сибири: почти в течение целого года оно не предпринимало ничего, чтобы подстегнуть Мансурова и вообще поддержать престигж своей власти в новопокоренной стране. Только в 1586 году, и не ранее весны этого года, и, вероятно, уже в это время, когда Мансуров, бросив свой временный приют при устье Иртыша, был уже на пути в Москву, отправлена в Сибирь экспедиция из 300 человек под начальством двух воевод — Василия Борисовича Сукина и Ивана Ясного — и письменного головы Данила Чулкова. Итак, правительство Федора Ивановича решилось продолжать дело Ермака, но решилось не без борьбы. И мне кажется, что на это решение, хотя, может быть, от-

части, имело влияние следующее обстоятельство: зимой 1585—1586 гг. явился в Москву «с великой реки Оби Кунината городка, да Ильчымы городка, да Ляпина городка, да Юлия городка, да Березова городка князь Лутгур» с просьбой, чтобы русские ратные люди, засевшие в городе на великой реке Оби, при устье Иртыша, не воевали тех его городков и разрешить ему самому привозить дань в Вымскую землю царским приказанным людям. Само собой очевидно, никаких ратных людей и каков русский городок при устье Иртыша имеет в виду осязаемый князь, — это Мансуров с казаками и его временный пристой Обский городок. Федор Иванович пожаловал и дал Лутгурю свою царскую грамоту. Хотя эта грамота дана уже в августе 1586 года, но как еще Мицлер^{*} справедливо догадывался, что Лутгур был в Москве зимой 1585—1586 гг., еще тогда, когда Мансуров находился в Обском городке**. Покорность осязаемого князя дала право московскому правительству думать, что дело покорения Сибири далеко не так дурно, как это казалось после рассказов Глухова, и только после этого обстоятельства спнаружена и отправлена в Сибирь новая экспедиция. Я, конечно, далек от того, чтобы положительно утверждать, что дело было именно так; может быть, совпадение вышеупомянутых обстоятельств — покорность Лутгуря и отправление Сукина и Мясного — было случайное, не имеющее между собой никакой связи, но тем не менее я решился высказать свое предположение для объяснения появления московского правительства, которое целый год чего-то ожидало и только в 1586 году, наконец, решилось на вторичное завоевание Сибири.

Как бы то ни было, трехсотенное войско под начальством Сукина и Мясного, пересекавшись Уральский хребет, продолжало путь по Лозе и Тавде и, вероятно, в половине июля достигло реки Туры. Отсюда, вместо того чтобы идти к столице Кучума, воеводы повернули вверх по реке Туре и, как свидетельствует тобольский летописец, 29 июля дос-

* Ист. Сиб. цар. — Мицлер, стр. 160. Грамота, напеч. в Саб. Г. Гр. и Д., ч. II, № 64.

** Мансуров мог оставить свой пристой только весной 1586 года, со временем реки Оби, чтобы за судах продолжать свой путь на Русь, а Лутгур, очевидно, ранее этого времени отправился в Москву, т. о. прежде чем удаления из Сибири Мансурова.

тигли татарского городка Цымги, или Чимги, отстоявшего от устья Тавды на 85 тогдашних верст. Трудно определить, что заставило русских воевод избрать этот путь и далеко удалившись от конечной цели похода — завоевания столицы Сибирского царства? На этот счет можно только высказать более или менее вероятные предположения. Может быть, достигнувши устьев Тавды, воеводы узнали, что Мансуров уже бежал на Русь, а в столице Кучума утвердился новый претендент на Сибирское царство — потомок Едигера князь Сейдик. Считая свое войско недостаточным для изгнания из Исеры Сейдика, воеводы решились предварительно покорить туринских татар, засесть на крепком месте на реке Туре и ожидать подкрепления войском от своего правительства. Кроме того, русское войско уже в это время должно было чувствовать, что взятых на Руси счастливых припасов, именно хлеба, надолго не хватит, и об этом предмете они должны были прежде всего позаботиться. Между тем по реке Туре существовало хлебопашество, которым занимались эзенские татары, и русские воеводы, покорив последних, могли воспользоваться и инвентарем.

Мы упомянули, что к концу июля русское войско, движаясь вверх по реке Туре, достигло старинного татарского города Чимги, где когда-то зимовал⁴²⁵ покойный Ермак со своими сподвижниками. Это место находилось на южном берегу Туры при владении в нее с юга речки Тюменки и отличалось природной крепостью; здесь воеводы решились остановиться и построить крепость, из которой затем можно было бы продолжать завоевание Сибири. Эта крепость была заложена в самыи устьях речки Тюменки на южном ее берегу, так что одной стороной она прилегала к возвышенному берегу реки Туры, а другими двумя — к речке Тюменке. Значит, только одна сторона была доступна и не имела естественного укрепления, а потому воеводы русские окопали ееную рвом.

Таково было начало города Тюмени, и таковы обстоятельства, сопровождавшие его основание, а относительно дальнейшего развития этого города мы можем сообщить следующие сведения. По свидетельству тобольского летописца, вместе с

* *Приам. Относительно походов Ермака я более доверяю тобольскому летописцу, чем летописи Строгановой.*

крепостью построена и церковь во имя Всемилостивейшего Спаса. Но это свидетельство, которому доверяет Миллер, на самом деле неверно. В документах того времени «начальной» церковью в Тюмени называется храм во имя Рождества Пресвятой Богородицы, а же и были «соборной» церковью. Что касается церкви Всемилостивейшего Спаса, то она построена позже, и не в крепости, которая в документах называется городком, а в остроге. До 1600 года в Тюменском городе было уже два храма — Рождественский и Никольский и придел к последнему во имя Феодора Стратилата, между тем как в остроге не было еще ни одной церкви*. Поэтому жители острога: ляты[†], казаки, стрельцы, всякие служильые и пашенные люди — были членам царю Борису, что они по своему обещанию хотят в остроге построить храм во имя сщных великомучеников Бориса и Глеба с приделом святого пророка Илии, а воевода велит строить храмы в городе. Интересен мотив этой чудотворной: обитатели острога, межку прочим, пишут, что хотя в городе есть три храма, по им приходить туда молиться «заэори», потому что там молятся воеводы**. Царь пожаловал, но или чудотворчики не воспользовались царским разрешением, что трущо предположить, или может быть, вместо первых Бориса и Глеба построили церковь во имя пророка Илии, по крайней мере в дозорной книге 1624 года первые Борис-Глебской совсем не упоминаются.

В 1601 году в Тюмени устроен был ям из пятнадцати плав. Ямщики, присланные из Руси, сначала поселились в самом остроге, но так как им пашни были отведены между речками Тюменкой и Барымской, то они в 1604 году просили у царя позволения выселиться из острога за Тюменку, чтобы жить около своих пашен. Разрешение дано, и в 1605 году за Тюменкой была основана Ямская слобода***.

Относительно времени основания тюменских монастырей мы положительно можем только сказать, что в 1616 году в конце Ямской слободы монахом Нифонтом заложен был мужской Преображенский монастырь, тот самый, который впоследствии с построением в нем церкви во имя

* Архив Министерства иностранных дел. Портф. Миллера, № 184, см. «Челобитную тюменского полка к царю Борису в 1600 г.».

** Ibid. см. царя Бориса в Тюмень от 1601 г.

*** «Ежемес. сеч.», 1764, стр. 10.

Святой Троицы назывался Троицким*. Что же касается женского монастыря, то трудно определить, с какого времени он начал свое существование. Из одной грамоты Михаила Федоровича видно, что этот монастырь находился при церкви св. пророка Ильи. В этой грамоте приводятся челобитная от 1623 года двух монахинь города Тюмени, в которой они просят царя о пожаловании им хлебной и денежной ругой наравне со старшими Ильинского монастыря, и быть им в этом монастыре с ружными старицами вместе**. Значит, женский тюменский монастырь существовал еще до 1623 года. Теперь спрашивается, когда же он возник? Чтобы ответить на этот вопрос, мы выскажем следующие соображения: члены тюменских жителей о постройке церкви св. Бориса и Глеба относятся еще к 1600 году. Очень может быть, как мы уже упомянули, что эти жители вместе с церкви Борисо-Глебской построили церковь во имя св. пророка Ильи. Затем в 1601 году в Тюмель прислан был черный поп Никон, он-то, вероятно, и положил начало Ильинскому монастырю при вышеупомянутой церкви. Мы лулем, что этот монастырь был гораздо древнее Преображенского или Троицкого. Ибо невозможно предположить, имея в виду русские обычай, чтобы в Тюмени до основания этого последнего, или до 1616 года, не было никакого монастыря; вероятнее всего, что Ильинский монастырь начал свое существование с построением церкви во имя пророка Ильи и с пребыванием в Тюмени монаха Никона. Но первоначально в этом монастыре жили вместе монахи и монахини, а с основанием в 1616 году Преображенского монастыря монахи переселились в этот последний, монахини же остались жить в Ильинском.

С «Сибирской истории» Миллера упоминается царская грамота от 1595 года к тюменским воеводам, которой последним предписывается выдать жалованье тюменским жителям «за городское строение»: Миллер думает, что «это городное строение» состояло в возбуждении первой тюменской крепости, построенной Сукиным и к этому времени приведшей в ветхость, но мне кажется, что тут следует разуметь постройку стен острога, ибо невозможно предположить, чтобы построй-

* Ibid, стр. 11 и 12.

** «Р. И. В.», т. II, № 140.

ки, совершенные в 1586 году, могли уже значительно обветшать к 1595 году^{*22}. К тому же мы знаем, что город Тюмень вновь построен в 1622 году. На это положительно указывает документ, найденный пами в одном из портфелей упомянутого историка и содержащий в себе современное описание вновь построенного города. По этому документу новый город имел в окружности 260 саженей, по стенам его возывались две башни с проезжими воротами и шесть башен, называемых «глухими»; крепостные стены были вышины от земли «до обламок» $1\frac{1}{2}$ сажени и от обламок до крояла — 1 сажень, а ширина стен — $1\frac{1}{2}$ сажени. Острог был обнесен двумя стенами в 1048 саженей, одна от города простиралась подле речки Тюменки, а другая — от этой последней до реки Туры. По стенам острога также было построено несколько башен, из которых две проезжие, 6 глухих, одна четырехугольная на столбах с воротами к реке Туре и, наконец, одна башня о шести углах. «А крепость у города и острога, — читаем в том же документе, — с одной стороны река Тура, с двух сторон речка Тюменка, а с нижней стороны с приводу сибирские дороги от Туры до Тюменки от поля устроены надолбы тройине»^{**23}.

По дозорной книге 1624 года Тюмень в отношении построек и населения представляется в следующем виде. В самом городе находилось две церкви — Рождественская и Николаевская, съезжая изба, две избы караульных у ворот, десять государевых житни, два амбара, девять дворов, в которых жил воевода и другие начальные лица, архиепископский десятник и церковный причт, людей в них — столько же. В остроге: три церкви — Спасская, Михайловская и Ильинская, гостиной двор с тремя избами (две гостиной и одна таможенная), 24 государевы лавки, 13 лавок и 9 мясных полок, принадлежащих служителям, посадским и папежным людям, дворов разных служилых людей — 177, людей в них — 222 человека, дворов посадских — 66, людей в них — 80, да 77 посадских людей, которые дворов своих ни в городе, ни в остроге не имели, а жили по полям, в Ямской слободе и по своим деревням; ядовных дворов — 14, людей — тоже, бо-

* Ежмес. соч. 1764, стр. 5.

** А. М. И. Д. Порф. Миллера, № 45, тетр. 5, «Описание города Тюмени».

бывших дворов — 6, людей — тоже, дворов пашенных крестьян — 46, людей в них — 71 человек, один двор оброчного крестьянства, пять дворов ниццеских крестьян и, наконец, государева бана, «вторья и несколько купцов»^{*}.

Итого в городе Тюмени к 1624 году было 318 дворов, а взрослого мужского населения — 465 человек, включая в это число и тех посадских людей, которым своих дворов не имели.

За острогом города Тюмени, за речкой Тюменкой, как мы упомянули выше, в 1601 году была основана слобода Ямская. Эта слобода находилась в столь тесной связи с городом, что ее можно отнести к последнему: многие ямщики жили в самом городе по подворьям, а около 25 дворов ямских посадских людей находилось в Ямской слободе. Относительно ее обитателей нужно заметить следующее. Старые ямские охотники в 1622 году так обищали от конского падежа, как они жаловались Михаилу Федоровичу, что не в состоянии уже были более отправлять ямскую службу и «по государеву указу велено им быть в пашенных крестьянах и платить в казну выдельной пятый сноп с своих пашен». Ямская гоньба после этого возложена была на инородцев Тюменского уезда. Но постоянные жалобы последних на тяготы ямской службы и неисправность их в этом отношении скоро заставили правительство снова устроить русский ям^{**}. В 1629 году Михаил Федорович указал «прибрать на Тюмени в новые ямские охотники из посадских, из оставленных ямщиков, из захребетных и приходящих гулящих людей и устроить им из 50 паш, как было до татарской гоньбы, и дать годового жалованья на каждый пай по 10 р. денег, по 30 ч. в трех полях пашни и по 100 копен сена». Но ямская служба была столь тяжела в Сибири, что немногие русские люди собазнились этим жалованьем и немногие откликнулись на призывы воеводы, и если ямщики набрались столько, сколько требовалось указом, то это потому, «что воевода велел насильно писать в ямские охотники», как впоследствии жаловались последние. Новоприобранных ямщиков велено послать там же, где и прежде были Ямская слобода, купив для них дворы тамошних жиль-

* А. М. Ю. Сиб. пр. кн. № 5, см. «Лозгинную книгу Тюменского города письменного головы Никиты Наумова».

** А. М. Ю. Сиб. пр., столб. № 6111/67, л. 83.

нов. А так как в этой слободе в 1629 году оказалось только 28 дворов, то остальным ямщикам позволено жить в остроге, на посаде и по деревням на своих пашнях. Но уже в 1630 году новые ямщики — 50 человек — были членом государя, что им не спрятаться с ямской гоньбой, потому что они люди белые и бессемейные, а государь показывал бы, велел бы к ним в помощь прибратать еще 50 человек, чтобы в каждом пас было по два человека, не увеличивая, однако, денежного жалованья. Государь разрешил, и уже в том же году Тюменский ям состоял из 88 дворов, а людей в них был 171 человек с детьми и братьями. Ямские охотники обзываются за вышеупомянутое жалование «гоять ямскую гоньбу от Тюмени до Тобольска и до Туриенска, или где по государеву указу и по подорожным надобны будут подводы, а держать им на ямскую гоньбу на пай по 3 мерина добрых, зимою с санками, летом с седлами и телегами и со всякой гоньбой снастью, а для водяного пути держать им всякие гребные суда с веслами, с бечевами и со всякой судовой снастью ежегод безпереводно».*

Песмотря на вышеупомянутое облегчение для тюменских ямщиков, не прошло и пяти лет со времени устройства яма, как они жаловались царю, что «от той ямской гоньбы и конского падежу обициали и задолжали великихими долгами, жен и детей своих позакладывали», и требовали увеличения жалованья до 20 рублей: «а за десятиицублевое жалование, — писали они в своей челобитной, — и половину года невозможно нести ямской службы». Эта челобитная не была кляничанием, выпрапливанием у правительства прибавки жалованья: содержание ее наполнено доказательствами справедливости жалоб. Ямщики в своей челобитной а) указывают на то, что они не могут усевать «гоять ямскую гоньбу», так как городов и островов в Сибири стало больше, и ссыльных русских и литовских людей в сибирские города пред прежними годами значительно умножилось, а они всему и для всех должны давать подводы; б) воеводы и всякие служилые люди, которые ездят из Москвы в сибирские города и остроги и обратно, причиняют им жестокие обиды, кладут своих запасов на подводу пудов по

* А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 21, л. 1—6, 126—145.

30, так что им класть корму для лошадей негде, а от того лошади падают на дорогах с надсады, тем более что перезды между сибирскими городами и острогами длинные, а дорога дурная; с) челябиччики представили выписк из «гнебных книг 1633 г.», из которой оказывается, что Тюменский ям «под соболиную казну, под воевод и всяких служилых людей, под колодников до разных городов и острогов, под ясачных сборщиков до разных татарских городов, под вымельников хлеба в Тюменский уезд» дал 1476 подвод на все дороги сухим и водяным путем. Но так как подобного количества подвод ямщики не могли дать своих, от яма, то принуждены были нанять 572 подводы, за которые заплатили разным охочим людям 496 рублей. В этом документе мы находим интересные данные относительно времени, в которое ямщики доставляли пассажиров на место, и цены, которые они уплачивали за наемные подводы. «С Тюмени до Турийска летним водяным путем легким судном поспевали в 5 и 6 дней, а тяжелым — в 10 и 12 дней; зимним путем от Тюмени до Турийска налегке доезжали в 4 и 5 дней, а тяжелым возом — в 6 и 7 дней. С Тюмени до Тобольска летним путем проплывали легким судном в 6 и 7 дней, а тяжелым — в 12 дней; зимним путем от Тюмени до Тобольска доезжали налегке в 7 дней». Что касается цен за наемные подводы, то они таковы: «от Тюмени до Тобольска ямщики платили охочим людям за подводу зимой по 40 копеек и 1½ р., а по последнему зимнему пути — по 2 р. и по 2½ р.; летом наименее требовали на суда по 1 р. и по 1 р. 20 к.».

Таким образом, у Тюменского яма, уплатившего в 1633 году за наемные подводы 496 рублей, оставалось от парского жалованья только 4 рубля. Сумма слишком недостаточная, чтобы ям иметь нужное количество лошадей, саней, телег, «яской гонебной счасти, а для водяного пути держать всякие гребные суда с веслами, бечевами и всякою судовую счасть...». Правда, этот ям имел значительное количество пашен — 750 десятин в трех полях, которыми он пользовалсядаром, но трудно предположить, чтобы от проданного хлеба тюменские ямщики выручили достаточно денег для покрытия расходов по ямской службе, особенно в годы неурожайные и мало урожайные; к тому же за свой тяжелый труд они имели право рассчитывать и на барыш. Отсюда понятны же-

лобы ямщиков, и они справедливо могли жаловаться, что ради ямской службы позакладывали жен и детей. Тюменский ям для иллюстрации своего тяжелого положения вследствие недостаточности царского жалованья в своей чеботиной указывает еще правительству на условия, при которых отправляют ямскую гоньбу ямщикам в Европейской России, и тут оказывается, что сибирские ямщики поставлены в гораздо худшие условия. Например, говорят они, в Нижнем Новгороде устроен им из 70 псов, и на каждый пса положено государева жалованья в год 23 рубля, пашня по 5 ч. в поле, да поверстных прогонов по 15 к. со 100 верст. Касимовский ям существует на тех же условиях. Поэтому, пишут чеботичники, если бы им платили поверстные деньги, то по расчету казна должна была в 1633 году уплатить яму олини прогонных денег 846 р. 60 к.

В заключение своей жалобы тюменские ямщики пишут: «только-де государева жалованья не будет ныне прибавки, то им впредь никакими мерами ямской гоньбы невозможно гонять и разбрестишь будет всем роно...». «Брести роно» — эта угроза редко не действовала на московское правительство, от кого бы она ни исходила: от ямщиков ли, служилых людей или паненых крестьян. Жалоба Тюменского яма была услышана, и государь указал: а) на каждый ям давать жалованья по 20 р. в год, а б) военодам и вским служилым людям класть на подводы земной не более 25 пудов, а летом не более 20 пудов класти^{*}.

Теперь обратим внимание на уезд города Тюмени. Из дорожной книги 1623 года видно, что Тюменский уезд, несмотря на давнее основание города, в то время был еще довольно мало населен. Тем не менее русские поселки уже в это время охватили почти все течение Туры в Тюменском уезде и появились даже некоторых из ее притоков с правой стороны. Образование этих поселковшло тем же путем, как и в уездах Верхноторском и Туринском; основанием своим они обладали разным обитателям города Тюмени, Ямской слободы и составляли в большинстве случаев частную собственность отдельных лиц, без различия происхождения последних. Все эти поселки, за исключением села Каменного и нескольких деревень, принадлежат к типу хуторов, основанных тюменскими жителями на своих пашнях, а возникновение опых, очевидно, относится еще ко времени поселения в Тюмени самых основателей. Мы

* А. М. Ю. Сб. пр., ст. № 6090/46, л. 1—54.

ничего не могли сказать о времени появления в Тюмени разных классов общества, но уже в 1595 году там, кроме служилых людей, были и посадские, и пашенные крестьяне. Поэтому можно думать, что возникновение многих деревень или хуторов в Тюменском уезде относится еще к XVI веку; по крайней мере к этому времени нужно отнести деревни, близящиеся к городу; на давность основания всех ниже перечисленных деревень указывает и большое количество «перелогу», находящегося под каждой деревней.

По первой переписи, произведенной в 1623 году письменным голою Зловидовым и подьячим Салтанаковым, в Тюменском уезде существовали следующие поселки².

<i>1. Деревни разных служилых людей</i>	<i>Колич. дворов</i>
При реке Тире <i>вверх от города</i>	
Васили Лепешки	1
Треники Пельмысного	1
Митники Голая Шуба	1
Олешики Насекина	1
Михаили Насекина	1
<i>При Кривом озере</i>	
Степана Молчанова	1
Федики Ватчинина	1
Треники Кулаксова	2
Гришки Данилова	1
Савки Калягина	1
новокрещенки Андрюшки Чермисина	1
<i>При Липовском озере</i>	
Семёни Карабаева	1
Исанки Сесюккина	1
<i>Над озером в трех verstах от города</i>	
Пронки Мощеникова	1
При реке Калтаге	
Ивашики Проскуринка	1
Васили Проскуринова	1

* А. М. Ю. Сиб. пр., № 5, л. 451—539, см. «Список со списка с тюменскими изысками...».

При реке Киринке	
Мансуры Малыцева	2
Егистратки Вавиллого	1
Васильки Кончара	1
Ивашки Малыцева	1
Ивашки Бусыги	1
Андрошки Деревнина	1
При реке Шешуковке	
Якуньки Славчина	1
По Тура ниже от города	
новокрещенца Олешики Налимова	1
новокрещенца стрелецкого десятника Титки Васильева	1
Ермачка Коломогория	1
Федыки Дружинина	1
новокрещенца Ивашки Часобердинца	1
Семёники Фофилова	1
Васильки Бутакова	1
Суботки Михайлова	1
Маныкова	2
Онтошки Осипова	1
Васильки Васильева	1
Пронки Максимова	1
Тарашки и Мишки Онтоновых	1
Угромовых	2
Шеликурова	1
Ондрюшки Угречина	1
Гарипки Васильева	1
Кондрашки Коника	1

Таким образом, до 1623 года из всех служилых людей города Тюмени только 42 человека имели свои деревни в уезде. Затем десять человек имели «займища», два — «жереби» и 78 человек только пашни в разных местах. Всех занимавшихся хлебопашеством было 132 человека, которые пахали «доброй земли» 972 ч. в поле, а сена косили 10090 конен.

2. Деревни посадских людей	Колич. дворов
По Тура выше от города	
Ивашки Яковлева	1

Семёновы Зырянина	1
Васьки Витчанина	1
Якунины и Иаваши Пановых	1
Евси Шоломенчова	2

По Тура вниз от города

Тарутина	1
Мицкитина	?
Федорки Сета	1
Игнатки Виткона	1
Кирилки Матвеева	1

При реке Шашуковке

Мицкитки Данинина	1
Селиванки Стферевса	1
Костики Шеймукова	1
Семёновы Гильева	2
Лучки Ингельева	1
Митки Экранчина	1
Село Коломники на берегу Туры при устье реки Каменики	7

Это село спрavedливее было бы назвать Усольским, потому что основано было посадскими людьми — «усольцами». В 1623 году в этом селе было 6 дворов посадских людей, один двор пана, у которого жили дьячок и пономарь. Но как посадские, так и притч — все были усольцы. Относительный притча в дозорной книге замечено, что «он пашет на себе не пашет, а пятается от церкви Покрова Пресвятой Богородицы, которая находится в этом селе». Кроме того, посадским людям принадлежало 5莊мыши. Всего посадские люди — 85 человек — пахали доброй земли 376 ч. в поле, а сена косили 1950 копен.

3. Деревни пашинных крестьян	Колич. дворов
По реке Тура вверх от города	
Субботина	2
Ларки Гусельниковса	4
Иаваши Казанца	1
Братьев Мартемьяновых	1

По Тура вниз от города

Перещики Бухина	2
-----------------	---

Митки Мозирева	1
Петруим Молирева	1
Петруим Чусовитина	2
Соланки Бакова	1
Васили Голомина	2
Богданки Шадукова	1
Семейки Ошоксева	1
Братьев Угриковых	1
Братьев Сысоевых	1
Амоски Чусовитина	1
Иавашки Москвитина	2
Братьев Шашуковых	1
	—
При реке Каменке	
Афоники Гусевльникова	3
При реке Липка	
Гольшикова	1
Митки Розаза	1
Андрочки Килькова	1
Серажки Носисалова	1
Петруши Рейкина	3
При реке Карымке	
братьев Бумных	1

Всего в деревнях пашенных крестьян — 39 дворов, да в 7 зайчихах 4 двора, а за них живут 86 человек. У некоторых посадских и пашенных крестьян встречаются «их крепостные люди», «купленные люди из калмыков», «прокормленники» и «половники». Пашен добной земли тюменские пашенные крестьяне пахали на себя 627 ч. в поле, которые составляли 31 выть, пахая в каждую выть 20 ч. в поле, а государевой пашни они должны были пахать на каждую выть по 2½ десятины, итого 69 десятин в поле, сена на себя косили 4390 конем.

Из оброчных крестьян в Тюмени был только один, пахший на себя 15 ч. в поле, а оброка платил со своей пашни 15 ч. ржи и 11 ч. овса.

4. Деревни ямщиков охотников	Колич. дворов
По реке Тиря	
Елшевка (Шишукоевы)	13
Кекотина	2
Кеплагай	2
Мителева	3
Разсоха (братьев Гавриловых и Сергеевых)	6
При Б. Кармаке — Зырянская	5
При М. Кармаке — Малышева	1
При селе — Зубарева	3

Деревни ямщиков сравнительно с деревнями служилых людей, посадских и даже пашенных крестьян резко отличаются численностью населения: из них только одна деревня состояла из одного двора, и нет ни одной, в которой взрослого мужского населения было меньше двух человек. Но некоторые, как, например, Елшевка, в это время заключала в себе 13 дворов с 40 душами населения, и Зырянская, которая состояла из 6 дворов и 14 человек, включая взрослого мужского населения. Из этого можно заключить, что их происхождение несомненно иное: возникновение таких многодворных деревень, вероятно, обязано не отдельным личностям, а творчеством ямщиков, паям; по крайней мере это должно быть справедливое относительное. Елшевка, Зырянская и Разсоха. Всех ямщиков, которые жили в деревнях, — 95 человек с детьми, братией и племянниками. Другие жили в слободе и в остроге, но все занимались хлебопашеством. По дозору Злоподела они пахали на себя «доброї земли» 725 ч. в поле, что составляло несколько больше 36 вытей, а сена на себя косили 4410 копен. Мы выше уже упоминали, что эти ямщики в 1623 году оставили ямскую службу. Им пленено быть в пашенных крестьянах, а по приговору боярина Суслепцова с творчествами за пользование вышепомянутой землей они должны обрабатывать государевой пашни 81 десятину в поле. Однако из многих документов, просмотренных нами, оказывается, что этот приговор остался без исполнения, эти ямщики составляли особый разряд населения в Тюменском уезде и в разных документах называются «отставленными ямскими охотниками»; пашни государевой они не пахали, а платили со своей пашни пятый спон. Некоторые из них с образованием нового яма записались в

действительные ямщики, а большинство осталось на положении «отставленных». В дозорной книге упоминается еще деревня «вниз по Тура от города в 30 верстах», принадлежащая тюменскому Преображенскому монастырю. Эта деревня в 1623 году состояла только из одного двора, в котором жили монастырские работники. Пашни у Преображенского монастыря было 43 чет., за пашенных дубров 39 десятин, а сена на 500 копен.

Из всех вышеупомянутых данных следует, что в Тюменском уезде в 1623 году находилось одно село и 91 деревня, а дворов всех было 146. Из этого мы исключаем Ямскую слободу и архиепископскую Усть-Нижнюю, в которых в это время было 54 двора.

Что же касается количества населения в уезде, то это трудно определить; можно только сказать, что посадских было 85, пашенных крестьян 106 с братией и крепостными людьми и 95 отставленных ямщиков.

Относительно дальнейшего развития русского населения в Тюмени и его уезде в период от 1623 до 1645 года за отсутствием материала мы не можем в достаточной степени удовлетворить любознательность читателя. Именнится у нас под руками материал касается только увеличения количества служилых людей, да и то оный не дает нам никаких сведений относительно их детей, братий и других свойственников, относительно половников, захребетников и т. п.

В 1632 году пашенных крестьян было 80 человек, а государевой пашни пахали 104 десятины в поле*, в 1636 году пашенных крестьян было 65 человек, а государевой пашни пахали 97 десятины в поле**, в 1640 году пашенных крестьян было 69 человек, а государевой пашни пахали 104 десятины***, в 1645 году пашенных крестьян было 115 человек, а государевой пашни пахали 170 десятины****.

Собственный пашни тюменские крестьяне обрабатывали в 1645 году около 1622 ч. в поле. Кроме пашенных крестьян

* А. М. Ю. Саб. пр. кн. № 35, л. 218. См. «Книга тюменск. госуд. пашни и пашенных крестьян 1632 г.».

** Ibid. кн. № 68, л. 243.

*** Ibid. кн. № 43.

**** Ibid. кн. № 166, л. 237.

я, были еще оброчные, которых в этом году было 23 человека; последние за пользование пашней платили оброчный хлеб: с каждой выты по 20 ч. ржи и по 25 ч. овса; все упомянутые 23 человека в 1645 году уплатили 128 ч. ржи, 124 ч. овса и в 2 ч. крупы. Относительно количества посадских, отставленных ямщиками и гуляющих людей в конце царствования Михаила Федоровича, сужу по оброчному с них сбору, можно предположить, что первых было около 200 человек, вторых около 70, а последних не менее 100 человек.

Более точные сведения мы можем дать о количестве служащего населения в городе Тюмени. Мы упоминали, что в 1623 году всяких служилых людей, исключая, впрочем, воевод, голов, подьячих, было только 222 человека. Но после 1630 года Тюменскому уезду начинают угрожать постепенными нападениями «Кучумовы внучата» с калмыками: не прошло года, чтобы они не беспокояли этот уезд своими набегами. В 1634 году им удалось даже разгромить много деревень в Тюменском уезде и туринских слобод по реке Ише: Чубарову, Киргисскую, Верхне-Ницнскую и Нижне-Ницнскую, или Красную. Но этого раз упомянутые враги нашли себе союзников между татарами Тюменского уезда: изменив, татары Кинешского города и Терской волости и соединившись с «Кучумовыми внучатами» и калмыками, произвели значительные опустошения в русских поселках. Жители тюменских деревень жаловались, что «ноября 11 1634 года приходили под Тюмень кучумовы внучата с калмыками и тюменскими татарами, и в Тюменском уезде их, пашенных крестьян, повесили, в полон поимали и побили, деревни с хлебом покидали, лошадей и всякий скот отогнали, и им жеребьев²² своих пахать стало невозможно, потому что они стали одиноки и бедны, и беззащитны, от воинских людей совсем разорены»*.

Эти набеги, жалобы жителей и печальные донесения воевод заставили правительство значительно усилить войско в Тюмень: в следующем году сюда прислано из Коломенской 500 стрельцов, из которых 400 записались в конную службу и 100 — в пешую. Царской грамотой от 1635 года велено тюменскому воеводе рассставить коломенских стрельцов по домам служилых людей, пока они поставят свои

* А. М. Ю. Саб. пр., ст. 6111/67, л. 152—274.

дворы; велено также отвести им в остроге место для постройки стрелецкой слободы, а если острог мал, то расширить его. Кроме денежного и хлебного жалованья (5 р., 5 ч. рожь, 4 ч. овса в год), эти стрельцы получили пашни по две десятинам на человека притом без выделного снопа. Но трудно было на латигрубленое жалованье поставить дворы, купить лошадей и вообще обзавестись хозяйством на новом месте. Поэтому мы видим, что колмогорские стрельцы даже в 1636 году не поставили еще своих дворов и продолжали жить по домам томенских литвинов и казаков, несмотря на жалобы последних. В конце 1634 года они послали царю челобитную, в которой, между прочим, писали: «Едучи же они от Колмогор с женами и детьми обищцали и разорились до основания, дворники и всякий завод пометали — продавать было неколи, которого де часу твоя государева грамота пришла в Колмогоры, тот де час они посланы в Сибирь и теперь службы служить им и коней купить нечем». Челобитчики прошли подмоги, но государь указал им довольствоваться жалованьем и на него купить лошадей*. Таким образом, население Тюмени в один год увеличилось на 500 семейств. В конце царствования Михаила Федоровича всяких служилых людей было 790 человек, кроме детей, братий и племянников, из них 12 человек боярских детей. Кроме того, в Тюмени отправляли военную службу и татары, которых в 1645 году было 108 человек**.

Из всех данных, найденных нами в разных документах, следует, что всего русского населения в Тюмени и ее уезде в конце царствования Михаила Федоровича, включая ружников, оброчников и гуляющих людей, было не менее 1750 семейств, тогда как инородческого населения, служилых, пашенных и ясачных татар в то же время было не более 350 семейств.

В заключение сообщим данные из «сметных книг денежных доходов и расходов» и из «сметных книг хлебных запасов», чтобы судить так сказать, о бюджете города Тюмени и о хлебных урожаях в его уезде.

* А. М. Ю. Сиб. пр., столб. № 6132/88, л. 700. № 6111/67, л. 425.

** А. М. Ю. Сиб. пр., кн. 43, л. 600. А. М. И. Д. Порт. Миллера, № 545.

В 1628 году взято:

- 1) С тюменских посадских людей, с лавок, полок, кузниц, мельничьих оброчными денег — 125 р. 75 к.
- 2) С площадного письма откупных денег — 46 р. 48 к.
- 3) Таможенных пошлин с проезжих и тюменских людей — 1171 р.
- 4) Попытни с татарских городков и юрт от продажи супли хлеба и мелкой маткой рухлади — 17 р. 36 к.
- 5) С промысленных и гуляющих людей оброчных денег — 209 р. 71 к.
- 6) Разных других доходов: судных, корчевмых, с рыбных ловлей, с перевоза, с кабал, с пролуббей, якочных, с государевых соломы, макины, ухоботья и пр. — 393 р. 88 к.

Всего взято 1964 р. 18 к., а израсходовано в том же году 2216 р. 75 к. Расход главным образом падал на жалованье служилым людям, русским и татарям, ружникам, оброчникам и «гонебным татарам»²⁴. Неокладных, или, например, чрезвычайных, расходов в Тюмени в этом году было очень мало — всего несколько десятков рублей «на подлогу крестьянам и для смыску серебряной руды».

Таким образом, бюджет города Тюмени в 1628 году окончился дефицитом в 252 р. 57 к. Составитель сметы, представив сметные книги доходов и расходов, относительно дефицита спрашивал: «о том государь как указет?». Велено недостающую сумму для покрытия расходов дослать в Тюмень из Тобольска²⁵.

Правда, казна не была в убытке: дефицит этого года с излишком покрывался ясаком, которого в 1628 году собрано на 550 р. 12 к.²⁶. Но вообще местные денежные доходы в Тюмени не покрывали таких же расходов: во все царствование Михаила Федоровича тюменские сметные книги никогда не заканчивались без дефицита. С 1628 года денежные расходы постепенно растут, и доходы, даже включая ясак, далеко не покрывают оные, например, в следующем году собрано денежных доходов 1837 р., ясака — 535 р. 81 к., а израсходовано 2444 р. 56 к.²⁷. В 1630 году

* А. М. Ю. Саб. пр., столб. № 6063/19, л. 473 и далее.

** Ibid, кн. № 20.

*** Ibid, кн. № 18, л. 256.

дефицит получился еще больший, потому что в этом году устроился в Тюмени русский ям, а русские ямщики получали жалование вдвое более, чем татарские.

Затем с 1635 года, со временем увеличения служилых людей в Тюмени и прибавки жалованья ямщикам, дефицит достиг по тому времени почтеннейшей суммы. Например, в 1637 году собрано всяких денежных доходов 2977 р. 36 к., а вышло в расход 6723 р. 45 к., в следующем году доходов было 3086 р. 3 к., а расходов — 7033 р.*. Увеличение доходов в городе Тюмень замечается только в одной статье, именно по статье таможенных сборов, да и то — всегда; например, в 1629 году таковых доходов собрано 1171 р., а в 1638 году — 2388 рублей. Что же касается сбора ясака, то последний постепенно уменьшался; в 1637 году с ясачных тюменских людей взято мягкой рухляди только на 356 р. 45 к.**.

Но зато разного хлеба в Тюменском уезде правительство собирало значительное количество: местного сбора хлеба не только достаточно было для покрытия местных расходов, но и возможно было тысячами четвертей отправлять в другие «непашенные города». В 1628 году собрано разного хлеба с государевым десятиной пашни (в 200 десятин) — 2592 четверти, выделенного с ружниками, посадских и отставленных ямских охотников — 6537 руб., ясачного хлеба с пашенных татар — 108 четвертей, оброчного — 28 четвертей, всего 9265 четвертей, а израсходовано за тот же год на жалование ружникам, оброчникам и служилым людям на государеву пашню всего 1982 четверти***. За отправкой в Тобольск 2068 четвертей в царских житинках оставался еще значительный запас****. В 1632 году всего собрано разного хлеба 15052 четверти, а вышло в расход 2459 четвертей*****. В следующие годы сборы хлеба еще более увеличились и всегда в несколько раз превосходили расход.

Что касается урожая в Тюменском уезде, то мы, промотив за несколько лет (от 1628 по 1645 гг.) «ужимные» и «сметные книги хлебных запасов», пришли к следующему выводу: если не принимать в расчет некоторые неуро-

* Ibid. кн. Аб. 87.

** А. М. Ю. Собр. пр., кн. № 61.

*** Ibid. столп. № 6063/19, л. 47.

**** Ibid. кн. № 18.

***** Ibid. кн. № 35, л. 162.

жайные годы, то на государевой пашне был урожай, например, ржи сам 8 и 9, а на «собинной» — сам 9, 10 и даже 12; средние урожаи яровых — сам 7 и 8. Конечно, бывали неурожайные годы, бывал иногда значительный недобор хлеба против сметы, зависящий от того, что жатву заметало снегом ранее, чем могли собрать хлеб, но голод громадам не приходился терпеть, так как в царских житницах всегда находился значительный запас разного хлеба, например, в 1635 году таких запасов скопилось 17710 четвертей⁸.

⁸ Ibid., кн. № 42.

Глава V

Тобольск и его уезд (1587—1645). Тобольск с самого начала своего существования сделался начальным городом Сибири; он был центром политическим, административным, а с открытием в нем архиепископской кафедры — и центром церковным. Сюда ежегодно присыпалось множество грамот из Москвы и воеводских списков из других сибирских городов. Казалось бы поэтому, что относительно Тобольска, первого по старшинству русского города в новопокоренном крае, мы не будем чувствовать недостатка в материалах, а на самом деле до нас дошло слишком мало о нем древнейших сведений. Еще Миллер, желая что-нибудь сообщить относительно старины этого города, заметил: «За недостатком архивных дел этого времени не можем объявить больше, как то, что подбрасывают нам сибирские летописцы и прочих городов архивы». В свою очередь и мы должны сознаться в том же самом: несмотря на тщательные поиски в Сибирском приказе, нам ничего не удалось найти, что освещило бы старину Тобольска более, чем это сделано историком XVIII века. Нам не попалось под руки ни одного документа, из которого мы могли бы почерпнуть сведения, например, об основании этого города, о первоначальном его населении и пр. Поэтому нам остается передать о старине Тобольска только то, что находим у летописцев и в Миллере. Вероятно, после получения местей от Мансурова, прибывавшего из Сибири не раньше весны 1586 года, и донесений из Тюмени от воеводы Сукина, московское правительство в начале 1587 года послало в Сибирь новое войско в количестве 500 человек и вместе с ним некак письменноому голове Чулкову, чтобы последний с сильным войском отправился к столице Кучумова царства и около нее на удобном месте заложил новый русский городок, из которого можно было бы вести дальнейшие военные операции в Сибирском царстве. Исполнив наказ, Чулков

летом 1587 года положил основание городу Тобольску заложением небольшой крепости на правом берегу Иртыша, против устья Тобола и несколько севернее Кучумовы сподвижники Искера. Этот последний, как мы упоминали, находился в это время в руках князя Сейдика, который воспользовался бесстрастью Кучума, чтобы предъявить свои права на царство своих предков. Несомненно, что соперничество этих двух претендентов много способствовало успеху русского дела в Сибири. После утверждения Сейдика в Искере иртышские татары не знали, кого признать своим властителем, за кого бороться против русских завоевателей; вероятно, часть из них стояла за Сейдиком, а другая оставалась верной Кучуму. Отсутствие единодушия между иртышскими татарами гибельно отозвалось на судьбе обоих претендентов и дал возможность русским почти без борьбы подчинить себе эти иородцы. Как видно, Сейдик не отличался энергией, но, захватив в свои руки Искер, линия Кучума опала на Иртыш и тех средств для борьбы с русским войском, которые он мог найти у иртышских татар.

Мы не знаем, делал ли Чулков попытку силой выгнать Сейдика из Искера. Тобольский летописец рассказывает, что однажды русскому воеводе удалось заманить в свою крепость этого претендента вместе с его начальными людьми и частью войска и жестоко расправиться со своими гостями: войско было перебито, а Сейдик с товарищами взят под стражу и затем отправлен в Москву. По свидетельству же другого летописца, не русский воевода поступил вероломно с Сейдиком, а, напротив, последний хотел вероломным образом захватить Тобольск и перебить русских людей. Но все летописцы согласны в том, что после плены Сейдика татары его бросили Искер и убежали в степь. «И оттоле, — замечает сибирский летописец, — на всех басурман сибирской земли напал великий страх, и все татары близкие и дальние не смели к государевым городам приходить войнью». Хотя мы и знаем, что на самом деле татары далеко не так трусливо смотрели на русские крепости, как думает этот летописец, но тем не менее действительно после разгрома Сейдика, опустошения Искера многочисленные татарские юрты, расположенные по среднему и нижнему течению Иртыша, волей или неволей должны были признать власть русского царя. Существование русского города на Иртыше, в центре иртышских татар,

препятствовало Кучуму воспользоваться последними для борьбы с русскими завоевателями.

Русское правительство хорошо понимало стратегическое значение Тобольска в новопокоренном крае, держало там всегда значительное войско и постепенно насыпало его и посадскими, и пашенными людьми. Сначала Тобольск зависел от Тюмени, но скоро (вероятно, в 1590 году) он сделался не только самостоятельным, но и главой других сибирских городов. С 1590 года воеводами в Сибири назначались люди знатные — князья, стольники и даже бояре; они имели широкие полномочия от правительства в отношении дальнейшего распространения русской власти в Сибири и общего управления покоренным краем. По свидетельству тобольского летописца, тот же Чулков, который положил основание Тобольску, построил две церкви: одну во имя Живоначальной Троицы в самой крепости, а другую во имя Всемилостивейшего Спаса вне оной. По другому известию город в 1600 году «перенесен с Троицкого мыса на другую сторону горного яйзу на мыс», т.е., вероятно, на место, на котором тобольская крепость начечена на атлес Ремезова. Затем в 1601 и 1602 годах построено еще две церкви: одна во имя Вознесения Господня, вероятно, в крепости, а другая на горе в честь Николая Чудотворца*. По дозорной книге 1624 года в городе, в остроге и в острогом было уже 10 церквей и два монастыря: Успенский женский с двумя церквями — во имя Успения Пресвятой Богородицы и Николая Чудотворца и Знаменский мужской с церковью во имя Знамения Божьей Матери. Первоначально в Тобольске был один из обоих полов монастыря с церковью Зосимы и Савватия, построенный на левом берегу Иртыша близ старого устья Тобола. О времени основания этого монастыря и об основании его мы ничего не знаем. В 1610 году он был перенесен из за Иртыша на гору, за острог: здесь при нем была построена церковь во имя Успения Пресвятой Богородицы, и монастырь стал называться Успенским**. В «Кратком показании о воеводах...» мы находим известие, что в 1611 году при

* «Описование Сиб. пар.» Миллер, стр. 171—173; «Ежем. соч.» 1764 г. кн., стр. 28—30. «Сибир. лет.» кн. Соловьев, стр. 64—65; лет. Соловьев Евланов, глав. XXXI и дал.; «Краткое показание»; «Сибир. лет.» в «Сев. архиве» ч. XIX; «Кунгурская летопись», стр. 99.

** «Странник» 1864, янв., см. статью «Киприян, первый архиеп. Тоб.»

том же монастыря жителями Тобольска по обещанию построена другая церковь, во имя Николая Чудотворца⁴. Вот почему в некоторых древнейших архивных документах, найденных нами в Сибирском приказе и отпосыдичах к Успенскому монастырю, последний называется Успенским и Никольским^{4*}. Первый архиепископ Сибирский Киприан по прибытии в Тобольск основал новый монастырь в нижней части города под горой, около устья реки Мостовки; сюда были переведены старцы Успенского монастыря, старицы остались жить в последнем. В 1624 году в Успенском монастыре было 7 келий, а в новом — только 5. Так как при последнем построении была церковь во имя Знамения Пресвятой Богородицы, бывшего в Новгороде 1170 года, и придел Зосимы и Савватия, то он стал называться Знаменским, или Обителью Знамения Пресвятой Богородицы и преподобных отец Зосимы и Савватия^{4**}. Важнейшим событием в истории Тобольска, как и всей Сибири, было учреждение в 1620 году архиепископской кафедры в этом городе. Первым Сибирским архиепископом, как известно, был Киприан, бывший до того времени архимандритом новгородского Спасского Хутынского монастыря. Посвященный в сан архиепископа, Киприан, взяв с собой монахов, протопопов, ключаря, несколько священников, дьяконов, пречтеников, певчих, детей боярских, несколько простых служителей и даже 8 семей крестьянских, отправился в Сибирь в начале 1621 года и прибыл в Тобольск 30 мая. Прибытие Киприана с целым штатом по крайней мере на 25 семейств увеличивло население этого города. Сибирские писатели утверждают, что будто Киприан по приезде в Тобольск «Троицкую церковь в подражание новгородскому собору и в память того, что первый архиепископ был уроженец Новгородской епархии, назвал собором св. Софии»^{4***}. Мы с этим не можем согласиться: в договорной

* Крат. показ., стр. 6—7.

** А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 151, л. 36 и 37. Здесь читаем: «1620 г. Савва Франдужинъ... тоб. государя дал земли в Тобольску в общей монастырь Успенский и Никольский... Помимо других виду на западном остр. разу склон росстана...», или: «1620 старец Герасим прозал займыне в Успенский и Никольский монастырь...».

*** А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 151, л. 23. «Пеший князь Лименов дал в Обитель Знам. Пр. Бог. и прпзд. отец Зосимы и Савватия по своим родителям купил им деревню» и др.

^{4****} «Страница». 1864 г., альг.

книге 1624 года церковь Живоначальной Троицы упоминается отдельно от соборной церкви св. Софии, и притом первая находилась тогда в городе, а последняя — в остроге. Судя по тому, что первая царская жалованная грамота (от 20 января 1622 года) дана «Сибирскому архиепископу», а не «в дом Софии Пр. Божией», как обыкновенно писалось в подобных грамотах, нам кажется, что в начале 1622 года еще не существовало церкви Софии Пр. Божией. Но, несомненно, последние уже была в конце лета 1622 года, ибо следующая царская жалованная грамота от 20 ноября этого года дана именно «в дом Софии Пр. Богородицы». Из этого можем заключить, что Киприан немедленно в своем приезде в Тобольск заложил архиепископский дом и при нем церковь во имя Софии Пр. Божией, а окончено это здание и освящено летом 1622 года. С этого времени уже все пожалования парсеки давались не архиепископу Сибирскому, а в дом Софии Пр. Божией*. Этот дом, как мы увидим далее, был довольно энергичным фактором в деле населения Сибири.

Ко времени прибытия Киприана в Тобольск этот город был уже довольно обстроен и заселен. В самой крепости, как видно из дозорной книги 1624 года, кроме церквей, находилось много зданий: двор боярский, государева съезжая изба, стрелецкая изба, амбар и погреб. Но острог был довольно обширен, и в нем, кроме церквей, помещались двор архиепископский, двор воеводский, гостинный двор, 52 лавки, 2 двора дьячих, 2 двора земских и 290 дворов, принадлежавших ружникам, служилым людям, новокрещеным, посадским, гулящим людям и пашенным крестьянам, да за острогом пол горы, кроме церкви Богоявления Господня и Знаменского монастыря, коломенского двора, государевой бани, были 34 двора разных частных лиц; пол горы же находились юрты татар и бухарцев**.

Относительно служебных людей здесь считаем нужным сообщить, что между ними в это время были еще сподвижники славного Ермака: они служили в пепих казаках и составляли «старую сотню» под начальством атамана. Несмотря на

* Р. П. Б., т. II, № 127; А. И., т. III, № 96; А. М. И. Д. Порт. Миллер. № 477, с. II.

** Дозорная книга 1624 г., см. «Материалы для истории города Тобольска» Пайденова.

свою давнюю службу и прежние заслуги, эти казаки не пользовались никакими особыми привилегиями; рядовые из них получали тоже же денежное и хлебное жалование, как и некоторые приборные пешие казаки, именно по 5 рублей денег, по 5 четвертей ржи и по 4 четверти овса. Нам не встречалось ни одной челобитной от них об увеличении государева жалования; кажется, что они были им довольны. Но когда именно в 1632 году Михаил Федорович указал быть над именем начальника тобольскому боярскому сыну Богдану Аршинникову в качестве головы, а не атамана, то они были спешниками этим недоволены и отправили царю челобитную следующего содержания: «Тобольского города пятидесятники и десятники в товарищей своих место 100 человек быть членом — служат они государю в Сибири, в Тобольске от Ермакова взяты лет по 40 и по 50 с атаманами, а не с головами, а ныне был членом государю Богдан Аршинников в головы к казакам на Григорьев прибор Шестакова», а их старую сотню велено ведать ему же Богдану, но их челобитцы о том, чтобы ведать их Богдану Аршинникову не было». В заключение своей челобитной казаки старой сотни просили Михаила Федоровича, чтобы он покаловал «за прежние их службы и за кровь велен ведать их по-прежнему атаману Гаврилу Ильину, а не Богдану Аршиникову, чтобы им государевы службы не отбыть и вроде не разбрестишися». Может быть, казаки «старой сотни» потому еще не хотели служить под началом Аршинского, что последний был по происхождению литвин, сосланный за разбой в Тобольск в 1617 году. Во всяком случае им было почетнее служить под началом своего собрата Гаврилы Ильина, который, как видно из одной его челобитной Михаилу Федоровичу, был одним из старейших казаков «старой сотни», который служил еще с Ермаком «в поле 20 лет и 50 лет в Сибири». Челобитная казаков была уважена^{4*}. Число всех тобольских служилых людей в это время мы не можем определить, можем только сказать, что из (боярских детей, стрельцов, конных и пеших казаков, казаков литовского списка, иноземцев, новокрещенных служилых татар) было в 1624 году в городе и в

^{4*} Примеч. В этом году по указу государя Григорий Шестаков прибрал из скользких и гуляющих людей в пешие казаки 500 человек к прежним 305 записал же казакам; между последними находились и «старой сотни».

^{**} А. М. Ю. Сиб. пр., столб. № 6112/68.

деревнях около 325 дворов. Но впоследствии количество служилых людей значительно увеличилось: в 1633 году вместе с новоприобретыми и новокрещенными им было 1392 человека*. Посадских людей в 1624 году было 53 двора, в 1633 и в 1640 годах было 88, но в 1641 году осталось только 70 человек, а остальные, по донесению воеводы, разбежались вследствие многих государственных служб, в число этих 70 человек мы включили и 14 человек архиепископских закладчиков**. Крестьян в городе было очень мало; по дозору, в 1624 году их было только 11 дворов.

Теперь обратимся к заселению Тобольского уезда. Уже в первые годы существования города Тобольска обитатели его — служилые люди, посадские, крестьяне и духовные лица — начинают заниматься хлебопашеством и основывать на своих пашнях деревни. Первоначальными населителями деревень боярских детей, подячих и духовных лиц были их свойственники и дворовые люди, которых они привозили в Сибирь вместе с собой, а в деревнях казаков, стрельцов, посадских людей и крестьян — их свойственники. Потом население в уезде Тобольском увеличивалось гулящими людьми, но преимущественно ссыльными, которых тобольские воеводы по указу государя раздавали крестьянам, а последние поселяли их в своих деревнях в качестве половников на известный срок по уголову. К 1623 году русские деревни появились на значительном пространстве Тобольского уезда: вверх и вниз по Иртышу, его большим и малым притокам, по дубравам и около озер. По дозорным книгам 1623 года в этом уезде были следующие поселки***.

	Колич. дворов
Деревня на Аблацком городище пола Якова	1
Деревня при Куларовском съзре пола Андрея	1

Деревни служилых людей от Тобольска вверх по Иртышу и притокам:

	Колич. дворов
При Иртыше	
Подчухаши	2

* А. М. Ю. Собр. пр., кн. № 45, стр. 6, № 6112/68.

** А. М. Ю. Собр. пр., ст. № 6132/68, л. 512.

*** А. М. Ю. Собр. пр., книг №№ 5 и 1207.

Иваново	1
Яковлева	1
братьев Крушинских	1
Булгакова	1
Мордвинова	1
Дурининская	3
Выходцева	1
Трошина	1
братьев Измайловых	1
Сергеева	1
Станиславска	1
Матюшкина	1
Сафонова	1
Косовецкого	1
Черного	1
Мельникова	1
Безсонко	1
Поминова	1
 При реке Кундуске	
Саникова	1
Денисова	2
Тимофеева	2
Янтаря	2
Синицы	1
 При реке Сибирке	
Черная	1
братьев Выходцевых	1
Кстича	2
 При реке Тумянке	
Аршинского	1
Максимова	2
При реке Плоской	
Ермакова	1
Измайлова	1
Кобелева	1
Шостома-Дурыни	1

Медиука	1
При озере Шучьем	
Волкова	2
Деревни служилых людей от Тобольника вниз по Иртышу:	
При реке Иртыш	
Любимского	1
Низовского	1
При Кугаевском озере	
Чекасова	1
Немчина	1
Гам	1
При реке Подувальной	
Чеслопечкова	1
При озере Лутовинове	
Лутовинова	1
При реке Бебровой	
Байкашина	1
Кречетникова	1
Волчика	1
При реке Сузгунке	
Л. Тычинского	1
И. Тычинского	1
Ваги	1
Урбатова	1
Кузмина	1
Шски	1
Яковлева	1
Терентьева	1
Сысоева	2
Митрина	1
Болотова	1
Трушникова	1
Кунгурова	1
При Иштамск. протоке	
Еремеева	1
Ганинова	1
Ушарсва	1

Захарова	1
Енбая	1
Попова	1
При реке Тайменке	
Антонова	1
Шостака-Филиппова	2
При реке Аремзянке	
Яновского	2
Кисланова	1
Подчекунин	1
Данилова	1
Шостака-Микитина	1
По Тоболу и притокам	
Дурны	1
Зырянин	1
Устюжанина	3
Балахнина	1
Репина	1
Бубны с товарищи	1
Колыгина	2
Дементьевая	1
Деульского	1
Поступкова	1
Семёжкина	1
Деревни посадских людей	
При старице Иртыша	
Гарипова	2
Балина	2
При реке Иртыш	
Корякса	1
Шапсчиникова	1
Балина	1
Худика	1
При Кугаевском озере	
Рогалея	1
Хворона	1

При Иштаминск. протоке	
Дементьева	1
При реке Сузунке	
Костельникова	1
Алексеева	1
Курбатова	1
Некрасова	1
При реке Таймене	
Новоселова	2
Деревни пашенных и оброчных крестьян от Тобольска вверх по Иртышу и притокам:	
При реке Иртыш	
Никонова	1
Степанова	2
Токрева	1
Быкова	1
Софронова	4
При реке Мостовой	
Ламбина	8
Ермакова	1
На Абалах.	
Трезенова	5
Устинова	2
Яркова	6
На Абалах. городище	
Трошкина	2
При реке Кундуске	
В. Саникова с братией	14
Сорокопевника	1
Вяткина	1
При реке Сибирке	
Черная-Рукосцева	2
Усольца	3
При реке Усе	
Н. Попуянова с братией	7
Деревни пашенных и оброчных крестьян от Тобольска вниз по Иртышу	
При реке Тайменке	
Родникцева	2

Суборьевка	2
При реке Аремзянке	
Максимова	1
При реке Бобровой	
Ломаева	1
На Чиркесском Ерке	
Истомы Баса	1
Юдина	1
<i>По реке Тоболу и притокам:</i>	
На Карабине	
Балхонина	1
Шишкина	1
При Карабинском озере	
Опучева	2
Карачино	6
На Долгом яру	
Репина	1
На городище Табол-Тур	
Смиренного	1
Бурнаша	2
При реке Тобол	
Бабасаны	1
Бугаши	2
Пашнина	1
Зайлово	1
При реке Чагытка	
Семёнова	1
Глазкова	10

Кроме деревень, в Тобольском уезде было два погоста — Преображенский и Рождественский. Первый находился на Абалахе в 20 верстах от Тобольска, в нем было 4 двора причта и 16 дворов посадских, пашенных и оброчных крестьян. Церковь на нем во имя Преображения Господня была приходской для всех деревень, находящихся к югу от города. Второй погост с церковью во имя Рождества Христова лежал при Иртыше вниз от Тобольска в 10 верстах; этот погост состоял из 3 дворов причта и трех дворов пашенных и оброчных крестьян; деревни, находящиеся к северу от Тобольска, а равным образом и те, кото-

рые находились по Тоболу, составляли приход Рождественской церкви.

В вышеуказанных деревнях и двух погостах в первой четверти XVII века было 267 дворов, а зарослого мужского населения — 435 человек. Пашен за ружниками и служилыми людьми было 850 четвертей в поле, за посадскими — 219 четвертей, за оброчными крестьянами — 328, за пашеными — 685 четвертей в поле. Оброчные крестьяне за пользование землей платили вместо обработки десятину в поле: старые и семьянинские — по 15 четвертей ржи, по 11 четвертей овса и по 4 четвертей крупы, а новоприброрные и не прожиточенные — по 12 четвертей ржи, по 8 четвертей овса и по четверти крупы. Земли пашенных крестьян положены были в выты и составляли 25 выты по 25 четвертей в поле в каждую выту; за пользование землей они обрабатывали государеву пашню, находившуюся в разных местах Тобольского уезда, за каждую выту по $2\frac{1}{4}$ десятин в поле. Так было до 1623 года, но с этого времени по распоряжению воеводы Сушецова и пашенные крестьяне вышли на оброк и обложены оброчным хлебом, так что все крестьяне в вышеупомянутых деревнях и в городах сделались оброчными. Эта перемена не отразилась на хлебных запасах в царских житинках: «равно прибыли и убыли для государя в том нет», — замечает воевода*. Но для пашенных крестьян такая перемена была выгодна: когда они «сидели на пашне», должны были пахать государевы десятини и собираять с них жатву ранее, чем со своих пашен, а это иногдаело к тому, что свои десятини осыпалися или даже уборка собственной жатвы делалася невозможной вследствие неблагоприятной погоды; бывало и так, что государевы десятини убирали вовремя, а когда приступали к уборке своей жатвы, то начинались уже снежные метели и засыпали последнюю снегом.

Так как земли в Тобольском уезде были среднего качества, то приличного крестьянского населения был довольно слабый: в 1623 году всех крестьян было 129 человек, кроме женщин, детей и служивших; в 1640 году — 125 человек, а в 1645 году — 149 человек**.

* А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 6302/158, л. 77.

** А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 131, л. 191; кн. № 182, л. 234.

Относительно возникновения разных поселков в Тобольском уезде после 1623 года мы имеем довольно скучный материал, да и тот касается только до основания правительством разных слобод и острожков. Так, в 1635 году основаны были ямские слободы при реке Иртыше — Демьяновская и Самаронская. До того времени ямскую службу между Тобольским, Березовым и Сургутом отправляли инородцы этих уездов, но исполнение их постоянных жалоб на тяготы ямской гоньбы правительство решилось устроить два русских яма: один в Демьяновской волости, а другой — «под самароксиними горами» на границе Сургутского уезда. В феврале 1635 года государь указал дьяку Пантелеймону Гирикову прибрать в померских городах 100 человек ямщиков с женами и детьми и немедленно отправить их в Сибирь для поселения: 50 человек в Демьяновской волости и 50 — под Самароксиними горами. Прибрать велено людям семьянинским от отцов детей, от братии братью, от дядей семьянинков, а не из тагла, не из холопей, не из крепостных и не из воров; подмоги велено дать по 5 рублей на пай да подводы до места назначения: семьянинским, у кого 7 и 8 человек в семье, по 4 подводы, у кого 6 человек — по 3, а у кого семья будет сам-третей или сам-друг, то по 2 подводы. Из отписки ляка Гирикова видно, что уже в мае этого года было прибрано в разных городах 86 человек, и несомненно, что они в том же году отправлены были в Сибирь, поэтому Миллер несправедливо относит основание вышеупомянутых слобод к 1637 году*. Около того же времени в 50 verstах от Тобольска, при озере Куларовском, возникла слобода Куларовская. Крестьяне, поселившиеся в этой слободе, должны были обрабатывать государеву пашню: в 1640 году их было 14 человек, а в 1645 году — 16 человек, государевой пашни они в этом году обработали 6 десятин в поле**.

Что касается острожков, то в Тобольском уезде в обозреваемый нами период построены два — Тарханский и Вагайский; первый был основан около 1629 года при реке Тобол, недалеко от впадения в нее реки Туры, а второй — в 1633 году при реке Вагай, несколько выше устья этой реки. Необходимость основания этих острожков исключительно

* А. М. И. Д. Причины дела св. 76; «Ежем. соч.», стр. 509.

** А. М. Ю. Сиб. пр., книга № 131, л. 192; № 182, л. 250.

вызывалась стратегическими целями. Мы выше упоминали, что с 1626 года усиливаются нападения «Кучумовых внучат» и их союзников калмыков и ногайцев на Тобольский и Тюменский уезды. Дороги, на которых эти враги предпринимали свои набеги на русские поселения, лежали, между прочим, по рекам Тоболу и Вагай. Это заставило правительство на упомянутых дорогах построить острожки: один для наблюдения за тобольской дорогой, другой — за вагайской. Но и Тархинский, и Вагайский острожки, подобно тому, как Каурдацкий, Тебендинский и Ишимский в Тарском уезде, в обозреваемый нами период не имели постоянного населения, а только на летнее время скола присыпались из Тобольска десятка по двое или по три и более, «смотря на вестям», казаков и стрельцов. Вагайский острожек недолго существовал на указанном месте. Скоро оказалось, что он не в состоянии наблюдать за калмыцкой дорогой через Вагай и что калмыкам легко обойти этот острожек при вторжении в Тобольский уезд; показания тобольских служилых людей не оставляли в том никакого сомнения. В 1636 году они говорили тобольскому воеводе: «Поставлен-де тот Вагайский острожек не у места, от большой дороги и от калмыцкой дороги в стороне. И как-де они ходят из Тобольска в поход против калмыков или в поселянках к последним, то идут прямой дорогой на урочище Атбаш¹² и Вагайский острожек и вагайских служилых людей совсем не видят, а равным образом, если и воинские люди пойдут той же дорогой на Тобольский уезд, то они незаметно для вагайских служилых людей могут вторгнуться в Куларовскую слободу и русские деревни, и татарские юрты...». Вследствие таких показаний тобольский воевода Михаил Гостовский в том же году велел боярскому сыну Толбузину перенести Вагайский острожек на новое место, именно на урочище Атбаш, которое также находилось при реке Вагай, но только на несколько верст выше Вагайского острожка.

Донося об этом в Москву, тобольский воевода указывал на следующие стратегические преимущества нового острожка перед прежним Вагайским. «Урочище Атбаш, — писал он, — лежит на прямой калмыцкой дороге, которая из-за реки Ишима идет через Ашильские юрты и чрез Вагай на Атбаш-

кое уроцище, а к этому последнему месту прилегли с одной стороны крепкие леса, а с другой — непроходимые болота, простирающиеся вверх по Вагаю верст на 90; сухого места между рекой Вагаем и болотами только сажен на 12, и этим-то местом проходят калмыцкие воинские люди, а обойти оное совершенно невозможно». Как видно из этого донесения, Тобольский воевода не сомневался, что с постройкой русского острожка на том сухом месте загайская дорога для калмыцких воинских людей будет окончательно заперта*.

Кроме правительства и частных лиц, в заселении Тобольского уезда принимали деятельное участие Тобольский монастырь и «дом св. Софии Пр. Божией», или сибирские архиепископы.

Мужской тобольский монастырь, кажется, начал заниматься хлебопашеством только с того времени, когда из-за Иртыша перенесен был на гору за Тобольский острог и стал называться Успенский. Это видно из того, что первая земля земли этим монастырем относится к 1612 году. В этом году «были членом боярем и всей земли с первоначала строитель с братию и толо монастыре вкладчики тобольского города и иных сибирских городов, которые служили под Москвою и всякою нужку терпели с боярами и со князем Дмитрием Тимофеевичем Трубецким с товарищи, тобольского города атаман Дуруни с товарищи, чтоб их бояры пожаловали для их старости за их службы и за раны, где бы при смертном часе головы свои приклонить к монастырю, а на прокормление были членом о пустом займище о реке Вагае по обе стороны и со всеми уголами и с озера и о Бегишевым горах и с озером Бегишевым и с сенными покосы и с островом. И государевы бояры пожаловали по их человечью монастырю пустое займище от города верст с 50 и больше, реку Вагай по обе стороны и вверх по Вагаю, и со сторонними речками, коли пади в Вагай, да Бегишевы горы с Бегишевым озером и с островом и с речкою Лиственкою...»**. Это боярское пожалование впоследствии, именно в 1623 году, утверждено за монастырем грамотой Михаила Федоровича, и вместе с тем монастырские крестьяне

* А. М. Ю. Собр. пр., стобл. № 6111/67, л. 137—149.

** А. М. Ю. Собр. пр., ст. № 644/400, л. 2 и 3.

освобождены от всяких казенных новинностей и податей. Таким образом, Успенский монастырь сразу сделался обладателем громадного количества земли да еще получил очень важную привилегию, которая давала ему легкую возможность прислать на свое завладение крестьян.

Чтобы окружить свою вагайскую вотчину, приобрести некоторые соседние угодья, которые были уже заняты или русскими людьми, или татарами, монастырь не стеснялся в средствах; например, под Бегишевыми горами находились татарские юрты и пашни, монахи вытеснили их оттуда, и земля, которую пахали татары, и сенные их покосы отмежеваны были к монастырской вотчине; на самой реке Вагай находился Вагайский остров, а около — Вагайское озеро, которые были во владении Саввы Французжанина, но монахи добивались того, что этот владелец все эти угодья и в том числе пашни с поселянским хлебом отдал в монастырь за помин души; постройки же, бывшие на тех землях: две избы, конюшник, каретник, житницу и баню — продал тому же монастырю за 40 рублей; наконец, между устьем Вагая и государевыми пашнями (то Кураловская слобода) монастырь купил у пашенного крестьянина Рукосцева Куларовское озеро (5 верст длины и 200 сажен ширины) и пашню, которая от монастырской земли в одну сторону простиралась до реки Духовой, а в другую — до Ермаковой перекопки*.

После каждого приобретения тем или иным путем монахи были человек Михаилу Федоровичу об утверждении их во владении и при этом слезами молили, чтоб государь не отказал поклоняться «Обитель Успения Пресвятой Богородицы», или (с 1622 г.) «обитель Знамения Пресвятой Богородицы», чтобы «было чем кормиться и им ницым не умереть с голоду, и разбрестись врозь, и монастырь не запущен бы...».

Эти «нищие государевы богомольцы», которых в Успенском монастыре в 1621 году было около 10 человек, как увидим сейчас, с одной своей вагайской вотчины могли не только кормиться, но и богато жить по тому времени.

По дозору Максима Трубчанинова в 1621 году в вагайской вотчине за Успенским монастырем была деревня при

* А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 151, л. 55 и др.

устье реки Вагай, состоящая из 6 дворов, в которых жило 9 семейств монастырских половников. Они обрабатывали земли 29 четвертей в поле да сена косили 1900 колен*. В то же время и на Бегишевых горах, и на реке Березовке, владеющей в Иртыш, и на купленных землях у Рукосенка и у Саввы Французжанина появляются монастырские дворы с половниками и бобыльскими обозами. Монахи призывали на свою пашни не только гулящих людей, бывших в Сибири, но и посыпали агентов. Русь «для прибора крестья» благодаря этим заботам и льготам, которыми пользовались монастырские крестьяне, к 1642 году за Знаменским монастырем было на Бегишевых горах около озера 8 дворов с 27 крестьянами, за Вагаем — 4 дворы с 9 крестьянами, на реке Березовке и по Куларовскому увалу — 20 дворов с 49 крестьянами. Всего в вагайской вотчине на купленных и пожалованных землях, включая и вышеупомянутую деревню (впоследствии село Богословское), по дозору Аршинского в 1642 году было: «дворец» монастырский, в котором жили племенные люди, и 60 дворов половниковых и бобыльских с 133 крестьянами. Пашни они обрабатывали 276 четвертей в поле, перелогу имели 682 четверти в поле и сенных покосов на 14600 колен**.

Кроме того, тобольский монастырь и в других местах Тобольского уезда имел пашни и деревни то купленные, то вкладные. Еще в дозорной книге Трубчевского 1621 года упоминается за этим монастырем: а) деревня юртюн старого сибирского городища, б) деревня Ивановская по речке Шанталыку, в) деревня на реке Иртыше Шантинская, г) деревня Якимовская на реке Кундуске и, наконец, замыка против города. По дозору же Богдана Аршинского 1642 года, кроме этих деревень, монастырю принадлежали: д) деревня Юрлова-Третьякова на правой стороне реки Шилей, е) деревня над речкой Сузунской, ж) деревня Олешинская, з) деревня Шестаков-Шапошникова, и) деревня Платовская над свором Етезерем***, к) деревня на озере Кугаеве. Во всех этих десяти деревнях и в замыке в 1642 году было 27 дворов с 52 половниками и бобыльками, которые обрабатывали земли 170 четвертей в поле****.

* Ibid, лл. 44 и 45.

** Ibid, л. 160.

*** А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 151. См. дозорные книги Трубч. и Арши.

Что же касается тобольского девячичего Успенского монастыря, то последний не имел никаких вотчин. Хотя вагайские земли и были пожалованы еще Успенскому монастырю и сладчини давали свои деревни и пашни «Успению Пресвятой Богородицы и Николаю Чудотворцу», но после того, как и пришли «развел» старцев и старниц, первые, поселившись в заменском монастыре, не оставили девячичему монастырю ни почка земли и ни одного крестьянинка. Впоследствии, именно в 1653 году, архиепископ Симеон писал государю в челобитной, что «старницы девячичего монастыря 80 и больные пытаются Христовыми именами между дворами», и просил о даче им земли². Между тем к этому времени у старцев хозяйство увеличилось: почти ядро против переписи 1642 года, то есть за борьбским мужским монастырем почти ядро более было крестьян, и последние ядро, более подделявали земли.

Зато дом Софии Пр. Божией в своей хозяйственной деятельности не только не уступал Знаменскому монастырю, но и начальство преносходило последний: в течение каких-нибудь 20 лет после своего основания он приобрел массу земли и устроил из слободы и несколько деревень. Начало поземельной собственности и заселения ее крестьянами положил Киприан. Еще в 1622 году Михаил Федорович пожаловал первого Сибирского архиепископа с его дворовыми людьми и церковным причтом хлебным и денежным жалованьем. Тобольскому ководу велено было звать Киприану ежегодно разного хлеба 1236 четвертей с осиной, меду 60 пудов, пшеничного горячего 100 веддер и денег 609 р. 65 к. Несмотря на эту значительную «рутру»³, Киприан по приезде Сибирь решил заняться земледелием, и сразу в довольно широких размерах. Из Тобольска уже в 1622 году он был членом художественного суда: «Велено мне быть в Сибири в Тобольском городе у ссыпки оных крестьян, и бояльей у государя а богочестия нет... вели, государь, привози охочих волных юдей с Руси и которые живут в Сибири...». Кроме того, человек просил пожаловать ему луг за Иргылом да пахотной земли за речкой Курдюмской, где была прежде государева пашня. Михаил Федорович пожаловал, и по его указу тобольский ковод отвел софийскому дому сенных покосов на 400 копен, а ахотной земли — 53 четверти в поле^{**}. Но еще ранее, именно

² А. М. Ю. Сиб. пр., р. 400.

³ А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 6618/573, л. 3—5.

в 1621 году, тот же архиепископ сделал замку в Тюменском уделе при устье реки Ницы и посыпал на ней тех 8 семейств крестьян, которых он вывез из Руси. Это было начало Усть-Ницнской слободы. По первому его челобитью там отведено в дом Софии Пр. Божией сто десятин пахотной земли и сенных покосов на 400 копен, а по второму — еще столько же того и другого. Но в 1623 году Киприан опять был членом государя, что ему, государеву бояромъльцу, дано при устье Ницы 200 десятин в одном поле, и государь показаловал бы, зелел бы отвести еще два поля по 200 десятин. И государь пожаловал!^{*} Да тюменский посадский человек «дал вкладу в дом Софии Пр. Божией свою пашню 17 десятин, двор и сенные покосы, находящиеся около Усть-Ницнской слободы».

В то же время Тобольский архиепископ разным путем увеличил и пожаловалную курдомонскую вотчину. Так как последняя с разных сторон граничила с пашнями некоторых тобольских жителей, то он постарался приобрести эти пашни, чтобы окружить упомянутую вотчину: одни пожертвовали свои пашни в дом Софии Пр. Божией, а другие продали. Так что во времени отъезда Киприана из Тобольска под этой вотчиной находилось 177 четвертей пахотной земли, много сенных покосов и разных угодий. Кроме того, Киприан основал недалеко от города четыре деревни и поселил в них крестья. По переписи, произведенной в 1625 году, т.е. перед вступлением на архиепископскую кафедру Макария, за домом Софии Пр. Божией были следующие деревни:

1. Деревня Камарица на реке Бобровке, а в ней жили 7 человек крестьян.

2. Деревня Матвеевская (что дал вклад боярин Матвей Голунов) над речкой Тайменкой, а в ней один крестьянин.

3. Деревня Киселевская (что дал Кисель) на реко Сузгунке, а в ней два крестьянина, из которых у одного два взрослых сына.

4. Деревня Безсоновская в Сузгуне над речкой Тайменкой, а в ней один крестьянин.

В этих деревнях пахотной земли было 44 четверти в поле да переплыто 188 четвертей**.

* А. М. И. Л. Порт. Магаз., № 477. См. грамоты Маврика Федоровича Красного в венце Федору Пушкину и племяннику Илье Молчанову.

** А. М. Ю. Сб. пр. кн. № 7, л. 101. См. «Список с переписных книг вогучи тобольского и сибир. архиепископа в 1625 г.», а также Разб. столб. № 314.

Мы выше упоминали, что Киприан в 1621 году расположил начало Усть-Ниццынской слободе, эта слобода начала быстро заселяться благодаря церкви, основанной там в 1622 году. По вышеупомянутой переписи в этой слободе в 1625 году было 22 семейства крестьян, которые в том году сеяли ржи 56 десятин и разного хлеба 65 десятин, а собрали всего хлеба 1406 копен*. Почти одновременно с Усть-Ниццынской слободой Киприан основал и слободу Тавдинскую. В 1622 году он был человеку Михаилу Федоровичу по жалованью в дом Софии Пр. Божий отъезжей пашни между реками Тавдой и Тоболом по обе стороны, именно просил «остров займище царя Кучума»**.

Из описания дозорщика Полутого (1623 г.) видно, что это займище находилось по реке Тавде там, где с восточной стороны к этой реке впадала речка Бизик, а с западной — речка Анирка: на последней в то время было татарское городище. Государь и в этой просьбе не отказал Киприану. Несмотря на то, что почва здесь была мало плодородная, крестьяне, как видно, охотно заселяли новые займища дома Софии Пр. Божий. По переписи 1625 года в Тавдинской слободе было уже 16 дворов, а людей в них 22 человека. Переписчик замечает, что крестьяне сеют хлеба мало — всего 17 десятин, но он же указывает, что недалеко от слободы находится «Тихая Тавда и старая прорва Тавда», где крестьяне имеют рыбные ловли. Эти-то угодья, вероятно, и привлекли крестьян в новую архиепископскую слободу***.

Таким образом, хозяйственная деятельность первого Тобольского архиепископа имела значительный успех: своему преемнику он оставил громадное количество земли, 68 крестьян, помимо дворовых людей, и 133 «кабальных записей в деньгах и хлебе». Максарий по своему приезду в Тобольск высыпал по этим кабалам довольно крупную по тому времени денежную сумму — 1405 рублей и 211 четвертей разного хлеба****. Второй Сибирский архиепископ далеко не был таким хозяином, как его предшественники. Хотя он пробыл на кафедре более десяти лет, но хозяйство софийского дома при нем не особенно

* А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 7. См. перевиную книгу Толбузина.

** А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 6618/573, л. 10.

*** А. М. Ю. Сиб. пр., разб. ст. № 315.

**** А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 7, л. 76 и др.

расширилось, как можно было бы ожидать. Ему уже не было надобности увеличивать поземельную собственность, которой и без того было слишком много, а все его хозяйствственные лаборы должны были склониться к усложнению рабочих рук в софийском хозяйстве. Полученная им денежная сумма по кабелам давала для этого достаточные средства. Между тем при нем вышеупомянутые четыре деревни, основанные Киприаном, совершенно запустели, и крестьяне разбрелись. Он успел основать только одну новую деревню — на старой Сибири, да и то только с одним крестьянским двором. В Тавлинской слободе при нем прибывалось только для крестьянства. Но Усть-Нидымская слобода обязана этому архиепископскому увеличением своих жителей на 32 человека. Кроме того, Макарий присобрел в доме Софии Пр. Божией оброчных крестьян: в Тюмени 16 и 17 — в Тобольске, да при нем же за софийским дом заложились 14 посадских людей: 6 — в Турунске и 8 — в Тобольске. Всего он оставил своему преемнику Нектарию 91 четверть пашенных крестьян, 33 оброчных и 14 заслужников из посадских людей, да дворовых старцев, детей боярских, певчих, дьяконов и подьяконочных и вских деловых людей 70 человек, а также много денег, хлебных и других запасов и скота*. Этот архиепископ и умер в Сибири. Между другими архиепископами он резко выделяется, между прочим, тем, что не любил докучать царю члобитными; в то время как другие ежегодно, а иногда в год по несколько раз писали слезные прошения царю то об увеличении денежного и хлебного жалованья, то об увеличении поземельной собственности софийского дома; от Макария мы не встретили ни одной подобной просительной члобитной. Зато последующие сибирские архиепископы, Нектарий и Герасим, отличались необыкновенной страстью к стаканию — страстью, доходящей до алчности. Нектарий прибыл в Тобольск в 1636 году. Ему сейчас же была вручена перепись Веревкина вятчи, крестьяне вообше для него и недвижимого имущества дома Софии Пр. Божией. Из нее он увидел, что крестьяне четырех деревень архиепископских «разбрелись неведомо куда». Вследствие этого первой его хозяйственной заботой было отыскать беглецов и посадить их на прежние места; заботы его увеличились полнейшим успехом — с его приезда опять начинают свое существование упомянутые деревни. Вместе с тем он начал

* А. М. Ю. Сиб. пр., разб. ст. № 326.

призывать в софийские деревни новых крестьян, обещая им льготы и подмогу; на его призыва, как увидим, отклинулись очень многие: одни садились на пашни, другие на оброк, некоторые записывались в софиийские захлодники. Но в то время, как хозяйственная деятельность Нектария шла так успешно, правительство наносило ему один удар за другим. Прежде всего денежное жалование софийскому дому было уменьшено до половины: вместо 609 р. 65 к. велено давать только 321 р. 65 к. Затем в 1638 году прислан указ тобольскому воеводе, чтобы со следующего года давать софийскому дому вместо хлебного жалованья деньгами, а с 1642 года совсем прекратить хлебную руту. Этот указ велено показать Нектарию, «чтобы он вперед на государеву хлебную жалованье не надеялся и строился своею пашнею». Но, вероятно, Нектарий знал, что эти распоряжения исходят не от царя, сколько от правителя Сибирского приказа, знал, что религиознейший Михаил Федорович не может так обижать дом Софии Пр. Божией. Поэтому немедленно же одно за другим посыпал к царю два слезных прошения. В одном из них он был честол., что ему строить свою пашню некем, «пашенные крестьянинах и бобыльниках за софиjsким домом мало». Но так как в Москве и пересенях Веренинах** знали, что и земли, и крестьян у архиепископа достаточно, то Нектарий в своей челобитной жаловался, «что в этой переписи пашенные крестьяне писаны вдвойне, отцы с детьми, а дети малы и не работают, с Ницинской и Тавдинской слободой идет хлеб невеликий, а борчные дают в софиjsкую казну головью по 50 коп. в гол.»***. В другом прошении Нектарий писал: «Иные (1639 г.) государь, мне Богомолому твоему и софиjsким собориям и дворовым людям дважды за твое государево жалование за хлеб деньгами за четверть ржи по полтине, а на торгу, государь, твою казенную четверть (4 меры) покупают по 1 р. 25 к. и против, государь, торговой цены дают менее половины», между тем софиjsкие собория и дворовые люди постоянно жалуются ему, что они, «покупая хлеб дорогой ценой, в конец погибли и одолкали величими долгами». Затем архиепископ просил, чтобы давали в дом Софии Пр. Божией хлебную руту по-прежнему.

* А. М. Ю. Сиб. пр., раб. ст. № 314.

** Премч. Обыкновенно писалось три экземпляра переписных и дозорных книг, из которых одна отсыпалась в Москву, в Сибирский приказ, другой оставалась в схажей избе, а третий вручался архиепископу.

*** А. М. Ю. Сиб. пр., раб. ст. № 324.

му хлебом, а не деньгами. В заключение челобитной читаем обыкновенный жалобный припев сибирских архиепископов: «Государь, смилийся, пожалуй, чтоб от хлебной скучости нам, ниццим твоим богоомольцам, в конец не погибнуть и врозь не разбрестись и твое царское богоомолье без службы не было бы»*. Михаил Федорович не мог устоять против такой челобитной и велел снова давать софийскому дому хлебную руту, впрочем, только до 1642 года. Теперь посмотрим, насколько справедливы эти жалобы Нектария на ниццу софийского дома. Может быть, и в самом деле «государева богоомолья дальней сибирской волтины», несмотря на их громадную поземельную собственность и достаточное количество крестьян, недоставали и терпели нужду в самом необходимом? Совершенно справедливо, что хлеб в Сибири в 1639 году значительно поднялся в цене благодаря неурожаю в этом году, справедливо и то, что воеводы, выдавая софийскому дому хлебную руту деньгами, обсчитывали ружников в свою пользу: воеводам указано «давать деньгами по прямой сибирской торговой цене, какой ценой в котором году учатъ хлеб на торгу покупатъ», а они давали за четверть только по 50 коп. вместо 1 р. 25 к. Но дело в том, что софийскому дому не было никакой надобности обращаться за покупкой хлеба к торговым людям: в его житницах всегда находились громадные запасы хлеба, а в погребах и кладовых было в изобилии всяких птиц и яств. Данные об этих запасах столь интересны, что мы считаем нужным выписать здесь оные из переписных книг.

В 1636 году в софийском доме были следующие запасы: разного хлеба — 39100 пудов, масла коровьего — 65, соли — 418, меду пресного — 132, хмеля — 19, вина горячего — 236 ведер, меду кислого — 79 ведер, пива простого — 224 ведра, пива поддельного — 35 ведер, вина церковного — 13 ведер, ромашки красной — $\frac{1}{4}$ ведра, уксуса — 20 ведер, масла конопляного — 6 ведер, масла орехового — $\frac{1}{4}$ ведра, зоска — 6 пудов, жира рыбьего — 10 фунтов, лимонов — 110 штук.

В сушняках: осетра — 202 штуки, стерляди — 163, нельмы — 243, щук — 260, семги — 7, икры черной — $\frac{1}{4}$ пуда.

Просольной рыбы: щуки — 1343 штуки, нельмы — 50, стерляди — 120, язя — 301, окуня — 140, осетра — 17 штук.

* А. М. Ю. Сб. пр., разб. ст. № 326.

Добавим к этому, что у софийского дома было в это же время 32 рабочие лошади и множество рогатого скота*. Для каждого очевидно, что этим одним запасом «нищие богомольцы», которых с деловыми людьми в 1636 году было 70 человек, могли не только прокормить себя, но вместе с тем в течение двух лет могли кормить всю армию Ермака, с которой он завоевал Сибирское царство. Трудно предположить, чтобы при таких запасах можно было этим богомольцам голодать или чтобы они действительно имели намерение «брести ярость». Но ведь это только запасы, остатки от ежегодных приходов. В том же году они должны были получить из казны хлеба 6180 пудов, мелу 60 пудов, вина горячего 100 ведер, за рыбные ловли 110 р. 13 к., денежного жалованья — 321 р. 65 к. Несправедливо также жаловался архиепископ Нектарий, что с вотчин софийского дома «идет невеликий хлеб». Из переписных книг Веревкина видно, что в 1636 году с одной Ницынской слободы привезено в Тобольск в софийские житницы разного хлеба 4535 пудов**. Таковы были средства софийского дома до вступления Нектария на сибирскую кафедру. Но при нем эти средства должны были значительно увеличиться: каждый год селились на софийских вотчинах новые крестьяне, и значит, каждый год усиливалось хлебопашество, а вместе с тем и количество «пятивного хлеба», собираемого софийскими выделщиками, все более и более увеличивалось. По переписи, произведенной после оставления Нектарием сибирской архиепископской кафедры, т.е. в 1640 году, за софийским домом числилось крестьян: в деревнях Комарницкой, Матвеевской, Киселевской и Безсоновской — 58 человек, в Ницынской слободе — 182 человека, в Тавдинской — 79 человек, да боярей в Тобольске, Тюмени, Туринске и Верхотурье — 111 человек, всего 427 человек взрослого мужского пола***, тогда как Нектарий упоминает о Макарии только 138 человек. Кроме того, своему преемнику, архиепископу Герасиму, он оставил разного хлеба 18125 пудов, ссудных и заемных кабал и памятей — 756, денег по этим кабалам — 1906 р. 26 к., хлеба — 11323 пуда, 61 лошадь да массу рогатого скота и

* А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 70.

** А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 74.

*** А. М. Ю. Сиб. пр., разб. ст. № 314.

всех съестных припасов и питий*. Помимо всего этого, с казны земного хлеба Герасим имел получить 1500 четвертей ржи и 500 четвертей села.

Казалось бы после этого, что преемнику Нектария уже невозможно будет жаловаться на нищету софийского дома, а на самом деле было далеко не так.

Архиепископ Герасим выехал из Москвы не с пустыми руками: ему дали взаймы из государевой и патриаршей казны 200 бархатов на сумму 69 р. 78 к. и 1000 рублей деньгами. Но по приезде в Тобольск Герасим немедленно отправил к царю члобитную, в которой, жалуясь на нищету софийского дома, просил те заемные деньги зачесть за хлеб, который взят взаймы казной при архиепископе Нектарии. Михаил Федорович поклонился. В то же время этот государь послал тобольскому воеводе указ, чтобы с 1642 года хлебной рути не давать софийскому дому, а пусть архиепископ «строится своею пашнею». Это первая неприятность для Герасима, а другая заключалась в следующем. Еще в конце 1639 года туринские посадские и пашенные крестьяне были перед государем, «что в Туринском остроге и в Туринском уезде живут на государевой земле архиениско-посадские закладчики — б человек с женами и детьми, пашут на себе пашню, косят сено, а государевы люди теснят и со своих дворов и пашен денежного оброка и выдельного хлеба в государеву казну не платят». В заключение члобитчики просили, чтобы эти закладчики «стянули» вместе с ними всякие государевы подати. В ответ на эту члобитную из Москвы в 1640 году прислан туринскому воеводе указ, которым велено тех закладчиков отписывать на государя, и впредь тем, которые живут в посадах, никакими закладчиками не называться. Вероятно, узнав об этом решении, и тобольские посадские люди жаловались на 14 человек софийских закладчиков, что последние живут в Тобольске на государевой земле, торгуют в своих лавках и на площади, промышляют всякими промыслами, а с ними, посадскими людьми, никаких государевых служб не служат и оброка в казну не платят, и затем тобольские члобитчики просили того же, что и туринские**. Из этих члобитных,

* А. М. Ю. Сб. пр., разб. ст. № 311.

** А. М. Ю. Сб. пр., разб. ст. № 315.

между прочим, видно, что положение архиепископских закладчиков было очень выгодное: заплативши в дом Софии Пр. Божией небольшой оброк (50 к. или 1 р.), они уже были свободны от всяких казенных податей и повинностей. Однако не всегда было так, не все архиепископыользовались от своих закладчиков одним этим оброком. Те же тобольские архиепископские закладчики, 14 человек, о которых упоминается в члобитной посадских людей, в конце 1640 года подали Михаилу Федоровичу на Герасима следующую жалобу. Упомянув в ней о том, что «одни из них заложились за Макария, а другие за Нектария, чтобы они заступались за них во всяких обидах», члобитчики пишут: «Се ины стали невозможным жить за архиепископом, притеснения и налоги великие как от самого архиепископа, так и его дворовых людей; детей наших берут насилием замуж за своих пашенных крестьян, а за твоих государевых людей отдавать не велят, накладывают на нас, сирот, налоги не в меру, заставляют насилием пахать свои пашни, архиепископ торговать не велит и из Тобольска не пускает, а мы люди торговые, а не пашенные... и от тех притеснений, государь, один из нашей братии сбежал, бросив жену и детей, другой, Михаилко отордник, от его мученья удавился, а одного закладчика жена удивилась от того же архиепископского мученья...». В заключение этой жалобы закладчики просили жить за государем и вместе с посадскими людьми «тянуть» службу и тягло*.

Комментарии к этой члобитной излишили. По поводу нее можно только вспомнить некоторых крепостников-помещиков XVIII века вроде знаменитой Салтычки. Что в этой члобитной нет преувеличений, мы не сомневаемся: только жестокие притеснения этого «нищего государева Богомольца» могли заставить закладчиков желать изменения своего положения, потому что вообще закладчиками и християнам как в Европейской России, так и в Сибири за софийским домом и за монастырями жилось лучше, чем за государем.

Вследствие этой члобитной в 1641 году прислан тобольскому воеводе указ, которым велено взять тех закладчиков в посад и быть им за государем, и вместе с посадскими людьми платить казенные подати и служить всякие служб-

* А. М. Ю. Собр. пр., стоб. № 6132/88, л. 527.

бы. Таким образом, софийский дом при Герасиме лишился 20 закладчиков. Это подало повод Сибирскому архиепископу послать Михаилу Федоровичу едину за другой две слезные челобитные, каковые писал его предшественник Нектарий. В одной из них Герасим писал, что ему и его дворовым людям с 1642 года не указано давать хлебного жалования, а велено заводить свои пашни, но ему заводить пашни некем и нечем, так как у него взято в Тобольск шесть человек и нечего. Государь смилился и велел выдавать софийскому дому хлебную руту и после 1642 года в течение трех лет. В другой челобитной Герасим просил, чтобы государь возвратил в дом Софии Пр. Божией выпеупомянутых туринских и тобольских закладчиков, «чтоб софийская домовая пашня и залегла, дом Софии Пр. Божией не оскудел, и чтобы дворовые люди от голода не разбрелись врозь». Чем кончилось дело о закладчиках, мы не знаем. В одном докладе, поданном Алексеем Михайловичем по этому поводу, сказано: «велено тех закладчиков взять на государя, но взяты ли, того неизвестно». Вообще религиозный Михаил Федорович слишком снисходительно относился к своим сибирским богоомольцам и, если иногда издавал указы, запрещающие софийскому дому увеличивать число крестьян и количество поземельной собственности, то по первой же челобитной Сибирского архиепископа немедленно изменял оные. Это мы видели из вышеизложенного, а еще очевиднее будет то же самое, если мы обратимся к хозяйственной деятельности архиепископа Герасима. В 1641 году тюменского Преображенского монастыря черный поп с братней дали вклад в дом Софии Пр. Божией — свою замкну, находящуюся в Тюменском уезде по нижнему течению Туры, за Шучным озером и за речкой Терентьевой, впадающей в Туру, — замкну на 150 десятин пахотной земли и на 500 копен сенных покосов. По распоряжению тобольского воеводы эти земли были отведены софийскому дому и записаны в книгу. Тогда Герасим был целом государю об утверждении в правах владения той замкной. Но в Москве посмотрели на эту уступку иначе, чем тобольский воевода. Государь, выслушав о ней доклад, решил, что Герасим «то делает не по делу, что хочет имать в софийской дом монастырские земли».

* А. М. Ю. Сиб. пр., раб. ст. № 314 и 315.

ли — вклад, ему владеть теми землями, какими владели прежние архиепископы, а до монастырских земель ему нет никакого дела». На основании этого решения послана (в 1643 г.) тобольскому воеводе грамота, чтобы он ни под каким видом не отдавал вышеупомянутых земель в дом Софии Пр. Божией и впредь «смотрел бы накрено, чтобы никто никаких земель архиепископу вновь не захватывал». Очевидно, правительство поняло, что софийским домом просто овладела страсть к стяжанию, к увеличению земель без всякой необходимости, ибо и без этой заминки за домом Софии Пр. Божией числилось по переписным книгам громадное количество поземельной собственности — несколько тысяч четей. Это первый указ, ограничивающий страсть к стяжанию сибирских архиепископов. Но это ограничение, как мы сейчас увидим, было только на бумаге, а не на деле.

Вероятно, Герасим предвидел подобный исход дела в Москве и, не ожидая оного, постарался разными средствами укрепить за софийским домом право владения вкладом тюменского монастыря: в 1642 году он поселил на тех землях 20 семей софийских боярьяков, построил острожек и церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы. Узнав же о дарской грамоте, Герасим немедленно, именно в августе 1643 года, послал Михаилу Федоровичу челобитную, в которой, ссылаясь на поселение в новом селе крестьян и на постройку там «государева Богомолья», просил дать грамоту за красной печатью, чтоб та земля была крепка за софийским домом. Вместе с тем в той же челобитной Герасим просил, чтобы и на будущее время государь велел отводить в дом Софии Пр. Божией те земли, какие он прищает, так как прежней земли за софийским домом мало и его дворовым людям хлеба пахать нетде. И что же? Михаил Федорович пожаловал и указал (1643 года, окт.) тобольскому воеводе не отнимать у софийских боярьцов уступленных тюменским монастырем земель, потому что там уже стоит «государево Богомолье храм Покрова Пресвятой Богородицы»*. Таково было начало и таковы были обстоятельства, сопровождавшие основание на левом берегу Туры, недалеко от владения этой реки в Тобол, слободы Покровской.

* А. М. Ю. Сиб. пр., разб. ст. № 314.

Несмотря на парское запрещение софийскому дому впредь не увеличивать земель «ни которыми делы», под Покровскую слободу отведен новый значительный кусок земли. В 1644 году архиепископ Герасим был членом государя, что с 1645 года государеву богоомолью — софийскому дому — не велено давать хлебного жалованья, и он, архиепископ, теперь заведует пашню, чей бы ему и его дворовым людям прокормиться и не умереть с голоду, а под Покровским селом уступленной Тюменским монастырем земля мало и новых крестьян посадить негде. Вследствие этого Герасим просил отвести к этому селу земли и сенные покосы, которые лежат вниз по Тоболу, по речке Услье и по речке Иске по обе стороны. Государь покалoval. Но в то же время (дек. 1644 г.) тобольскому воеводе послана подтверждительная грамота, чтобы впредь в софийский дом и в сибирские монастыри ни русские, ни татары, ни остатки никаких земель, сенных покосов и угодий не давали, а какие земли после этого указа найдутся за Сибирским архиепископом или за сибирскими монастырями городом тобольского разряда, то отбирать на государя бесповоротно и беззенко, и чтобы тобольский воевода и другие воеводы смотрели за этим «крепко накрепко». Однако Герасим никакой не смущался подобным указом: он привык уже считать такие запрещения мертвой буквой: он знал, что члены от «софийского государева богоомолья» сильнее указов. В следующем году, едва только Алексей Михайлович вступил на престол, как Герасим бил ему членом, что земля Усть-Ницинской слободы вынуждалась, а смежная с нею земля за рекой Мостовой около 300 десятин пустая и в дачах ни за кем не была, и просил отвести в дом Софии Пр. Божней эту землю. И государь покаловал и в то же время послал указ, чтобы впредь и т.д.*.

Этим мы пока окончим обозрение хозяйственной деятельности тобольского Знаменского монастыря и тобольского архиепископского дома. Следствием этой деятельности было, как мы видели, основание слобод Усть-Ницинской и Покровской в Тюменском уезде, слободы Тавдинской, села Боголюбского и нескольких деревень в уезде Тобольском. Во всех этих поселках к концу царствования Михаила Федоровича находилось до 650 человек взрослого

* А. М. Ю. Сиб. пр., реф. ст. № 314, 315, 324 и 326.

мужского населения, а количество земли за монастырем и за домом Софии Пр. Божией в это время можно считать уже тысячами десятин. Судя по краткости времени, в которое основаны и заселены вышеупомянутые поселки, мы должны признать, что тобольский монастырь и софийский дом были очень энергичными фактограми в истории заселения Сибири. Правительство уже вступает в борьбу с ними: ограничивает их право относительно увеличения земельной собственности и крестьян, приказывает воеводам отбирать от монастыря и софийского дома лишние земли и лишних крестьян на государь бесповоротно и безденежно. Но, как мы увидим в другой части нашего исследования, и при этих условиях монастырь и софийский дом делают новые заминки, увеличивают год от года число крестьян и находят средства укреплять за собой противозаконные приобретения.

Быстро русского населения в Тобольске и его уезде в конце царствования Михаила Федоровича было до 2330 семейств, а иороднического населения в то же время было около 1300 семейств.

В заключение этой главы сообщим сведения о казенных денежных и хлебных доходах по городу Тобольску. До 1623 года количество местного хлеба, собираемого в тобольские царские житницы, было незначительно, оных и пятой доли не покрывалось местных расходов. Всевода Сулемов несколько увеличил этот сбор: привлекая на пашенные крестьян государевой лавши, на оброчным крестьян — оброчного хлеба, обложил «пятицнным спнопом» пашню ружников и посадских людей и «десятинным спнопом» лавши тех служилых людей, которые получали из казны полные оклады хлебного жалования. Но почва в Тобольском уезде не отличалась плодородием: средний урожай озимого — сам $4\frac{1}{2}$, а ярового — сам 3. Поэтому, несмотря на то, что со времени Сулемова сбор хлеба увеличился, его все-таки далеко не хватало для покрытия расходов. Например, в 1628 году всего собрано разного хлеба 2330 четвертей, а израсходовано 6527 четвертей*. С 1633 года расход хлеба значительно увеличился вследствие того, что число служилых людей в Тобольске увеличилось на 500 человек, а между тем хлебного сбора против 1628 года привлеклось в царских житницах,

* А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 6063/19; кн. № 27.

сравнительно с расходом, небольшое количество — всего около 700 четвертей. В конце царствования Михаила Федоровича расход хлеба превосходил доход приближительно на 7000 четвертей. Далеко не в таком отклонении в Тобольске находились денежные доходы к денежным же расходам: тобольские «сметные книги денежных доходов» не только заканчивались без дефицита, но ежегодно отмечалась в них значительный излишек, и этот излишек постоянно возрастал. Так, в 1624 году всяких денежных доходов собрано 5780 р. 24 к., в 1625 году — 6581 рубль, а в следующем году — 6635 рублей. Считаем, однако, нужным заметить, что эти суммы показывают только «окладные денежные доходы первого браных», а были еще неокладные, или, по нашему выражению, чрезвычайные доходы. Например, в 1625 году «продано 15 лошадей, которым ударили челом государю калмыцкими послы разных тайш» за 48 р. 52 к., в том же году продано мяткой руклади (брак, который не отсыпался в Москву) на 110 рублей. Между тем как окладных и неокладных расходов ежегодно выходило не более 5500 рублей.

Главная статья денежных доходов — это сборы таможенной и проезжей пошлины с торговых людей: в 1625 году первой пошлины взято 4198 р. 91 к., а второй в том же году — 713 р. 39 к. Крупный же расход составляла плата жалованья служилым людям, оброчникам, ружниковам и торговским служилым татарам: в 1625 году такого жалованья уплачено 4234 р. 93 к., а в следующем году — 4735 р. 24 к.* Впоследствии с увеличением числа служилых людей в Тобольске и с устройством Самаровского и Демянского ямов хотя и значительно прибавилось денежных расходов, зато мы видим и значительное увеличение денежных доходов. Тобольск был главным торговым центром для русских людей, татар, бухарцев, коганцев, калмыков и ногайцев; торговые операции здесь постепенно расширялись, а вместе с тем увеличивался и сбор пошлины. Первое место в делах торговых, несомненно, занимали бухарцы; их торговые обороты, как видно из таможенных тобольских книг, производились на довольно значительные суммы, случалось, что в один месяц приезжие бухарские купцы распродавали сво-

* А. М. Ю. Сиб. спр. кв. № 8.

их товаров в Тобольске более чем на десять тысяч рублей — эта сумма по тому времени громадная. Бухарцы начали вести торговлю с русскими людьми в Сибири еще с «Ермаковыми взятками», некоторые из них даже совсем переселились из Бухары в русские сибирские города — Тару, Тобольск и Тюмень. Московское правительство особенно покровительствовало бухарским купцам, наделило их особой привилегией пред всеми другими торговыми людьми, не исключая и русских, так, все другие купцы платили со своих товаров в государеву казну десятую пошлину, а бухарцы — только двадцатую. Предметы их торговли были очень разнообразны, они привозили в Тобольск женок, парней, лошадей, верблюдов, овец, рогатый скот, хлопчатую бумагу, сафьяны, шелк, писене сарачинское, разные материи под названием «бязь», «зандень семедан», выбоинки, куртки и кафтаны зенденные, азянские и проч. Калмыки и ногайцы пригоняли в Тобольск целые табуны лошадей, а местные татары торговали мягкой рухлядью и остачками. Таможенная и проезжая пошлины с товаров брались в государеву казну то натурой, то деньгами; с «женек ногах и остачек», вероятно, собирались пошлины на государя исключительно деньгами, потому что этого рода товара привозилось немного, всего штуки по две и по три, не более, так что брать натурой десятую или двадцатую долю на государя было невозможно. Да и деньгами не всегда удавалось таможенным головам брать пошлину с женок: купцы умели скрывать этот товар, обходили чванчко о пошлинах. Например, один бухаретин привез с собой двух женок котаек, — пишет в книге таможенный голова, — и с тех женок пошлини на государя не взято, потому что он сказал: теде женки в жены у него место, а не продать-де». Само собой понятно, что этот бухаретин обманул таможенного голову, впрочем, может быть и то, что сам голова за взятку покривил перед государем душой и скрыл эту пошлину.

Чтобы иметь понятие о тогдашней рыночной цене в Тобольске на людской товар, мы приведем здесь некоторые данные об этом предмете. Например, «25 декабря 1640 года, — читаем в таможенной книге, — у татарина у Меличка Елусанова с купленной им женки остачки взято пошлины у 8 алтын 2 деньги»; «29 декабря того же года у татарина у

Мемеделья Кизилбаева с купленного им парня ногастина взято пошлины 8 алтын 2 десыги (или 26 коп.)*; а так как с татар бралось пошлины десять процентов, то, стало быть, женка и парень проданы по 2 р. 60 к. Относительная цена этого товара, как видно из сравнения с тогдашней ценностью других предметов торговли, была довольно высокая; по крайней мере упомянутые люди были проданы дороже, чем в то же время и на том же рынке продавались лошади и быки.

Русским людям московское правительство строго запретило эту постыдную торговлю. Еще Борис Годунов указал, «чтобы служилые и всякие люди не возили на Русь полоненников и ясыря (купленные люди) и у себя в Сибири не держали...»; он же приказывал сибирским воеводам, чтобы они обисквали русских людей, и если у кого найдут полоненников или купленных людей, то отбирать и отсыпать их на родину, объявляя, что государь дарует им освобождение...». Последующие государи также не раз подтверждали этот указ**. Но тем не менее тайный прозвоз на Русь пленных и ясырей существовал, и в Сибири у вских русских людей были они в услужении: из досягаемых книг видно, что даже пашенные крестьяне имели у себя «крепостных» и «купленных людей» и ими обрабатывали свои пашни. Мы выше упомянули, что калмыки преимущественно торговали в Тобольске лошадьми, но из одной отписки тобольского воеводы видно, что они продавали русским людям еще какую-то траву под названием «шара» и семена этой травы. Неизвестно, какое назначение имела эта трава. Нам попался только один документ, касающийся этого предмета калмыцкой торговли, но из него нельзя вывести положительного заключения относительно назначения «шара». Содержание документа следующее. В 1640 году один крестьянин говорил тобольскому воеводе, «что у тобольских у многих людей — у русских, татар и бухарцев — есть трава, а называют ту траву шаром и пьют ее вместо табаку для пьянства дымом рогами», т.е. курят, ибо московские люди и относительно курения табака выражались «плюют табак», «плюствуют табачным дымом», а курящих называли «пи-

* А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 2, л. 101.

** Д. к. А. И., т. № 62.

тухами» и «прополщиками». Но очевидно, что шар — не табак, доносчик разлияет эти травы. По известу этого крестьянина тобольский воевода велел сделать у русских людей обиск, велел искать голченой травы — «шар» в клетях и сенинny в огородах. Извес наполовину оправдалися: у одного боярского сына было посевено этой травы на трех грядках, у тобольских пеших казаков — у Ермачка на 7 грядках, а у других — на пяти и 15 грядках; у казака Морозова найено в клети 30 каченов и толченого «шару» 3 гризени. Всех тех, у кого была посевена или лежала в клети трава, потребовали в стезжую избу к воеводе. Но на допросе виновные все в один голос утверждали, «что они той травы не плюют, а дергают для лечения, что эту траву в толченом виде они присыпако к ранам, и раны заживают»*. Других показаний воевода не добился. Мы, со своей стороны, заметим, что очень может быть, что эта трава «шар» имела двойное назначение, т.е. употреблялась как лекарство и для курения вместо табака, как говорит известник. Тобольским обитателям мало было развлечений: кабак был давно уничтожен, а за курение табака, как известно, при Михаиле Федоровиче резали носы. И вот жители Тобольска из невозможности иметь другие развлечения, отуманившие голову, начали курить «шар»; если нельзя «пьянствовать вином» или «пьянствовать табачным дымом», то им казалось, что, может быть, правительство будет снисходительно относиться к «пьянству шаровым дымом». К сожалению, мы не знаем, какое решение Михаила Федорович постановил относительно последнего рода пьянства. Но тобольские обитатели чувствовали, что «шар» — запретный плод, об том можно судить по тому, что калмыки продавали эту траву скретко и на таможенных заставах не хватали этот товар: мы просмотрели таможенные книги за 12 месяцев 1640 года, и ни в одном месте не встретили упоминаний о шаре, хотя в них записывали стои ничтожной цены товары, что десятой пошлины взималось с них на государя только четверть деньги. Вероятно, трудность взимания подобных мелких пошлин и заставила одного тобольского воеводу обратиться к Михаилу Федоровичу со следующей чепутией.

* Архив М. Ю. Сиб. прик., стоб. № 6132/88, л. 571.

тода, — для торговли живут твои государевы мелкие деньги — московки и полушки, а в Тобольске и в других сибирских городах мелких денег нет, и исплестие этого в торговых и во всяких делах бывает медленность и каше убыль; торговые же люди таких мелких денег в Сибирь не возят...». В заключение этой члобитной воевода просил, чтоб государь приспал из Москвы тысяча две или три московок и полушки для размена всяких людям копеек^{*}.

Вообще торговля в Тобольске процветала, хотя нужно заметить, что в тобольском рынке русские люди несравненно более покупали товаров, чем продавали. Мы выше упомянули, что государевы денежные доходы в этом городе к концу царствования Михаила Федоровича значительно увеличились. Это будет очевидно из сравнения сумм пошлинных сборов в Тобольской таможне в разное время: в 1624 г. таможенных десятой и двадцатой пошлии взято 3182 рубля, в 1625 г. взято 4118 р. 91 к., в 1640 г. таких пошлин собрано 5692 рубля; соответственно этому увеличился сбор и других пошлин, как проезжей, поэмбарной, посанженной, яичей, померной, поголовной и т.д., например, проезжей пошлины в 1625 г. взята 713 р. 39 к., в 1640 г. — 1092 рубля. Общая же сумма всяких пошлинных сборов в 1640 году достигла почти 8000 рублей. По нашему вычислению, на тобольском рынке в течение года продано разных товаров на 82405 рублей, а привезено товаров через Тобольск на 27300 рублей. Заметим, однако, что последняя цифра не вполне еще определяет количество товаров, привезенных через этот город, потому что с тех товаров, с которых проезжая пошлина взята, например, в Таре, в Тобольске уже ткачная не занималась. Выше приведенные цифры пошлинных сборов показывают, что в Тобольске в конце царствования Михаила Федоровича была «миллионная торговля», ибо тогдашняя ценность денег по краю мере в десять раз пре-
восходила нынешнюю. Тобольский рынок особенно ожидался в иные месяцы, об этом можно судить по тому, что за этот месяц взято пошлини на 2595 р. 36 к.^{**}. Таким образом, местные казенные денежные доходы в Тобольске с из-

* А. М. Ю. Сб. пр. сп. № 6127/83, л. 175.

** А. М. Ю. Сб. пр. сп. № 44. См. «Список с таможенной книги 1640», включющий в себе 985 листов.

лишком могли покрывать такие же расходы. Сбор ясака с тобольских инородцев также значительно увеличился к концу обозреваемого нами периода: в 1628 году собрано малой рухляди с ясачных людей на 662 р.*, в 1629 г. — на 786 р.**, в 1640 г. — на 1987 р.***. Наконец, к концу царствования Михаила Федоровича сбор этой рухляди простирался на 2233 рубли****.

* А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 17, л. 27; см. «Ясачную книгу 1628 г.».

** А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 20, см. «Приходскую книгу казанского дворца 1629 года».

*** А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 9, см. «Ясачную книгу 1640 г.».

**** А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 183, см. «Приходскую книгу Сибирского приказа 1644 года».

Глава VI

Тара и ее уезд (1594—1645 гг.). Тобольские воеводы в течение короткого времени распространяли русское господство над иртышскими татарами далеко вверх по Иртышу: последние татарская волость — Яльинская, с которой они брали ясак, отстояла от Тобольска на 15 дней пути. По мере распространения русской власти в этих местах царь Кучум все далее и далее поддвигался к верховьям Иртыша. Этот энергичный кочевник не склонялся оружием, а в каждое удобное время он оборачивался назад и, будучи в силах предпринять что-нибудь против Тобольска, делал нападения на отдаленные от этого центра русской власти татарские волости, грабил оные, брал в плен татар и, прежде чем тобольские воеводы получали об этом весть, скрывался в верхних местах Иртыша. Из Тобольска трудно было настигнуть Кучума, чтобы нанести ему решительный удар, и трудно было оберегать от его нападений отдаленные татарские волости, уже платившие ясак московскому царю. Вследствие этого некоторые из татар, чтобы спокойно жить, принуждены были давать двойной ясак, т.е. в один и то же время платить доль и московскому царю, и своему прежнему владельцу Кучуму. При таком положении дел Кучум был неизбежен: он постоянно мог находить новые средства к борьбе между прежними своими подданными, иртышскими татарами, и время от времени появляться в подвластных Москве татарских волостях в качестве грозного мстителя. Это был грозный, опасный и неутомимый враг. Сокрушить его было необходимо, чтобы обеспечить уже сделанные по Иртышу завоевания. Вот почему русские завоеватели в это время не могли остановиться в своих завоеваниях на каком-нибудь пункте Иртыша, несмотря на то, что их власти уже покорилась громаднейшая часть Сибири; они волей-

неволей должны были подняться вверх по Иртышу по мере того, как Кучум все далее и далее отодвигался от центра своего бывшего царства. Чтобы удобнее было преследовать этого беглеца и вместе с тем избегать от его набегов подвластные, но отдаленные от Тобольска татарские волости, московское правительство решилось построить новый русский город на Иртыше, поближе к кочевьям царя Кучума, в волости Яльинской. В 1594 году Федор Иванович велел князю Андрею Васильевичу Елецкому идти в Сибирь на реку Иртыш к татарскому городку Ялом, находящемуся при реке Таре, и там или в другом удобном месте построить город. С этим воеводой отправилось 147 московских стрельцов и двадцать человек плотников из Перми, да в Тобольске должны были с ними соединиться казанские стрельцы — 50 человек, лапишевские и тетюшские пленники — 50 человек, польские казаки, казанские и сибирские татары и башкиры — 400 человек, посланные туда из Казани и Уфы полем, сухопутной дорогой. Это войско должно было еще усиливаться разными сибирскими служилыми племенами и татарами. Таким образом, для постройки нового русского города в Сибири и военных операций над Кучумом назначалось довольно значительное войско, простиравшееся до 1640 человек. Но воевода Елецкий не дошел до реки Тары, а заложил город почти при устьях небольшой речки Ангарки, впадающей с западной стороны в Иртыш, в самом центре татарских земель Яльинской волости. Хотя ему правительство наказывало ставить город на 300 квадратных саженях и вокруг построить острог от 300 до 500 сажен, но воевода, вероятно, по случаю позднего прихода на Иртыш, заложил внутренний город, или крепость, на 42 квадратных саженях и острог в длину на 200 и в ширину на 150 сажен. Таково было начало Тары. Новый русский город удиржал за собой имя реки Тары, как он назван еще в наказе, ибо предполагалось построить его именно при этой реке.

Главная цель постройки русского города на указанном месте — «Кучума царя истеснить», так писалось в наказе Елецкому. Как увидим, правительство московское не ошиблось в своих расчетах. Едва только Кучум узнал о движении русского войска к татарскому городу Ялом, как приказал своему сыну Алею перевести яльинских татар в более верх-

ние места Иртыша, на Черный остров, а сам подался еще далее, к реке Оми. В исполнение наказа воевода Елецкий немедленно после постройки города начал проводывать о месте кочевья Кучума и вместе с тем покорять разных татар, плативших ему ясак. В течение зимы 1594—1595 гг. он отправил с этой целью две экспедиции, и обе окончились успешно: покорены были те ямынские татары, которые держались Кучума, но оставались еще в Ямынской волости; сделано было нападение на городок на Черном острове, и городок сожжен, а его обитатели частью перебиты, частью захвачены в плен, только немногие спаслись бегством и привнесли Кучуму не приятные вести. Из показаний пленных русский воевода узнал, что Кучум кочует в верхних местах Иртыша, на 20 дней пути от Тары. А потому весной 1595 года он отправил новую экспедицию. На этот раз было покорено несколько других татарских волостей, как Терени, Любарь и Бараба, но до ставки Кучума русским не удалось добраться*. Второй тарский воевода, сменивший Андрея Елецкого в 1595 году, Федор Елецкий продолжал дело своего предшественника. Из похвальной к нему грамоты Федора Ивановича в 1598 году видно, что этот воевода во главе 46[†] человек служилых людей настиг самого Кучума в городе Тунусе, разбрал его войско, взял город, но Кучум спасся бегством, служилые люди за это подвиги получили награды по полтине на человека**. Однако все эти победы не приносили особых результатов. Правда, в нескольких экспедиций русскими воеводами истреблено множество татар, множество их захвачено в плен; силы Кучума, таким образом, все более и более ослабевали. Но он сам был еще жив и пользовался значительным влиянием между татарами; это видно из того, что в следующем году покоренные уже русским оружием татарские волости Терени, Любарь и другие снова изменили Белому царю и стали на сторону Кучума. Мало того, последний уже собирался предпринять общими силами наступление против города Тары. Решительный удар последнему русские нанесли только в 1598 году. В 1597 Федора Елецкого сменил воевода Степан Кузмин. Товариц последнего Андрей Воейков в августе

* Сб. ист.* Миллера, стр. 207—237. См. также воевода Андрею Елецкому и две грамоты царя к Федору Елецкому.

** Архив Министерства юстиции. Сб. пр., ч. № 33, л. 18.

1598 года предпринял со значительными силами поход против Кучума. Он снова завоевал оттавшие были татарские волости, перебил много татар, много захватил в плен и от плеников узнал, что «царь Кучум кочует на реке Оби, где у него сеят хлеб». По этим вестям воевода Войкок во главе 400 казаков, литавр и киргизских татар, как он доносил в Москву, «покинув свой коп^{**} на смерти Ике, пошел на царя Кучум на спех, и день и ночь, и силою Кучума на Оби реке, выше Чат три днища, на лугу на Ормени». 20 августа, сдва только всплыло солнце, как противники устремились друг на друга, замкнулась битва, которая продолжалась за полдень. Несмотря на то, что Кучум имел войска более 500 человек, победа осталась на стороне русских. «Божиим милосердием и твоим государевым счастием, — доносил Войкок, — Кучума-царя побил, детей его и царниц поймал»*. Из поименной расписи пленных, приславших тем же воеводой, видно, что захвачена в плен почти вся семья Кучума: 5 царевичей, 8 царниц — Кучумовых жен, 8 царевых дочерей, жены, сыны и дочь царевича Алея и жена другого царевича Каная... Кроме того, в числе пленных были dochь и две внучки ногайского князя, пять князей и мурз Кучумовых да 50 человек простых людей. Относительно этих последних Войкок доносил, что их частью перестреляли, частью перевешали. Убито было в этом бою более 20 князей и мурз, пять «атамаков» и в числе их тесть Кучума, три царевича, брат Кучума и 150 служилых людей, да во время бегства в Оби-реке потонуло до 100 человек**. Но сам Кучум опять спасся бегством, а с ним же убежали его сын Алей и небольшое число татар. Войкок бросился было преследовать беглецов. «Плавал я, — писал он царю, — на плотах по Оби и за Обью рекою, по лесам искал Кучума и нигде не нашел». После этих поисков воевода, послав одного из знатных пленников к Кучуму с поручением звать его на службу к государю и обещать ему царское жалование, сам отправился в Тару. Очевидно, русский воевода думал, что после разгрома 20 августа бывшему сибирскому царю ничего не остается, как покориться московскому царю и служебной заслужить у него жалование. Но он жестоко ошибся в Кучуме. 5 октября этого же года посланный к Кучуму воз-

* А. И., т. II, № 1.

** А. И., т. II, № 2.

вратился в Тару и рассказал воеводе следующее. Настиг он Кучума за рекой Обью, вниз по Оби, в лесу, а с ним три его сына и 130 человек людей. На предложение сдаться на волю победителей Кучум отвечал: «Не поехал-де я к государю по государеве грамоте своему волево, в кюо-де пору я был совсем цел, а за саблей мве-де к государю ехать не по что, а иначе-де я стал глух и слеп и безо всего живота: взяли-де у меня промысленника сына моего, Асманах паревича, хоть бы у меня до всех детей поимали, в один бы-де у меня остался Асманах и я бы при нем еще поклил, а теперь иду в Наган, а сына своего послымаю в Бухары*. Таков-то был царь Кучум! Старый, глухой, слепой, липинпийск почти всего своего семейства, все владений и всего имущества, он тем не менее был горд и непреклонен. Несмотря на свою дряхлость и несчастия, постигшие его со временем Ермака, он в душо остался тем же заносчивым и свободолюбивым сыном степей, каким был в ранней молодости и на высоте своего могущества. Разве в ответе, данном в 1598 году Кучумом посланному Войковым, мы не узнаем того сибирского царя, который 30 лет назад писал Грозному: «Хочети мира, и мы помиримся, а хочешь войны — будем воевать»**. Грозный не захотел с ним воевать. Но явился Ермак и прогнал Кучума с юрт²⁹. Русские воеводы продолжали дело первого завоевателя Сибири, и Кучум с того времени уже не складывал оружия. Последнее достоверное известие об этом сибирском царе мы находим в рассказе того же посланника Войкова. Он передает, что Кучум вместе с ним прибыл на поле битвы 20 августа, в течение двух дней ходил по полю и хоронил трупы своих сподвижников, павших в этом бою. В то же время он послал двух человек в татарскую волость Чаты, к мурзам Коньбахты, с просьбой прислать ему лопладей и пласти, «чем можно было бы подняться». Мурза прислал ему коня и пубу, а на другой день и сам приехал, чтобы иметь свидание с Кучумом. Но последний, почему-то заподозрил мурзу в дурных замыслах, не пожелал его видеть, а сел на коня и отправился вверх по Оби***. О дальнейшей судьбе Кучума, кроме противоречивых свидетельств сибирских летописей, мы ни-

* А. И., т. II, № 5.

** Собр. Гос. гр. и дог., ч. 1, № 42.

*** А. И., т. II, № 5, стр. 7.

чего не знаем. Достоверно только то, что он скоро покончил жизнь свою где-то далеко от своего царства¹⁶.

Заговорив о борьбе татарских воевод с Кучумом, мы несколько отступили от своего предмета, подлежащего нашему исследованию. Но нам хотелось показать, что цель постройки города Тара «истеснить Кучума» вполне достигнута. Бывший царь Сибирского царства уже более не появлялся в своих прежних владениях. Русскому господству в Сибирском царстве уже не угрожал этот опасный враг. Правда, вскоре появились новые враги в лице детей и внуков Кучума, которые в соединении с калмыками иногда делали опустошительные набеги на русские области, но эти враги не были страшны, как Кучум, который носил с собой знамя сибирского царя и который пользовался обаянием между татарами.

Другая цель постройки Тары была экономическая: еще в наказе Андрею Елецкому предписывалось «звест в Таре пашню и соль устроитъ». О пашне мы скажемъ после, но относительно соли, в которой так нуждалась Сибирь, здесь заметимъ, что тарскимъ воеводамъ действительно удалось добраться до солинъ Ямышева озера и вывоить оттуда ежегодно по несколько тысяч пудовъ, например, в 1629 году привезено в Тобольскъ с Ямышева саера¹⁷ 21778 пудовъ 22 фута¹⁸. Теперь обратимся к самому городу Таре. Кроме домовъ и разныхъ хозяйственныхъ зданий, которые встречаются в каждомъ городе, вероятно, еще при Елецкомъ основании церкви: в крепости — соборная во имя Успения Пресвятой Богородицы и в остроге — во имя Николая Чудотворца, а в царствование Бориса Годунова построена другая церковь в остроге во имя Бориса и Глеба. О времени основания тарскихъ монастырей мы не нашли в документахъ никакихъ указаний. По дозору 1624 года мужской монастырь с церковью во имя Всемилостивого Спаса находился за острогомъ на гостине, а девичий с церковью во имя Параскевы «нарицаемой пятницы» — в остроге. Мильер считаетъ мужской Спасский монастырь самымъ древнейшимъ из всехъ сибирскихъ монастырей¹⁹. По описанию Василия Тыркова городъ Тара в 1624 году имелъ следующий вид.

• А. М. Ю. Сиб. пр., стоб. № 6683/19.

¹⁶ «Ежелис. сок.» 1784 г., стр. 408.

164 сажени, в крепость вели двое ворот — Спасские и Водяные, в разных местах крепости поставлены 5 башен, в между башнями не стены, как в других городах, а какие-то «городки»¹¹, которых было 116; в крепости же раскат¹² круглый о 8 углах, а на раскате медная полуторовая пушка. Внутри этой крепости находились следующие здания: соборный храм с двумя приделами¹³, съезжая изба, 2 амбара, 2 государевы житницы¹⁴ и 40 житниц частных лиц, тюрьма, караулка, пороховой погреб и 4 двора: воеводский, стрелецкого десантника, пушкари и воротника со сторожкой. Острог занимал более значительное место — вокруг 500 сажен, по острогу шесть башен, из них четыре с проездными воротами и две башни глухие, а на башнях стояли две медные пушки, одна пищаль железная скорострельная и четыре пищали железные под названием «волковеек». Внутри острога помещались два храма с приделами, девичий монастырь с церковью и 9 келий для 9 старцев, а четырьмя старцами жили по дворам: государственный двор с избой для приезжих торговых людей, 14 государственных лавок, 17 лавок служилых людей, двор воеводский, два двора боярских детей, два двора атаманов ясачных людей, двор таможенного подьячего, двор подьячего съезжей избы, двор толмача, двор таможенного головы, двор кузнецца, четыре двора церковного причта, а пятнадцать человек из первоковых дворов не имеют и живут по подворьям, 53 двора конных казаков, 42 двора казаков литовского списка, 51 двор пеших казаков, 42 двора стрельцов, 4 двора пушкарей, 5 дворов отставных служилых людей, 8 дворов вдов служилых людей, 2 двора гулящих людей и 2 двора пашенных крестьян. За острогом на посаде монастырь с церковью и 4 кельями для 4 монахов, дворов новокрещенцев 5, дворов различных служилых людей — 36, дворов пашенных крестьян — 5 да за острогом три курта бухарских, в которых жил 21 человек¹⁵. Таким образом, в городе Таре в 1624 году всех дворов было 263, а жителей 400 человек, кроме монахов, монахинь, женщин и детей. В списке тарского населения нас поражает прежде всего отсутствие посадских людей и ничтожное количество пашенных крестьян. Относительно посадских еще понятно, почему их не было. Город Тара находился вдали от

¹¹ А. М. Ю. Собр. пр., кн. № 5, л. 319—399.

других сибирских городов и, главное, в стороне от общего торгового движения русских людей в это время. Посадским людям тут делать было нечего: если была какая торговля в Таре, то она находилась в руках служилых людей, и в особенности у бухарцев, живших в юртах под самым городом. Но непонятно, почему было так мало пашенных крестьян, когда около Тары была необыкновенно плодородная земля. Мне кажется, что это зависело главным образом от первых неудачных опытов земледелия. Служилым людям, пока был жив Кучум, никогда было заниматься хлебопанчеством, они почти круглый год находились в походах: то гонялись за Кучумом, то покоряли татар по Иртышу и его притокам. А люди, присланные завести в Тарском уезде пашню, оказались совершенно непривычными к хлебопанчеству. Они состояли исключительно из ссыльных, которые, вероятно, и на родине никогда не занимались земледелием. Первое изложение относительно пашенных крестьян в Таре находится в грамоте царя Бориса от 1600 года. В ней говорится, что в Тару посланы три человека латышей и два семейства бедных крестьян, которым велено тарскому воеводе посадить на пашню, дать им семян и корма для прокормления, чтобы с голову не умерли*. Из другой грамоты от 1603 года узнаем, что в том же 1600 году отправлено в Тару 25 семейств пашенных крестьян из тетюшских и ланишевских переселенцев да ссыльных латышей, стрельцов, боярских детей и купалинских мужиков 38 человек, и «всех велено устроить в пашенные крестьяне». Но мы уже упоминали об этих «переселенцах» в главе о Туринске. Из отписки тарского воевода оказалось, что упомянутые тетюшевцы и ланишевцы оказались совсем плохими хлебопанщиками: «пашут землю худо, хлеба на себя не напахивают, и их кормят из царских житниц». В данном случае воевода ничего не говорит о плодородии тарских земель и плохие результаты земледелия этих крестьян прямо ставят в зависимость от их неумения, но правительство московское, кажется, поняло эту отписку из Тары в том смысле, что тарские земли не плодородны и что 25 семейств переселенцев только даром там тратят силы, а потому велено их переселить на туринские государевы пашни**. Иначе трудно

* А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 11, л. 68.

** А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 11, л. 79.

себе объяснить, почему этих крестьян, которые уже устроились в Таре, где правительство более нуждалось в хлебопашцах, чем в Туришке, приказывали перенести на другие пашни и подать полмогу по рублю на человека. Очевидно, что тут выпало какое-то недоразумение. И после правительство долгое время совсем не заботилось об уединении пашенных крестьян в Таре, несмотря на то, что город этот был далеко и доставка туда хлеба стоила очень дорого. Только изредка попадаются известия, что из Тары отправлены один или два колодника и велено их устроить в пашенные крестьяне. Но эти ссылочные бывут членом государю, чтобы он их пожаловал и наверстать в служилые люди, а пашни пахать не велел, потому что им «перная работа не за обычай»*. Если же государь не удовлетворял их просьбу, то они убегали «безвестно куда». Вот почему, несмотря на то, что город Тара основан в 1594 году, в нем в 1624 году было только семь крестьянских дворов с 10 человеками крестьян. Что же касается служилых людей, то их в Таре всегда было много, и почти все они занимались хлебопашеством. Некоторые из них на своих пашнях основали деревни, а большая часть имела отмежевые пашни. По дозору Василия Тыркова в Тарском уезде в 1624 году были следующие деревни служилых людей**.

	Число дворов
При реке Чекруше	
Дементьевса	1
Яковлевса	1
При Степановом озере	
Кириллова	1
Машинского	1
При реке Кривуша	
Иванова	5
затемна ясленых людей	1
При реке Байгандейке	
Черкасова	2
При Байгандее озере	
Терентьева	1
Малова	1
Колачникова	1

* А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 11, л. 185.

** А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 5, л. 347.

На Красном Яру около р. Уя	
Романова	1
Старченко	2
При Манежном озере	
Мамешева	5
При Ишшаке	
Прокудина	1
При Ильинке озера	
Мосалитина	1
Абрамова	1
При Иртыше	
Гаврилова	1
При реке Балчике	
Лукьянова	1
За рекой Архаркой в дубравах	
Пантелейева	1
Курмина	1
Годуловых	1
Семенова	1
При Зуеве озере	
Ефтина	6
Кугуардова	1
При реке Ибайке	
братья Сафоновых	2
Сотонина	1
При реке Оше	
Жадинская	1
Трешинина	1
При Ананьевом озере	
Ананьев	2

Кроме того, 6 человек служилых людей имели займыша и 77 четвертей отъезжей пашни. Во всех упомянутых деревнях и земельцах было 46 дворов, а людей в них — 160 человек. Из них 110 человек они распахивали 827 четвертей в поле, сено вносили на 39886 копен.

Пашенными крестьянами основания только одна деревня Чекруши при реке Чекруше. В 1624 году в этой деревне было четырех дворов да две землянки, а живущих в них крестьян — 8 человек, тех же самых, которые имели свои дворы в городе. Положение тарских крестьян было несколько

особое: два из них не пахали государевых десятин, единственная обязанность их заключалась в том, чтобы «быть беспрестанно у государевой бани», а остальные 6 человек были посажены на государевы пашни и ежегодно обрабатывали 43 десятины в трех полях. Кроме того, эти последние крестьяне несли много других обязанностей: «к соборной церкви, к трапезе, к съезжей избе и к государевой бане воят дрова и делают веники на весь год, на калмыцкие и татарские расходы солиды растят и пива варят, мелят и пекут хлебы...». Вероятно, исполнение этих обязанностей крестьянам долгое время на себя земли не обрабатывали и «только недавно, — замечает дозорщик, — они начали на себя присматривать 7 четвертей в поле...». За исполнение вышеизначенных обязанностей крестьяне получали из казны обувь, одежду и на каждый двор в год 36 мер ржи. Но видно, что этот «месличной» невозможен было прокормиться: по замечанию дозорщика, тарские крестьяне большей части «корытятся Христовым именем». Из монастырей только Спасский занимался хлебопашеством: в 1624 году за этим монастырем было два половника, которые обрабатывали 12 четвертей в поле да сена косили 1000 копен. Белое же тарское духовенство совсем не занималось земледелием, а корыталось государевой хлебной рутью.

И после первой переписи русское население в Таре и Тарском уезде увеличивалось «чрезвычайно» медленно. Из дозорной книги Тыркова и из «сметных книг хлебных запасов» 1623 и 1624 гг. правительство узнало, что тарские земли очень плодородны и небольшая государева пашня дает значительное количество разного хлеба. Вследствие этого оно решилось увеличить в Таре числа пашенных крестьян. В 1625 году тарскому воеводе Исленеву из Москвы присланна грамота, чтобы он позаботился о развитии государева хлебопашества, потому что земли доброй в Тарском уезде много. Вместе с тем послано и тобольскому воеводе предписание «послать из Тобольска в Тару ссыльных людей с женами и детьми, сколько приложе, дать им подводы и подмогу», и на будущее время велено тобольскому воеводе пересыпать в Тару ссыльных людей и устраивать их на пашни*. А из другого документа узнаем, что в 1626 году прислано в

* А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 11, л. 306.

тару ссыльных свияжских приставов и толмачей 9 человек да разных беглых людей 13 человек, и всех их велено посадить на пашни*. Так что пашенных крестьян в этом году было уже 29 человек, а пашни на государя они должны были вспахать $29\frac{1}{2}$, десятинами в поле**. Из десяти старых тареких крестьян к 1626 году осталось только семя, а три сбежали.

Впоследствии во весь период, исследуемый нами, мы не только не замечаем увеличения крестьян в Таре против 1625—1626 гг., но даже видим уменьшение, несмотря на частые присылки из Тобольска новых ссыльных. Например, в 1626 году пашенных крестьян в Таре было 26 человек, и все они пахали государственную пашню 25 десятин***; а в 1640 году их осталось 21 человек, а пашни государственной пахали 19 десятин****; наконец, в 1645 году пашенных крестьян было в Таре снова 29 человек, а пашни они пахали 21 десятину в поле*****. Если число крестьян в последний год царствования Михаила в Таре было также, как в 1625 году, но зато количество обрабатываемой ими земли уменьшилось на $8\frac{1}{2}$ десятин в поле. Это уменьшение пашни зависело, во-первых, от того, что старые крестьяне умирали или убегали, а новоприсыленные крестьяне всегда некоторое время пользовались лыготой, а во-вторых, от недостатка дощадей исследований конского падежа. В 1639 году воевода тарский доносил, что у тарских крестьян осталось только по одной лопши на трех и даже на четырех человек*****.

Посадских людей в Таре мы совсем не встречаем и после первой переписи. Некоторое время в этом городе замечается значительный прилив гуляющих людей. Мы упоминали, что к 1624 году этого элемента было только три человека, но в 1625 г. — уже 17, в 1626 г. — 43, а в 1628 г. — 211, а в следующем году гуляющих людей в Таре было 315 человек. Но затем количество таких людей быстро уменьшается; в 1630 году тарский воевода, донося в Москву об освобождении им из тюрьмы двух пашенных крестьян, ко-

* Ibid. z. 314.

** Ibid. z. 316. См. «Тетрадь тарских пашенных крестьян 1626 г.».

*** А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 68, л. 345.

**** А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 43.

***** А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 166, л. 285—288.

***** А. М. Ю. Сиб. пр., статья № 6138/94, л. 265.

торые посыпаны были его предшественником за то, что они отказались пахать государеву пашню, писал, что на выбылые места пашниных крестьян прибрить некого, так как гулящих людей в Таре нет ни одного человека. Только служилые люди к концу царствования Михаила Федоровича значительно увеличились в числе, хотя и не настолько, как следовало бы ожидать, виду постоянных тревог от врагов Тарского уезда — детей и внучат Кучумовых и калмыков. Так, в 1624 году рядовых служилых людей в Таре было около 380 человек, в 1626 г. — около 400. Но в 1636 году тарские служилые люди лишились значительного числа своих товарищей. Осенью этого года тарский воевода отправил на 6 донщиковых 50 человек служилых людей во главе сотника Григория Медовачева в Тобольск за хлебом, но они под Тобольском замерзли. «И теперь, — писал в Москву этот воевода, — служилым людям дать хлебного жалованья нечего, потому что в тарских государевых житницах хлеба нет никакого». Вероятно, начавшийся в это время голод заставил многих служилых людей «брести врозь». Тот же воевода сообщает, что в 1637 году сбежало никегородских иноземцев и вологодских стрельцов 42 человека³. Таким образом, в течение года в Таре произошла значительная убыль служилых людей, но эту убыль скоро пополнили новоприбывшими из разных мест, и к концу царствования Михаила Федоровича всех служилых людей в Таре вместе с ружниками и оброниками было до 500 человек. Конечно, с таким количеством служилых людей в Таре трудно было защищать Тарский уезд от потомком Кучума и калмыков. Но в Тару почти ежегодно на некоторое время, преимущественно с весны до осени, присыпались из Тобольска по несколько десятков человек казаков, стрельцов и служилых татар, а смотри «по нестям», и более того. Эти посылки сделались особенно часты с 1630 года, когда усилилась опасность от вышеупомянутых врагов. Для защиты же Тарского уезда от нападения детей и внучат Кучумовых и калмыков между 1628 и 1632 гг. построены в этом уезде острожки: Кнурадетский на правом берегу Иртыша, Тебененский около озера Уватского и недалеко от последнего, на левом берегу реки Иртыши, несколько выше ус-

* А. М. Ю. Сб. пр., столб. № 6112/68, л. 113.

тъя этой реки, острожек Ишимский. Эти острожки должны были прикрывать средину реки Иртыш между Тобольском и Тарой и не допускать Кучумовых потомков и калмыков проникать на Иртыш по инимской дороге. Они не имели постоянного населения, а туда посыпались служильные люди в количестве 20 или 30 человек то из Тары, а большей частью из Тобольска и посыпались притом только на известное время, в которое можно было ожидать напастния вышеупомянутых степных врагов. Обыкновенно последние предпринимали свои походы или весной, когда просохнут дороги, и потом в течение всего лета, или же осенью, посыпав первых морозов до появления больших снегов. Поэтому и служильые люди в упомянутых острожках жили один с концом весны и приблизительно до августа, или до наступления осенина грязей, а другие со временем заморозков и до выпадения больших снегов.

Всего русского населения в Таре и его уезде к концу царствования Михаила Федоровича было около 535 человек, кроме женщин и детей, а инородцев ясачных — 684 человека и служилых около 80 человек.

В заключение этой главы сообщим некоторые лаконичные из тарских «сметных» и «ужимых книг». Мы выше упоминали, что в Тарском уезде были прекрасны земли, но тем не менее хлебопашество здесь в обозреваемый нами период находилось еще в зачаточном состоянии: местного хлеба было слишком недостаточно для удовлетворения местных потребностей, и тарским воеводам ежегодно приходилось посыпать служильых людей за хлебом в Тобольск или в Тюмень. Например, в 1625 году с государевых десятин собрано разного хлеба 420 копен, а умоловчено 533 четверти да выдельного хлеба у ружников, подьячих и служильных людей взято 70 четвертей — всего собрано в государевы житницы 603 четверти разного хлеба. Между тем нужно было дать хлебного жалованья ружникам, крестьянам и служильным людям 4611 четвертей⁴. Таким образом, недоставало значительного количества хлеба, чтобы удовлетворить тех, которые получали казенное хлебное жалованье. Но в 1625 году был необыкновенный урожай в Тарском уезде: на государевых десятинах было посеяно 36 четвертей, а собрано 533 четверти. Поэтому тарский воевода на деньги, присланные из Тобольска, мог

* А. М. Ю. Сиб. пр. кн. № 11; см. «Смета госуд. хлебному запасу 1625 г.».

купить у частных хлебопашцев разного хлеба 1855 четвертей. И цена на хлеб в это время в Таре стояла очень низкая: казенное четверть (5 пудов) ржи воевода покупал по 18 и 21 коп., провое купленное по 18½ коп. Но видно, что частные хлебопашцы селяли мало хлеба и не могли продать столько, сколько требовалось казной. В 1628 году с государевым десятиной молчано разного хлеба 492 четверти между тем на этот год сняли ядове больше, чем на 1625 год, и значит, урожай был значительно хуже; выделного хлеба собрано 52 четверти. Расхода же хлеба с сентября 1628 г. и по сентябрь 1629 г. по смете должно было быть 3032 четверти; в этом году израсходовано хлеба менее против 1625 года, потому что еще в 1626 году 70 людьми служилых людей не велено давать хлебного жалованья, а зелено им служить с пашни*. И в следующие годы расход хлеба значительно превосходил приход: по сметным книгам даже заметно увеличение расхода и уменьшение прихода сравнительно с прежними годами. Поэтому ежегодно казне приходилось покупать хлеб то у тарских хлебопашцев, а более всего присыпать из Тобольска, куда свозился хлеб из Европейской Руси, из Туринска, Тюмени и Верхотуры.

Но в неурожайные годы закупка хлеба дорого обходилась правительству; например, в 1636 и 1637 гг. приходилось покупать в Верхотурье 5 пудовую четверть ржи по 4 р., а в Таре и Сургуте — по 6 рублей^{**}; цена слишком высокая, если ее сравним с ценой 1625 года.

Денежных доходов в Таре казна также собирала мало; в обозреваемый нами период ни одна «сметная книга денежных доходов и расходов г. Тары» не заключалась без значительного дефицита.

Доходные статьи этого города те же, что и в других сибирских городах. Поэтому мы выпишем здесь из сметных книг только итоги за несколько лет.

В 1624 г. доходов было — 447 р. 27 к., расходов — 2450 р.;		
в 1625 г. доходов — 356 р. 87 к., расходов — 2450 р.;		
в 1628 г. доходов — 355 р. 57 к., расходов — 2464 р.;		
в 1629 г. доходов — 319 р., расходов — 3524 р. 39 к. ^{***} .		

* А. М. Ю. Смб. пр., столб. № 6663/19, л. 61.

** А. М. Ю. Смб. пр., столб. № 6112/68, л. 102.

*** А. М. Ю. Смб. пр., кн. № 11, л. 353 и др.; ст. № 6663/19, л. 70; кн.

№ 18, л. 320 и др.

В следующие годы денежные расходы еще более увеличились, потому что прибавилось количество служилых людей, но доходы никогда не превышали 500 рублей. Самая важная статья денежных доходов сибирских городов — это таможенные сборы, но в Таре этих сборов было слишком мало — всего от 160 до 300 рублей, потому что большая часть торговых людей уплачивали пошлину со своих товаров в Тобольске. Из доходных статей Тары следует отметить как новость, которую мне не приходилось встречать в сметных книгах других сибирских городов, а именно статью «с ходин по челябиям в сунных делах». Эта статья отдавалась на откуп за 1 рубль в год. Зато в Таре «государева машина» и «государево ухобьте» не продавались, потому что не было покупщиков на этот предмет торговли.

Ясачной мягкой рухлади в Тарском уезде собиралось значительное количество, хотя ценность ясчей никогда не доходила до 2 тысяч рублей; например, в 1624 г. взято ясачной и поисочной рухладой на 1631 р., в 1627 г. — на 1408 р., в 1635 — на 1231 р., в 1643 — на 1909 рублей*.

* А. М. Ю. Саб. пр., кн. № 11, л. 215; кн. № 17, л. 52; кн. № 61; кн. № 163.

Глава VII

Пельм и его уезд (1593—1645 гг.). Тобольские воеводы, распространяя русское господство по Иртышу и его притокам, уже в 1592 году покорили инородцев, живших по реке Кондо⁴, и собрали с них ясак, но верхние места этой реки, а также река Пельм, владевшая в Тавду, слишком далеко отстояли от Тобольска, и потому тамошних вотулов и остатков трудно было заставить платить дань. Тем более что там господствовал пельмский князь Аблегирим, который не только не хотел покориться русскому царю, но и сам предпринимал, как и его предшественники при Едигере и Кучуме, набеги за Уральский хребет на русские области, в Перми, Великую. Поэтому московское правительство сочло необходимым построить при реке Тавде и держать в повиновении верхкоидинских и пельмских инородцев. Еще в начале июля 1592 года велено Максиму и Никите Строгановым прибрать в своих вотчинах 100 человек добрых молодцев, которые стрелять бы умели и ратное дело знали бы, и притом велено 50 человек собрать немедленно и отправить их с военными и снастями в Перми Великую к воеводе Никифору Траканиту, а остальных 50 человек выставить по первому царскому указу*. А из наказа, данного князю Петру Горчакову, видно, что в это время правительство уже решило предпринять поход против Аблегирима, и строгановские люди вместе с другими прибранными в разных городах служилыми людьми именно предназначались для этого похода. Упомянутый наказ предписывал князю Горчакову вместе с воеводой Никифором Траканитом и другими товарищами отправиться в Сибирь на службу, чтобы прибыть в город Лозву к весне 1593 года, а оттуда, как пройдет лед, по реке Лозве спуститься в Тавду

* Д. к А И. т. I. № 138.

и построить город Таборы или на месте татарского городка Таборы¹, или в другом каком-нибудь месте. Из книги «Большой чертеж» видно, что этот татарский город находился при устье реки Таборы, владающей в Тайду, и ниже речки Пельмаки веет на 120. Но так как упомянутым воеводам наказано было по прибытии на Тайду «промышлять» над пельмакским князем, то они решились остановиться около устья реки Пельмаки и здесь заложить русский город, который называли Пельмом по имени этой реки. Сначала велено построить остrog, церковь во имя Рождества Христова, царские житницы, амбары и лавры для обитателей нового города; велено строить остров из легкого леса и постепенно, чтобы возможно было жить на новом месте «без страха». Нам трудно объяснить необходимость такой послепности, когда мы знаем, что инородцы, жившие по нижнему течению Тайды — таборинцы и копушки, — во владениях которых предполагалось основать русский город, уже подчинились русской власти и платили ясак тобольским воеводам. Впрочем, в упомянутом наказе есть некоторые детали, которые указывают на причину этой послепности. Вместе с Горчаковым был в походе второй воевода — Никифор Траханин, который имел другое поручение: именно или к бересовским остякам на Бересов острог, на реку Оль, и там тоже построить русский город. Но ему велено не прежде оставить Горчакова, как последний укрепится на избранном месте настолько, что будет в состоянии отразить нападение каких-нибудь врагов. Между тем Траханину предстояло пройти еще длинный путь, а он должен был, конечно, достигнуть Бересова острога непременно летом, а в противном случае ему невозможно было бы начать постройку там города. Вот почему этот воевода по наказу мог оставаться при Горчакове одну или две недели, и в это время последний и должен был успеть построить остrog. Очень может быть, что московское правительство вместе с тем и боялось Аблегирима, считая его сильнее, чем он был на самом деле, и ожидая с его стороны смелых нападений на русское войско. Как бы то ни было, но новый русский город был заложен в том же 1593 году и притом без всякой помехи со стороны инородцев. «А укрепась, — предписывал наказ воеводам, — промышлять, чтобы приманить пе-

льмского князя Аблегирима да сына его большего Тагая, да племянников его, да внучат и лучших людей его пятьдесят, которые самые пущие, от которых смута была... казнить... меньшего сына с женой и детьми Михифору везти с собой в Тобольский город, а черных людей всех облакать и обнадежить, чтобы жили по своим кртым, платили ясак и приходили в город, ничего опасаясь»*.

Мы не имеем никаких данных, чтоб судить о том, как воеводы исполнили эту часть наказа; знаем только, что с этого времени имя Аблегирима уже нигде не упоминается, а один из его сыновей и внук Учат^{**} в 1598 году находились в Москве под стражей*. Из этого можно заключить, что на-каз относительно пельмского князя и его семейства был исполнен русским воеводой Петром Горчаковым не успел достроить: он был сменен в 1594 году новым воеводой Василием Толстым. А из грамоты царя в 1595 году к третьему воеводе Богдану Палеву видно, что еще в это время город не был поделан, и притом этой грамотой исследование члобитной от жителей Пельмского города на разные тягости, и в том числе на тягость постройки города, велено пока прекратить «городовое дело вправду до указа**». Этот наказ последовал только в 1597 году. Между тем в этом году пельмский воевода доносил в Москву, что башни в остроге уже все развалились,

* Р. И. В. т. II, № 58. См. наказ Петру Горчакову. В этом документе не-явно говорится о том, что обозначено в предыдущем тексте какими-то нака-зами. Поэтому излагатели сделали пометку под начертанием «около 1594 г.». Не эта дата however. Из содержания этого документа легко можно видеть, что он идет или и 1592 г., или и 1593 г. и, в особенности, если вспомнить, что в мае 1592 г. царь Годунов издал наказ «о польской земле 20 человек земли без жен и детей... и жены им велено взять по весне по 103 г. (1594 г.), как они (в первом городе) устроятся, двери себе поставят...». Значит, упомянутые пель-мичи должны будут устроиться еще в 1593 г. Отсюда понятно, что наказ о постройке Пельмы должен относиться к 1592 г. например, 1593 г. Это обстоятельство подтверждается и тем, что в грамоте царя в 1595 году о-был запомин в 1598 г., в этом нет никакого смысла: не только гла-зование упомянутого наказа доказывает, но мы имеем и другой доку-мент, именно члобитную к царю тоборинских ютузов, и которой они пишут: «пропишом, государь, во 101 г. (1593 г.) как твой государев Пельмский город стоя...». См. А. М. И. Д. Портф. Мицлера, № 478, с. 2.

** Р. И. В. т. II, № 64.

*** Ibid, t. II, № 57.

ров от Пельмы-реки засыпался и ему достраивать разнородными службами, а черные люди в то же время пашут пашни*. Так что неизвестно, когда этот город был окончательно достроен. В 1617 году пельмские воевода уже донесли в Москву, что крепостное строение в Пельмах почти совсем сгинуло и отчасти обвалилось, и что если вогулы забутются и придут к городу, то защищаться от них будет нечего. Но скоро, именно в 1621 году, случился пожар, и город Пельм весь сгорел. Новый город после пожара был ужестроен не жильцами только пельмскими, а вогулами и даже служилыми людьми, присланными для этой цели из Тобольска**. К 1623 году город был уже совсем отстроен. По дозору 1625 года город Пельм состоял из острова, в окружности 220 сажен, и посада: в первом находились храм во имя Рождества Христова, двор воеводский, житница государева, таможенная и съезжая избы, несколько лавок, 9 дворов ружников и 3 двора детей боярских; а на посаде — 37 стрелецких дворов и 2 двора пашенных крестьян***. Что же касается первоначального населения города Пельма, то оно состояло из десяти человек боярских людей, 50 человек конных казаков, 100 человек пеших, набранных разных поморских городах, 11 семейства ссыльных (непашенных людей), 40 семейства крестьян, прибывших в Пермской и Вятской областях, ссыльного попа угличского и дьякона из Ростова. Эти люди прибыли в Пельм еще с Петром Горчаковым. Вскоре потом скда же отправлено ссыльных узочинам до 30 семейства. Население Пельма, таким образом, в первые годы его существования было довольно значительное и разнообразное. Правительство хотело, чтобы и служилые люди, и ссыльные, и переведенцы были хлебопашцами: велено служилым людям отвести пашни, а ссыльным и переведенцам обрабатывать государеву пашню из четвертого сноса. Но земля под городом оказалась мало плодородной, а потому положение обитателей его было в высшей степени печальное. Служилые люди, если мало собирали хлеба со своих пашней, то могли еще кормиться хлебным жалованьем, да и они вследствие неак-

* Ibid., т. II, № 61.

** «Ежанс. соп.» 1764 г., стр. 385.

*** А. М. Ю. Собр. пр. кн. № 5, я. 273.

куратного подвоза хлебных запасов из Европейской Руси никогда чувствовали недостаток в хлебе. Нечего уже и говорить о пашенных крестьянах, которые должны были довольствоваться четвертым снопом из собранной государевой жатвы. Уже в 1596 году сильные каргопольцы — 7 человек — были перед государем, что они, обрабатывая государеву пашню, одолевали великими долгами, помирают голодной смертью с женами и детьми и что четвертым снопом им прокормить свои семейства невозможно. Положение этих каргопольцев тем более было плачевно, что они «были люди не пашеные и сами, не умели пахать, занимали за себя казаков и на эти пахмы тратили все свои средства. Каргопольцы просили государя освободить их от пашни, но их не освободили от нее, а только увеличивали им процент из обрабатываемой ими государевой пашни; пельмскому воеводе велено выдавать челобитчикам половину из собранного государева хлеба за вычетом, впрочем, семян на пашню»*. Вскоре после этого, именно в 1600 году, жаловались государю на свое тяжелое положение все пашенные люди города Пельмы: первичи, угличане, усольцы, каргопольцы, кайгородцы и калужане. В своей челобитной они писали, что до 1598 года они пахали на государя 75 десятин, а потом на них прибавили еще несколько десятин, да их же посыпают ежегодно по 6 человек пахать в Таборы и на многие другие службы, «а хлеб на Пельмы не рождается, и им повсюду хлеба достается понемногу, и они помирают голодной смертью с женами и детьми». Челобитчики просили, чтобы государь освободил их от прибавочной пашни и от уплаты в царские житницы земного хлеба и, кроме того, разрешил им кормиться по другим городам, так как в Пельме цена на хлеб очень дорогая, по 2 р. 25 к. четверты ржи, да и за эту цену не всегда можно купить. Эта челобитная осталась без последствий, и челобитчикам «велено пахать пашню и делать всякие государевые изделия по-прежнему»**.

Скоро, однако, и само правительство убедилось, что совершенно бесполезно держать в Пельме такое количество крестьян и морить их там голodom, что они могут принести не-

* А. М. И. Д. Портф. Мазлера, № 478, с. 4.

** А. М. И. Д. Портф. Мазлера, № 478, тетр. 1, с. № 16.

сравнительно большую пользу в местах более плодородных, те более что несколько крестьян уже сбежали, поэтому пельмские крестьяне частью были переселены в новый город Турийск частью в слободы Таборинскую и Гаринскую, а в Пельмь 1625 году осталось только 8 человек*. Точно так же и количество служилых людей в Пельмье скоро значительно уменьшилось. После гибели Аблегирима и его семейства и вообще после первого удара, нанесенного русским воеводами пельмским инородцам, последние помирились со своим положением и исправили плятили ясак. Так что правительство нашло возможным значительную часть служилых людей перевести Турийск. В смутную эпоху и в начале царствования Михаила Федоровича, хотя Пельмь и грозила опасность со стороны инородцев, но тем не менее количество служилых людей в этом городе не было увеличено. В 1613 году их осталось всего 70 человек из 160**.

Всего населения в Пельмье вместе с ружниками и орочниками в 1625 году было только 106 человек.

А еще менее русского элемента было в это время в уезде Пельмском. По первой переписи он состоял только из двух слобод — Таборинской и Гаринской и одной деревни. Таборинская слобода была основана на правом берегу реки Тавдь между двумя небольшими речками Таборинкой и Лопинкой, впадающими в Тавду. Осование первой слободы Милле относит к 1621 году в одном месте своей истории, а в другом — к 1618 году***. Но, кажется, ни то, ни другое не верно. Еще в 1608 году царь Василий Иванович велел пельмском воеводе прибрать охочих людей от 50 до 100 человек и поселить на пашни в Таборах. На этот указ воевода отвечал, что «в Пельмье охочих людей нет, а в Перми и у Соликамско охочих людей на таборинскую пашню добывать можно». После этого послана царская грамота пермскому воеводе, чтобы в Перми и Соликамской прибрать в Таборы пашенных крестьян человек с 50 и до 100 из охочих людей. В то же время: пельмскому боярскому сыну велено ехать туда же и пригратать пашенных людей в Пельмский уезд****. Трудно пред-

* А. М. Ю. Собр. пр., кн. № 5, л. 278.

** А. И., т. III, № 5.

*** «Ежмес. соч.» 1764 г., стр. 28 и 484.

**** А. И., т. II, № 251.

положить, чтобы это распоряжение паря не было исполнено тогда же. Можно только сказать, что на этот призыв откликнулось окочих людей очень мало, в Таборинской слободе даже вместе с переселенцами из Пельмы пашенными крестьян в 1625 году был только 21 человек. На более раннее основание этой слободы указывает и то обстоятельство, что в 1618 году в ней уже было более 40 десятин переложной земли^{*}.

Вторая слобода Пельмского уезда основана на правом берегу Сосны, несколько выше соединения этой реки с Лозовой и между юртами Ельцовскими и Евголдинскими. Она, несомненно, основана в 1623 году. Еще в сентябре 1622 года пельмский воевода по государеву указу велел поддатчевому Путтилу Степанову, стрельцу Терентию Захарову и пашенному крестьянину Неверову «ехать вверх по Тавде реке до Ельцовских юрт и, приехав туда, досмотреть пашенного места Гарен — можно ли там пахать и какова земля, есть ли угодья и сколько крестьянина государеву пашни посадить можно**». Известия дозорщиков были благоприятны: между указанными юртами и двумя небольшими речenkами было достаточно сухого места — около 100 десятин с почвой среднего качества, — на котором можно завести государеву пашню и поселить 30 человек пашенных крестьян. Поэтому уже к 1623 году там поселено 10 человек крестьян, а в следующем году послана пельмскому воеводе грамота, чтобы он прибрал «на копое усадище на Гарен и еще 20 человек. При этом желающим поселиться в новой слободе объявлена четырехлетняя льгота и подмога на десятину по 10 рублей денег и по 10 четвертей хлеба, «а если не возьмут, то давать им по 16 рублей денег***». Но, несмотря на эти выгодные обещания, на призыв пельмского воеводы немногие из окочих людей откликнулись. В 1625 году в Гаринской слободе было только 11 дворов, в крестьян — 13 человек. Кроме двух слобод, в Пельмском уезде, кажется, одновременно с Таборинской слободой основана деревня при Ворынском озере житиничным цеховым лицом Деревенским. В 1625 году в ней было три дома. А людей в

* А. М. И. Д. Портф. Миллера, № 478, с. 1, № 69. См. «гр. в Пельмы от 1618 г.»

** А. М. И. Д. Портф. Миллера, № 478, с. 2, № 9.

*** А. М. И. Д. Портф. Миллера, № 477, с. 11, № 12.

них тоже три. Таким образом, по первой переписи в Пельме и его уезде всего русского населения с ружниками и оброчниками было 143 человека, исключая женщин, детей, братий и племянников. Из них пашенных крестьян 45 человек, которых пахали на государь 35 десятин в поле, а на себя «средней земли» — 74 четверти в поле и сена косили 2000 копен. Кроме русских пашенных людей, в Пельмском уезде, именно в Таборинской волости, государеву пашню пахали таборинские татары и вогулы, около 60 человек. Эти последние посажены на пашни и вместе с этим освобождены от ясака еще в 1594 году. По распоряжению воевод они в первые годы селяли на государя разного хлеба 138 четвертей ежегодно, но в 1596 году по их челобитью государь велел пашенных таборинских татар и вогулов «в пашне полегчить» и селять на государевых пашнях по 40 четвертей ржи и по 80 четвертей овса ежегодно, т.е. пахать 20 десятин под озимое и 20 под яровое^{*}.

После первой переписи и до 1645 года в Пельмском уезде мы замечаем то слабое увеличение русского элемента, то слабое уменьшение. Это будет видно из следующих статистических данных.

В 1634 г.^{**} пельмских крестьян было 13, таборинских — 28, гаринских — 18; в 1637 г.^{***}: пельмских — 14, таборинских — 27, гаринских — 17; в 1640 г.^{****}: пельмских — 14, таборинских — 26, гаринских — 16; в 1645г.^{*****}: пельмских — 14, таборинских — 26, гаринских — 16.

Таким образом, в конце царствования Михаила Федоровича русского населения в Пельмском уезде было 56 человек взрослого мужского пола, а в самом Пельме (по приложенной книге) разных людей 120 человек^{*****}, между тем как ясачных людей в Пельмском уезде было в то время до 620 человек.

* Р. И. Смирнов. Кн. 18.

** А. М. Ю. Собр. пр., кн. № 42. См. «Книга пельмским подгородным и гаринским крестьянам 1634 г.»

*** А. М. Ю. Собр. пр., кн. № 67. См. «Список с посевных книг 1636/7 г.».

**** А. М. Ю. Собр. пр., кн. № 43. См. «Книга пельм., подгор. и гарин. крестьян 1640 г.».

***** А. М. Ю. Собр. пр., кн. № 203, л. 256.

***** А. М. Ю. Собр. пр., кн. № 194. См. «Пельм. Города именная книга привезенных к праславе Алексею Михайловичу. Дек. 1645».

Относительно пашенных инородцев следует заметить, что количество их постепенно увеличивалось до 1632 года, а потом начало уменьшаться вследствие смертности: в этом году пашенных татар и зогутов было 70 человек, в 1635 году — 60 человек, а к концу царствования Михаила Федоровича осталось только 33^а. Государевой пашни в Пельмском уезде к концу обозреваемого нами периода уменьшилось до 66 десятин в поле.

Что же касается доходных статей города и его уезда, то правительство в обозреваемый нами период никогда не могло покрыть местными средствами ни хлебных, ни денежных расходов. Сметные пельмские книги как хлебных запасов, так и денежных доходов всегда заканчивались дефицитом, и воеводы, указывая на последний, ежегодно спрашивали: «А о том, государь, что указать?». Почва в Таборах и на Гарах считалась средней по качеству: самые высокие урожаи не превосходили сажи 5'^б, а подгородная почва давала только сам-два, три и редко сам-четыре. В 1631 году был самый большой присев хлеба на государственных пашнях, так что в следующем году озимого и ярового хлеба собрано 1116 четвертей да выдельного хлеба взято 29 четвертей. Между тем как в расход хлеба с 1 сентября 1632 г. по 1 сентября 1633 г. выпшло 1301 четверть, одним ружникам, оброчникам и служилым людям следовало дать хлебного жалованья 937 четвертей^в. Но в следующие годы количество государственной пашни постепенно уменьшалось, чего, однако, нельзя сказать относительно расходов хлеба в конце царствования Михаила Федоровича расход хлеба в Пельме превосходил местный сбор оного почти на 400 четвертей. Поэтому ежегодно в Пельмь присыпали хлеб то из Тобольска, то из Верхнотуры. Пашенные крестьяне, хотя и достаточное количество обрабатывали своей земли, но редкий год могли прокормить себя без земного хлеба из государственных житниц, так что они были в постоянном долгу. Например, в 1634 году они задолжали уже казне 563 четверти разного хлеба, между тем как уплатить в этом году могли только 16 четвертей ржи и овса; денег они были должны 87 р. 50 к., а уплатили в этом году только 12 р. 4 к. Воевода по этому поводу замечал в «смет-

^а А. М. Ю. Смб. пр., кн. № 166, л. 314—315.

^б А. М. Ю. Смб. пр., кн. № 35, л. 251.

ной книге*, что крестьяне люди бедные и взять с них нечего*. Вот почему Пельмский уезд так медленно и слабо заселялся русским элементом: малоподородная почва да еще частый падеж скота не могли скла привлечь скотных людей.

Еще меньше были удовлетворены денежными доходами города Пельмы; годовой итог оных был ничтожен, а потому для покрытия денежных расходов ежегодно присыпалась некоторая сумма из Тобольска. В 1628 году всяких денежных доходов в Пельме было 137 р. 26 к., а в расход вышло около 500 рублей, в следующем году денежных доходов собрано 45 р. 90 к., а израсходовано 526 р. 25 к., и т.д. Вообщи средний ежегодный дефицит простирался до 350 рублей**. Зато пельмские воеводы собирали столько ясака с инородцев Пельмского уезда, что оных можно было с излишком покрыть как хлебные, так и денежные местные расходы. В 1628 году собрано ясака и поминков на 645 рублей***, в 1635 году — на 872 рубля****, в 1643 году — на 650 рублей*****. При этом нужно заметить, что полный ясак никогда не собирался с инородцами Пельмского уезда, всегда был недобор, и очень значительный. Я просмотрел ясачные книги Пельма за 10 лет, и ни за один год инородцы не заплатили ясака столько, сколько требовалось по окладу, — недобор иногда простирался до 600 рублей и более.

Но если взять среднюю величину всяких доходов и расходов, то Пельмский уезд все-таки давал прибыль государевой казне ежегодно около 250 рублей.

Березов и его уезд (1593—1645 гг.). Строителем этого города был тот самый Никифор В. Траханиот, о котором мы упоминали, говоря об основании Пельмы.

Наказ, данный этому воеводе, не сохранился и о поручении, которое он имел от своего правительства, мы узнаем

* А. М. Ю. Собр. пр., кн. № 42. См. «Пельмскую сметную книгу 1634 г.».

** А. М. Ю. Собр. пр., книги №№ 18, 43, 87 и др. Сметные книги г.

Пельмы денежных доходов и расходов

*** А. М. Ю. Собр. пр., кн. № 19, а. 678. См. «Ясачная книга Пельм.

1635 г.».

**** А. М. Ю. Собр. пр., кн. № 61. См. «Приходо-расходную книгу горо-

да Тобольска».

***** А. М. Ю. Собр. пр., ст. № 6147/103.

только из наказа Горчакову. Из этого последнего документа видно, что Траханиот должен был пробыть некоторое время с Горчаковым, пока он укрепится в новом городе, и затем отправиться в Тобольск, а оттуда на Березов остров. Хотя в упомянутом документе ничего не говорится о том, зачем Траханиот посыпал на этот остров, но несомненно для постройки там русского города. Летом 1594 года город Березов уже существовал, и первым воеводой в нем был Траханиот, как свидетельствует об этом царская к нему грамота от 1594 года 17-го дня*. Новый русский город был заложен на левом возвышенном берегу реки Соссы припадении в эту реку речки Богулки. Нужно заметить, что между Соссой и Обью находились несколько протоков, которые соединяли эти реки; Березов был построен при самом северном протоке и, таким образом, водное сообщение Березова с Обью находилось под самым городом, но этим протоком, вероятно, по его мелководью не пользовались, а путь из Березова в Обь и обратно шел через средний проток, называвшийся Большой Пырым, и потом по реке Соссе вверх около двадцати.

Город Березов первоначально был заложен на небольшом пространстве. Поэтому после построек разных казематных зданий, церкви и дворов для обитателей его в нем образовалась столь большая теснота, что служилые люди были вынуждены быть 15 дворов вынести за острог; также в 1605 году построена новая церковь во имя Воскресения Христова. Но жить за острогом скоро оказалось очень опасно, и служилые люди в 1606 году были целом государю о распредении оного. Разрешение было дано в 1607 году, и заострожные постройки соединены с городом**. Мы не знаем, какая церковь первоначально построена была в Березове, и что она существовала — в этом не может быть сомнения; обыкновенно во всех сибирских городах церковь строилась одновременно с заложением города. Но, кроме того, на существование церкви в Березове до 1599 года указывает и следующее обстоятельство. В этом году кольская княгиня, принявшая крещение, била целом государю, чтобы в ее вто-

* «Опис. Сиб. цар.» Миллера, стр. 201. См. грам. Федора в Березов гор. под воеводо И. В. Трах. от 17 авг. 1594 г.

** Р. И. В., т. II, № 76.

чине Коде построить церковь^{*}. Государь пожаловал и велел березовскому воеводе приготовить пола в Березов^{**}. А если в Березове существовало духовенство, то, значит, и существовала там церковь, потому что в сибирских городах несравненно было легче построить церковь, чем найти для нее священнослужителей. Кодская церковь Живоначальной Троицы просуществовала недолго: в 1607 году основательница ее княгиня Настасья приняла участие в остицком бунте и за это посажена в тюрьму. Тогда игумен Евстратий, служивший в той церкви, просил государя перенести его в Березов, потому что ему в Коде делать нечего и приходить нет никакого, а в Березове у него есть дети духовные. Государь разрешил и в то же время велел «служить ему в Березове у церкви, где приложе»^{***}. Эта последняя фраза показывает, что в этом городе, кроме Воскресенской церкви, существовала еще другая.

Относительно первоначального населения города Березова следует заметить, что оно состояло из духовенства, торговых, служилых и гулящих людей. Как было велико количество этого, мы не можем сказать. Из документа 1608 года видно, что в этом году служилых людей в городе было 323 человека, кроме воеводы, дьяка и польничих^{****}. Впоследствии, после замирения Березовского края, число служилых людей в этом городе значительно уменьшилось: в 1629 году служилых людей вместе с ружниками и оброчниками осталось около 240 человек, в 1634 году того же населения было 259 человек и в 1645 году — 260 человек. Ни торговых людей, ни крестьян во вторую половину царствования Михаила Федоровича в Березове не было.

Цель постройки города Березова состояла в том, чтобы удерживать в повиновении обских остатков, югорских остатков и ногудов, уже плативших ясак, наложить ясак на саамов, кочевавших в разных местах в северной части Березовского уезда, и, наконец, следить за тамошней торговлей и за пребыванием торговыми и промышленными людьми. Цель эта была вполне достигнута. Ивородческое население Березовского уезда, хотя и было сравнительно много-

* Ibid. № 68.

** Р. И. Б., т. II, л. 79.

*** Ibid. № 78.

численно, но оно не могло сопротивляться «огненному бою» русских завоевателей и золей неволей должно было подчиниться русскому царю и платить ясак. Правда, в смутную эпоху и в начале царствования Михаила Федоровича тверицкие инородцы не раз пытались освободиться от русского ига, нападали на город Березов, но их военные предприятия были безуспешны, а во вторую половину царствования Михаила Федоровича об этих попытках уже не было и слуху. Но несравненно труднее было березовскому всемоюде справиться с торговыми и промышленными русскими людьми, заставить их со своих товаров платить разные пошлины в государеву казну. Территория Березовского уезда была обширная, торговым путем из Руси в Сибирь было несколько, а потому следить за проезжающими русскими людьми было чрезвычайно трудно. Тем более трудно, что со здешними инородцами русские люди были уже давно знакомы, вели взаимную торговлю еще со временем новгородцев, и инородцы даже доставляли русским людям средства для перевоза товаров с Уральского хребта далее в Сибирь. Главных дорог, по которым торговые промышленные люди пробирались в Сибирь, было три. Во-первых, морская, которая шла через Карское море по рекам Мутной, Зеленоя в Обскую и Тазовскую губы, а из последней — в реку Таз. Эта дорога, собственно, вела в так называемую Мангазею* — золотое дно для торговых и промышленных людей. Правительству этот путь был долгое время мало ведом, или, вернее, оно не имело о нем точных определенных сведений, хотя и знало, что промышленные и торговые люди плавают морем в «Мангазею» и «Енисеко»**. Точные сведения о морском пути правительство получило только в начале 1616 года от тобольского воеводы Куракина. Последний, сообщая в Москву сведения об этом пути, в то же время высказал опасение, что они могут воспользоваться немцы для торговли с сибирскими инородцами, как уже и были с их стороны по-

* Примеч. Этот страна в древние времена называлась Мулгаша и Малгаша — обяснение этого названия от слова «магазин» совершенно посвистельски: еще в первом половине XVII века в некоторых документах эта страна называлась своим собственным именем, а не искаженным «Мангазея». Подробнее об этом мы скажем во второй части нашего исследования.

** А. И., т. II, № 30.

лытки, по рассказам торговых и промышленных людей. «А по здешнему, государь, — писал этот воевода, — по сибирскому смотри дали, некоторым обычай немцам в Мангазее торговати, ездити поводить не мопши; да не только изъ ездити, ино-б, государь, и русским людям морем в Мангазее от Архангельского города для немец ездить не велеть, чтоб на них смотря немцы дороги не узнали, и приехавши вониски многие люди сибирским городам, какие поруки не учинили»*. Это сообщение так напугало правительство Михаила Федоровича, что оно в том же году запретило под егаком смертной казни плавати, тем путем в Мангазею и обратно**. Та торговые и промышленные люди, которые рассказывали Курянику о попытках немцев прорваться в Сибирь, и не подозревали, что эти рассказы им же причинят величайшее горе. Поэтому они узнали о правительственном распоряжении относительно морского пути, запели уже ипую несение. В смеси в Мангазее многих городов торговые и промышленные люди сказали, что из дивногого устю морем в епискоечное устю-б большими и малыми кораблями сами не бывали и начиная про холопов русских и никаких иных людей не слыхали; а то-де они слыхали, что от Мутнных рек и до обицкого устю и к енисеекскому устю морем непроходимые эзле места от великих ладов и великие нужды, а у Карсмано до губы кораблей немецких не вышли, & с моря по Енисею кораблями или кораблями про проход немецких людей не слыхали и на Карскую губу за большим льдом ездить не мопши». Но в то же время торговые и промышленные люди били челом, чтобы им разрешили ездить в Мангазею и обратно прежним путем «большим морем». Несмотря на резко бросающееся в глаза противоречие между «показаниями по ссыку» относительно морского пути и упомянутой просьбой, правительство забыло свой страх и в начале 1618 года сноша разрешило ездить по этому пути. А одного из рассказчиков про немецких людей, так напугавших местовое правительство, Еремку даже велено «за то быть непощадно, чтоб на то смотря иным неповодно воровством смыту затевать»***. Однако русские люди недолго, по крайней мере

* Р. И. Б., т. II, № 254, 11, стр. 1055.

** Ibid, стр. 1059.

*** Р. И. Б., т. II, стр. 1066—67.

открыто, пользовались морским путем. Тобольский воевода, получивши грамоту о разрешении этого пути, сделал на этот предмет столь существенные замечания, что правительство снова изменило свое решение. В следующем году он писал, что если дозволить торговым и промышленным людям ездить в Мангазею «большим морем», то а) невозмож но будет с них пошлину собирать и б) немецкие люди могут по следам русских людей пробраться в Мангазею и в Енисею, и тогда государственной казне наверно будет ущерб^{*}. Эти заключения приняты во внимание, и в конце 1619 года издан указ, которым снова строжайше запрещалось торговым, промышленным и всяkim людям плавать морем в Мангазею^{**}. А чтобы это запрещение не нарушалось, в 1620 году велено было построить острожек на волоке между речками Мутной и Зеленой и посыпать туда с Березова и Тобольска служилых людей человек по 50, чтобы они следили за русскими и немецкими людьми и никого не пропускали тем путем в Мангазею и обратно. Это распоряжение исполнено только в 1624 году^{***}. С этого времени ежегодно в уломанутый острожек посыпалось 20 человек с Березова и 20 человек служилых людей с Тобольска на время от разлива рек и до заморозков. Таким образом был прегражден морской путь в Сибирь.

Вторая дорога в Березовский уезд из Руси в Сибирь шла через Ус, приток реки Печоры, речку Елец и затем через небольшой волок в Собь, впадающую в реку Обь. Этот путь тоже длиний. Тут на волоке в Уральских горах русские люди для временного пристанища построили Роговой городок⁴⁶, о котором правительство также долгое время не имело никаких сведений. Но следующий случай в 1607 году заставил правительство обратить внимание на этот пункт. В этом году березовский воевода Петр Черкасский писал в Москву. В Носовом городе на Обдоре березовские служилые люди, посланные туда для сбора ясака и десятой пошлины, захватили торговых людей человек 45 без проезжих грамот и, разделив их на две партии, отправили под конвоем в город Березов. Но одна партия (человек около 25)

* Ibid, стр 1071—72.

** Ibid, стр. 1075.

*** Ibid, стр. 1094.

дорогой напала на своих конвойных двух казаков, ограбила их и бросила на тундре, а сама разбежалась; самоды нашли этих казаков нагих и голодных и привезли в Носовой городок. Другая же партия торговых людей прибыла в Березов, и воевода, взяв с них пошлину, отпустил в Пустозерск. Но далее он сообщал: «А приезжают пустозерцы в Березовский уезд по вся годы многие люди и ходят Печорою рекою в судах с великими товары... под камень в Роговой городок и тут они осеняют; а как дорога (именно) станет, и к ним приезжают самоды, их знакомые и другие и у тех торговых людей наймуются и товары извозят по тундрям к ясашной куниной самоды, а иные многие свои товары меняют в Роговом городе...». Вследствие этого, продолжал тот же воевода, не только в десятинной пошлине бывает убыль, но и недобор в яске, потому что торговые люди меняют свои товары на мягкую рухлядь прежде сбора с самодов государева ясака. Получив эту воеводскую отписку, правительство приказало, чтобы торговые и промышленные люди исключительно торговали в Березове, на гостинном дворе с платой десятой пошлины и притом не прежде начиная торговлю, как будет собран с инородцев ясак*. Но трудно было заставить русских торговых и промышленных людей подчиниться этому распоряжению. Им легко было обходить и Обдорский городок, и Березов, долины до устья Соби, они входили в Обь и затем направляли свой путь куда угодно: в Мангазею, в Тобольск, не будучи замечеными ни из Обдора, ни из Березова, и тем путем же возвращались на Обь. Правда, в царствование Федора Ивановича и Бориса Годунова при устье Оби была застава, и обхехать последнюю было очень трудно, но она скоро была уничтожена, и торговым людям открылся свободный путь. Но при Михаиле Федоровиче правительство хорошо разумело о тех обходах, которые делают русские люди, чтобы со своих товаров не платить никаких пошлин, и потому в 1618 году велено тобольскому воеводе возобновить Собскую заставу и ежегодно посыпать туда на летнее время по несколько человек служилых людей целовальника для сбора пошлин с торговых, промышленных и всяких проезжих людей**.

* Р. И. Б., т. II, № 77.

** Р. И. Б., т. II, № 256, стр. 1076.

Собская застава поставлена была не при самом устье реки Соби, а несколько выше его. Почти против этой заставы на правой стороне устья Оби, на реке Полуй, еще в царствование Федора Ивановича построен был островок Обдорск, или Носовой городок. Он назначался, собственно, для сбора ясака с самоедов и остяков, которые в известное время приходили в этот город и приносили ясак. Поэтому и здесь, как и на Собской заставе, до самого конца царствования Михаила Федоровича не было постоянного населения, а жили временно служилые люди, присыпаемые то из Тобольска, то из Березова. Эти же служилые люди собирали и пошлину с русских торговцев и промышленных людей. Но так как служилые люди были неопытны в оценке товаров: «таможенное дело, — говорили они, — нам не за обычай», то при Михаиле Федоровиче в Обдорск, как и на Собскую заставу, начали посыпать свачала делональников из посадских людей, а с 1635 года таможенных голов^{*}.

Благодаря Собской и Обдорской заставам русским людям было уже совершенно невозможно тайно пробраться в Мангазею и обратно по Руб через камени, в течение трех летних месяцев, т.е. когда возможен был водный путь, на этих двух заставах сторожили таможенные головы, а по окончании местам с той же целью последние рассказывали служилым людям. В другое же время путь здесь был невозможен. В одном наказе собским и обдорским головам говорится: «Жить им на тех заставах немногого времени — всего три месяца: июня, июля и августа, а большими того жить там нечего, потому что торговым и промышленным, и всяким людям мимо Обдора и Собского устья после Семена дни в осень и во всю зиму, и лесной ездить нельзя; то места пустое, и в сибирские города в то время той дорогой никто не ездит**». Но существовал в Березовском уезде еще третий путь из Руси в Сибирь — югорский, который из-за Уральского хребта выходил на реку Кирту[†], приток Сыгы. Этим путем легко было обойти Березов и Собскую и Обдорскую заставы: спускавшись по Сыге в Сосьву, русские купцы и промышленники вместо того, чтобы плыть по Сосьве к Березову, выплывали из Сосьвы в самую южную протоку, которая соединяла Обь с Сосьвой. Эта протока, называемая

* А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 6106/62, лл. 5—6, см. «Доклад государю».

** А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 6106/22, л. 76.

Ияспаловой, стояла от Березова южнее верст на 80, а потому из этого города было невозможно уследить за проезжими по югорскому пути. После возобновления Собской заставы русские торговые, промышленные и беглые люди пользовались этим путем и для звезды в Сибирь, и обратно. Кажется, московское правительство долго не знало об обходе русскими людьми своих сибирских таможенных застав через Ияспалову протоку, по крайней мере оно долгое время не принимало против этого обхода никаких мер. Только во второй половине царствования Михаила Федоровича тобольские и березовские воеводы начали склонять послать в летнее время служилых людей для наблюдения за проезжающими людьми по указанному пути. Застава, основанный здесь, называлась Киргасской, вероятно, потому, что в то время, в начале XVII века, верхняя часть Сосвы называлась Киртас, а не Рекмъя, как в конце XVII века. На это указывает следующее место из «памяти», данной тобольским воеводой таможенным березовским головам: «Посыпать им из Березова в Березовский уезд вверх реки Сосвы, выше Ияспаловы протоки, которая пада из Оби в реку Сосву, на реку Киртас, а приехав на протоку реки Сосвы и на реку Киртас, велеть поставить на тех реках заставу служилых людей, которым стеречь проезжающих из Мантаея, Сургута, Томского города и других сибирских городов торговых и промышленных людей, чтобы мимо заставы никто и никогда не проехал бы». Трудно предположить, чтобы в данном случае имелась в виду та речка Киртас, которая через Сымырью слидается с Сыгвой — она слишком далеко отстоит от Березова.

Так же «память» предписывает служилым людям, которые будут на этой заставе, осматривать у всяких проезжающих людей мягкую рухлянь по их проезжим грамотам, и если найдется мягкая рухлянь сверх таких грамот, а торговые люди захотят торговаться на Сосве и на Киртасе, то брать с купцов десятую попушину, и в этом месте «памяти» река Киртас становится наряду с Сосвой^{*}.

Таким образом, в Березовском уезде устроено четыре заставы для борьбы с торговыми, промышленными и другими людьми проезжающими. Теперь московское правительство могло быть спокойным относительно сбора попушин в таможнях.

* А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 6106/62, л. 266, см. «Память таможенным и иногородним головам...».

женныхных местах: миновать указанные заставы, основанные на трех сибирских дорогах, в других не существовало, не было никакой возможности. Таможенные головы наделены были большими полномочиями в таможенном деле и в то же время за малейшие злоупотребления подвергались жестокой ответственности. Вот почему посадские люди, из которых выбиралась головы, с неохотой принимают таможенные посты и постоянно жалуются на тяжесть этой обязанности. Конечно, злоупотребления бывали, но тем не менее с устройством заставы и с учреждением таможенных голов на Соби и Обдоре с 1635 года сборы пошли в Березовском уезде, по сознанию самого правительства, значительно увеличились, а «книги таможенного сбора» показывают нам, что эти сборы доходили до крупных сумм.

Нужно заметить, что Березов и Собская заставы были такими же важными торговыми центрами, как и Тобольск. Сюда летом прибывало множество русских купцов или их привозчиков для меновой торговли с осязаемыми, погулами и самоделками; при этом они останавливались на Собской заставе и здесь разменячивались товарами с инородцами, другие отправлялись для той же цели в Березов, в Обдорск и в Мангазею. Торговля в этих местах несравненно более доставляла барышей русским людям, чем в Тобольске, где им, как я упоминал, приходилось более покупать, чем продавать; здесь они сбывали инородцев разные дешевые вещи русского изделия и даже поисченные порты и рубахи, а взамен получали соболей и бобров. Конечно, не для одних инородцев русские купцы привозили свои товары, но и для русских служилых людей, живших в сибирских городах и острожках. Чтобы иметь понятие о предметах русской торговли, сообщим здесь из собской и киртасской таможенных книг названия некоторых товаров: медные котлы, пуговицы, булавки, колокольчики, чарки, солонки, перстни, оловянные блюда и пуговицы, железные наконечники для стрел, топоры, сковороды, сукно английское и гермажное, полотно ярославское, зипуны и кафтаны, рубахи мужские и женские, шитые золотом, сапоги мужские и женские сафьяновые и телячьи, рукавины, подолыны, башмаки, чулки, пояса шелковые и гарусные, шубы бараны, зеркала, струны, отгнивы, масло коровье, мед, воск, ладан, прида и не-

волные, веревки, нитки, писчая бумага, порох, свечи, мыло костромское, сахар, пряники и пр. Некоторые из этих предметов по тогдашнему времени стоили довольно дорого, например, кафтан «из доброго английского сукна с золотыми суржиками» оценен таможенным головом в 5 рублей, а за эти деньги можно было тогда купить пять лопидей; сковороды ценились в 50 к., пуд меди в котлах — в 10 рублей, десятка бумаги — 24 к. Другие товары поражают своей дешевизной: фунт коровьего масла — 4 к., аршин тонкого ярославского полотна — 6 к., семь женских рубах поноженных — 11 к., и т.п. Со всех этих товаров на Собской, Киртасской и Обдорской заставах взималась государева пошлина: десятка — если товары продавались на заставе, и проезжая (4 к. с рубля) — если купцы везли свои товары в Березов или в Мангазея. Попытка здесь собиралась преимущественно деньгами, но встречаются примеры, и довольно частые, что брали и натурой.

Вследствие этого иногда попадаются довольно курьезные отмечки таможенных голов: «взята на государя десятая пошлина на собачью корку»⁴. Что в данном случае пошлина взята натурой, в этом нет никакого сомнения, ибо когда пошлина с товаров взималась деньгами, то после поименования товара и оценки оного таможенный голова отмечал: «взята на государя десятая пошлина с того товара» З альтна или 5 денег и т.п. Из таможенных книг видно, что платок пошлины натурой или деньгами исключительно зависел от владельца товара — чем хотел он, тем и платил. Поэтому в государственной казне собиралось множество товаров и самых разнообразных: соболи, бобры, кафтанды, сапоги, поноженные рубахи, собачий корм, оловянные и медные пуговицы и др. Теперь спрашивается, куда девались подобные товары, какое из них делалось употребление? Ответом на этот вопрос служат самые определенные указания; только мягкая рухлядь отсыпалась в Москву, все же другие товары или распродавались тем же таможенным головами и целовальниками, или же ими упаковывалось жалованье служивым людям. Как ни мелки были попытки, взимаемые на Обдорской, Собской и Киртасской заставах, тем не менее в течение лета их собиралось на значи-

⁴ Прим. Эта пошлина взята с промышленника, который взял корм «для промышленных собак».

тельную сумму, особенно со времени учреждения на этих заставах таможенных голов и целовальников: в 1625 году на первых двух заставах собрано всяких пошлин на 404 р. 39 к.*, но в 1641 году уже собрано на 950 р. 3 к.**. К сожалению, мы не можем точно определить сумму пошлин, собираемых в течение лета на заставе Киртесской, мы видели только одну таможенную книгу с этой заставы, да и та настолько ветха, что трудно было читать окую, а тем более сосчитывать по ней пошлины, притом же половина этого документа совсем уничтожена. Впрочем, почти наверное можно определить, что суммы пошлин с Киртесской заставы не превышали 50 рублей; из прочитанной нами части упомянутого документа видно, что на этой заставе русские купцы не останавливались для торговли, а проезжали далее в Березов и в Мангизею; исследование этого с них здесь занималось только проезжая, или печатная (с проездных грамот), и головная пошлина, которые не могли составить значительную сумму***.

Березовская таможня собирала еще более пошлини, чем Собская и Обдорская, и к концу царствования Михаила Федоровича этот сбор значительно увеличился. Так, в 1625 году в Березов собрано всяких пошлин на 653 рубля, в 1629 году — 1814 рублей, в 1643-м — более двух тысяч рублей. Другие денежные статьи доходов города Березова были незначительны: таких доходов собирались в год рублей на 50, на 100, не более. Что же касается расходов в этом городе, то они хоть и были значительны, тем не менее в конце царствования Михаила Федоровича с излишком покрывались местными денежными средствами даже помимо ясака. Главная статья расходов в Березове, как и в других сибирских городах, это хлебное и денежное жалованье ружикам, оброчникам и служилым людям. С 1628 года и до конца обозреваемого нами периода хлебного жалованья ежегодно выходило несколько более 3000 четвертей, в денежного — от 1350 до 1500 рублей. Но несомненно, что ранее этого времени того и другого жалованья выплачивалось гораздо более, потому что число служилых людей с 1628 года в Березове значительно уменьшилось****.

* А. М. Ю. Собр. пр., кн. № 8.

** А. М. Ю. Собр. пр., кн. № 142, л. 1—259.

*** А. М. Ю. Собр. пр., кн. № 142, л. 262.

**** А. М. Ю. Собр. пр., книги №№ 17, 18, 42 и 48; ст. № 6053/19, л. 67.

Но мягкой рухляди — ясака и поминков — с инородцами Березовского уезда всегда собиралось на большие по тому времени суммы: в 1628 году собрано на 3887 рублей, в следующем году — на 3654 рубли, в 1643 году — на 1552 рубля*.

* А. М. Ю. Сиб. пр., книги №№ 19, 20 и 163.

Глава VIII

В предыдущих главах, насколько позволяли нам материалы, мы обозрели заселение некоторой части Сибири до 1645 года. Из этого обозрения видно, что в какие-нибудь пятьдесят лет после завоевания этой страны в ней возникло семь русских городов, несколько острожков, застав, слобод, сел и сотни деревень; русские поселения сначала появлялись по главным рекам, текущим в Передней Сибири: по Тура, Тоболу, Тавде, Иртышу, Оби, а потом и по их притокам. О постепенности заселения, собственно говоря, не может быть и речи: русские города и различные типы поселки появлялись почти одновременно на всем этом громадном пространстве. На упомянутых главных сибирских реках, в местах, которые более или менее были заселены туземцами, или местах стратегических основывался русский город, а около него возникали и русские деревни; постепенность в заселении можно наблюдать только в колонизации уезда известного города, но не относительно всего покоренного края. Мы видели также, что количество русского населения далеко не соответствовало обширности занятой им территории; оно было даже ничтожно сравнительно с громадным пространством завоеванной страны. Но тем не менее русского населения к концу обозреваемого нами периода все-таки было вдвое более, чем туземного, инородческого: в 1645 году в семи уездах количества русских людей простиралось до восьми тысяч семей¹, а инородцев не было и почти тысяч. Важно то, что русской колонизации открылись теперь простор и безопасность, теперь переселены из Европейской Руси могли найти за Уральским хребтом временный приют и пропитание, а потому в следующий период число оных должно значительно увеличиться.

После этого естественным является вопрос, каким образом заселялась Сибирь, какими путями проникло туда

русское население и каково было положение русских и не-русских переселенцев в этой громадной окраине Московского государства? Исследование этих вопросов и будет составлять предмет настоящей главы нашего сочинения.

Заселение Сибири, как и других окраин Русского государства, было двоякого вида — правительственное и вольнонародное. С самого утверждения русского владчества в Сибири московское правительство переселяло туда русских и иерусских людей то «по прибору», то «по указу». Первыми, конечно, населямиками покоренного края были те служилые люди, которые и завоевали его. Воеводы и головы, назначенные на службу в Сибири, сами и через других правительственныех агентов набирали войско отчсти из служилого класса, а отчсти из разных вольных «охочих людей»; каждую сопровождали духовенство, а иногда и посадские люди и крестьяне, тоже «прибранные», а иногда и ссыльные. Начальственные лица, совершив поход, т.е. покоривши ино-родную известную местности и построивши там город, через год или два возвращались обратно на Русь, их сменил новый штат, но осталый состав экспедиции возвращался в Сибири в новопостроенном городе. Едва только эти новые жители покоренного края поставят свои двери, как бьют челом государю, чтобы к ним были переведены из Руси их семейства, а боярские дети, духовные лица, разные подьячие таким же образом выписывали и своих крепостных людей. Так что уже во второй год существования города русских жителей в нем было достаточное количество.¹ Но, как мы упоминали в предшествующих главах, не все они оставались жить в городе, а многие селились на своих пашнях, и таким образом началось заселение уезда. При обозрении городов мы уже касались самого контингента первоначального населения каждого города и указывали на то, что городское население вначале было вместе с тем и уездным. И впоследствии московское правительство теми же способами, т.е. «по прибору» и «по указу» заселяло дальнюю государеву вотчину, переселяло туда духовенство, служилых людей и крестьян. Сибирь особенно нуждалась в священиках, и сибирские митрополиты постоянно были членом государю о присыпке попов в этот край, но охотников находилось немного. Мы упоминали, что вместе с первым Сибирским архиепископом Кипри-

ном отправилось несколько белых и черных попов, прибраных большей частью в самой Москве. Этот «прибор» был не совсем удачен, и вместе с тем видно, что белые попы скорее по указу переселились в Сибирь, чем по добной коле. Уже в 1622 году Киприан писал Михаилу Федоровичу и святейшему патриарху Филарету, что «те попы клочьи Иван с товарищами с ним, с архиепископом, в соборе в церковных службах бытъ не хотят и в церкви не служат, и его ни в чём не слушают, да кроме того составляют на него ролот многот и государеваго денежнаго и хлебнаго жалованья не взяли и живут самоизвестно». Между тем это жалованье было достаточно и на него можно было жить безбедно; например, протопоп получал в год денег 25 р. и разного хлеба 60 четвертей, протодьякон — 15 р. и хлеба 36 четвертей, а священники по 10 р. и по 26 четвертей хлеба, т.е. эти духовные лица «верстались» таким окладом, который получали только служилье люди высшей «статьи»*. Но они все-таки не были довольны своим положением и в том же 1622 году «самовольствием побежали в Москву». На дороге их задержали и по государеву указу возвратили в Тобольск. Из грамоты Киприана от 1623 года видно, однако, что и после этого они не хотели служить и не брали жалованья. «Нам-де за церковную службу, — говорили эти попы архиепископу, — приняться нельзя, потому что доброкоты их пишут из Москвы, что им однолично вскоре быть на Москву попрежнему». Само собой понятно, что при добровольном переселении этих духовных лиц невозможno было бы ожидать с их стороны такого упорства. Михаил Федорович и патриарх Филарет, получив вышеупомянутые грамоты от Киприана, указали: «тех бедельников и воров попов за их воровство и ослушание... разослать из Тобольска в дальние сибирские города в Мулгазеи (Мангазеи), в Кетский и Кузнецкий острожки порознь тотчас бесцерочно и быть им в тех городах в рядовых попах**. Но этот указ не был исполнен; заменить этих попов было некем, а между тем они, вероятно, испугавшись еще более далекого заточения, помирились со своим положением, приняли государево жалованье и начали отправлять свои обязанности. Они жили в Тобольске еще при Алексее Михайло-

* А. М. Ю. Сб. пр., раб. стол.

** А. М. И. Д. Порт. Магл., № 541, кн. 1.

виче, как это видно из их челобитной к этому государю о прибавке им денежного и хлебного жалованья.

Затем каждый новый архиепископ при своем отправлении на тобольскую кафедру прибирал черных и белых понов и тоже, вероятно, при прибое не всегда сообразовался с добром золей последних, а пользовался содействием высших властей. Некоторые документы свидетельствуют, что посыпка духовных лиц в Сибирь была в некотором роде повинностью для духовного сословия, точно так же, как для служилых людей и крестьян известной области посыпка туда же своих собратьев: казаков, стрельцов и «пашенных людей». Например, в 1635 году Михаил Федорович указал архиепископу Вологодскому и Великопермскому Варлааму выбрать в его архиепископию в Тобольск к соборной церкви и в другие сибирские города архимандрита, пятеро черных понов и 10 или 12 белых. При этом предписывалось выбирать черных и белых понов «людей добрых, крепкожительных, духовных учителей, которые бы были по преданию и по правилам святых апостолов и святого отца, а не бражников». Но прошло не сколько времени, и от Варлаама никакого известия об этом деле не приходило в Москву. Тогда послана была новая подтверждительная грамота, чтобы он поспешил приброном, и при этом делалась выговор за нерадение. Но архиепископ был не виноват: несмотря на то, что «посадские и волостные поны учинили меж себя дать подмогу тем понам, которые согласятся ехать в Сибирь, по 30 и 40 рублей, многие поны для такого дальнего проезда разбежались, не желая оставлять своих домов». Узнав об этом, государь указал Варлааму объявить: «Кто в Сибирь выбраны будут, тем дано будет на подъем жалованья из нашей казны, подможных денег на платье и на харчи архимандриту по 40 р., протопонту 35 р., черным и белым понам по 30 р. человеку, да кроме того казенный корм в дороге и казенные подводы им и под их жен, детей и работников...». Эта казенная «подмога», однако, не исключала той, которую обещали дать посадские и волостные поны белым понам, а монастыри черным понам (по 20 р.), и, стало быть, переселенцы в Сибирь получали подъемных по 60 рублей. Эта сумма по тому времени составляла капитал. Только после этого выезжалось несколько лиц из черного и, белого духовенства отправляться в Сибирь. Из списка этих переселенцев

лещев видно, что в Вологодской епархии прибрани: архимандрит, протопоп, 5 белых попов и 3 черных. С белыми попами ехали их жены и дети, разные священники и рабочники, с архимандритом — келейники, да 4 человека людей, всех переселенцев отправлялось в Сибирь 60 человек. Кроме того, в самой Москве «написались своем велию черных дна попа б в белых попов 6 человек»*. Но, несмотря на то, что из Сибири правительство отправляло попов целыми партиями, в них все-таки постоянно чувствовался недостаток. В 1638 году третий Сибирский архиепископ Нектарий жаловался царю: «В Сибири теперь черными попами стала скучность великая — в Тобольске и во всем городе, и в монастыре, и у меня только один черный поп, да и тот отец мне духовный, а в городах Мангисте, Пельные, Кузнецк и в новых монастырях, что вновь строятся, нет ни одного черного попа, и тех людей, которые желают постригаться, некому постричь, и постоянно бывают мне член о черных попах»**. Из других членов сибирских архиепископов видно, что такая «скучность великая» была и на белых попов. Принципиально этого недостатка в священническом чине очевидна. Немногие добровольно соглашались оставить родину, друзей и родственников, чтобы отправиться в мало известный и далекий край, а те из священников, которые и переселились в Сибирь, при первой возможности старались возвратиться назад. И сами они, и их «доброхоты» постоянно были членом царя и патриарху о возвращении на родину. Некоторые из этих членов удовлетворились, а те священники, на чьи членственные в Москве не обращали внимания, просто бегали из Сибири. Дело в том, что жизни в Сибири в то время не для всех была привлекательна. Черным попам на Руси жилось хорошо и им не было нужды от хорошего жития идти в Сибирь и искать неизвестного. Что же касается белых попов, то хотя их положение и на родине было незавидное, тем не менее они не могли стремиться в Сибирь, потому что там жизнь белого духовенства была еще печальнее. С самого приезда в Тобольск архиепископ Киприан начинает жаловаться царю и патриарху о грубом к себе отношении воевод и прочих служилых сибирских людей и «на жестокости», кото-

* Р. И. Б., т. II, № 164.

** А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 9138/94.

рые причиняют последние белому духовенству. По этим жалобам правительство посыпает сибирским воеводам грозные грамоты, но видно, что они не обращали никакого внимания на эти грамоты, потому что и после Киприана его преемники продолжают жаловаться на то же самое и в тех же самых выражениях. «В сибирских городах, — читаем в этих архиепископских жалобах, — твой государевы воеводы и приказные люди во всяких наши святительские и духовные дела и суды вступаются и церковников попов, дьяконов, дьячков, пономарей и всяких причетников к твоему государеву вся кому делу и к письму от твоего царского богоомолья от Божиих церквей насильно берут, во всем их судят и смиряют и от церкви Божиих отставляют и с попов скурбы снимают, в тюрьму сажают и баготами бьют и побивают... в Сибири же от Божиих церквей к твоему государеву выдельному хлебу и к письму берут попов, дьяконов, дьячков и пока, государь, те выделящиеся на тебя в городах и в слободах пятый спол выделяют, и в то время церкви стоят без пения... и в том попам... и причетникам в Сибири от воевод и от приказных людей обид и притеснения великие»*. Отсюда понятно, почему попы, переселившиеся в Сибирь, стремятся поскорее убежать оттуда и потому немогие из них добровольно выезжают на переселение, так как очевидно, что рассказы о притеснениях сибирских воевод были всем известны на Руси, как известно и то, что защиты от этих притеснителей трудно было тогда найти. Из тамошних же жителей тоже немогие прельщались священническим чином. «Ставить в попы не кого, — жалуется царь один сибирский архиепископ, — потому что в Сибири, государь, люди все ссылочные и в попы становятся охотников мало».

Как черных и белых попов, так и служилых людей правительство прибирало в Европейской Руси и отправляло на службу в Сибирь. Мы могли бы указать множество случаев подобного переселения, но, чтобы не утомлять читателя подробностями, ограничимся только некоторыми: так, в 1631 году в поморских городах было прибрано 500 человек казаков и стрельцов**, в 1635 году в Устюге Великом при-

* А. М. И. Д. Порт. Мил., № 184 и 477; А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 6440/100.

** А. М. И. Д. Порт. Мил., № 488, ст. I.

брано 50 человек стрельцов отчасти из служилых людей от отцов детей, от дядей племянников и т.п., а отчасти из вольных, гулящих людей⁴. Обыкновенно этот прибор совершился таким образом: сначала прибирались сотник, а этот прибирал в своем сотнике десятников, а десятники — рядовых казаков или стрельцов. Десятники с рядовыми служилыми людьми давали сотнику запись следующего содержания: «Се за десятник N, да его десятка (N)… поручились если промеж себя всем десятком, десятью людьми, друг по друг у сотника (N) и том: быть нам на государеве службе в городе (N) на житие в стрельцах (или казаках конных или лених) и государева служба служить, а не воровать, корчмы и блауды не дергати, и зернью не играть, и не красти, и не бежати, а кто из нас из десятнико и на товарищах моих, государево жалование, денежное и хлебное, и пена государева, а в пено что государь указет, и наши поручниковы головы в его голову место. Ната послусы… NN⁵. Прибранные таким образом служильные люди получали из казны подмогу (например, десятник 2 р. 25 к., рядовые женатые по 2 р., а холостые по 1 р. 50 к.) и на казенные подводы отправлялись в Сибирь. Нередко правительство переводило из Руси в сибирские города казаков и стрельцов просто по государеву указу, в таком случае «с переселенцем» запись не брали, но по прибытии их на место они должны были присягнуть в том, что «пришли сююи головами полное число, а в их места за отцов детей, за братью братьев, за дядей племянников и наймитов нет ни одного человека»⁶.

Но как приборные служильные люди, так и переселенцы свое путешествие в Сибирь сопровождали страшными разбоинами и грабежами; для населения тех областей, через которые они проезжали, наступали тогда дни величайших бедствий. Движение этих переселенцев напоминало русским людям татарских баскаков во времена монгольского ига, когда эти последние с отрядами татар навязывались для сбора даны. Едва только делалось известным приближение казаков и стрельцов к городу или селу, как жители запирали

⁴ А. М. И. Д. Приказные дела № 76.

⁵ Р. И. Б. т. II, № 33.

⁶** А. М. Ю. Собр. пр., ст. № 6111/67, л. 506.

дома, прятали жен и дочерей, угоняли в леса скот и с ужасом ожидали это орды. Вся забота населения известной области, в которую вступали переселенцы, заключалась прежде всего в том, чтобы поскорее спровадить их далее, избавиться от их продолжительной стоянки, поэтому подводы, которые жители должны были выставлять под переселенцев по проезжим грамотам, приготавливались заранее и по неделе и по две ожидали своих пассажиров на известном месте. Наконец орда прибывала, население встречало ее, поило и кормило, давало «поминки» натурой и деньгами в виде откупного, словом, делало все для этих ужасных гостей, лишь бы подшефие и поскорее от них отдалиться, но последнее не всегда удавалось: переселенцы не спешили, иногда жили на известной стоянке по неделю и более и кутяли столько и как им заблагорассудится. Самый лучший исход для населения при отправке переселенцев состоял в том, если оно отдельвалось от них только кормом, добровольными поминками и прибаккой нескольких линзин, сверх проезжих грамот, подводы; подобные проводы можно считать мирными, не выходящими из ряда обыкновенных; жители таким исходом были доволены даже в том случае, если во время гостепримства переселенцы позволяли себе небольшие грабежи и разные наслаждения. Мы говорим: жители были довольны такими проводами именно потому, что в большинстве случаев переселения в Сибирь служилых людей сопровождались для них несравненно худшими бедствиями. Для иллюстрации мы приведем здесь некоторые случаи иного рода проводов. В 1593 году «сын боярский», — читаем в царской грамоте к всееводу Горчакову, — с атаманом и с казаками, едучи в Сибирь, корозали. В вотчине боярина Д.И. Годунова крестьяне били и грабили, жен крестьянских соромотили, убили из лиццца крестьянами, а у иных многих крестьянина коров, свиней побили и платье пограбили, да другие боярские дети с атаманом и казаками, которые отпущены из Москвы, по дороге многих людей били и грабили и ямщикам за подводы прогонов не давали и пр.*.

* Р. И. Б., т. II, стр. 115 и 119.

ляли татары во время своих известных «наездов». В четвертой главе мы упоминали, что в 1635 году по государеву указу переведено в Тюмень 500 человек колмогорских стрельцов, переход их по русским областям сопровождался страшными грабежами и разбоем. Это видно из разных на них члобитных, подавных царю в том же 1635 году. «Был челом, — читаем в одной из них, — сыроты твои Соли-Вычегодский всесудный земской старостинка Василька Юрьев, да Соли же Вычегодской посадские земские и волостные целовальнически и всесудные посыльчишки во всех остальных посадских людях и волостных крестьян место всеого усольского уезда: в вынешнем в 1635 году в марте ехали по твоему указу с Колмогор мимо Соли Вычегодской Прохор Данилов, стрелецкий голова Андрей Кубасов, пять сотников, да 500 человек колмогорских стрельцов, а писано, государь, им по подорожным Данилову три подводы, Кубасову четыри подводы, сотникам по три подводы, женатым стрельцам по две подводы и холостым по одной. И мы, государь, по тем подорожным собрав все подводы сполна — всего 950 подвод, жгали их, Данилова и голову Кубасова с стрельцами у Соли, на посаде с конями более недели и подводы дали сполна против подорожных, а как они прибыли, то начали старостинку Васильку, посадским целовальникам и волостным крестьян и земскому дялчаку во дворе быть и увечить на правеже ослопами на смерть и вымучили у нас велики поминки денег 220 руб.». Затем члобитники пишут, что эти переведены не спешили брать подводы и для своей бездельной користи прожили на посаде более недели, и во все это время били, держали на правеже², дома разорили и разграбили и множество лициних подвой доправили. От этих непомерных смертных «правежей» упомянутые имской староста, посадские и волостные целовальники и земской дялчак напали было себе убежища в съезжей избе у воеводы Головачева, но те же стрельцы со своими начальниками проникли и туда с пистолетами, саблями, шпагами и с ослопами и оятья их были, а воеводу ругали «всякими мат... словесы». Так разбойничали эти «переведены» в городе, где был воевода и у которого, конечно, были служилые люди, то можно себе представить, что они позволяли себе по селам и деревням, где жители решительно не могли

найти никакой защиты против этой разбойнической орды. 28 марта, говорится в той же члобитной, голова, сотники и стрельцы выехали из Соли и в Усольском уезде по деревням были и мучили крестьян, забирали коров, овец, свиней и всякое имущество, ломали житницы и выбирал хлеб, били и мучили проводников и пр. И от тех грабежей и насилий волости Усольского уезда запустели и крестьяне оскудили^{*}. Другие уезды также подверглись опустошению. Один из этой шайки, голова Данилов, о котором уже упоминалось в предыдущей члобитной, впоследствии доносил Михаилу Федоровичу, что колмогорские стрельцы в Устюжском уезде доправили на крестьянах рублей 300 и более, да в Важском уезде с крестьянами же взяли денег, а сколько, не помнит. «А когда я, — писал тот же Данилов, — начал унимать их от воровства, то стрельцы, скопясь с товарищи, учили меня лаять мат..., всякою неподобной лялю и хотели убить до смерти, а потом они поехали вперед и по деревням воровали, крестьян бил и грабили»^{**}. Сам воевода соловьевический Головачев, искупавшись царю на грабежах и разбоем колмогорских стрельцов, писал, что в Устюжском уезде последние утнули более 500 лопоцдей^{***}. Вот что значили в то время переселения в Сибирь служилых людей! Мы упомянули здесь о случаях грабежей и разбоем не единичных, не исключительных: в Сибирском приказе нам попадалось несколько подобных документов и с почти тождественным содержанием, в некоторых еще добавляется, что казаки или стрельцы по деревням брали жен и дочерей крестьян «на постель», а некоторых даже увозили с собой в Сибирь. По жалобам члобитчиков царь обыкновенно приказывал воеводе того сибирского города, куда перевозились служилые люди, «сыскать вакрепко и виновных быть батогами, сажать в тюрьму до указу, животы их отграбить», а пущего вора повесить^{*}. Само собой понятно, что подобные приказы сибирский воевода, если бы и хотел, то не мог исполнить! И в самом деле, грабили и разбойничали все — и головы, и сотники, и рядовые служилые люди; таким образом, воеводе приходилось или всех грабителей наказывать, на что у

* А. М. Ю. Сиб. пр. ст. № 6148/104, л. 2 и 4.

** Ibid, л. 386 и 387.

*** Ibid, л. 1.

нега не хватило бы сил, или, как обыкновенно это делалось, он отсыпал в Москву, что «в тюрьму виновных по сыску сажал и из тюрьмы выпал идущим был». Так отсыпал и тюменский воевода относительно коломенских стрельцов^{*}.

Пашенных крестьян также правительство переселило в Сибирь «по прибору» и «по указу». Прибирали (почти исключительно в тех же померских городах) или здешние правительственные агенты, или же воеводы присыпали из Сибири для той же цели боярских детей, приказчиков и слободчиков; желающим переселиться в Сибирь «на государеву написку» обещались льготы на два, на три года и более, подмоги и ссуды в разных размерах. Иногда же правительство возлагало прибор известного количества крестьян на какую-нибудь область в виде повинности. Например, в 1590 году велено в Сольвычегодске и в уезде прибрать в Сибирь пашенных крестьян 30 семейств и чтоб у каждого человека было по три моряна добрых, по три коровы, по две козы, по три свиньи, по пять овец, по два гуся, по пять кур, по две утки, хлеба на год, соха для панихи, сани, телеги и « всякая житейская рухлядь ». В таких случаях сами жители области прибирали крестьяни и сами давали «подмогу», разверстывая эту повинность «посошно», а потому прибранные таким образом крестьяне назывались «посошными». Упомянутым 30 крестьянам велено дать подмоги по 25 р. на семейство, но посадские и волостные люди сольвычегодские дали им подмоги по 110 р., потому что, как говорили они, 25 рублями им подняться в Сибирь невозможно. Но царь указал дать подземных денег по 50 р., а остальную собранную сумму зачесть на будущее время на тот же предмет**. Отсюда можно видеть, что правительство московское заботилось о том, чтобы крестьяне переселились в Сибирь с полным хозяйством: на 50 р. в то время можно было купить все то, что должен был иметь, по указанию правительства, каждый прибранный крестьянин в Сольвычегодской области. Но бывали примеры, что такие посошные крестьяне получали подземных денег по 135 рублей***.

* Ibid. v. 385

** А. А. Э., т. 1, № 349.

*** А. М. Ю. Сиб. пр., разб. ст.

Равным образом и те крестьяне, которые переводились в Сибирь «по указу», получали достаточную помощь от правительства. «По указу» переводились или из дворовых сел, или разные преступники; первые относились к разряду «переведенцев», и о тех мы упоминали в предшествующих главах, а вторые — к разряду «ссыльных». Об этих последних мы намерены здесь сказать несколько подробнее с той целью, чтобы вообще выяснить колонизационное значение для Сибири ссылки. Но прежде всего считаем нужным привести здесь взгляды на этот предмет некоторых сибирских писателей. Н. Ядринцев, по-видимому, специально занимавшийся вопросом о значении ссылки, в своих статьях «Исторические очерки русской ссылки» и «Колонизационное значение русской ссылки» делает следующие заключения: «Мера эта (т.е. ссылка) у древних русских царей была чисто административной и почти всегда сопровождалась заточением на месте ссылки...». «Хотя мы видим в конце XVII века начало колонизационных стремлений, так как уже в указах Алексея Михайловича приказывается сосланных преступников устроить с женами и детьми на паппи, давая им суды и великие уголовы на пропитание, во никаких сведений об этом заселении мы нигде не встречаем: известен только один факт, что ссыльных определяли на работы в Тюмень...». «Ссыльные на месте ссылки содержались в заточении». «Хотя ссылка по-прежнему носит карательный характер, но при Петре I мы встречаем уже ясные стремления утилизировать ее: на преступников начинают смотреть, как на даровую рабочую силу...». «Колонизационное значение ссылки было слабо...». «Ссыльные не входили, — продолжает Ядринцев, — однако, здесь (в Сибири) в число свободного населения; первоначально их содержали в тюрьмах и под конвоем употребляли на общественные работы*. Вслед за Ядринцевым то же о значении ссылки в Сибирь повторяет и И. Щеглов в «Хронологическом перечне важнейших данных из истории Сибири». Здесь он говорит: «Ссылка в Сибирь в первое время не имела значения заселения страны, но ею правительство хотело избавиться от людей беспокойных или опасных, которых не хотело под-

* Дело 1870 г., № 10, стр. 208, 211, 221; № 12, стр. 3.

вергать смертной казни. По этому самому в первое времясылались преимущественно люди значительные и государственные*. Этот взгляд на значение ссылки совершенно не верен: на самом деле в течение всего XVII века было наоборот, т.е. московское правительство почти всегда приказывало сибирским воеводам или верстать ссылочных в службу, или устроить на пашни, и в очень редких случаях ссылочные запирались в тюрьмы на место ссылки. Да иначе и быть не могло. Московские цари, как мы видели, были слишком расчетливы, чтобы сотни преступников, ссылаемых в Сибирь, держать в заточении в тюрьмах и кормить их дарами. Если они утилизировали такие предметы своего хозяйства, как мякину, ухоботы, солому, если они не пренебрегали такими мелкими поспланими, которых ценность нельзя выразить никакой монетой, если, наконец, они собирали десятину с «собачьего корма», привозимого в Сибирь промышленными для своих «промышленных собак», или десятину с понищенных рубах и штанов, взвозимых русскими торговыми людьми, как предметы торговли с остиками и вогулами, то трудно допустить, чтобы такие расчетливые хозяева, какими были всегда наши московские цари, не воспользовались дешифровым трудом ссылочных при своей хозяйственной деятельности в «далкой сибирской вотчине», в которой еще там мало было населения. Даже для таких преступников, как государственные изменники, разбойники и душегубы, которых правительство приказывало сибирским воеводам «заключать в тюрьму», это тюремное заточение продолжалось год, два года и редко более, а потом служилые люди верстались в службу и государевым денежным и хлебным жалованьем, а крестьяне сажались на государеву пашню и грядом получали от казны подмогу и ссуду, как и прибронные из гулящих людей. Мало того, царь Алексей Михайлович приказывает одному сибирскому воеводе «верстать в службу на выбыльные места не гулящих людей, а ссылочных, чтоб в нашем годовом жалованье линии расходов не было»**. Чтобы не быть голословными, мы постараемся подтвердить наше мнение о значении ссылки множеством фактов. Мы просмотрели в архивах Министер-

* «Хронол. перечень...» С. 59. Ири. 1883 г.

** Д. к. А. И., т. П. № 63.

ства иностранных дел и Министерства юстиции, в Сибирском приказе и в разных печатных изданиях исторических актов до 200 царских грамот к сибирским воеводам о ссыланных в период от 1593 г. и до 1645 г., и весь этот обширный материал привел нас к заключению, что московское правительство прежде всего смотрело на ссылку в Сибирь, как на средство заселения этого края. В обозреваемый нами период заселения Сибири всего сослано около 1500 человек^{*}, не считая жен и детей, и разных свойственников. Из них из русских подданных около 650 человек; под этого рода ссыланными мы разумеем, во-первых, тех людей из неприятельских армий, «которые иманы на бои и в язщех», и, во-вторых, иноземцев, служивших в русском войске и сбежавших во время войны к неприятелю и потом захваченных в плен. Между этими военнопленными были поляки, литовцы, немцы «песарской земли», немцы ливонские и шведские, латыши, черкасы, одни «француженки». Из русских подданных сослано в это же время около 850 человек, из них до сотни семейств инородческого происхождения, 366 человек чехарас, а остальные ссыльные, судя по их месту жительства, принадлежат к великорусскому племени. Считаем, однако, нужным заметить, что если мы определяем число ссыланных людей от 1593 до 1645 гг. в 1500 человек, то разумеем только тех ссыланных, царские грамоты о которых мы имеем в руках, а на самом деле, конечно, число ссыланных этот период было гораздо более: многие грамоты о них нам не попались под руку и еще большее количество ссыльных, вероятно, не сохранилось до нас. Точную цифру ссыланных мы можем указать только за десятилетний период — от 1614 до 1624 гг., именно за это время сослано в Сибирь 560 человек^{**}.

^{*} Примеч. В это число мы включаем опальных государственных людей, которых правительство ссылало в Сибирь на житъ как людей, постому-нибудь имели вину против государства, хотя, например, ссылка Бориса Годунова Римашовых и тому подобное.

^{**} Примеч. О ссыльных за этот период мы имеем все царские грамоты. Нужно заметить, что о всех ссыльных в Сибирь послалась царские грамоты тобольским воеводам, и эти грамоты воеводы списывали в особую книгу. Одна из таких грамот, относящаяся к ссыльным, есть правоохранительного письма времени и находится в Архиве Министерства иностранных дел в портфеле Миллера. Это «Список с государевым... Михаила Федоровича грамот, каковы присланы в Тобольск в прошлом от 122 до 132 гг. о опальных людях, которые по государеву указу присланы в Сибирь...». См. № 541, кн. № 1.

Теперь рассмотрим на самих фактах вопрос о ссылке и о положении ссыльных в Сибири. При обозрении первоначального заселения города Пельмы мы уже упоминали, что в 1593 году вместе с князем Горчаковым отправлено несколько десятков русских семей, которые велено посадить на пашню. Изнаказа этому воеводе собственно не видно, ссылались ли эти люди в качестве ссыльных как преступники или только как «переведенцы» переселялись на житъе в Сибирь. Но относительно девяти семей каргопольцев мы наверное знаем, что они принадлежали к первому роду переселенцев. Они, как видно из их чебабиной, в 1586 году посланы из Москвы в Каргополь как опальные, а потом оттуда в 1593 году сосланы в Пельму. Таким образом, этих людей мы можем считать первыми ссыльными в Сибири с целью заселения этого края; а через год или через два туда же посланы 30 семейств уличан, и эти последние также устроены на пашню. В предшествующих главах мы также упоминали, что некоторое сибирские слободы заселялись ссыльными; несколько таких людей были первоначальными населянниками города Тары и пр. Но, так сказать, систематически московские пары начинают пользоваться разного рода преступниками для заселения Сибири только со временем Михаила Федоровича, и ссылка с этой целью постепенно все более и более усиливается в течение всего XVII века. Обратим сначала внимание на ссылку военнопленных или вообще не русских подданных и посмотриим, какое значение они имели в деле заселения сибирского края. В 1614 году посланы полк Ядринский, литовны Гроцкий и Чамский, и всем им велено служить в разных сибирских городах наряду с прежними иноземцами; в том же году посланы в Тобольск изменники — литовские люди: два человека и один паходок, и велено им «посадить в крепкую тюрьму и беречь накрепко, чтобы они никуда не ушли... а корм им давать по две деньги человеку на день»; в том же году послан в Тобольск Савва «Фринчоженин», а «велено ему служить с литвой вместе и из города никуда его не отпускать, чтобы он, с кем говорясь, не убежал и был бы у вас всегда в лицах». Но этот ссыльный принял православие, навсегда остался жить в Сибири и дослужился до боярских детей; помимо службы, он занимался хлебопашеством, строил де-

евни и одну из них пожертвовал в тобольский Успенский монастырь. В 1615 году посланы в Тобольск ротмистр литовский Павел Качинский, а в 1617 году — 60 литовских ахолков, и велено им «раздать пашенным крестьянам для ашениного науку». Через два года Михаил Федорович ука-зал тобольскому воеводе всех этих ахолков в главе рот-истра Качинского возвратить в Москву для размена с по-лаками пленными. На это требование тобольский воевода отвечал: «19 человек, будучи посланы в Томск на пашню, а дороге перебили служилых людей, с которыми были от-правлены, захватили государеву казну и убежали за ка-ен»; ротмистр умер, 23 ахолка пересыпал на Русь, а ос-талые 17 человек крестились (т.е. приняли православие) и бывут членом, чтобы им оставаться в Сибири на государевой службе». В 1617 году послано в Тобольск две большие партии литовских ахолков: одна в 99, а другая в 75 человек, и сех им велено устроить на пашню, где приложе. В 1622 году посланы в Тобольск иноземцы: «швед Павлик, а рус-ское имя Дмитрий, немчин цесарской земли Карбим, а усское имя Лаврентий»; им велено служить вместе с ино-земцами и поверстать их денежным и хлебным жалованьем. В том же году из Кириллова монастыря посланы в То-больск немец Анна Локмат да немецкий поп Матюшка, и елено того и другого поверстать в службу и дать денежное хлебное жалованье наравне с другими служилыми ино-земцами. Всего по русских подданных с 1614 по 1624 гг. послано 319 человек, из них некоторые с женами и детьми.

Затем указом в тот же период на несколько фактов ссылки в Сибирь малороссиян, или черкас. В 1614 году по-слан на житие в Тобольск черкашенин Пронка, и велено ему служить с литьвом и дать денежное и хлебное жалова-ье; в 1618 году послан в Томск атаман запорожских чер-кас Михаил Скиба, и велено его поверстать на службу «с ем в первгу» и дать жалованье. В 1619 году алатырский оевода доносила в Москву, «что присланные в Алатырь 50 еловьев выезших запорожских черкас ходят в городе со всяким боем и чиня великий задор, а по которым дворам они стоят, и те дворники приходят к нему и говорят, что те еркасы похваляются всяким луком и эзым умышлением и испроптивают, сколь далече к Дону, а к Алатырю прилегла

стель, никое поле, а те черкасы все конны и лошади у них добры, а Алатырский город безлюден, и алатырские казаки все на государевой службе... Получив это донесение, Михаил Федорович хотел выбрать из тех черкас 40 человек и в сопровождении русских служилых людей отправить в Тобольск, а тобольскому воеводе послана грамота о том, чтобы этих черкас поверстать в службу в пешие казаки и дать денежное и хлебное жалование наравне с последними. Несколько черкас, «которых из измену довелось казнить смертью, а государь пожаловал, отдал им жизнь», в 1623 и 1624 гг. сосланы в Сибирь, и их «велено устроить на пашню и дать подногту для пашенного заводу»; всех черкас за это десятилетие сослано в Сибирь 76 человек.

За тот же период русских людей сослано в разные места Сибири 165 человек; между ними встречаются воеводы, князья, дячки, стрельцы, боярские дети, разные мастера, посадские люди и крестьяне разных состояний. В 1615 году сосланы боярские дети Максим Трубчинов и Михаил Ушаков; им велено служить в боярских же детях и дать жалования по 10 р. денег, по 9 четвертей хлеба, ржи по четверти, то же крупа и толокна и по 3 пуда соли. В разных документах они упоминаются даже в конце царствования Михаила Федоровича. В 1618 году сосланы в Тобольск, Тару, Тюмень и Томск 11 человек русских людей, которые были в плену у литовцев; им велено раздать пашенным крестьянам «для пашенного научку» или «под научу», поить и кормить хлебом до тех пор, пока они научатся пахать; в следующем году таких же русских людей сосланы в разные места Сибири 12 человек, и также велено их устроить на пашню и на тех же условиях, как и вышеупомянутых. В 1621 году сослан атаман казачий Митяка. «А довелся тот Митяка, — говорится в царской грамоте, — за измену смертной казни, по мыс его помилованы, смертную казнь ему отдана, велено послать его на житье в Сибирь и устроить в службу, в какую пригодится». В том же году сосланы люди боярские 3 человека и казак, и велено их устроить в пашенные крестьяне, и «дать всякого пашенного заводу». В 1623 году сосланы два брата Просветовские из Ярославля, им велено поставить двор и две избы, чтобы они никуда не выходили и ни с кем не разговаривали. В следующем году сосланы посадские люди 7 человек с же-

нами и детьми, несколько крестьян, казаков, стрельцов и беглых людей тоже с женами и детьми, и всех велено в разных местах устроить на пашню и дать «подмогу» для первого хозяйственного обзаведения*. Из всех 560 человек, сосланных с 1614 по 1624 гг., устроено на службу 169 человек, на пашню — 348 человек, в посадские — 2 человека, заключено в тюрьму 19 человек и послано «на житие без срока» 22 человека. В последующее время ссылка в Сибирь год от году усиливается: ссылается военнопленные и преступники, ссылаются одинокими, небольшими партиями и целыми массами. Так, в 1633 году сослано два партии военнопленных: одна в 73 человека, а другая в 83; первую велено устроить на пашню, а вторую поверстать в службу**. В том же году сосланы в Сибирь два старца из Соловецкого монастыря. На этих чернечих итумек жаловался, «что один чернец новокрещенец поляк живет в монастыре самовольством, бесчинства и воровство чинит многое, а унять его монастырским смиренiem невозможно»; другой же говорил, «что-де в иноческий чин пострижен, а до пострижения в православную веру нигде не крещен». Тот и другой сосланы в сибирские монастыри, по их велению устроены пареким жалованьем, как и прочую братию***. В 1634 году сосланы шляхтичи, 14 человек, а в следующем году 140 иноземцев, и всех их в разных городах Сибири поверстали в службу****. В 1640 году сослан в Верхотурье стрелец с женой; несмотря на то, что он обвинен в подлоге табаком и в рабстве, государь поклонил, велел ему быть в пашенных крестьянах. Около же этого времени сосланы в Сибирь белгородские изменники черкасы с женами и детьми — всего 179 человек. В 1635 году сосланы в Сибирь на пашню крестьяне Смоленского и Ярославского уездов — 104 человека; в том же году сосланы 11 человек черкас с женами и детьми за то, что «в Путинье воровали и в порубежных делах скору чинили и людей побивали до смерти», и их велено устроить на пашню*****.

* Все эти сведения о ссылках мы заимствовали из «Списка государственных грамот... об окнальных...». Портф. № 541.

** Р. И. Б., т. II, № 153.

*** Ibid, л. 526.

**** А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 6306/262, л. 307. Р. И. Б., т. II, № 182.

***** А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 6141/97; в этом столбце заключаются мношества грамот о ссылках в Сибирь, и также и в книге под № 11.

Приведенных фактов вполне достаточно, чтобы иметь первое понятие о значении ссылки для Сибири: она давала этому краю значительный контингент населения. Правда, не все ссыльные доходили до места назначения. Хотя они отправлялись большей частью скованными и всегда под значительным конвоем из казаков и стрельцов, но тем не менее некоторым из них удавалось бежать еще до перехода через Уральский хребет. Правительство всегда жестоко наказывало конвойных, если они упускали кого-нибудь из ссыльных: приказывало сибирским воеводам таких виновных «быть кнутом нещадно, сажать в тюрьму и отграблять их животы». Случалось иногда, что ссыльные из военизированных и черкас, у которых редко отбиралось оружие при ссылке, вступали на дороге в глухих местах в кровопролитный бой с конвоями, причем некоторые погибали в этом бою, а иным удавалось бежать. Но редко проходили большие партии ссыльных без того, чтобы они не разграбили несколько селений, через которые им приходилось идти в Сибирь; жалобы на грабежи и разбои ссыльных были довольно часты, а иногда и сами провожатые принимали в этом участие; особенно буйствами по пути в Сибирь отличались черкасы. Мы выше упомянули, что около 1640 года послано в ссылку 179 человек черкас. Несмотря на то, что их сопровождали 80 человек стрельцов, они свой путь сопровождали грабежами и убийствами, а кроме того, как доносил воевода, несколько человек из них убежали, оставил жен и детей. Из Сибири также многим удавалось бежать, бегство оттуда не представляло особых затруднений, но, вероятно, немногим приходилось добежать до родины. Так, в 1621 году ссыльные черкасы, будучи отправлены тюменским воеводом за солью на Ямшьево озеро, изменили царю, как доносил воевода, и убежали к калмыкам. Эти беглецы, вероятно, принадлежали к той партии черкас, которые в 1619 году сосланы в Сибирь из Алатаура. Из такого же «соленного похода» бежала ненавистью куда часть тех иноземцев, которые сосланы в числе 140 человек в 1635 году. Но вот интересный случай бегства 30 человек ссыльных, и довольно подробно описанный в разных воеводских отписках. В 1620 году тобольский воевода на нескольких судах отправил хлебные запасы в город Томск с 18 человеками ка-

заков во главе Пермушки Шерпиня, сосланных в Сибирь: 1619 году, и 19 литовскими пахолками⁴⁵ из тех 60, которые сосланы в 1617 году, а сопровождать этих ссылочных назначены несколько томских казаков. Вслед за тем воевода послал в город Томск тоже с томскими служилыми людьми 560 рублей денег. «Но 23 июля, — доносил этот воеводу Михаилу Федоровичу, — прибежал в Тобольск томский казак и сказал, что он наехал при устье Иртыша на ладьях хлебом, да на тех ладьях двое женки, которые ему сообщили: «Шерпинь с товарищами и литовскими людьми перебили томских казаков, а затем, дождавшись тех служилых людей, которых везли в Томск деньги, тоже перебили захватив государеву казну, побежали вниз по Оби через к мень». Узнав об этом погроме, тобольский воевода немедленно послал приказ военодзе в Березов, чтобы он нарядил служилых березовских людей и волостных осяксов и зелей им «на собском устье и по рекам и волокам дорогу перенять и чинить помех над беглецами, сколько Бог поможет подаст». Но перенять беглецов не удалось: последний благополучно вымыслил из Сиби, где напали на торговых людей, плывших на двух стругах, отняли у них 180 р. денег и 20 золотников жемчуга. Служилые березовские люди далее не пре следовали беглецов потому, как видно из одной отписки тобольского воеводы, что сами в одном месте из Сиби напали на русских купцов, принявшихся грабить последних и тем дали возможность беглецам переправиться через камень только тобольский боярский сын Третьяк Юрлов с пятью казаками последовал за ними через Уральский хребет. Но спрашивается, куда же бежали эти ссылочные? Из их покзаний оказывается, что они направили свой путь в Литву — путь длинный, простиравшийся на несколько тысяч верст. Они плыли обыкновенной собской дорогой, т. е. из Сиби через волок в речку Елец, в речку Усу и по ней в Печору. Первая опасность угрожала им в слободе Ижемской, находившейся при реке Ижме, недалеко от владения этой реки в Печору. Здесь случиню в это время был пустозереский воевода Павел Акинфов с 20 пустозерскими стрельцами. Но беглецы нашли у него отличный прием: он их напоил; накормил, продал несколько склянниц вина и даже парил баню. Впоследствии этот воевода объяснил, что он оказа

такое гостеприимство беглецам по незнанию; на вопрос его, куда они идут и за каким делом, беглецы отвечали, что они томские казаки и идут к государю с великим делом «наспех». Но ижемские мужики говорили Третьяку Юрлову, когда последний прибыл в Ижемскую слободу: «Воры Шершень с товарищами, собрав меж себя деньги 50 рублей, дали воеводе Акинфову, чтобы он пропустил дальше». Показания последних, вероятно, справедливы. Когда Третьяк Юрлов объяснил пустозерскому воеводе, что это за люди, и просил его отправить немедленно за ними в погоню служилых людей, то воевода отвечал: «Так хота-де они и воры и нам-де до них какое дело, куда-де они пошли, туды и побид...». Мало того, он даже насильно задержал у себя Юрлова два дня и тем не дал ему возможности вовремя предупредить относительно ссыльных воевода города Яренска. Между тем беглецы по реке Ижме спустились в речку Ухту и через «вымский волок» достигли реки Вымы. Тут на пути их находилась слобода Веслиная, в которой они, «вакуния хлеба и всяких харчей», поплыли далее по Вымы, спустились по ней в речку Вычегду и благополучно миновали город Яренск. Впоследствии яренские воевода, старости и цеховладельцы рассказывали: «Проехали те воры Яренский город в половину дни, и они видели беглецов и расспрашивали, что они за люди и куды они идут, а они отвечали: «А вам-де какое дело, что они за люди и куда идут». Вышепомянутый Третьяк Юрлов сам прекратил погоню, а приказал преследовать беглецов тобольскому казаку Тимошке. Этот Тимошка прибыл в Яренск и узнал, что уже несколько дней прошло, как воры проплыли мимо города, а на его вопрос, почему воевода не преследует их, последний сказал: «Служилых-де людей у меня нет, послать за теми ворами было некого, а земских людей он ни на какие службы не послает». Но Тимошка все-таки продолжал преследование. Он надеялся, что в Сольвычегодске воров задержат, но надежды его оказались тщетны. Недалеко от этого города, не доходя до Коряжемского монастыря, беглецы остановились на одном острове и намеревались ночью проплыть Сольвычегодск. Но тут от них убежали два казака, и это заставило беглецов оставить стоянку и продолжать путь мимо города днем, считывая, что они могут проплыть Сольвычегодск прежде,

чем те казаки дадут о них весть сольвычегодскому воеводе. Действительно, им удалось миновать опасность, которая ожидала их в Сольвычегодске, но не потому, что убежавшие от них казаки вовремя не прибыли в этот город, а благодаря тому, что сольвычегодский воевода Аргамаков не обратил должного внимания на присененную ему весть о беглецах. Тимошка рассказывала о поведении воевода Аргамакова следующее: «Те казаки прибежали к Соли наперед воров и сказывали воеводе, что бегут мимо города изменники казаки и литва, погрома государеву казну и побив служилых людей, и он боялся их перенимат, а воевода, видя в те поры, как они ехали мимо города, над ними поиска не учинал, а как проехали, то он послал за ними в погоною березовского беглого казака и с ним 50 человек людей». Но и эта погоня не имела успеха и скоро возвратилась. Ссыльные, выплыв из Вычегды в Двину, поплыли вниз по этой реке, но, «не дозная Емецкого острожка (недалеко от Холмогор) выплыли на берег, суды свои испросили и поплыли вниз речки Емы на Мехрепун». Здесь беглецы потерпели первый погром: на них напали крестьяне, убили пять человек и четырех взяли в плен. «После этого погрома, — говорится в одной воеводской отписке, — нормы ушли на Владиславской волок, а с волока на реку Онегу, а этой рекойшли вверх к Каргополю и идучи имели вожи⁴⁴ и пытали того, чтоб им пройти в Литву». Но тут между ними открылась измена: один казак отстал от своей шайки, прибежал в деревню Каргопольского уезда и сообщил крестьянам об беспечии ссыльных; в то же время убежал от них проводник и дал весть о них каргопольскому воеводе. По этим вестям бросились за беглецами многие крестьяне и 50 человек каргопольских стрельцов и настигли их в лесу в Воловской волости; здесь во время боя поймали беглаков и литовских людей 4 человека, а 7 человек успели было скрыться, хотя и ненадолго: в Двинском уезде снова напали на них муромские «погонщики» и убили трех человек, но четыре человека во главе Шершина все-таки убежали и скрылись от преследователей*. Что стадось с последними — неизвестно.

* А. М. И. Д. Порт. № 541, кн. 1.

Этот случай бегства из Сибири мы рассказали с той целью, чтобы показать, как трудно было московскому правительству удержать на месте ссыльных из служилых людей, хотя места ссыльных были и слишком отдаленные; при первой возможности многие из них бросали службу и бегали на родину. Но вместе с тем видно, что сибирские воеводы держали ссыльных на свободе и поручали им многие службы: отправляли ссыльных из русских и из военнопленных иноземцев с хлебными запасами в разные сибирские города, за солью на Ямштрово озеро и даже в походы против сибирских иородов. Затем многие из ссыльных военнопленных даже добровольно оставались на вечное житье в Сибири. В таких случаях католики и протестанты принимали православие, женились на русских женщинах, и Сибирь делалась для них вторым отечеством; а так как большинство из этого рода ссыльных были люди грамотные и сравнительно разитые, то скоро они дослуживались до сотников, атаманов и голов, им получались даже такие важные обязанности, как «письмо и дозор» сибирских городов и уездов: дозоршини Богдан Ариинский, Савва Французский, Ян Павлоцкий, о которых мы упоминали, были из ссыльных военнопленных. Большинство боярских детей в Сибири при Михаиле Федоровиче тоже были из таких ссыльных. Около 1630 года этот государь даже указал, чтобы «все ссыльные и иноземцы, которые примут православную веру, персталися в боярские дети»*. А списки служилых людей в разных сибирских городах показывают, что таких «новокрещенцев»** было очень много.

Что же касается русских ссыльных, то последние между сибирским населением во второй половине царствования Михаила Федоровича составляли значительный процент. В Сибирь посыпались не одни только действительные преступники, но и члены их семейных и родовых групп, а если преступником был глава дома, то вместе с ним иногда ссыпалась в Сибирь и весь дом, т. е. племянники, братья и зятья и пр.; в других случаях за домохозяйном последнее отправлялись в ссылку добровольно. В большинстве случаев, как мы можем судить об этом по царским грамотам, просмот-

* А. М. Ю. Сиб. пр. Ст. № 6306/2, л. 307.

** Примеч. «Новокрещенцами» в Сибири назывались как иороды, принявшие крещение, так и иноземцы, переселение и православие.

ренними нами, сначала ссылался преступник, а потом последний, устроившийся на месте ссылки, т.е. поставивши двор, был целом государю о том, чтобы к нему было переведено все семейство. При этом никогда оказывалось, что жены и дети ссыльного уже были в холопстве у разных лиц и даже насильственно закабалены. Например, в 1639 году сослано 11 человек, но эти ссыльные из Сибири были членом: «Какде их из пущинской тюрьмы отпустили в Сибирь, и в то время подъячий и дети боярские жен и детей взяли насильством в холопство... чтобы государь велел смысать и прислать к ним в Сибирь, чтобы им с жемами и детьми в разлужке не быть»*. Имущество «животы» ссыльных или пересыпалось вместе с ними, или же впоследствии само правительство продавало их и пересыпало деньги в Сибирь. Вот одна из древнейших царских грамот, по которой можно судить о цепности «животов» ссыльных. «От царя Бориса Ф. всем Р. в Сибирь в Тарской город воеводу нашему Якову И. Старкову, да головам П.В. Павлову и Ф. Рабильину. По нашему указу посланы на Тару в пашенные люди латыши Васька Петров, Иваншка Якубов, лазовичник Индрик Матчуев, да Семёновы беглые крестьяне Шарапко с женой и детьми, Офонкины жена Будниконского Марфина с сыном с Кирсанком, да Офонкины животов Будниконского смыскано и послано на Тару на 23 р., на 28 алтын, на полторы деньги, да Офонкини же мерни продаан, а что на нем возьмут и те деньги послать на Тару же, да Ондрюкиных животов Суворова, который послан прек сего на Тару смыскано и продано на 2 р., поплата алтына и те деньги по ток посланы с ним же вместе. А как к вам ся наша грамота придет и те пашенные люди приедут и вы б им пашню велели пахати с пашенными крестьянами вместе, наши им лошади, чеч им пахать и хлеб на семя и рожь и овес давали по нашему указу и запас из из наших житниц давали, смотря по их нужам и по семям, чеч им до нашего хлеба прокормиться, чтобы с голоду не померли...». Писано в Москве 7108 г. (1600 г.), апр. 15 д.**. Но каково бы ни было имущество ссыльных, всегда они пересыпались на казенный счет, т.е. им и

* А. М. Ю. Собр. пр., ст. № 6141/97, л. 90.

** А. М. Ю. Собр. пр., кн. № 11, л. 19.

их семействам давались казенные подводы и деньги на корм до самого места ссылки. Конечно, этот корм был не изобилий: мужу и жене в день выдавали по 3 деньги, а детям — по две деньги, при этом безразлично, к какому бы классу общества ни принадлежали ссыльные; только людям важным давалось по гривне на день, а казакам, стрельцам, посадским и крестьянам был одинаковый корм. В 1635 году, например, послано из Москвы в Тобольск 7 партий ссыльных из служилых, посадских людей и крестьян — всего около 25 человек с женами и детьми и на всех выдано на корм до места ссылки 35 р. 70 к.*. В редких царских грамотах указывается преступление, за которое постигала преступника ссылка; до уложения Алексея Михайловича и до указа 1653 года ссылка еще не входила в кодекс русских законов как наказание за известное преступление**. Но de facto московские цари начали ссылать в Сибирь преступников уже с 1593 года, и можно сказать, что до Алексея Михайловича правительство московское смотрело на ссылку не столько как на наказание, сколько как на средство заселения новопокоренного края. Не редкость встретить в грамотах Михаила Федоровича, что ссылается «рабочник» и «дущегбес», у которого на родине, как говорится, ни кола ни двора, за его преступление по тогдашним законам следовало казнить, а между тем царь ссылает его в Сибирь и велит военоде или повернуть на службу и дать царское и денежное, и хлебные жалованье наравне с другим рядовыми служилыми людьми, или устроить в пашенные крестьяне, причем наделить его значительным куском земли, велит дать ему денег для первого хозяйственного обзаведения и выдавать «меччину» из царских житниц до тех пор, пока он будет иметь хлеб со своей пашни, а первые семена на эту пашню тоже ссыльный получает из царских житниц. Разве это de facto можно считать наказанием для тяжкого преступника?! К тому же ссыльный, который верстался в служилые или пашенные люди, пользовался личной свободой и всеми правами, присвоенными его состоянию; он был не свободен только в том, чтобы не служить службу или не пахать государеву пашню. Правда, за ссыльными, особенно

* А. М. Ю. Сиб. пр. кн. № 190.

** П. С. З., к. I, гл. XIX, § 13; № 105, стр. 301.

военинопленными, царь приказывал в городах воеводам, а в деревнях крестьянам «смотреть за ними крепко, чтоб не оббежали», но действительного надзора быть не могло, если ссыльный не запирался в тюрьму или не закрывался в кандалы. Еще можно себе представить, в чем заключался этот надзор в городе, но спрашивается, каким мог быть страх крестьян в деревне над тем ссыльным, который у него поселился? Между тем несомненно, что большинство ссыльных устроилось в уезде, в деревнях на пашнях, ибо правительство более нуждалось в пашенных людях, чем в служилых. Мы выше видели, что при Михаиле Федоровиче целыми десятками ссылались в Сибирь литовские нахолки и русские люди, которые были в плану у литовских людей, и большинство таких ссыльных поступало в руки крестьян, а им «велеть, — говорится в царских грамотах, — беречь накрепко, чтоб отвядъ те литовскіи или русскіи люди никаку не ушли и жили у тех пашенных крестьян без съезду». Конечно, в данном случае фактического надзора не было никакого; «беречь накрепко» — это только фраза, и если она употребляется относительно всех ссыльных такого рода, то потому, что вообще все грамоты о ссыльных писались по одному шаблону. Эта фраза имеет тот же смысл, или, вернее, никакого, как и выражения в жалобах посадских людей и крестьян на воеводу, что он «обивывает всех до смерти и мы бедные сыроты все разбирались врозь». Нельзя также представить, что эти ссыльные «литовские и русские люди» всегда жили во дворе крестьянами: нет, они жили только до тех пор, пока не поставят свой двор. Затем они некоторое время живут за крестьянами в качестве половников два или три года «по договору», а когда «договор» кончится, они делятся совершенно самостоятельными хозяйствами или, если желают, поступают по своему выбору к другому крестьянину в половники. Заметим, кстати, что некоторые ссыльные, как добровольные переселенцы, поступают в половники даже к тем пашенным или оброчным крестьянам, которые сами живут в половниках у каких-нибудь крестьян. Далее мы упоминали, что некоторых ссыльных приказываетсѧ воеводам заключать в тюрьмы, но подобное заключение продолжалось недолго даже для самых тяжелых преступников. Например, в 1623 году в марте месяце посланы в

Тобольск «разбойники Захарко да Степанко Кашпиревы и велели посадить в крепкие тюрьмы и беречь накрепко, чтобы они из тюрем не вылезали и дурна над собою никакого нечинили»*. Но в сентябре месяце этого же года Михаил Федорович уже пожаловал, велел «тех разбойников Кашпиревых из тюрем выпустить и повесгать денежным и хлебным жалованьем»**. В 1622 году посланы в Сибирь колодники, 8 человек, беглые люди боярина Д. М. Пожарского, и велено их посадить в крепкие тюрьмы, а через год уже велено устроить этих колодников на пашню и «дать им всякий пашенный завод».

Некоторые из ссыльных русских служилых людей через год или через два высматривались даже в боярские дети и исполняли важные поручения. Например, в 1622 году сослан в Туринский город Михаил Тюхин, но в следующем году пожаловал его, велел служить ему в боярских детях***, а в 1624 году он, по указу государеву, делал «письмо и дозор» города Верхотуры и его уезда.

Все вышеизложенные факты ясно показывают, с какой точкой зрения смотрели московские цари, по крайней мере до половины XVII века, на ссыльку и на ссыльных; они придавали этой мере большое колонизационное значение. В короткое время было завоевана обширнейшая страна, но чтобы с успехом можно было эксплуатировать эту «далнюю государеву вотчину», нужно было заселить ее. И вот с этой целью московские цари прибегают к разным средствам: то перевозят или прибирают служилых людей из городов Европейской Руси, то перевозят плененных крестьян из своих дворцовых сел или прибирают их из чернососных. Но ведь дворцовые крестьяне нужны и в Европейской Руси, «прибор» дорого стоит, то не лучше ли заселить Сибирь преступниками? Преступников много: казнить их — нет никакой пользы, держать в тюрьмах — их нужно кормить, а это убыточно; оставлять их без наказания — увеличится количество преступлений и вместе с тем увеличится опасность для общества. А между тем перевести преступника в Сибирь стоит дешево: от Москвы до Тобольска на прокорм семейства, со-

* А. М. И. Д. Порт. Мил., кн. № 1; грам. № 87.

** Ibid. см. грам. № 93.

*** Ibid. см. грам. № 86.

стоящего из мужа, жены и трех детей, правительство выдавало только 3 р. 60 к., да при этом еще наказывало провожаемых везти скорей, нигде не останавливаясь, «чтоб не было убытка государевой казне». Разным образом и «устроить на пашню» преступника стояло гораздо дешевле, чемольного гулящего человека, потому что первому можно дать «подмоги на пашенный завод» по своему усмотрению, а второму — всегда «по уговору». Совершенно несправедливо утверждение Япинина, что будто бы «ссылька у нас, как и везде в те времена, когда правоисудие имело в виду исключительно кару преступника, применялась как сурокое наказание и всегда сопровождалась тяжкими работами, а иногда и тюремным заключением»*. Это он говорит относительно XVII века; на самом же деле московские цари, особенно в обозреваемый период, имели далеко не такой взгляд на ссылку. Мы уже говорили, что тюремному заключению в Сибири ссылочные подвергались очень редко: из 560 человек, сосланных с 1614 по 1624 гг., посажено в тюрьму только 19, да и то на короткое время. Расходные книги сибирских городов показывают, что вообще тюремных сидельцев было мало; на это ясно указывает ничтожная сумма денежных расходов на этих лиц — всего в год 15 и 20 рублей редко более. Затем из «приянных книг» городов Верхотурия и Пелымы видно, что ссылочных в начале царствования Алексея Михайловича в первом городе был один, а во втором — ни одного. Это значит, что ссылочные в этих городах все устроены или в службу, или на пашню. Затем работа ссылочных заключалась: служилых — в службе, пашенных людей — в обработке государевой пашни; первые служили за денежное и хлебное жалование, как и не ссылочные служилые люди, вторые за обработку государевой пашни пользовались землей, и притом на тех же условиях, как «переведенцы» и «приборные» крестьяне. Мы решительно не знаем случая, чтобы в обозреваемый нами период на преступников, устроенных в Сибири на службу или на пашню, возлагались большие работы, чем на других служилых или пашенных людей. Вообще ссылка в Сибири в XVII веке не была такой карой, какой она стала в XVIII веке; эта мера делается более тяжелой для преступников со второй половины или даже с конца царствования Алексея.

* Дело 1870 г., № 12, стр. 1.

ся Михайловича, когда ссыльные, бросив службу или папи-
но, начали составлять большие шайки и заниматься разбоем. Только после этого московское правительство начало стро-
же относиться к ссыльным тяжким преступникам и запи-
рать их в тюрьмы на месте ссылки. А до того времени ссыль-
ка имела характер преимущественно колонизационный, или,
выражаясь честнее, для преступника она была смягчающим
наказанием и исправительной мерой, а в отношении Сибири —
средством заселения. Но мы должны еще обратить внимание
на то, что ссылались в Сибирь не одни преступники, а и «руssкие люди», которые были в пленау у людей литовских*,
но потом или выкуплены были правительством, или выме-
нены, или же, наконец, просто во время военных действий
по вторжению в неприятельскую землю освобождены из пле-
на. Вопрос другой: достойны ли они были ссылки в Сибирь,
во всяком случае на ссылку этих людей нельзя смотреть,
как на наказание, потому что они не совершили никакого
преступления, а исключительно как средство заселения но-
вопокоренного края. Вообще из всего видно, что московские
цари во что бы то ни стало хотели заселить далекую свою
вотчину и для этого прибегали к самым разнообразным сред-
ствам. Конечно, не одни только экономические расчеты по-
буждали их стремиться к этой цели, но и сознание, что толь-
ко с усилением русского элемента в Сибири начнется обру-
шение инородцев этого края и вместе с тем замирение его.

До сего времени мы говорили исключительно о прави-
тельственной колонизации Сибири; теперь поговорим, что
дала за то же время этой стране волынь, народная колони-
зация. Конечно, Россия не была в отношении Сибири та-
ким источником населения, как Западная Европа в отно-
шении Америки; аналогия в данном случае невозможна,
хотя к ней и прибегают некоторые писатели. «Через два года, — читаем в статье «Сибирь на юбилее», — после по-
корения Сибири Ермаком в 1584 г. Вальтер Ралль сделал
первую попытку колонизации Северной Америки. Теперь,
через 300 лет, в Соединенных Штатах 5000000 жителей, а
в Сибири нет и 500000...»*. Автор этой аналогии, как вид-
но, совсем опустил из виду количество населения в самом
Московском государстве в конце XVI века и в последующее

* Дело 1882 г., янов, стр. 21.

время и отношение этого количества к территории. Россия сама, как в прежнее время, так и теперь, сравнительно с Западной Европой была слабо населена; Америка от последней, можно сказать, получала избыток населения, а Сибирь на что могла рассчитывать? Разве окраины Московского государства, помимо Сибири, не представляли в течение долгого времени полного простора вольной русской колонизации? Очевидно, автор упомянутой статьи сравнивает совершенно несравнимые вещи.

При обозрении заселения сибирских городов, свобод и волостей мы не раз упоминали о том, что так называемые вольные, охочие, гулящие люди служили в Сибири контингентом для набора казаков, стрельцов, беломестных казаков, пашенных и оброчных крестьян. Теперь спрашивается, с какого времени этот люд начал появляться в Сибири и как было велико число его в общей сумме населения этой страны в конце царствования Михаила Федоровича? Прежде всего заметим, что из документов, в которых говорится о приборе воеводами или приказчиками из гулящих людей в служилые или пашенные люди, не видно, к какому разряду нужно отнести эту вольницу — к свободному ли русскому населению или тяглому. В Сибири гулящими вольными людьми назывались те крестьяне, которые пришли туда, но еще не успели пристроиться к какому-нибудь общественному классу и не были еще начальниками — ни половниками, ни захребетниками. Правительство московское постоянно назыvает воеводам, чтобы они прибирали в служилые или пашенные люди из вольных, не тяглых людей. И воеводы отписывают, что они прибрали столько-то человек из гулящих людей. Но дело в том, имел ли воевода возможность узнать, кто к нему явился на призыв — свободный ли или тяглый человек? Положим даже, что таким средством для него могла служить «проеzжая грамота», может быть, подобных грамот не выдавалось на Руси людям тяглым. Но ведь могли проходить в Сибирь и не тяглые люди без «проеzжих листов», заставы было обходить легко, а плата за эти листы, хотя и ничтожная, но тем не менее для крестьян имела значение; на крайней мере они постоянно блюют членом о не взимания с них проезжих пошлин. Словом, каждый прибравшийся в Сибирь для воевод и приказчиков был

гullaющим человеком, и они на самом деле «при приборе» никогда не сообразовались с тем положением, какое он имел на родине; вся их задача состояла в том, чтобы как можно более приблизить крестьян на государеву пашню и тем показать свое «радение о государевой пользе»; а это радение особенно ценилось московскими царями: посадский человек, прибравший десятка три или четыре крестьян на государеву пашню в Сибири, жаловался в приказчики пашенных крестьян в какую-нибудь слободу или волость и даже заносился в списки боярских детей. Вследствие этого как возводы, так и «слободчики» не только прибирали в пашенные крестьяне заведомо тяглых людей, прибывших из Руси, но даже переманивали в населенную ими слободу крестьян, уже устроившихся в Сибири и получивших из казны подмогу и ссуду, лишь бы заявить свою службу. Можно даже утверждать сказать, что перебежчиками в Сибирь были преимущественно тяглы и разного рода холопы: закон Федора Ивановича о прикреплении крестьян, несомненно, сослужил большую службу Сибири и многих холопов заставил бежать от своих господ за камень, где не только трудно было найти их, но даже невозможно, потому что сибирские воеводы скрывали таких беглых людей. Да и само московское правительство смотрело сквозь пальцы на эту нелегальную колонизацию Сибири, и если по члобитью владельцев и приказчику воеводам содействовать последним в отыскании холопов, то только для того, чтобы удовлетворять члобитчиков. Нужно также заметить, что свободным, вольным людям, в сущности, не было и надобности бегать в Сибирь: если они хотели туда переселиться, то им стоило только заявить о своем желании, и тогда к их услугам и казенные подводы, и даже казенный корм до места переселения. Но таких добровольных переселенцев в обозреваемый нами период было очень мало. Сибирь в понятии народном не была еще тога «обетованной землей», не была еще страной, где текут «молочные реки с кисельными берегами». Это видно из многих фактов. Так, в 1609 году царь Василий Иванович указал пермскому воеводе прибрать из окочих людей в Пелымской уезд, в Таборинскую слободу на пашню пашенных крестьян человек пятдесят или сто, но из отписки воеводы яконо, что, несмотря на все его

старания, вызвались переселиться в Сибирь только четыре человека; между тем царь приказывал: «В Перми и у Соли и в уездах по торгам и по малым торжкам, кликать Бирячам не один день и скакывать подмогу, и льготы давать на год, на два и больше, смотря по пустоте...». Также мало нашлось охочих людей переселиться в Сибирь в тогда, когда заселялась Гаринская слобода. Вот еще факт: в 1631 году Михаил Федорович велел воеводе Григорию Шестакову привезти в Бологое, Тотьме, Устюге Великом, Сольвычегодске 500 человек казаков и 150 «жевок», но он доносил, что мог привезти только 150 казаков и 5 «жевок»³. Словом, Сибирь еще пугала русских крестьян, и немногие из вольных людей бросили родину и пустились за камень, в неизвестную даль: если экономическая нужда и побуждала таких крестьян закабалить себя, то это они могли сделать и в Европейской Руси, тем более что богатые монастыри давали еще большие льготных голов, чем государь. Хотя и несомненно, что переходили в Сибирь и вольные люди, переходили сами, помимо прибора, и там же прибирались поездами и слободчиками и сажались на пашню. На это указывают проезжие грамоты, выдаваемые сибирскими воеводами «но-ко-прибранным» крестьянам, которые отправлялись из Сибири на Русь за своими женами, детьми, братьями, сестрами и другими свойственниками. Из этих же грамот видно, что вольные люди сначала переходили в Сибирь одни, без семейства, и потом уже, нападали хорошее место для поселения и устроившись на государевой пашне, отправлялись в родину за своими свойственниками. Проезжая грамота писалась таким образом: «По государеву указу в сибирских городах и на Руси воеводам и всяким приказным людям, где берут на государя проезжую пошлину, а у пашенного крестьянина (имя), как он пойдет к Руси и с Руси назад в Сибирь с него и с его семьи для его бедности и для устрою и для новой селитбы проезжих поплкин братъ и задерживать его никде не велеть для того, чтобы ему на весну в Сибирь к государевой пашне поспеть»⁴. Очевидно, что подобные грамоты давались только вольным людям, которые имели право жить, где им заблагорассудится и куда они могли сво-

³ А. М. И. Д. Порт. Милл. № 478, с. 1.

⁴ А. М. И. Д. Порт. Милл. № 478, с. 2; № 18 и др.

бодно переводить свои семейства, но ни в каком случае разного рода беглым людям, которые и не осмелились бы из Сибири отправиться на Русь, потому что проезжая грамота и не спасла бы их от задержания. Но последнего рода гулящих людей в Сибири было несравненно более, чем первых. С самого начала заселения Сибири туда разными способами переходили *тиглы* люди, разного рода холопы, бросавшие своих владельцев, воры и разбойники, бегавшие от наказания. На это указывают не только факты, но и отрывки сибирских воевод о составе сибирского населения. «Все мужики склонные из разных городов, — замечают они, — от всякого воровства бегаючи». Кажется, первое указание на бегство в Сибирь таких людей мы встречаем в пакете «своде Горчакова», данном в 1593 году. Из этого документа видно, что с казаками, отправившимися в Сибирь для постройки города Целима и на службу, « побежали из Москвы окольничего А.П. Клеплина люди Кудряко Иванов да Васка Севастьяннов». Затем, вероятно, не проходило ни одной посыпки служилых людей из Руси в Сибирь по разным случаям, чтобы вместе с ними не сбежали несколько человек; немало указаний и на то, что эти служилые люди сами «подговаривали» ехать с ними девок, баб, холопов, ярыжных и т. п.

По мере знакомства с Сибирью бегство туда все более и более усиливалось; с продлением новой дороги и с основанием Верхотурия открылся более удобный и более близкий путь за камень. Мы уже упоминали, что даже в первые годы существования Верхотурия количество гулящих людей в нем было достаточно, а потом все более и более этого люда увеличивалось — в 1645—1646 гг. присягали Алексею Михайловичу 617 человек.

Из Верхотурия гулящие люди поднимались далее — в Турицк, Тюмень, Тобольск и даже проникали в Тару и Енисейск; они большой частью бегали в Сибирь одиночками, но, случалось, и целыми семьями. От этого бегства особенно страдали воччины Страгановых; эти купцы, столь много оказавшие помощи Ермаку для завоевания Сибирского царства, вероятно, и первые начали расплачиваться за это завоевание: их крестьяне бегали в Сибирь не с пустыми руками, а уводили вместе с собой и скот. В портфелях Миль-

* Р. И. Б., т. II, № 56, ст. 120.

лера нам попался чрезвычайно интересный документ, касающийся этого предмета. В 1620 году царь Михаил Федорович послал туринскому воеводе Д. И. Милославскому грамоту, в которой читаем следующее: «Был нам человек Максим Строганов и сказал: Бегакон-дат из его потчи крестьяне его и бобыли, взяв у его людей деньги и хлеб в подмоту на пашню, вварничий промысл, в дрова, в рогожки и во всякие изделия, в наши сибирские города на Верхотурье, в Туринский острог, на Тюмень и в Тобольск и лошадей и всякий скот за собору от него сносят, а провожают-ле тех его беглых крестьян и бобылей до сибирских городов лесом исачные татары и ногулы, которые живут по рекам около его потчи. А берут-ле татары и ногулы за то провожаные у тех его беглых крестьян и бобылей, что последние сносят деньги и скот себе и теми животами корыстуются, а ему от того происходят убытки великие». Затем Строганов жалуется, что из сибирских городов: из Верхотурья, Туринска, Тюмени и Тобольска — воеводы и всякие приказные люди тех его беглых крестьян и бобылей без указа не выдают, а тем его людям, которых он посыпает в погоню за беглецами, вследствие «споделенов» последних делают в сибирских городах «убытки и предажи великие». Из перечисления Строгановых беглых его крестьян и бобылей оказывается, что сбежали 9 человек с женами и детьми. Это не первый случай бегства его людей в Сибирь; из той же человитной видно, что и прежде из строгановских потчи бегали крестьяне и бобыли, бегали со всем имуществом, но прежде воеводы выдавали такие беглецов. По этой человитной Михаил Федорович послал указ туринскому воеводе и, вероятно, другим сибирским воеводам, чтобы он, как придет к нему строгановские люди, поставил их перед собою с беглыми крестьянами и бобылями «с очей на очи и в крестьянстве и в побеге и в животах суди и ссыжни на макрепки за Максимом ли Строгановым... они жили и в Туринский острог из-за него ли пришли и сколь давно кто пришел, а будет до прямя смыться, что те крестьяне иные в Туринске и его старинные люди и вышли в Сибирь не больше пяти лет и ты б тех крестьян и бобылей со всеми животами велел отдать Максимовым людям, которых он пришел с этой нашей грамотой, да и впредь бы его Максимовых беглых кре-

стяня велел ссыкывать и выдавать, а ясачным людям сделять заказ, чтобы они не подговаривали и в сибирские города не провожали...*. Нам неизвестно, удалось ли Максиму Строганову найти своих беглых крестьян и чем кончился суд туринского воевода по поводу этих беглецов, но мы здесь укажем только на трудность для воевода исполнения царского указа. Дело в том, что если упомянутые 9 семейств уже сели на государеву пашню, то они вместе с тем получали из казны подмогу и ссуду — не менее 10 р. на человека, а времени для устройства в Сибири у них было достаточно: пока Строганов написал челобитную в Москву и из Москвы пришел указ туринскому воеводе, наверное, прошло нескользко месяцев, и за это время беглы могли совершенно устроиться. Тенер спрашивается, кто же должен вознаградить казну за убытки, происшедшие от выдач подмоги и ссуды строгановским крестьянам, если последние будут возвращены им владельцем? Конечно, воевода и приказные люди, которые посадили на государеву пашню беглых крестьян, так как им всегда строго запрещалось «прибирать» на службу у пашни таких людей, значит, они являются ответственными лицами, а с ними только и можно было бызыскать эти убытки, а крестьяне трудно ожидать возвращения подмоги и ссуды. Так неужели воевода и приказные люди наложат руки на свой карман?! Наверно, они или скроют крестьян так, что сыщики строгановские и не найдут их вовремя, или поведут суд таким образом, что беглые крестьяне будут оправданы. В документах мы не нашли ни малейших указаний ни на то, чтобы воеводы платились за незаконный прибор крестьян на государеву пашню, ни на то, чтобы когда-нибудь подмога и ссуда пропадали даром, за исключением, конечно, тех случаев, когда сами «новоприобретенные», получив деньги «на пашенный завод», скрывались в Сибири или убегали за камень. Да и в том случае, если бы воевода захотел вести суд добросовестно, то вряд ли сыщикам удалось бы найти беглецов и поставить их перед воеводой «с очей на очи». Ведь все беглые крестьяне, будь они тяглые, разного рода холопы и даже преступники, бежавшие в Сибирь от наказания, устраивались или в государевы пашенные крестьяне, или поступали в качестве половников

* А. М. И. Д. Порт. Мах. № 477, лист. 2, № 5.

и захребетников в монастыри к служилым, посадским и пашенным людям, и все, принявшие их, заинтересованы были в судьбе этих беглых и им не было никакого расчета ни указывать на место жительства беглецов, ни выдавать их. Для примера, как вообще трудно было ссыскивать беглых людей, мы указаем на следующий случай. В 1632 году верхотурский воевода по приказу тобольского воевода послал в Невьянскую и Тагильскую волости письменного голову, боярского сына и подъячего «пересмотреть по росписи крестьян этих волостей и ссыскивать про беглых людей, про их жен и детей и животы...». «И Тагильские, и невьянские крестьяне, — отписывал воевода в Москву, — привед к ним на двор сказали, что старост и целовальников им для ссыку не дадут, что ссыскивать у них про беглых крестьян и не про кого и нечего, беглых-де крестьян у них нет, и лазяди их мы... и хотели побить...». Так крестьяне относились к письменному голове и боярскому сыну, присланным для ссыку самими воеводой, то что же они могли ответить строгановским сыщикам? Словом, кто успел перебраться за Уральский хребет, того трудно было найти не только частному человеку, но и самому правительству. Все перебежавшие в Сибирь причислялись к разряду гулящих и служили правительству, монастырям и частным лицам контингентом для набора годовых летних и поденных крыжных людей, для набора казаков, стрельцов, пашенных и оброчных крестьян.

Теперь посмотрим, в чем состоял «прибор» и как вообще эти гулящие, вольные люди устраивались в Сибири. Несомненно, большинство перебежчиков приходили в Сибирь одиночками, и такие большей частью или занимались поденной работой, или занимались в работники на известное время, поэтому они преимущественно жили в городах, предпочитали продавать свой труд только на время: на лето, на зиму или на целый год; место их не привязывало: они то служили в Верхотурье, то переходили в Туинск и другие сибирские города. Мы упоминали, что куликих людей всегда было более в Верхотурье, чем в других сибирских городах, но были годы, когда в нем проживало таких людей гораздо менее, чем, например, в Тобольске и даже Таре; об этом можно судить по количеству собранного с них оброка: в иной год в каком-нибудь

городе взято с гуляющих ярыжных людей оброчных денег 100 рублей, а в следующий год, например, только 10 рублей. Это был люд кочевой, и посадить его на пашню было трудно; можно только разве привлечь большей подмогой, судой и льготными годами. В 1646 году по указу Алексея Михайловича тобольский воевода приказал было всех гуляющих людей переписать и посадить на государеву пашню, но они, прослышиав об этом, немедленно разбежкались: одни, доносили в Москву воевода, убежали из Тобольска в верхние сибирские города, а другие побежали даже на Русь. Относительно же тех, которые остались в городе, переписчики говорили, «что те люди наги и босы, и многие из них бражники и зерники, кормятся работой и порукой на себя не дают». После этого неудачного опыта насилиственного обращения гуляющих людей в пашенные крестьяни Алексей Михайлович указал, чтобы впредь их против воли на пашню не сажать*. Другие гулящие люди поступали в захорбетники, половники, а более «семьянинисты» садились или на пашню, или на оброк и при этом безразлично, к кому бы они ни садились, но всем давали на себя уговорную запись. Правительство, кроме того, требовало от гулящего человека поручителей в том, что он не сбежит, будет пахать государеву пашню в известном месте, давать поборы денег и делать всякие изделия с другими крестьянами вместе. В случае же бегства за все отвечали поручители. «А пена, — говорится в поруччной записи, — что государь укажет и государева пашня», т. е. если новоприбранный сбежит, то поручители должны нести на себе все казенные убытки, происшедшие от этого бегства, и пахать ту долю пашни, на которой сидел беглец. Из этого видно, что ответственность поручителей перед правительством была большая, но тем не менее гуляющим людям, кажется, найти поручителей было легко, по крайней мере нет никаких указаний на то, чтобы дело «прибора» останавливалось отсутствием их; в воеводских отписках очень часто приходится читать, что прибрать некого, гуляющих охочих людей нет, но никогда нам не встречалось замечание земельды о том, что нет поручителей. И это понятно: поручителями были преимущественно те крестьяне, которые обрабатывали ту же государеву пашню, на которую садился и гулящий человек, например, если последний садился в Верхотурском уезде на

* А. М. Ю. Собр. пр., ст. № 6308/264.

государеву тагильскую пашню, то за него и поручались крестьяне Тагильской волости, если на подгородную, то крестьяне Полгородной волости, а для крестьян был расчет, чтобы их было более, потому что тогда несравненно легче «стянуть всякие государевы изадилы». Но непонятно, имев в виду частые побеги, как осмеливались ручаться за гулящих людей, которые садились на государеву пашню, казаки, стрельцы и посадские люди— последний расчет не могли быть никакого, а между тем «вся пена и государева пашня на том из поручиков из нас на лице»*.

Когда количество пашенных крестьян было достаточное, Михаил Федорович разрешал сибирским воеводам принимать гулящих людей на оброк: оброчные государевой пашни не пахали, а давали в казну известное количество четверти разного хлеба соответственно величине этого земельного участка, который они пахали на себя, но и они также представляли за себя поручителей.

Другие гулящие люди садились на монастырскую пашню или в качестве половников, или бобылей; при этом одни из пользования монастырской землей платили монастырю денежный оброк за десятину по 50 к. или по рублю, а другие давали «выделяющей пятый спон со ржи, со пшеници, с овса и с ячменя «измолоти, привозить в монастырские житницы». Кроме того, оброчные крестьяне обязывались «окон-

* Примеч. Для образа высказываний здесь одну поручичью запись верхогорских крестьян Полгородной волости, в которой говорится о расчете по крестьянам, который садился на государеву подгородную пашню: «Се из Борис Киприянов, сын Уранов, да из Ионы Матвеев, сын Степан и т.д. (кесо 12 человек)... верхогорским пашенным крестьянам, да из Осипа Юрьев Сунского и из Поручика сподвижника Петра Первого... Верхогорье по крестьянам по пашенным преступлениям по Петру Иванов сыне Энгистове в том, что ему Петру за нашею порукой пашеть государевы пашни ссыни на подгородной пашне и всякие мирские поделки делать и в поборы деньги давать, и Верхогорству не забывать и государевы пашни не пахать. А будет тот кто из нас из поручиков учить делать государеву пашеню и на подгородной пашне и всякие мирские поделки делать, и в поборы деньги давать, и с Верхогорью сбежат, и государеву пашню занесут в и том на нас из поручиков пена государя царя и великого князя Михаила Федоровича всю Русь, а пена что государь царь и великий князь Михаил Федорович велел, и то же то в пена государева и порука вся и пашни государевы, а во том послух Паском Михаилом, сыном Саданским, дьячек перковский, а запись порушшую писал на Верхогорьи Семёнику Андрею, сыну Путинцов лета 7131 году июня 2 дня». (А. М. Ю. Собр. пр., разб. ст.).

ло пашен и поскотин огород городить вместе с другими крестьянами, да поставить на монастырской земле двор, избу, клеть и овин, а если кто не экзачет жить за монастырем, то тому до этих построек дела нетъ, т.е. они остаются в пользу монастыря. К тому же обязывались и пашенные крестьяне, только они должны еще давать монастырю поборы, а монастыры должен служить семенами. Те и другие обязывались «делать всякие изделия, что строител с братией повелят без ослушания и без отгукства, никаким возрастом не воровать, зернью и карты не играть, блядни и корчмы не держать», а «за возрастом» монастырю давалось право «смирять всяким монастырским смиренiem смотря по вину». В свою очередь строитель с братией обязывались «от государственных изделий и оброков и от всякого насилия сторонних людей оборонять». Нужно также заметить, что как оброчные, так и пашенные крестьяне садились на монастырской земле или на срок — на определенное количество лет: на пять или на десять, или же на столько времени, насколько «покочет жить», и в этом смысле они давали монастырю запись⁴. Но на деле все те, которые дали на себя запись, навсегда оставались за монастырем, если только кому не удавалось бежать, потому что иначе трудно было избавиться от монастыря, как должнику от ловкого ростовщика.

* Примеч. Приведем здесь для образца две записи немыжинскому Боголюбскому монастырю — одни оброчного крестьянина, другую пашенного.

№ 1) «Со сы Ивану Тимофеевы сы, родом пленежными для есс сию занялся на себя в Боголюбском монастыре, строител старцу Елисею, келарию старцу Ефрему, назначеному старцу Вердому и всей братии в том, что ми Ивану в Боголюбском монастыре быть, в боязних, в оброк, с вымоганием 100 г. золотых. А жити в Ивановом монастыре, строител ской чеше дворцов своих, пахать земли монастырских лебдас, рожь и яровой хлеб селятъ, поскольку десятия дочину на год селять ржи, на год давать со рожь, а десятия по постине, сколько годов почину жить. А около пашен и поскотин огород городить вместе со крестьянами, да поставить на монастырской земле двор, избу, клеть и овин, и овин и симея склады, а двери и избы и симея и клети не постакло и на мне взятъ строител с братией за дворовое постановле пять рублей денег в казну. А никаким возрастом не воровать, зернью и карты не играть и блядни и корчмы не держать, а за возрастом меня смирять всякий хлеб селятъ, а за смирением смотря по вину, и в этом случае я и всей братии мена от государственных изделий и от оброков и от всякого насилия сторонних людей оборонять, а не походить в монастыре жить к мне до двора и до избы и до клети и до овина дела нетъ, и что

Средством удержания крестьян было «кабала в хлебе и в деньгах». В Сибири приходили крестьяне большей частью бедные, и все они нуждались в средствах для заведения хозяйства; монастыри, как видно из документов, охотно давали в долг деньги всем тем гулящим людям, которым селились на их земле. Не было, кажется, ни одного монастырского крестьянства или крестьянства дома Софии Пр. Божией, чтобы на нем не было кабалы строителя с братией или архиепископским домом было 153 крестьянства, и на всех их были кабальные записи, а некоторые крестьяне, которые нуждались в большей сумме, давали кабалу на себя, на жену и детей. Денежная сумма, которой суждались крестьяне, была равной: в кабальных записях архиепископа Киприана самая меньшая кабала 1 р., большая — 33 р., а большая часть крестьян кабалась в 5, 6 и 8 рублях и в нескольких четвертих хлеба⁴. Что от этой кабалы труду было избашено посевом в земле, дела нет; в том что на себя строителя с братией и на то послух Федор Дмитриев, запись под монастырской печатью. Иакука Гаврилов лета 1613 г. (А. М. Ю. Сиб. пр. Раб. ст. № 14, № 5).

№ 2) «Се из Павла Осипова, сыи Пустозерец для есмы сию на себя занялъ в Невьянском Богородице-Рождественском монастыре строителю с братией, на землю в селе Ильинку, назначенную сии Павлу и братию в том: жить ми Павлу за Боголазовским монастырем в крестьянъ, пахать земля монастырской добра десять лет из патого скопа с мынциемъ 1643 г. апреля 23 числа до срока до 1653 г. апреля 23 числа. А что Бог пойдет в ту десять лет ржи и ярового хлеба, и ми Павлу даютъ в ту же землю десять лет пшеницы и ячменя, и пшеница и ячменя, измоготи не страдча... привозитъ в монастырские житницы. И огород около пашни покоски и всякие монастырские здяли и поборы тануть с крестьянъ вместе, что строитель и братия повелет без осужнанія и без отгуды. И никакими коровами не воронять, зерномъ и зернами не воронять, и боязно, и корыто, и перенеси, и то что моя смерти вси камъ монастырскимъ смиряниемъ. А звери и исба полути саженъ, да против избы клетъ ду сажен ручныхъ ноготю поставить. А не дожди до среку, не походу за монастыремъ жить, или не дожди до среку бежу и на ми Павла или на жене или на детяхъ моихъ строителю с братией и на семьяхъ моихъ и на земляхъ моихъ убытки, и с семьями миа Павла строители с братией сожмутъ. А дожди до среку, а после среку не походу в монастыре жить и побумъ из монастыря вон и строителя с братией взять двор мес сполна. А где ся запись лежитъ, тутъ на ней суд и правок, а кто с сю записью станетъ, тот по сю записи. А на то послух Данило Нинифоров, а запись писалъ писарь Якука Гаврилов лета 1643 г. апреля 23 дни». (А. М. Ю. Сиб. пр. Раб. ст. № 14).

* А. М. Ю. Сиб. пр. Кн. № 7.

виться, так это видно, например, из того, что архиепископ Макарий по приезде в Тобольск «взял по старым кабалам денег 1405 р., ржи 136 ч., ярины 20 ч., муки 50 ч.», но при нем на тех же крестьянах оставалась такая же кабала, то есть и он служил их деньгами и хлебом.

Из всего вышеизложенного следует, что Сибирь заселялась различным образом: то правительство разными способами подворяло там русские и русские народные элементы, то русские люди сами переходили туда для поселения. В начале этой главы мы указали на цифру населения в 1645 году в семи сибирских уездах; эта цифра только приблизительно верная, а на самом деле количество населения было несколько больше. Несомненно, что не все переселенцы попали в документы, на основании которых мы определяли их количество в разных местах поселений: переписчики, пожалуй, легко и точно могли определять число жителей известного сибирского города, но им трудно было узнать о всех насельниках его уезда, как бы они внимательно ни относились к своим обязанностям. Одни переселенцы сами по многим причинам должны были от них скрываться, других скрывали в своих деревнях крестьяне, служилые и посадские люди, а есть даже указание на то, что и сами воеводы и переписчики были заинтересованы в управлении и городских, и уездных жителей. Просматривая дозорные книги сибирских городов и их уездов, мы не раз наталкивались на такого рода несобранности: переписчик, например, пишет, что в таком-то месте находится деревня крестьянина посадского или служилого человека, «дворов в ней один, людей тоже», а тот Семёйка или Ивашка, кому принадлежит этот двор, «нашае добрые земли семье четей в поле...», но ни словом не говорит ни о детях, ни о братьях, ни о половниках, ни о захребетниках. Спрашивается, возможно ли, чтобы один человек в состоянии был обрабатывать такое количество земли? Нельзя думать, что переписчик в данном случае должен был упомянуть только о домохозяине; нет, на нем лежала обязанность записать всех работников дома. Относительно других деревень переписчики это делают: не только записывают половников и захребетников, но и детей, и разных свойственников. У одного, например, домохозяина, читаем в дозорной книге, живет зять

с братом своим, у другого — половник или сын 15 лет, «а в панию он поспел». Отсюда очевидно: или переписчик скрыл в первой деревне других членов дома, или сам домохозяин. Вследствие этого в списках пашенных и оброчных крестьян встречалась такого рода невероятные цифры в известной свободе или волости 50 человек, а детей у них, братии, племянников — 30. В том нет сомнения, что переселявшиеся в Сибирь большей частью были люди бессемейные или мало семейные, но тем не менее в тех, которые решались заниматься хлебопашеством самостоятельно, наверное, должен быть хотя один работник, а между тем у многих хлебопашцев по договорным книгам и по спискам мы не встречаем ни братьев, ни других свойственников, ни заросльих детей, ни половников, ни захребетников. Это обстоятельство можно только тем объяснить, что переписи были неполны, другие работники дома были в них пропущены. Да и само московское правительство сознавало, что количество населения в Сибири, известное ему по разным спискам, ниже действительности, что часть его скрывали воеводы из корыстных целей. Это будет очевидно из следующего документа. В 1646 году Алексей Михайлович писал тобольскому воеводе: «Ведомо учинилось, что в прошлых годах от Руси и поморских городов, с Устюга Великого, от Сольвычегодска и из иных русских городов, с посадов и с уездов сошли в Сибирь посадские люди и многие пашенные крестьяне с тяглых своих жеребьев от хлебного недороду и от бедности с женами и с детьми, а в сибирских городах и уездах те прихожие люди учили жить в архиепископских слободах и за монастырями в закладчиках, а иные на церковных землях и за детьми боярскими, за польскими и за всякими служильмы людьми на пашнях во крестьянах и в половниках, а иные живут на посадах и в уездах между посадскими людьми и у пашенных крестьян и имских охотников в захребетниках и дальнемного оброка в государеву казну не платят, а прежние воеводы о том не радели таких прихожих людей в Сибири не выискивали, в посадские люди и в пашенные и в оброчные крестьяне не строили, их укрывали, а иные брали у них от того посулы». А что правительство имело основание обви-

* Дог. Кн. А. И., т. III, № 14.

нать сибирских воевод в укрывательстве крестьяня с корыстной целью, на это указывает дело о бегстве туринских крестьян, которое мы видели в Сибирском приказе и которое заключается в следующем. В 1632 году туринский воевода Гурий Волынцев отписывал, что на туринских пашенных крестьян он прибавлять государевой пашни не может, так как из них 24 человека сбежали неизвестно куда. Но в следующем году умер, и на его место назначен Михаил Тихон, тот самый, который лет десять тому назад прислан в Сибирь «в колодник». Ему велено, между прочим, ссыкать тех беглецов, и этот колодник оказался честнее своего предшественника. «На смыску, — как доносил он тобольскому воеводе, — старосты и цеповальники по государеву крестному целованию показали, что из тех 24 человек, которых Волынцев написал в беглецах, один умер, другой был отпущен на богомолье к соловецким чудотворцам, четыре сбежали, а остальные никаку не бегали: как прежде, так и теперь живут своих деревнях и пашут государеву пашню». «И то, государь, — отписывал тобольский воевода к Михаилу Федоровичу, — делалось все понарекам воеводы Гурия Волынцева, который, не ради о твоем государевом деле, наровил крестьянам для своей бездельной корысти»*.

Что же касается этнографического состава сибирского населения в обозреваемый нами период, то оно, помимо туземцев, представляло лестную, разношерстную массу: она состояло из немцев австрийских и ливонских, шведов, поляков, литовцев, латышей, мордвы, черемис, русских и даже французов; эта лестница особенно заметна в Тобольске. Но само собой понятно, что значительное большинство этой массы принадлежало к русскому народу, и премущественно к жителям северных губерний. В списках служилых, посадских людей и крестьян чрезвычайно редко можно встретить «калужанина», «путинльца», «рылецкого», да и то большей частью из ссыльных, а остальные населенники переведены или перешли из так называемых поморских городов: Устья Великого, Сольвычегодска, Каргополя, Холмогор, Вятки и т.п. Гуляющие люди в Сибири были исключительно из этих городов, например, из 617 человек, при-

* А. М. Ю. Сиб. пр. ср. № 6078/34, лл. 11, 12, 13 и др.

сиявших в Верхогорье царю Алексею Михайловичу, половина была родом устюжская, значительная часть сольвычегодцев и пинежская, а другие были вятчане, соликамцы, кайгородцы, вакжане, вычегодцы и т.п.

Теперь коснемся управления Сибири, экономического и нравственного состояния ее первых насельников. С самого начала завоевания Сибирь находилась в ведении Посольского приказа, потом некоторое время сибирскими делами заведовали дьяки, а в 1599 году царь Борис Федорович указал ведать новопокоренный край в «Казанском и Мещерском Дворце». При этом «дворец», вероятно, в самом начале царствования Михаила Федоровича учреждено особое отделение под именем «Сибирского Приказа», которое специально ведало делами Сибири; по крайней мере древнейший документ, который упоминает о существовании этого приказа, относится к 1614 году. Так, в паклзе, данной в этом году воеводе Лутогину, говорится, чтобы он «присыпал всякие оттиски дьякам приказа Казанского и Мещерского Дворца и Сибирского Приказа». В других подобных документах, писанных и в 1614 г. и после, до 1637 года, хотя упоминается только один «Казанский Мещерский Дворец», но тем не менее Сибирский приказ продолжал существовать как отделение при этом дворце, и все коведские оттиски из Сибири присыпались именно сюда. На это указывают некоторые царские грамоты к тобольскому воеводе, писанные после пожара, бывшего в Казанском дворце в 1626 году, когда сгорел весь архив Сибирского приказа: в этих грамотах по поводу ла чеботык какого-нибудь сибирского монастыря о даче земли или по поводу, например, назначения в 1635 году таможенных голов на Собскую заставу читаем, «что в Москве не из чего выписать, потому что в прошлом 1626 г. всякие дела в Сибирском Приказе погорели». Но этот приказ долгое время не имел особого начальника, а им заведовало то же самое лицо, которое стояло и во главе Казанского и Мещерского дворца: только в 1637 году эти учреждения были разделены, и Сибирский приказ сделался самостоятельным, а первым его начальником был Борис Михайлович Лыков, тот же самый, который до того времени стоял во главе Казанского дворца. Из Сибирского

* А. М. Ю. Сиб. пр. кн. № 11, л. 145.

приказа, как прежде из Казанского и Мещерского дворца, исходили все высшие распоряжения, касающиеся Сибири, а равным образом в эти учреждения досылались всякие отписки сибирских воевод и членов разных лиц. Начальники этих приказов со своими товарищами решали всякие дела, относящиеся до « дальней государственной вотчины », а в случае дел важных, которые они сами не могли « вершить », докладывали государю; они же принимали сибирский ясак и заведовали его продажей.

Высшее областное управление всем Сибирью до 1629 года сосредоточивалось в руках тобольских воевод, а с этого года томские воеводы « учили сидеть своим столом », сделались независимыми от Тобольска, и Сибирь разделилась на два « разряда » — тобольский и томский. К первому разряду принадлежали все города, об основании и заселении которых мы говорили в настоящем нашем исследовании, а также Сургут и Мангазея, а ко второму — остальная Сибирь. В частности, во главе каждого города и уезда находился воевода как высший администратор и судья. В чем собственно состояла зависимость воевод города, например, тобольского разряда от воеводы тобольского довольно трудно определить, если взять во внимание, что каждый воевода совершенно самостоятельно сносился с центральным учреждением по управлению Сибири и самостоятельно управлял своим уездом. Можно только указать на некоторые черты этой зависимости: тобольский воевода каждому другому воеводе своего разряда, например, мог делать замечания, заставить его исполнить какое-нибудь свое распоряжение и требовать отписок по разным делам, касающимся управления его уезда; тобольскому же воеводе со всех городов присыпались разные приходо-расходные и ясачные книги. Особенная важная зависимость частных воевод от тобольского заключалась в том, что они не имели права без разрешения тобольского воевода посыпать служилых людей против неприятеля даже в том случае, если неприятель вторгался в их уезды. Как это ни странно, но на самом деле было так, в этом убеждают нас многие документы. Мы уже упоминали о страшном опустошении Тюменского уезда в 1634 году калмыками и Кучумовыми инчутатами*; это опустошение неприятели могли произвести только потому, что тюменский воевода, « не смеялся с тобольским воеводой, не смел выс-

лать против них своих служилых людей, а пока весть о нападении врагов доходила до Тобольска и пока тобольский воевода делал соответственное распоряжение, как враги уже успевали пограбить, набрать пленников и со своей добайчей скрываться в необозримых степях. Таким образом, зависимость в данном случае от тобольского воеводы приносила существенное зло, это зло хорошо сознавали тюменские служилые люди и указывали на него московскому правительству, но тем не менее последнее не решилось изменить своих прежних распоряжений. Так, в 1636 году после упомянутого опустошения Тюменского уезда калмыками и «кучумовыми винчутами» тюменские служилые люди и юртовские служилые татары посыпали Михаилу Федоровичу чебоктунную, в которой писали: «Приходите под Тюмень и в Тюменский уезд калмыцкие воинские люди и изменники сибирские татары и тюменских служилых и уездных ясачных людей побивают и в полон берут, а с Тюменью воеводы, не смеются с тобольскими воеводами, против тех калмыцких людей посыпать их служилых людей не смеют и пока тюменские воеводы с тобольскими воеводами соглашаются и в то время калмыцкие воинские люди, позовная Тюмень и Тюменский уезд, уходят в свою калмыцкую землю». В заключение этой чебоктунной служилые люди и юртовские служилые татары просили Михаила Федоровича, что если впредь придут калмыки и изменники татары войною, а тобольские служилые люди к ним на помощь не поспеют, то разрешить тюменскому воеводе послать их одних против неприятеля. Подобную же чебоктунную отправили и тюменские посадские люди и крестьяне и в ней просили о том же разрешении. На эти просьбы Михаил Федорович отвечал отказом, а по-прежнему приказывал тюменскому воеводе в случае нападения врагов жить «на Тюмени с велиkim бережением, по городу и острогу учинить крепкие караулы», немедленно давать знать о нападении тобольскому воеводе, а как тобольские служилые люди придут, то общими силами «промышлять» над неприятелем⁴. Еще можно было бы найти смысл в подобном распоряжении, если бы в Тюмени было мало войска, но мы знаем, что в 1636 году в этом городе находилось разных служилых людей более 800 человек; с этим войском, неоруженным огнестрельным оружием, можно было с успе-

⁴ Р. И. Б., т. II, № 159; А. М. Ю. См. пр., ст. № 6111/67, лл. 37, 182 и др.

хом отразить самого многочисленного неприятеля. В наказах татарским воеводам также предписывалось в случаях нападения врагов давать знать об этом в Тобольск и, только когда придут тобольские служилые люди, «чинить промысел над неприятелем, сколько Бог помочи подаст», хотя от Тобольска до Тары было 12 дней пути.

В своем уезде по делам управления, суда и хозяйствия каждый воевода имел большие полномочия. Особенно в первое время, когда права и обязанности воевод не были строго определены и когда им предписывалось «делать всякие дела по своему здесмотря и как Бог на душу положит...»; воевода творил суд и расправу, собирая всякие пошлины с торговых и промышленных людей, собирая с инородцев ясак, налагая на жителей оброки и разные починности по своему усмотрению и вообще был полновластным хозяином. Но по мере того, как пред правительством раскрывалась злоупотребления сибирских воевод, положение их все более и более стеснялось и круг их обязанностей был значительно ограничен. Особенно широкое поле для злоупотреблений представлялось сибирским воеводам при сборе ясакого рода пошлий, торговых и промышленных люди от этих злоупотреблений жестоко страдали и постоянно жаловались правительству на воеводские притеснения. Но в 1623 году тобольский воевода отнял у них право сбора ясаких пошлин и возложил эту обязанность на таможенных голов и целовальников. Трудно сказать, выиграли ли торговые и промышленные люди от этого распоряжения или нет, но крайней мере они более были довольны головами, чем воеводами, это видно из того, что в тех отдаленных сибирских городах, например, в Енисейске, где еще по-прежнему воеводы ведали торговыми и промышленными людьми «в проезде и пошливах», последние просили Михаила Федоровича об установлении им там таможенных голов и целовальников.

И во многих других отношениях сибирские воеводы были стеснены. Так, в прежнее время они брали с собою своих друзей и родственников и давали им в Сибири различные должности: одни назначались приказчиками над пашенными крестьянами, другим поручалось собирать ясак с инородцем или заведовать выделом «посошного хлеба» и т. п.; все эти лица и сами наживались при исполнении своих обя-

занистостей, и делились незаконными поборами со своими покровителями воеводами. Но правительство проводило об этом и при Михаиле Федоровиче воеводам было строго запрещено назначать на какую-нибудь должность своих друзей и родственников. Затем стало известно, что сибирские воеводы занимаются в Сибири торговлей, склоняют у ино-родцев дорогих соболей, бобров и черно-бурых лисиц и тайно эту «млгкую рухладь» привозят на Русь. Правительство и это им запретило: в наказах им предписывалось под страхом опалы и казни не покупать, не продавать мягкой рухлади; все предметы необходимости для себя и для своих людей позволялось покупать исключительно на торговом рынке и всякую куплю записывать у таможенных голов в таможенные книги. Но и в таких случаях воеводы умели извлечь выгоду из своего положения и не совершили законных оснований при соблюдении всех требований наказа вели выгодную торговлю. В Сибири, например, цена на хлеб всегда стояла довольно высокая, воеводы имели право покупать хлеб как предмет необходимости для себя и для своих дворовых людей, но они закупали его громадное количество и затем через своих друзей и знакомых передавали этот товар по самой высшей цене всяким торговым и проезжающим людям, иностранным и даже служилым людям; располагая деньгами, они могли сделаться монополистами в хлебной торговле. Однако и об этом узнало правительство, и поэтому в воеводских наказах, относящихся к концу царствования Михаила Федоровича, мы уже встречаем определенные указания на количество хлеба, которое воевода имел право купить на рынке. Так, в наказе Бобрищеву-Пушкину, назначенному в 1643 году воеводой в Тюмень, предписывалось ему в течение года купить хлеба только 160 четвертей — по четыре четверти на человека, «а больше того отиоди: ни у кого и нигде в сибирских городах не покупать и ту куплю записывать в таможенные книги». Из этого же наказа видно, с каким множеством людей воевода отправлялся в Сибирь: Бобрищев-Пушкин повез с собой 40 человек, а с тобольскими воеводами отправлялось родственников и дворовых людей по 60 и 70 человек*. Но все эти стеснительные меры и угрозы «жестокою опалов и казнию»

* А. М. И. Д. Пер. Милл. № 541, тетр. 5, стр. 51.

мало достигали своей цели: действительный контроль за действиями сибирских воевод был невозможен, они имели много средств обходить наказы и во всяком деле злоупотреблять своей властью. Да и само правительство понимало, что пресечь злоупотребления сибирских воевод оно не в силах, смотрело на них, как на хищников и грабителей, и этот взгляд ясно высказывало в своих наказах. Каждый воевода по приезде в Сибирь на место службы должен был собрать в съезжую избу служилых и не служилых людей, русских и инородцев и сказать им по наказу приблизительно так: «Вот, мол, прежний воевода делал все не по государеву наказу, а самовольством творил кривой суд, брал взятки, причинял убытки и насилия, а теперь этого не будет, в нем все найдут праведного судью и заместника, и все будут жить в довольстве, покое и тишине». Но являлся новый воевода и то же облазан было говорить про своего предшественника. Так, в 1631 году Михаила Федоровича велел воеводам князю Никите Борятинскому и Константину Сытому быть на службе в Сибири в Тарском городе на место воевода князя Федора Волконского и Исаака Байдова. А приехав в Тару, читали в наказе, данном им, они прежде всего должны были вызывать в город ясачных людей, человека по два от каждой волости, принять их в съезжей избе и самим быть в то время и служилым людям в цветном платье и с оружием. Когда же ясачные люди сойдутся, то сказать им от царя Михаила Федоровича такое жалованное слово: «Преждего им в Тарском городе от воевод, от голов и от приказных людей, от боярских людей, от казаков, от стрельцов и от их брата новокрещенных... было неброжение, налоги и продажи великие... брали с них ясак с прибавкою, не по государеву указу, и тем сами корыстовались, а воеводы того не берегли и суда прямого не давали и сами воеводы делали им продажи и убытки, брали поминки и посулы... и теперь, государь, во всем их похваловъ, велел давать суд праведный, съскывать накрепко, делать им расправу и оборону от русских и всяких людей и во всем велел их беречь, чтоб им насилиства, убытков и продаж ни от кого не было, и они б уездные люди были в его царском жалованье, во всем покое и тишине без вся-

кого сомнения**». Такой нелестный отзыв настоящие воеводы должны были по государеву наказу дать о своих предшественниках! Но в 1633 году Михаил Федорович назначил в Тару новых воевод, князя Федора Бельского и Неупокоя Кокопкина, и они обязаны были сделать такой отзыв про бывших воевод Боритинского и Сытова. Только Бельский и Кокопкин по наказу должны были наперед собрать в съезжую избу торговых и промысленных людей «верховских городов» и сказать им: «Преж сего воеводы делали им продажи, обиды и тесноты великие... их нужд не рассматривали, управы меж них прямой не творили, посум и поминки у них брали и их продавали...». А потом велено им собрать инородцев и говорить им про прежних воевод то же самое, что последние говорили про своих предшественников**. Наказы другим воеводам, в какой сибирский город они ни назначались бы, имели тождественное содержание. Так что инородцы и русские люди наперед знали, что новые воеводы собрали их в съезжую избу только для того, чтобы поносить пред ними своих предшественников, как знали и то, что и новое начальство будет с ними поступать никаколько не лучше старого: взятки, продажи, кривой суд и разного рода насилия будут и от новых воевод.

И если московское правительство и сибирские жители имели такой мрачный взгляд на воевод и их товарищ, то они были совершенно правы: не только жалобы, но и следственные дела по ним вполне оправдывают этот взгляд. Уже на пути в Сибирь воеводы и их товарищи своими действиями показывали, какими они будут администраторами и судьями на местах службы. Русское население, через которое ложал путь сибирских правительственных агентов, жестоко страдало от них; их насилие в Сибири сопровождалось правежками, поборами, грабежами и различными насилиями вроде тех, какие позволяли себе каргопольские стрельцы и другие служилые люди. Кажется, не проходило ни одной

* Поля. соб. зв., т. III, стр. 552. В этом документе годы обозначены неверно: нужно читать не 7110 лето (1611 г.), а 7139-е (1631) и в средине документа не 7117 лето, а 7137-е, ибо воеводы, которым дан этот наказ, именно в 1631 г. отправились в Тару — тобольский воевода Федор Телетский, с которым тарским воеводам предписывалось ссыпаться, также именно в это время был в Тобольске.

** Ibid, стр. 566.

компании воевод и их товарищей, чтобы потом местное на-
селение не жаловалось царю на ее беззакония; например, в
1635 году через Пермь Великую прошло несколько таких
компаний, и на всех их поступили от местных жителей че-
лобитные Михаилу Федоровичу. Пожалуй, этим члобит-
ным можно и не доверять, так как они большей частью
составлялись не столько по самим обстоятельствам дела,
вызвавшего жалобу, сколько вообще по установленшейся
форме члобитья, притом московский человек не любил,
так сказать, жаловаться немногому, в меру, а если вздумал
писать жалобу, то уж такую, чтобы у царя-государя при
чтении ее волосы дыбом стали. Поэтому мы не будем судить о
беззакониях воевод, проходивших через Пермь Великую в
1635 году, по жалобам самих пострадавших, а обратимся к
другого рода документам, например, к донесениям воевод
тех уездов, где сибирские воеводы производили грабежи и
насилия, и следственным делам по члобитным на них по-
садских людей и крестьян. Так, например, устюжский воевод
с товарищами отправил следующее донесение Михаилу
Федоровичу. «В наынешнем 1635 году, в феврале и мар-
те, — писал он, — ехали по твоему указу в сибирские горо-
да воеводы и дворяне: князь Михаил Тимкин Ростовский,
столпник Иван Ромодановский, князь Федор Борятинский,
Борис Пушкин, Иван Яропкин, князь Данило Гагарин, князь
Андрей Волконский, Григорий Кафтырев, Яков Уваров и
стрелецкий голова Михаил Дурной. И будучи, государь, в
Устюжском уезде, на Суконе, на Бобровском яме, князь М.
Ростовский доправил из бобровском старосте сверх подо-
рожной указанных 20 подвод, линских 16 подвод... да его
Михайловы люди по его же велению доправили денег и кор-
му на 2 р. 18 а. 4 д.; твой столпник И. Ромодановский на
том же старосте доправил сверх подорожных, указанных 20
подвод, линских 15 подвод, а его люди доправили харчи на
24 а. 4 д.; князь Ф. Борятинский доправил сверх подорож-
ной, указанных 30 подвод, одну подводу и его люди доправи-
ли 9 а. 4 д.... Михаил Дурной на том же старосте доправил
линских подвод 5, денег себе 12 р., да люди его доправили 2
р. 4 а...» и т. д. Словом, все вышеупомянутые лица взяли
липинные подводы и доправили денег или себе, или своим
людям; по подорожным они имели право на 171 подводу, а

взяли 235. Старосте бобровскому пришлось уплатить за липиние подводы 50 р. денег, да деньгами взяли воеводы и их люди 18 р. 3 к. Таким образом, проводы воевод стояли одному иму 68 р., — сумме по тому времени значительной. Такие же беззакония позволяли себе сибирские воеводы и на других ямах. Но само собою понятно, что эти грабители причиняли населению, через которое проезжали, не один только материальный ущерб; воевода устюжский хотя и упоминает в своем донесении, что воеводы и их люди «правили» липиние подводы и вымогали деньги «насильством», но он умалчивает о том, в чем именно выражались эти насилия. На это мы найдем указания в следственном деле, которое производилось по государеву указу. Вот что донесли Михаилу Федоровичу, например, о Ростовском Кирилло Сулюев и Анисимко Ильин, которым велено «сыскать накрепко» о беззакониях сибирских воевод. «В прошлом, государь, в 1635 г. 14 д. во второй часу ночи князь Михаил Ростовский, едучи на службу в Сибирь (в Тобольск), велел своим людям на Устюге Великом у посадских людей ворота ломать, у изб и у клетей двери выскакивать и их, посадских людей и матерей их, и жен и детей велел бить чеканами, обухами и плетьми, а животы их грабить, и от того насилия и боко произошел шум, крик и исполх, и начали бить в колокола и т. д.»*.

Если воеводы так рабочничали в Европейской Руси, то можно себе представить, что они делали, перевалившись за Уральский хребет, какими они были «праведными судьями» на службе в Сибири! Тут они и их товарищи еще грабили население с опасением, знаяли, что на каждое их беззаконие будет жалоба царю и будет производиться следствие, а в Сибири? Оттуда не скоро могли дойти до Москвы эти жалобы, пока суд да дело, то про жалобы и забудут. Правда, и сибиряки, как и все подданные московского царя, пользовались драгоценным правом членить отдельных лиц, от целого класса или от целой области на всякого воеводу, на всякое должностное лицо, жаловаться на всякую с их стороны несправедливость. Эти жалобы обыкновенно подавались новым воеводам при смене ими старых, и хотя смена производилась через каждые два года и, стало быть, жаловаться

* А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 6148/104, лл. 47—50, 424—426.

мокко было еще вовремя, но дело в том, что от этих жалоб было мало толку. Новые воеводы принимали члобитные и отсыпали их в приказ, а когда старые воеводы возвращались из Сибири в Москву, то по тем члобитным производился над ними суд; тогда начиналась московская волокита, и дело, по крайней мере для члобитников, кончалось ничем. Мы не нашли в документах ни одного указания на то, чтобы сибирские члобитчики получали вознаграждение за понесенные ими убытки вследствие воеводских беззаконий. Такой исход жалоб хорошо знал сибирские воеводы и их товарищи, а потому им нечего было особенно опасаться члобитных. Они действительноользовались своей властью «по своему висмотрю», как предписывал им царя, а злоупотребляли ею столько, сколько хотели, и в большинстве случаев безнаказанно. В Сибирском приказе мы просмотрели множество жалоб на воевод и всяких приказных людей, жалоб от сибирских архиепископов, монахов, белого духовенства, разных служащих людей, посадских ямщиков, крестьян и иногородцев — жалоб самых разнообразных и относившихся к разным временам, просмотрели много следственных по ним дел, и все это материала привел нас к заключению, что жаловаться на сибирских воевод и их товарищей было совершенно бесполезно; жалобы эти никак не вразумляли их, и они из года в год повторяли одни и те же беззакония над сибирским населением. Последнему поэтому оставалось только или «брести връз», или терпеть; сибиряк мог только сказать: «До Бога высоко, а до царя далеко», а потому нужно терпеть.

Мы упоминали, что какие бы ни предпринимали московские царя меры с целью пресечения беззаконий сибирских воевод, но последние всегда умели обходить их или даже просто не обращали на них никакого внимания. Более или менее действительная мера, а во всяком случае оригинальная, состояла в том, чтобы поставить воевод и других приказных людей в такие условия, при которых наживи, обогащение в Сибири были для них бесполезными. Им позволялось вывезти из Сибири имущества только на определенную сумму, например, воеводе большого города на 500 рублей, товарищу его и дьякам, а также воеводам малого города — только на триста рублей и т.д. Остальное же иму-

щество, если они везли, считалось неправильным прибыtkом и отбиралось в царскую казну. Эта мера была обставлена таким образом. При выезде из Москвы в Сибирь все имущество лица, получившего, например, место воеводы, самым тщательным образом осматривалось в приказе; это имущество оценивалось, и ценности этого записывались в проезжую грамоту, которую получали означенное лицо. Но воеводы могли эту меру обходить тем, что занимали у родственников и знакомых известную сумму денег, лишь бы только показать в приказе как свое имущество, а при выезде из Москвы возвращали. Узнав об этом, правительство приказало верхноторским таможенным головам и целовальникам осматривать на застое, которую нельзя было миновать, имущество всех проезжих, не исключая воевод и других служилых людей. И если, например, воевода показывал имущество на меньшую сумму, чем значилось в проездной грамоте, выданной ему в Москве из приказа, то это означало фальшивь, и у него отбиралось в царскую казну все имущество. Таким образом, всякий воевода являлся в Сибирь с имуществом, известным правительству. Такая же процедура производилась над всеми служилыми людьми и при выезде их из Сибири в Москву. Наказ верхноторскому таможенному голове Данилу Оборосьеву, данный в 1635 году предписывал держаться следующих правил: «А как сибирские прежние воеводы, дьяки, письменные головы поедут из сибирских городов к Москве, или наперед себя отпустят жен и детей, племянников и людей своих, или поедут торговыми, промышленными и всякие служилые люди, и ему (таможенному голове) быть тогда на застое с целовальниками и служилыми людьми день и ночь беспрестанно; а никак Верхотурье, на сибирской дороге, верстах в пяти или в шести, смотря по таможенному делу, поставить караул и добрых служилых людей, человека по два или по три » целовальника. Когда же воеводы и их дети... приедут на тот караул, то служилым людям и целовальному провожати их до Верхотурья, до застолы, где должен быть таможенный голова, — провожать с тою целью, чтобы те воеводы их дети, братья, племянники и люди... слути к застоле дорогою в селах и деревнях приставали, мягкой рухляди ни у кого не оставляли и не продавали и не прятали...»

никакими иными дорогами большую заставу не объезжали. Наконец, проезжие люди прибывали на заставу; что же потом должен был делать таможенный голова? Ему вменялось в обязанность осматривать мягкую рухлядь «в язах, сундуках, в коробях, в сумках, чемоданах, в платьях, в постелях, в подушках, в винных бочках, во всяких запасах, в печенных хлебах... обыскивать мужской и женский пол, не боясь не страшась никого ни в чем, чтоб в пазухах, в штанах и в зашитом плате отнюдь никакой мягкой рухляди не привозили... а что найдут, то брать на государя...». Воеводам позволялось вывезти из Сибири только «шубы две или три лисьих красивых или куцых, или бельи». Но воеводы и другие служилые люди приобретенную в Сибири дорогую мягкую рухлядь пересыпали через торговых и промышленных людей, а чтобы последние не обманули, не утаили ее у себя, брали с них заемные кабалы на сумму, равную ценности передаваемой им мягкой рухляди. Поэтому воеводам и другим приказанным людям строго запрещалось брать в Сибири с когонибудь заемные кабалы или другие какие-нибудь крепостные акты; эти документы были недействительны, и по ним невозможно былозыскывать. В то же время объявлено было торговым и промышленным людям, что если кто-нибудь из них под каким-нибудь видом провезет воеводскую мягкую рухлядь и об этом узнает правительство, то они отвечали тогда всем своим имуществом, да, кроме того, таких виновных велено бытьicutом «нешадью» и сажать в тюрьму*. Упомянутыйнаказ касается, главным образом, мягкой рухляди и довольно глуко говорит о деньгах. Хотя и в нем предписывается таможенному голове обыскивать у воевод и других приказных людей деньги, но ничего не говорится о сумме, какую они могли пронести с собой на Русь. А из одного доклада Михаилу Федоровичу, сделанного несколько позже написания того наказа, видно, что этим наказом Данило Обреев даже неуполномочивался обыскивать деньги у воевод и их товарищей. «По твоему государеву указу, — читаем в этом докладе, — велено таможенным головам на заставах у сибирских воевод, письменных голов... обыскивать соболей, лисиц, а что у них мягкой рухляди найдут, велено брать на

* А. И. т. III, № 184.

государя все без остатка... А о том, что у сибирских воевод, у дьяков, у письменных голов и у их детей и племянников в у их людей обыскивать денег, которые они повезут с собою из Сибири, государева указа нет и у таможенных голов о том не написано...». Данило Образец в своей отписке к государю также говорит, что «в наказе, каков мне сироте твоему дан, поскольку твоим государственным сибирским воеводам и товарищам их и дьякам и письменным головам возить с собою денег не написано...». «Между тем, — говорится в вышеупомянутом докладе, — по временам в Сибири никак рухлядь не пенился дороже, чем в Москве, и тогда торговые и промысленные люди мягкую рухлядь из Сибири не вывозят, а продают так же, в сибирских городах, потому что им так приблизнее. А со стороны сибирских воевод и их товарищей тем более следует ожидать, что они мягкую рухлядь продают в Сибири, так как у них денег обыскивать не велено. И если у них на заставах обявляются большие суммы денег, рублей с 300, 400, 500, 600 и по 1000 и больше, то очевидно, что у них те деньги сибирский важник на мягкой рухляди...». Вследствие этого доклада Михаил Федорович указал: «Сибирским воеводам тобольскому и томскому возвоз с собою из Сибири денег по 500 р., к товарищам их и дьякам, и письменным головам с братей, с детьми, с племянниками и с людьми по 300 р., а что у них сверх этого обявится, то брать на государя...». Соответственно этому постановлению посланы таможенным головам, верхотурскому и березовскому, дополнительные таможенные правила: им предписывалось обыскивать деньги у воевод и других приказных людей, и у их жен, детей... так же тщательно, как и мягкую рухлядь*.

Трудно сказать, насколько эта мера достигала своей цели, насколько она могла ослабить страсть сибирских воевод к наложке и вместе с тем ограничить их злоупотребления. Конечно, эта мера могла принести значительную пользу и государевой казне, и сибирскому населению, если бы только таможенные головы, точно и добросовестно исполняли таможенные правила. Они пользовались значительными полномочиями; к их услугам предоставлены были все служилые люди города; воеводы также должны были всеми зависящими

* А. М. Ю. Сиб. вр., ст. № 6106/62, лл. 5—7, 74—79, 221—222 и др.

ми от них средствами содействовать им при исполнении ими своих обязанностей. Головам предписывалось действовать «крепко и без страшило, не боясь никаких угроз; если воевода или дьяк, или кто-нибудь другой начнут грозить какими поклебами, или искаами, им того отнюдь не страшиться... а осматривать и обмыкивать накрепко». Далее мы знаем, что воеводам и их товарищам разрешалось из Сибири вывозить определенную сумму денег, именно столько, сколько им стоило «подняться» в Сибирь и прожить на местах службы в продолжение двух лет. Теперь, если они были уверены, что им не удастся привезти несколько црагоценных сибирских мехов и денег не выше означенной суммы, то зачем и наживаться в Сибири? А как нажива была главным источником всяких злоупотреблений власти, то спрашивается, не должна ли вышеупомянутая мера и облегчить положение сибирского населения? Мы не погрешим против истины, если будем отвечать на эти вопросы более отрицательно, чем положительное. Прежде всего заметим, что общая сумма, которую воеводы и их товарищи могли нажить в Сибири, в известном уезде была слишком высокая, чтобы население этого уезда не почувствовало тяжести от этой наживы. Затем трудно было рассчитывать на добросовестность таможенных голов при исполнении ими установленных таможенных правил, когда они сами мало были обеспечены правительством. Они назначались из посадских и торговых людей и в продолжение своей двухлетней службы на таможенном посту не имели права заниматься торговлей, а денежное и хлебное жалование было ничтожно, чтобы им можно было покрыть убытки, которые они могли потерпеть от прекращения торговли. Поэтому посадские люди жалуются царю, что они «от той таможенной службы животы свои расprodали и задолжали великими долгами». Так могли жаловаться, очевидно, только те, кто исполнял таможенную службу добросовестно, кто в состоянии был терять свое ради «государевой прибыли». Но таких немного можно было найти, а с большинством таможенных голов воеводам и их товарищам легко было войти в сделку, поделиться частью своей наживы, чтобы благополучно пролести через заставу то, что они имели сверх проездной грамоты. Наконец, и после 1635 года сибирские воеводы остаются такими же хищниками, как и преж-

де: инородцы жалуются, что они берут лишний ясак, торговые люди жалуются на разные воеводские прижимки, которые заставляют их давать им взятки; по-прежнему воеводы при посыпке ли служилых людей за солью на Ямышево озеро или за сборы лиска в отдаленные инородческие земли дают им деньги, чтобы они закупали у инородцев лучших соболей и черно-бурых лисиц; у одного тарского воеводы, как отписывал в Москву тобольский воевода, в числе торговых проезжих людей оказались его двоюродные люди. И само правительство по-прежнему подозрительно относится к добросовестности сибирских воевод, дьяков и письменных голов и в самых резких выражениях говорит об их хищности. «Ведомо нам стало, — читаем в одной грамоты Михаила Федоровича к тобольскому воеводе, писанной в 1636 году, — что сибирские воеводы и дьяки и письменные головы взяют с Москвы и с иных городов многие мелы и нина и всякие запасы, и товары сверх своих обиходов для торговли и для бесплодных своих прибыток, а булучи в сибирских городах продают те товары на деньги или меняют на соболи, на лисицы и иную мягкую рухлядь, выкапают и берут насилиством мягкую рухлядь у ясачных, промышленных и торговых людей: в Приказе Казанского Дворца в нашей казне доброй мягкой рухляди в присылки из сибирских городов не объявляется, тогда как в Москве и в иных городах из гостинных дворах у торговцев и промышленных людей обзываются многие добрые соболи и лисицы и очевидно, что та добрая мягкая рухлядь — сибирских воевод, дьяков и письменных голов». Из всего этого следует, что, несмотря на строгие таможенные правила, воеводы и их товарища все таки находили возможным вывозить из Сибири драгоценные меха, а тем более они могли провозить деньги. Учреждение таможенных голов, без сомнения, значительно увеличило таможенные сборы на сибирских заставах, но мало мешало воеводам и их товарищам пронести большое количество имущества, чем то, которое означалось в их проезжих грамотах. Стало быть, вместе с тем принятые правительством меры не могли пресечь злоупотребления воевод, дьяков и письменных голов и не могли облегчить состояние сибирского населения.

Теперь обратим внимание на положение в Сибири ее первых населения каждого общественного класса. Несомненно, что служилые люди — боярские дети, казаки и стрельцы и вообще государевы холопы могли жить самостоятельно в Сибири, и особенно до уложения Сулецова. Они получали из казны денежное и хлебное жалование, занимались хлебопашеством и торговлей; сбры ясака с инородцев, таможенных, проезжих и других пошлий с торговых и промышленных людей могли доставлять им значительную наживу. Правда, денежное и хлебное жалование было всегда небольшим: каргопольские стрельцы даже жаловались, что они его получают в Сибири менее, чем на Руси; семейному человеку невозможно было им прокормиться*. Со времени Сулецова служилые люди лишились некоторых привилегий и обязанностей, которые давали им возможность злоупотреблять своим положением и наживаться. Им строго было запрещено заниматься торговлей и промыслами, с учреждением голов и целовальников они, как и воеводы, перестали ведать сборы разных пошлин. Инородцы все чаще и чаще начинают приносить ясак сами, и только в отдаленные и мало покоренные инородческие волости служилые люди еще посыплются для сбора ясака. Прежде они могли извлекать значительные выгоды из занятия хлебопашеством: они занимали лучшие участки земли, обрабатывали свою пашню с помощью половников, ярых людей и ясырей и за пользование землей не платили в казну выдельного спона. Некоторые из них делали довольно значительные пособия, а так как хлеб в Сибири был дорог,

* Правдан. Из «наладочных книг» денежного и хлебного жалованья видно, что служилые люди получали следующий годовой оклад:

Денег	Ржи	Овса
Атаманы и головы	25 р.	25 ч.
Сотники	12 р.	12 ч.
Десятники	5½ р.	5½ ч.
Фурманы	5 р.	4 ч.
Боевые дети	10 р.	10 ч.

При этом нужно напомнить, что состоящие рядовые служильные люди получали несколько менее жалования, не г. жалованье, многие из которых получали менее денег или хлеба, чем старые боярские дети и начальники служилых людей тоже иногда получали недивидаковое жалование, — смотря по службе и за личным отличием.

то они от продажи его могли иметь хороший заработок. Затем все служилые люди косили значительное количество сена, а это указывает на то, что они имели много скота. Но по уложению Сулешикова и они обязаны были платить выедльной спол, впрочем, не платя, как монастыри, посадские и ружники, а только десятый; причем те служилые люди, которые обрабатывали 5, 6 и 10 десятин, совсем лишались хлебного жалованья, а в некоторых уездах даже уменьшалось и в денежное жалование; те же служилые люди, которые присевали менее означенного количества земли, хотя и получали хлебное жалованье, но по усмотрению воевод оно убавлялось, и иногда до половины. Тем из менее и после уложения Сулешикова служилые люди в Сибири не могли пожаловаться на свое положение. Кроме хлебопашества, скотоводства и казенного жалованья, самая их служба давала им возможность легко наживаться: во время походов на иородцев они грабили побежденных, захватывали в плен и затем продавали, после каждого удачного похода царь жаловал их, приказывая воеводам выдавать им награды по 50 к. на человека. Рядовые служилые люди имели право совершать беспощадно куплю и продажу на сумму до пяти рублей; это право для них было очень важным, потому что открывало им возможность торговли разными предметами и на большую сумму. Но самое главное в положении служилого человека это то, что он несравненно менее мог страдать от воеводских злоупотреблений, чем, например, посадские и крестьяне, так как он был избавлен от разных поборов и издевий на государя. Притом же служилый человек в себе самом и в своих товарищах по службе имел более средств защиты против всякой несправедливости воеводы, чем другие классы общества в Сибири. Наконец, служилые люди каждого сибирского города по крайней мере в год раза два бывали в Москве и могли жаловаться на своего воеводу правительству, и их жалоба была, конечно, действительной, чем посадских людей и крестьян, да и сама возможность для служилых людей жаловаться в Москве должна была заставлять воевод относиться к ним осмотрительней. Впрочем, сибирские воеводы иногда не щадили и служилых людей: заставляли их участвовать в некоторых «государевых изделиях», обсчитывали при выдаче жалованья,

отнимали у них в свою пользу особенно ценные меха и т.п. Вообще воеводы не пропускали случая поживиться на счетного бы то ни было, а старались извлекать выгоду из каждого подходящего обстоятельства. Например, в 1639 году служилые люди Тобольска и Березова, посланные из этих городов на временную службу в отдаленные места Сибири, были членом Михаилу Федоровичу «о жалованье на матерей, жен и детей», так как при тех посыпках им приходилось жить на драхма и такая жизнь обходилась им дороже. Государь отдельного жалованья не пожаловал, но приказал тобольскому и березовскому воеводам выдавать $\frac{2}{3}$ оклада денежного и хлебного жалованья тем семейным людям, которым будут посланы на службу на продолжительное время на реку Лену или в какое-нибудь другое отдаленное место, а оставшую треть жалованья оставлять для их матерей, жен и детей. Хотя это распоряжение довольно ясно и определенно указывало тех лиц, которых оно касалось — именно семейных служилых людей, но воеводы не преминули эксплуатировать его в свою пользу: они стали выдавать $\frac{2}{3}$ оклада денежного и хлебного жалованья и холостым, у которых не было никакой семьи, а оставшую треть клали в свои карманы. Пока эти служилые люди узнали, в чём дело, почему из воеводы дают не полный оклад, да пока написали жалобу царю, прошло долгое время. Из грамоты Алексея Михайловича к тобольскому воеводе узнаем, что тобольские и березовские служилые люди бессемейные, будучи на службе в Ленском и Якутском острогах, получали по $\frac{2}{3}$ оклада с 1639 по 1647 гг. Очевидно, что в течение этого времени воеводы удиркали в свою пользу немалую сумму. Только Алексей Михайлович в 1647 году приказал «накрепко смыкать», почему тем служилым людям не выдавалось полных окладов денежного, хлебного и соляного жалованья и будет это линь их, то какиес...». Неизвестно, чем это дело кончилось, можно только сказать, что должны еще пройти целые годы, прежде чем оно разъяснится для правительства и челобитчики получат ответ на свои челобитные. Тогдашнему тобольскому воеводе велено и приходно-расходных книж «выписать подлинно кому имя нем тем служилым людям давно не сполна в Березове и Тобольске денежное, хлебное и соляное жалованье с 1639 г.

по 1647 г.* и эту выпись переслать в Якутский и Ленский острожки, а воеводам этих острожков посланы от Алексея Михайловича грамоты, чтобы они сверили эти выписки с своими приходно-расходными книгами и тоже «подлинно ссыкали служильными, торговыми, промышленными и всячими людьми за что ленским и якутским служильным людям посыпавшим из Тобольска и Березова не давано полных окладов...», а затем все это дело переслать в Москву в Сибирский приказ². По этому поводу обиженные служилые люди могли только заметить, что вот уже несколько лет по их чебабиной «ссыкается на крашко и подлинно».

Далеко не так удовлетворительно было положение посадских людей в Сибири, как служилых. В предшествующих главах мы видели, что все посадские люди занимались торговлей, промыслами и хлебопашеством. Можно сказать, что до 1620 годов и они не могли жаловаться на свое положение: оброки они не платили, с торговли и промыслов пошлии не давали, с их пашни «пятинного сна» не выделялось. И правда, посадские люди в каждом сибирском городе всегда несли много разных государственных служб, однако те привилегии, которыми они пользовались, вполне могли вознаграждать их труд. Но в 1621 году посадские люди были обложены оброком от 3 р. и до 30 к., «смотря по семьянности и по прожиточности», а со временем Сулепова с их пашни стали брать выделльный пятый спон, с торговли и промыслов брать пошлии. Между тем их служба не только не уменьшилась, но даже увеличивалась: с 1623 года на заставах и таможнях начали учреждаться целовальники и таможенные головы, в эти должностные лица назначались, за редкими исключениями, исключительно из посадских людей. А как тяжело отывались государевы службы на посадских людях, об этом можно судить по их жалобам и доносениям сибирских воевод. Со второй половины царствования Михаила Федоровича все чаще и чаще попадают в архиве Сибирского приказа чебабитные царю посадских людей на то, что они «от тех государевых служб обищали, задолжали великими долгами, торгов и промыслов своих отбыли...». В чем состояли эти службы и как они были тяжелы — это будет видно из следующей отписки

* А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 6129/85, лл. 26—28.

тобольского воеводы в 1641 году. Прежде всего он упоминает о том, что из 88 тобольских посадских людей на вымешний год осталось только 56 человек, а 14 человек заложилось за архиепископа и 18 человек разбежались, не оставив ни жен, ни детей. «Осташися же посадские люди по всем годам бывають в государевых службах: в Тобольской таможне два человека, в Обдоре в целовальниках 7 человек, в Мангазее в целовальниках 1 ч., а служат в целовальниках тогда по три и больше. Да в головных службах на Тюмени, Тюриинске, Пелыме в таможенных головах три человека, в Сургуте в таможенных целовальниках 1 ч., в тобольской ясачной казне, у хлебных запасов у соли, у пушечных и судовых запасов 5 человек, в земских старостах, у государевой бани, в корчмеиной вымеки, на архиепископском дворе у духовных дел и у тюрем целовальниках 6 человек. В полголовных службах: в Тобольском уезде для выделу хлеба и для закуски хлебных запасов в Устюге Великом, в Тюмени и Тюриинском остроге 7 человек. Да в мелких государевых службах бывають месчна по два и по три: в Кошутской волости для сбора хлеба из ясачных людей, для рыбных ловель, для караула в Тобольске ясачных людей, на заставах в Тобольском уезде, на коломацком дворе для сбору сенных пошлий 14 человек. И всего, государь, по твоим службамывает 46 человек и те, государь, живут беспрестанно у твоих государевых дел: а съезжай изб призывают и центямагку рухлядь из ясачных людей и купленную рухлядь разбирают и центят...». Кроме всех тех служб, по донесению того же воеводы, тобольские посадские люди ежегодно платят в казну оброки 88 р. 27 к.*. Отсюда понятно, почему посадские люди «отбыли своих торгов и промыслов», им не было времени заниматься спорами личными делами, они постоянно находились на государевых службах. Посадские люди других сибирских городов, хотя и не вели столько служб, как тобольские, но тем не менее и на их долю приходилось много тягостей, и они постоянно жалуются на свое нищенское положение. Самые денежные оброки, которыми они облагались «по прожиточности», свидетельствуют об их нищете: например, в 1641 году в Тюриинске было посадс-

* А. М. Ю. Сб. пр. ст. №6132/88, л. 512.

ких людей 31 человек, и все они отнесены воеводой к самой нижней «статье», то есть платили годового оброка только по 10 алтын. Конечно, на самом деле им приходилось платить больше, но это потому, что они отвечали в платеже оброка за мертвых и беглых. Последнего рода повинность, вытекающая из поручительства друг за друга, тяжело ложилась на общество посадских людей: умер ли кто и убежал, или иными каким путем выбыл из этого общества, а оставшиеся должны нести за него оброк и его долю повинностей до тех пор, пока государь освободит от этой тяготы*. Это повинность тем тяжелее отзывалась, чем малочисленнее было общество, а в сибирских городах, как мы видели, посадских людей было очень мало. В 1641 году туринские посадские люди жаловались, что из их среды с 1637 по 1639 гг. выбыло девять человек: семь человек умерло, один скончался и один поставлен в дьяконы, жен и детей у них не осталось, а за всех тех выбывших они платят оброк. Поэтому они просили освободить их от платы за беглых и мертвых, так как вследствие этой платы и многих государственных служб они совершенно обнищали. И воевода туринский писал в Москву, что туринские посадские люди и «свои» денежные оброки платят с великим нуждой, потому что все люди бедные, а тем более им нельзя нести тягости за мертвых и беглых; да кроме того они же служат многие государевые службы — годовые и отъезжие*. Воеводские злоупотребления также немало увеличивали тягость посадских людей. Из той же члобитной туринских посадских людей видно, что их воеводы разрешили детям посадского человека Ивана Коркина записаться в ямщики. Правда, он имел на это право: царские грамоты о преборе ямщиков прямо указывали, чтобы прибрать ямщиков как из гудящих

* Примеч. Считаем нужным заметить при этом, что имущество беглого или умершего, оставившего после себя наследников, делалось достоянием государя. Но если умерший оставил после себя наследников, то последние получали порадочную сумму. Например, в 1635 г. тобольские посадские люди прошли деревню бывшего своего товарища Прокопия Коженикова тобольскому Знаменскому монастырю за 20 р. Под этой деревней было несколько четей распашной и переделанной земли и сенных дворов, а в деревне двое с избыми и огороженом, простором двором жилкина и баки, а в поле срубы с избами. Этому же деревни, как видно из запрещенного землемера, содержали 48 посадских людей во главе своего старосты. (См. А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 151, лл. 25—27).

людей, так и из посадских. Но в данном случае он должен был бы сообразоваться с состоянием Туринского посада и зажиточностью тех посадских людей, которые изъявили желание записаться в ямщики. Оказывается, что эти Коркины были самыми зажиточными людьми из всего Туринского посада, отец же Иван Коркин жил на посаде, платил денежный годовой оброк в 3 рубля и давал много выделного хлеба. «А как тот Иван, — жаловались туринские посадские люди, — умер и дети его при прежнем воеводе в 1631 г. из посадских людей выпущены в ямские охотники»*. Конечно, воевода хорошо понимал, что выпустить из посада человека первой статьи николико не соответствовало «государевой прибыли» и что для туринского посада это будет «тяжелый удар, а если он разрешил Коркиным записаться в ямщики, то не иначе, как за взятку». Верхнотурский воевода О. Боянцев в том же в 1631 году поступил еще возмутительнее со своим посадом и еще равнодушнее отнесся к государевой прибыли, о которой он должен был, понаказу, прежде всего заботиться. Из донесения тобольского воеводы в 1633 году видно, что этот Боянцев пять человек верхнотурских посадских людей по их честолюбию без государева указа записал в пашенные крестьяне и дал льготу, подмогу и ссуду как бы тузиям людям. По произведенному следствию оказалось, что эти посадские люди были очень прожиточны: помимо денежного оброка, они платили в государству казну со своих пашен выделного хлеба — ржи и овса — ежегодно 110 четвертей. Между тем, записавшись в пашенные крестьяне, они освобождались от оброка, от выделного снопа, от всяких повинностей, которые несли посадские люди, да, кроме того, получали льготу в государстве пашне на три года, подмогу и ссуду по 4 р. 50 к. на человека, а по милюшим льготным лет должны были обрабатывать государству в год каждый только по полуудитеине в поле...** Таким образом, пять человек посадских людей, сделавшихся по милости воеводы пашенными крестьянами, в течение трех лет не давали ни оброка, ни выделного хлеба и не пахали государевой пашни. Легко рассчитать, какой убыток от этого поступка воеводы потерпела госуда-

* А. М. Ю. Собр. пр., ст. № 6151/107, лл. 19—26.

** А. М. Ю. Собр. пр., ст. № 6078/34, лл. 54—57.

реза казна. Судя по количеству выделенного хлеба, упомянутые посадские люди принадлежали к высшей статье, то есть платили ежегодно деенежного оброка по 3 р., и, стало быть, за три года государева казна лишилась оброчных денег 45 р. да плюс подмога и ссуда 22 р. 50 к., итого: денег $67\frac{1}{2}$ р. и выделенного хлеба 330 четвертей. Такую потерю должна была понести государева казна ради того, что через три года новоприобретые пашенные крестьяне будут пахать государевой земли $2\frac{1}{2}$ десятны, но им не пришлось пахать: по члениты верхноторгских посадских людей они слова были обращены в прежнее состояние. Этот случай особенно ясно показывает, к каким средствам наживы прибегали сибирские воеводы: ведь само собою понятно, что Боянцев оказал такую услугу посадским людям не даром, они охотно могли уплатить ему по крайней мере половину того, что обизыски были даны в государеву казну. Но, не говоря уже о государевой прибыли, беззаконие упомянутого воевода привело большой ущерб и верхноторгским посадским людям: они сразу лишились пятн своих членов, а потому тяготы разных государственных служб, лежащих на них, должна значительно увеличиться.

Из сказанного следует, что сибирские посадские люди при их малочисленности в каждом городе и при многочисленности государевых служб мало имели времени заниматься торговлей и промыслами, и они справедливо жаловались, что «торгов и промыслов своих отбыли». Но государевые службы не могли особенно мешать посадским людям заниматься хлебопашеством, и мы видели, что все они распахивали значительное количество земли и косили много сена, а это указывает на их широкую сельскохозяйственную деятельность. Из дозорных книг 1623—1624 гг. видно, что некоторые посадские люди ежегодно обрабатывали по 60 четвертей в поле и косили по 500 копен сена. Эти случаи, конечно, редкие, но большинство обрабатывало не менее 10 четвертей в поле, хотя встречаются и такие посадские люди, вероятно, семейные и бедные, которые распахивали только по 3 четверти в поле... Можно даже сказать, что сельское хозяйство со второй четверти XVII века составляло главное занятие сибирских посадских людей в «пашенных» городах и доставляло главные средства к жизни. И это понятно,

почему. В Сибири в таких городах, как Верхотурье, Турицк, Тюмень и Тобольск, только промыслы могли доставлять посадским людям выгоды, а не торговля, потому что сибирскому населению разные предметы необходимости доставляли главным образом приезжие из Руси торговые люди, и торговля всячими русскими товарами находилась в руках не местных торговых людей. Что же касается промыслов, то выгодным промыслом в тогдашнее время был только звериный: добыча соболей, бобров, черно-бурых лисиц и других дорогих зверей, но этих зверей в уездах указанных городов было сравнительно мало, да притом же в этом промысле посадским людям могли составить сильную конкуренцию крестьяне и особенно инородцы. Значит, ради добычи дорогих зверей нужно было отправляться в более отдаленные места, но этого посадские люди не могли делать, так как они постоянно заняты были различными государственными службами, которые привоевывали их к месту. В силу этих обстоятельств посадским людям оставалось одно — заняться земледелием и скотоводством. Но для этих занятий требовалось много рабочих рук, а мы знаем, что как посадские, так и другие первые насельники Сибири были большей частью малосемейные или совсем бессемейные люди, то поэтому спрашивается, как они могли успешно заниматься сельским хозяйством? На этот вопрос ответить легко: несомненно, что у всех посадских людей были захребетники, половники и наймиты из гулящих и смыльных людей. Некоторые посадские люди еще на Руси, при переселении в Сибирь, приговаривали себе в половники крестьян на известные сроки — на 5 и на 10 лет — и брали с них в этом смысле записи; затем гулящие и смыльные люди то поступали в половники, то жили у посадских людей в качестве годовых или летних наймитов. Наконец, у некоторых посадских людей мы встречаем крепостных людей, например, в тюменской дозорной книге читаем: «Деревня при Туре посадского человека Тарутина, а в ней двор, в котором живет его племянник и два человека крепостных людей — Максимка Самсонов да Иванка Савельев, пашни доброд земли 20 ч., переложной земли 2 ч. в поле, а в дву потому ж, сенных покосов на 100 копен». Таким образом, занятию посадских людей сельским хозяйством не могли мешать

государевы службы: они обрабатывали свои пашни при посредстве детей, сподвижников, половником и т.д. Вероятно также, что летом посадские люди были более свободны от государственных служб и сами могли заниматься своим деревенским хозяйством; так, посеводы «пашенных» городов доносят в Москву, что «летом город совершенно пустеет, потому что все городские жильцы и служилые и посадские люди, и крестьяне живут по своим деревням, на своих пашнях...». Что же касается вопроса, насколько процветало хлебопашество и скотоводство у посадских людей, то относительно результатов жалты можно судить по количеству выделного хлеба в государеву казну; этот выдел свидетельствует, что посадские люди собирали со своих пашен достаточное количество разных хлебов: ржи, овса, пшеницы и т.д. Относительно же скотоводства мы можем заметить, что рогатого скота было достаточно у всех сибирских жителей, но вместе с тем чувствовался недостаток в лошадях: видно, что русская лошадь еще не акклиматизировалась в Сибири, а потому конский падеж был почти ежегодно и притом во всех уездах. Мы, собственно, не имеем прямых указаний на количество скота у посадских людей, об этом мы можем судить: а) по количеству заготовляемого ими на зиму сена, и это количество было у всех довольно большое; и б) по количеству скота у их половников. Например, в тобольских дозорных книгах читаем: «Деревня при реке Кундусле Ившаки Коромина... а у него живет половник Н., у которого скота 2 короны, 2 быка, да 2 теляти...», «У Бориски Балина половник Н., а у него скота 5 корол, 3 быка больших, 2 жеребенка, да 2 теляти...». У других половников было несколько более скота, а у иных значительно менее, но все-таки по этому количеству скота у половников посадских людей мы можем судить, что у самих посадских его было гораздо больше.

Крестьянское население Сибири можно разделить на три разряда: а) крестьян государевых, б) крестьян владельческих и в) крестьян половников, захребетников и бобылей. В первое время, почти до конца первой четверти XVII века, государевы крестьяне все были пашенные, то есть пахали государеву пашню, но потом, когда пашенные крестьяне прибрали было достаточно количества, то государь разре-

шил некоторым старым пашенным крестьянам, преимущественно городским, выходит на оброк, разрешил также воеводам, приказчикам и слободчикам прямо прибирать на оброк крестьян и гулящих людей. Мы уже говорили, что каждый крестьянин садился на государеву землю по уголову, в уголовной записи точно определялось, какую долю пашни он будет обрабатывать на государя или сколько будет платить оброчного хлеба, и соответственно этому: а) получал подмогу и ссуду из государевой казны и б) получал право на владение известным участком земли и льготные годы, в течение которых он не нес никаких обязанностей за пользованием землей. Собственно, такие определения издания были только Сулецовым в 1623—1624 гг., а до того времени крестьянин на себя пахал землю, сколько хотел, а на государя — «смотря по семьяниности и зажиточности». Теперь спрашивается, в чем же состояли обязанности государевых крестьян по уложению Сулецова? Эти обязанности исключительно вытекали из права владения государевой землей: кто более несет обязанностей в пользу государя, тот и может пользоваться большим участком земли, и наоборот. Но так как ценность земельного участка зависит сколько от его величины, столько же и от качества почвы, то Сулецов в своем уложении старался соразмерить обязанности крестьян с тем и другим, хотя, как увидим, сделал это более «по своему высмотру», чем по действительному качеству почвы в разных местах Сибири. В Турийском, Тюменском уездах величина выты положена одинаковая, именно «20 четвертей в поле, а в дну потому ж или 30 десятин в трех полях». Эта пользование выты земли в этих уездах пашенный крестьянин обрабатывал на государя по $2\frac{1}{4}$ десятины в поле, а оброчный крестьянин за тот участок земли платил в государеву казну 20 четвертей ржи и 20 четвертей овса да «за сенные укосы и всякие изделия» по 5 четвертей ржи или овса. В уездах Тобольском, Пелымском и Верхотурском в выты положено по 25 четвертей в поле, но за пользование выты земли пашенные крестьянин тех уездов пахали на государя неодинаковое количество десятин и оброчные платили неодинаковое количество хлеба: в Верхотурском уезде за выты они обрабатывали государевых десятин две, а в Тобольском и Пелымском — $2\frac{1}{4}$ десятинами;

оброчного хлеба верхтурские крестьяне платили столько же, сколько в Туринском и Тюменском, а в Тобольском — «смотри по зажиточности и семьяниности», например, первой статьи платили 61 четверть разного хлеба, а второй — 47 четвертей. Затем в Верхтурском, Туринском и Тюменском пашенные крестьяне с десятинами обрабатываемой ими государевой пашни косили на государь и две копии сена, а в Тобольском — по шесть копен; государевы изделия верхтурские, туринские и тюменские пашенные крестьяне несли натурой, а тобольские платили за них деньгами по рублю в год. Наконец, за государеву солому, мякину и ухоботье крестьяне Тобольского уезда обязаны были платить по 17 копек, а крестьяне других уездов были избавлены от этой обязательности: они могли покупать государеву мякину, могли и не покупать.

Нам трудно судить о достоинстве уложения Сулемшова, потому что мы не вполне ясно понимаем те основания, которыми он руководился при его составлении. С первого взгляда кажется, что это уложение поражает своей несобразимостью, особенно если иметь в виду только качество почвы в разных уездах. Например, в Тобольском уезде и самим Сулемшовым, и другим воеводами земли по качеству считались «средние», а в Верхтурском — «добро», а между тем тобольский крестьянин за пользование вытыю земли обрабатывал на государя 2 $\frac{1}{2}$, десятину в поле, а верхтурский — только 2 десятины, за сенные покосы первый с десятиной косил на государя 6 копен, а второй только две. На самом же деле подобная несправедливость только кажущаяся. Тут, очевидно, Сулемшов имел в виду не одну почву, а и государевы изделия: тобольский крестьянин был избавлен от них за денежный оброк в один рубль, а верхтурский крестьянин нес их натурой, но мы скоро увидим, что эти «изделия» состояли для крестьянинов самую тяжелую обязательность, и, наверно, верхтурский крестьянин согласился бы заплатить за них в пять раз больше, чем тобольский, лишь бы только от них избавиться. Но в других случаях Сулемшов в своем уложении, несомненно, допустил несообразности, например, в отношении Пельмского уезда, где крестьянин поставлен в самые худшие условия, чем во всех других уездах. Затем, рассматривая это уложение в отно-

шении уездов Верхнотурского и Тюменского, также заметим несобранность: почва в этих уездах в различных местах была разная по качеству, но тюменский крестьянин, где бы он ни жил, нес гораздо тяжелей обязанность, чем верхнотурский — первый за пользование 20 ч. обрабатывал на государя $2\frac{1}{4}$ десятины, а верхнотурский за пользование 25 четвертями — только две десятины. Но при этом нужно еще иметь в виду, что в Верхнотурском уезде государева десятина равнялась 2400 кв. саж., а в Тюменском была более почти на 400 кв. саже¹. Это очевидно из следующих данных. В 1625 году Михаил Федорович указал верхнотурскому воеводе «десятину мерить ядром на 80 саж., а поперег 30 саж.», так, впрочем, мерили и раньше². А в 1640 году велено тюменскому воеводе мерить государевые десятины новой саженью, чтобы десятина была в «длиннике 85 сажен и 5 аршин, а в попечнике — 30 сажен и 6 аршин», значит, в тюменской десятине по новой мере должно было быть более 2773 кв. сажен. Правда, новой саженью не пришлось мерить: тюменские крестьяне, узнав про новую меру земли, подняли бунт и заявляли, что новых государственных десятин пахать не будут. Тогда тобольский воевода приказал тюменскому, чтоб «новые десятины резать старую саженью, какова была на Тюмени старая сажень, чтобы новым десятинам с прежними были равные и между крестьянами смуты б не было». Но тюменские крестьяне слишком погорячились и не хотели узнать, в чем дело. Из отписки тюменского воеводы в Тобольск оказывается, что новые десятины были бы менее старых, потому что «новая сажень старой государевой сажени меньше троим вершкам с четвертью вершком»³. Нам не пришлось найти указания на величину государевой десятины в Тобольском уезде, но в Пельмском она равнялась 3200 кв. саж., именно в длиннике было 80 сажен, а в попечнике — 40 сажен⁴. Этого-то обстоятельства — величины государственной десятины — Сулепов совсем не имел в виду при составлении своего уложения, а между тем оно много значило для крестьянства.

¹ А. И., т. III, стр. 226.

² А. М. И. Л. Порт. Миллера № 545, стр. 5.

³ А. М. Ю. Сб. пр., кн. № 5; см. в конце дозор. книги Пельмского уезда 1625 г., а также в порт. Миля № 478, св. № 69.

Впрочем, на практике это уложение точно не соблюдалось ни правительством, ни крестьянами, и особенно пашеными. На практике «пашенное государево дело» велось таким образом. Положим, несколько крестьян села в Верхтурского уезде на государеву пашню с обязательством пахать ежегодно десятину в поле, и, значит, каждый из них получал право на владение участком земли в $12\frac{1}{4}$ ч. в поле. По миновании льготных лет они никогда, или по крайней мере очень редко, в первый же год не пахали целую десятину в поле (т.е. две десятины — одну под озимое, а другую под яровое), а $\frac{7}{8}$, или $\frac{1}{2}$ десятины в поле. Затем им постепенно прибавлялось государево пашни, «смотря по семьянности и зажиточности», и, наконец, через несколько лет эти крестьяне, как можно видеть из «списков пашенных крестьян и государевой пашни», севшие на десятину, пахали на государя уже две десятины в поле... Правда, за этот труд они теперь могли владеть целой вытыю земли, но этого было им и не нужно, потому что сил не хватало, чтобы иметь возможность эксплуатировать такой участок земли. И вот крестьяне жалуются, что «на них накидывают лишние десятины, сверх уложения Сулецова, да еще они же пашут змиров за беглых и мертвых». Случалось и наоборот: например, по дозору письменного головы Баскакова оказалось, что «тюменские пашенные крестьяне сверх уложения Сулецова пашут на себя лицуку 403 чети», и тогда воевода напомнил крестьянам уложение Сулецова и велел им «за ту лицинию собининую пашню пахать на государя 45 дес. в поле». Из этого следует, что правительство и крестьяне вспоминали об уложении Сулецова только тогда, когда это было выгодно для той или другой стороны. Но несомненно, что уложение этого боярина, как мы упоминали выше, имело большое влияние на развитие хлебопашества в Сибири: не только год от года началась увеличиваться государевая пашня, но и «собинина»⁴⁵. Уже в первый год после уложения Сулецова в Верхтурском уезде обработано государево земли на 56 десятин в поле более прежнего⁴⁶, в Тобольском более прежнего на $1\frac{1}{4}$ десятины в поле⁴⁷; только в Туринской

* А. М. И. Д. Порт. Мил. № 545, тетр. 5, стр. 103.

** А. М. Ю. Саб. пр. кн. № 5, л. 263—264.

*** А. М. Ю. Саб. пр. кн. № 1207, л. 105.

уезде крестьянам пришлось вспахать государственных десятин по уложению Сулешова менее на $1\frac{1}{4}$ десятины в поле, чем до него*.

Что же касается вопроса, насколько труды государственных крестьян в Сибири соответствовали вознаграждениям их в виде земельного участка, то, не принимая пока в расчет разных изделий и поборов, отношение труда крестьянина, затрачиваемого им на обработку «собинной пашни», к труду на государственную пашню можно выразить цифрами приблизительно таким образом: в Верхотурском уезде как 6:1, а в Турийском и Тюменском — как 4 $\frac{1}{2}$:1. Но если взять во внимание, что в последних двух уездах почва по качеству считалась выше, чем в первом, то отношение, выражаемое приведенными цифрами, можно перевести на более понятную форму: крестьяне за право владения государственной землей платили государство пятый сноп. По крайней мере это будет справедливо в отношении той нормы повинностей, которую хотел установить Сулешов. Мы так рассуждаем теоретически на основании исторических данных, но в документах отчасти находим и прямые на то указания. Прежде всего заметим, что количество оброчного хлеба, уплачиваемое оброчными крестьянами за пользование вы属于自己 земли, именно принорвано к сбору «пятинного хлеба или сиона». Например, Верхотурском уезде при хорошем урожае оброчный крестьянин давал государю $\frac{1}{4}$, или $\frac{1}{4}$, долю урожая с десятины, а в Турийском и Тюменском несколько более того. Но несомненно, что для правительства было все равно, вспашет ли, например, верхотурский крестьянин государственную пашню в год десятину ржи и десятину овса или вместо этого уплатят в год 20 четвертей ржи и 20 четвертей овса. «В том прибыли и убыли для государственной казны нет», — замечает тобольский воевода. Затем иногда в документах встречаем выражение: «собрали пятинного хлеба с крестьяне столико-то вместо «собрано оброчного хлеба...». Из сказанного следует, что по уложению Сулешова крестьяне пашенных городов за право владения участком земли (распаханной) платили столько же, сколько посадские и монастыри (если последние не пользовались привилегиями, т.е. пятый сноп, или

* А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 5, л. 647.

$\frac{1}{3}$ долю урожая с десятинами*. Интересно было бы сравнить повинности государственных сибирских крестьян с повинностями крестьян в дворянских землях Европейской Руси, но мы не имеем для этого данных. Можно только сказать, что в Сибири выть была больше и, стало быть, положение пашенного крестьянина было выгоднее; относительно оброчного крестьянина можно было сделать более определенное сравнение, если бы мы знали точно, чему равняется та четверть, которой измерялся оброк в Европейской Руси. Мы знаем, что в Сибири было в употреблении две четверти — «торговая» и «государева», последняя иначе называлась «мединая осмина». При покупке ли хлеба у торговых людей в государевы житницы, при выдаче ли семя на государевые десятины (ржи на десятину 2 ч., овса — 4 ч.) или хлебного жалованья служилым людям, ружникам и оброчникам, всегда употреблялась государевая казенная четверть. Поэтому и мы во всех случаях, где приходилось упоминать об этой сырой мере, исключительно разумеем государеву казенную четверть. Она равнялась четырем наполи мерам, или $\frac{1}{2}$ нашей четверти, которая равняется тогдашней торговой**.

Вообще ни обработка государевой пашни, ни оброк сами по себе не могли быть тяжелыми повинностями для крестьянинов, а значительный участок земли и разные угодья, подмога и суда деньгами из государевой казны давали ему возможность завести на новом месте прекрасное хозяйство. И после правительство не оставляло крестьянинам без помощи: случались годы неурожайные, так что крестьяне собранным хлебом не могли прокормиться до новины, а иногда и семя не оставалось на посев, тогда они бывут членом государю о помощи, и государь приказывает посевде выдать им хлеба на «семена и семена, смотря по нужде»; в Сибири очень часто бывал конский падеж, и крестьяне оставались без лошадей, и в этом случае государь являлся на

* Примеч. Хотя в царской грамоте к верхотурскому воеводе сказано: «выдаю с посправами и земельными, а с семенами пятью сажен, а хлебом для пшеничной скоты, и для скота в Верхотурье и поселки бражью пятью сажен, за исключением, конечно, неурожайных годов».

** Примеч. Что же касается веса казенной государевой четверти в Сибири, то это зависит от качества урожая, поэтому житничный целозернник определяет казенную четверть иногда в пять пудов, иногда в 4 п. 26 ф., а чаще в 4 п. 32 фунта.

помощь и по челобитью крестьян приказывал воеводе или ссудить им денег на покупку лошадей, или он сам должен купить их и раздать крестьянам. Затем мы уже упоминали, что после опустошения калмыками крестьянских деревень и слобод в Турунском и Тыменском уездах государь указал тобольскому воеводе выдать пострадавшим крестьянам значительную сумму денег. Много можно было бы привести и других подобных случаев в доказательство того, что государь относился к крестьянам далекой своей вотчины, как прекрасный домохозяин к своему хозяйству. Но тем не менее положение государственных крестьян в Сибири, и особенно пашенных, в обозреваемый нами период было очень тяжелое, хотя, конечно, не всех и не во всех местах. Это зависело от многих обстоятельств, и прежде всего от малосемейности. Немногие переселялись в Сибирь, имея взрослых детей, братьев, племянников или других свойственников, а большинство были людьми малосемейными или совсем одинокими; в донесениях воевод из разных сибирских уездов очень часто можно встретить, что «умер или скажкал такой-то и такой-то пашенный крестьянин, а жен и детей не оставил, и пашни, которые они пахали, положить не на кого». Вследствие этой малосемейности сибирский крестьянин хотя и имел значительное количество земли в своем распоряжении, но мало имел рабочих рук, чтобы всю ее засеять и вообще обработать. К тому же он должен прежде всего управиться с государеву пашней; пашенным приказчикам строго наказывалось смотреть, чтобы «крестьяне пахали, сеяли, косили и убирали государев хлеб наперед своей крестьянской пашни, да смотреть, чтобы и свою пашню крестьяне пахали во время...». Но вопрос в том, имеет ли крестьянин столько рабочих рук, чтобы вовремя всхать и посеять и государеву, и свою пашни, а от этой спорренности зависит урожай года. Положим, что каждый крестьянин, сидящийся на государеву пашне, должен был наперед знать все обязанности, которые он принимал на себя, и должен сообразоваться со своими силами, чтобы вести самостоятельное хозяйство, и если их мало, то жить до поры до времени в захребетниках или в полонниках... Но подобные соображения иногда мало помогали. Мы действительно встречаем многих крестьянина, которые садятся на одну

четверть десятины, а иные даже на одну восьмую долю государевой десятины. Но каждый приказчик пред воеводой, а воевода пред государем стараются выслужиться, показать, что они заботятся о государевой прибыли, и потому ежегодно «накидывают» на слободу или волость по несколько десятин государевой пашни, чтобы донести, куда следует, «а нынеш пред прошлым годом государевыми десятинами прибило столько-то... а прежние воеводы о твоей государевой пашни не радили...». Вследствие таких прибавок, или, как выражаются крестьяне в своих члобитных, «воеводских накидок» сеший на одну четверть через год уже пахал на государя $\frac{1}{4}$ десятины, а приехал новый воевода, и этот что-нибудь прибавит; между тем рабочие силы у крестьянства пока оставались те же. С первого взгляда кажется, что эти прибавки 5, 10 и 15 десятин на слободу или целую волость слишком немногим увеличивают труд каждого крестьянина, тем более что не сам воевода или приказчик раскладывает прибавочную пашню между крестьянами, а их же братья, выбранные ими самими «окладчики», которые, конечно, при раскладке собираются с зажиточностью и семейным положением своих товарищей и не прибавят пашни бессильным и бедным... Все это так, но дело в том, что прибавки были части, а иногда велики, и окладчикам приходилось уже прибавлять на всех. Так, крестьяне Верхоторского уезда Тагильской волости в 1632 году жаловались Михаилу Федоровичу, «что в 1623 г. они обрабатывали государевой пашни 34 десятины в поле, а по уложению Сулепсова в 1624 г. на них прибавлено 16 десятин, затем при князе Гагарине прибавлено 4 дес., сын боярский Шульгин прибавил 4 дес., при воеводе Плещееве 6 дес., в 1631 г. прибавлено 13 десятин и в 1632 г. — 8 десятин в поле...». Правда, и число дворов в Тагильской волости к 1632 году увеличилось вдвое, но многих крестьяне были новоторбинорные, пользовались еще льготой, и, стало быть, раскладка прибавленных десятин их не касалась, а только старых пашенных крестьян. Да и из члобитной тагильских крестьян видно, что именно прибавлено на старых, которые уже пахали на государя по десятине. «В прошлых годах, — писали они, — как их прибирали на Тагиле, им давано подмоги по 12 р. на десятину, а потом прибавили еще по десятине, но подмоги не дава-

но...»*. На крестьян других волостей также прибавляли: например, в 1633 году на оброчных крестьян Верхотурского уезда (на 7 человек) прибавлено оброчного хлеба 49 ч. ржи и овса, на подгородных — $10\frac{1}{2}$ десятины в поле, на невьянских — $21\frac{1}{2}$ десятины, на крестьян Туринского уезда прибавлено 26 десятин в поле...**. Вследствие таких несоразмерных прибавок некоторые крестьяне бросают пашни и бегают из Сибири, а оставшимся становится через это еще тяжелее. «А мы, — жалуются крестьяне, — за тех белых пашем миром...». Притом же иные крестьяне бегали и не от прибавок, а просто от лености и нежелания жить в Сибири. Они брали подмогу и ссуду из государевой казны по 10 и 15 рублей и в том же году скрывались «безвестно куда»***; иные проживали по 3 и 4 года, а потом, когда миновали злотые годы и нужно было обрабатывать государеву пашню, они закладывали или продавали свое хозяйство и земельные участки и убегали на Русь. В 1633 году верхотурский воевода доносил в Москву, «что пашенные крестьяне своим данным пашенным землям и сенилье покосы летом боярским и меж себя продают и закладывают и, продав свои земли, бегают, и твоя государева десятинная пашня лежит впусте...»****. Однако не всегда оставалась «впусте»: у беглецов были поручители, и последние обязаны были за них пакать их долю государевой пашни. Правда, некоторые воеводы собственной властью избавляли крестьян от обработки за беглених и мертвых государственных десятин, но другие, как часто жаловались крестьяне, без государева указа этого сделать не смели, и они пашут за мертвых и беглых... Иногда и самое московское правительство не ведало, что творило, и своим распоряжениями расстраивало хозяйства сибирских крестьян. Когда стали основываться слободы на Нисе, Нейне и в других местах, то оно в 1630 году приказывало сибирским воеводам и пашенным приказчикам, чтобы они призывали в эти слободы крестьян на льготу не только из гуляих людей, но из старых пашенных крестьян от отцов детей, от братии братию, от дядей

* А. М. Ю. Собр. пр., ст. № 6076/32, л. 160 и 165.

** А. М. Ю. Собр. пр., ст. № 6078/34, л. 66 и др.

*** А. М. Ю. Собр. пр., ст. № 6111/67, л. 462—3.

**** А. М. Ю. Собр. пр., ст. № 6138/94, л. 537.

племянников, и в то же время требовало, чтобы они на зажиточных и многосемейных прибывали государевой пашни. Узнав об этом, дети, племянники и братья оставляли свои семейства, брали из казны подмогу и ссуду на целую десятину и переселялись из Туриńskiego в Верхотурский уезд или же на другие места в пределах своего уезда. Следствием этого было то, что новоприбывшие, не будучи в состоянии обработать на государя принятую ими на себя долю пашни, скоро убегали, а старые крестьяне из многосемейных делались одинокими; да кроме того, на этих последних в силу вышеупомянутого распоряжения нововоды прибавили государевой пашни. Таким образом, расстройство хозяйств даже у зажиточных крестьян было неизбежное. Пока тобольский воевода именно в 1633 году разъяснял правительству бессмыслицу его распоряжения, многие крестьяне уже лишились своих работников. Еследствие этого донесения из Москвы в том же году послан указ, которым прежнее распоряжение отменялось и делалось новое, может быть, еще глупее старого: именно этим указом разрешалось старым крестьянам целями дворами выходить на оброк или на государеву пашню в новые слободы, если только они найдут гулящих людей и посыпят на свои жеребы. На это тобольский воевода отвечает: «Велено нам отпускать таких крестьян без задержания и в твоих, государь, в Ильинской Нижнинской слободах старые крестьяне свои жеребы мечут, а тех новых крестьян в тягло и в пашню, и во всякие твои изделия не будет и твоя пашня будет субълью; и о том, государь, как укажены старым крестьянам, со старых жеребьев на новые места выпускать ли, или нет». Это замечание привлено правительством во внимание, и сибирским воеводам разослан новый указ, которым строжайше запрещалось «из сел и слобод со старыми жеребьев выпускать крестьян на новые места» и велено прибирать в новые слободы только из гулящих людей, а на старых зажиточных и многосемейных прибывать государевой пашни. Однако мы видим, что и после последнего указа воеводы и приказчики за взятки позволяют старым крестьянам выходить на оброк и на пашню в новые слободы, даже дают им льготы и подмогу, а на их места сажают людей гулящих, которые, конечно, не в состоянии были заменить старых

крестьян ни в обработке государевой пашни, ни в разных «изделиях». Раз правительство сделало ошибку, оно уже не может исправить ее одним указом, и злоупотребления этой ошибкой со стороны военод и приказчиков продолжают существовать еще целые годы. На это указывают подтверждительные грамоты Михаила Федоровича в 1639 и 1643 гг.* Тяжело также отзывались на крестьян «томские и енисейские посыльки». В 1632 году велено было воеводам пашенных городов тобольского разряда «выбрать крестьян добрых, зажиточных и семьянистов стоящих людей и послать их в Томск в остроги томского разряда. Этот указ произвел странное волнение среди сибирских крестьян, и это волнение будет понятно, если взять во внимание, что большинство из них только недавно переселились на новых местах, и едва только они обжились, насилили себе гнезда, как их снова заставляют перекочевывать за тысячи verst в места, им совершенно неизвестные. И вот верхнотурский воевода доносит в Москву, что посланный им боярский сын для прибора крестьяна сказал, «что с Тагила и с Невы сбежало крестьян к Руси 20 человек и иные хотели бежать, да он уговарил их, чтоб ссылки не боялись и жили б до государева указу на своих старых местах по прежнему...», а приказчик Невьянской волости писал тому же воеводе, что из одной его волости сбежали 40 человек от той томской посылки и от прибачочной пашни, да и оставшимся бредут врознь**. Правда, «по ссылку» оказалось, что сбежало в десять раз меньше, чем доносили приказчики, что последние «своровали, сами велели крестьянам разойтись от томской посылки по иным деревням», но тем не менее действительно несколько человек, испугавшись далекого путешествия, убежали на Русь, а каждое бегство, как мы уже говорили, неминуемо ухудшало положение оставшихся крестьян***. Несмотря на грозные вести из Верхнотурия по поводу томской посылки, правительство все-таки требовало исполнения указа, и в следующем году действительно прибрано в Верхнотурском и Туринском уездах несколько десятков семей крестьян и отправлено в Томск и в некоторые остроги томского разряда.

* А. М. Ю. Собр. пр., ст. № 6138/94, лл. 331—346; А. И., т. III, № 211 и 221.

** А. И., т. III, № 172.

*** А. М. Ю. Собр. пр., ст. № 6078/34, л. 27...

Но как ни тяжела была государева пашня вследствие несоразмерных ее прибавок или от пахоты за беглых и мертвых, как ни гибельно иногда отзывались на хозяйстве сибирского крестьянина некоторые неразумные распоряжения правительства, со всем этим он мог бы еще управиться, если бы его не одолевали так называемые «государевы разные изделия». Те натуральные повинности, которые разумеются под этим выражением, перечислить невозможно — это заняло бы слишком много места. Мы уже указывали на те изделия, которые несли крестьяне Подгородной волости Верхотурского уезда, а и все другие сибирские пашенные государевы крестьяне были ими обязаны. Теперь мы упомянем только о некоторых из них и объясним, в чем собственно заключалась тяжесть этих изделий и как они вредно отражались на крестьянском хозяйстве. Из множества крестьянских членобитых видно, что крестьяне почти круглый год работали на государя, от изделий их не освобождали даже в страдную пору. Воеводы мало сообразовались с малочисленностью крестьян, с их силами, с временем года, с погодой, заставляли их делать то одно, то другое и иногда одновременно, так что у иных крестьян мало семейных за этими изделиями мало оставалось времени для работы по своему домохозяйству. Например, туринские крестьяне в 1632 году жаловались государю: «Как мы скроты твои десятинный хлеб пожали, посвоили и в скидры поклали, то воевода заставил нас старую ткарку поправлять и около тюрымы тын ставить, да в то же время велел нам на твои десятины навоз нозить, а как навоз возили не лел наше молотил десятинный хлеб, да в то же время на гостином дворе мы рубили избу и поставили совсем наготово, да поставили наготово на воеводском дворе горницу да избу...». Какие же последствия этих работ? В конце членобитной же крестьяне замечают: «И за теми великими изделиями наш хлеб на поле застоялся, осыпался и мышь поела и мы скроты твои остались без хлеба и без семян...». Из этого замечания видно, что утомленные работы крестьяне отправляли в конце лета, а следующие изделия, вероятно, относятся уже к осеннему времени. «Да нас же, — читаем в другой членобитной туринских крестьян, — воевода заставляет ежегодно делать крупу и толокно по тысячи четвертей

и больше, на мельницах рожь молоть тоже по тысячи четвертей и больше, да мы же кроем амбары и гостиный двор и т.д.*. Зимой крестьяне тоже не оставались без дела. «Да мы же, — жалуются крестьяне, — в лютые морозы возили бревна в 4 сажени длины и 6 и 7 вершков толщины по четыре бревна с десятинами, пятисаженных бремен по пяти с десятинами, двухсаженных по пяти бревен с десятинами и всех тех бревен срубили и снязли три тысячи, да свезли 800 тесниц трехсаженных, а в великий пост остrog ставили, обрубы^{**} рубили и навозом насыпали, лады[†] делали, виследы[‡] вешали и пр. ... и от тех изделий, государь, от бревенной возки остались бес коней, потому что возили с великою нуждой и пашни теперь пахать не из чем...». К этому нужно добавить, что на крестьянках лежала обязанность соломы растить, дрова возить, сено косить и возить, воинки делать, лыжи драть, хмель собирать, рыбу ловить и т.п.**.

Но из всех изделий самым тяжелым было судовое дело*. Хотя во всех сибирских городах поселения были плотники, но последних всегда было столь ничтожное число, что они не в состоянии были управляться «с судовым делом», и эта повинность возлагалась на служилых и посадских людей, на ямщиков, но преимущественно на крестьян. Так как хлеб из Европейской Руси на жалование сибирским служилым людям, ружникам и оброчникам прежде всего спускался в город Верхотурье, то здесь всегда требовалось громадное число судов для перевоза этого хлеба в другие сибирские города. Поэтому Борис Годунов хотел было устроить в Верхотурском уезде особую плотническую слободу, либо временная посыпка плотников из поморских городов в Сибирь, во первых, стояла дорого, а во-вторых, вызывала постоянные жалобы от населения других городов «на плотническое дело». В 1603 году этот государь, посыпав 80 человек плотников в Верхотурье, приказывал верхотурскому землеморю, что он человек 50 из них посыпай при р. Туре, ниже Ямашева юрта**. Но неизвестно почему, только этот указ не был выполнен и особенной плотнической слободы не было устроено: верхотурские плотники, число

* А. М. Ю. Собр. пр., ст. № 6078/34, лл. 1—5; ст. № 6138/94, л. 154;

А. И., т. III, № 209.

** А. И., т. II, № 40.

которых в царствование Михаила Федоровича никогда не превышало 15 человек, жили по дворам в самом Верхотурье, и судовое дело не было их единственной обязанностью, а они плотничали все, что приказывал воевода. Поэтому одни плотники не могли подготовить необходимое количество судов, и воевода ли помощь им наряжал для этого дела всяких верхотурских жильцов. Сначала постройка судов производилась преимущественно в Верхотурье, и отсюда их рассыпали уже в Туринск и Тюмень. Так, в начале 1606 года туринские и тюменские ямщики били целом первому самозванцу о том, что у них судов нет и гонять некем, и просили, чтобы государь покалoval, желая прислать суда из Верхотурия*. Но на мере развития хлебопашества в уездах Верхотурском, Тюменском и Туринском привоз хлеба из Сибири из Европейской Руси уменьшался; по этой причине царствования Михаила Федоровича эти уезды, как мы видели, доставляли уже массу хлеба в другие сибирские города, так называемые «непанические». Поэтому и в Туринске, и в Тюмени потребность в судах значительно увеличилась, а вместе с тем явилась необходимость занести судовое дело и в этих городах. А так как и здесь настоящих плотников было очень мало, то делать суда правительство заставляло слугиных людей, посадских, ямщиков, крестьян и даже тульских людей. Но все-таки главная судовая верфь по-прежнему находилась под городом Верхотурье, и постройка судов производилась здесь не только местными жителями, но иногда для этой цели присыпались суда плотника из Туринского и Тюменского уездов. Затем казенные суда строились в селе Тагильском, а с 1641 года и в деревне Меркушиной, стоящей при реке Туре, ниже от города Верхотурья на 70 тогданий верст. И кажется, что в эту последнюю деревню скоро был перенесен и центр судостроительства из самого города. Еще в 1639 году тобольский воевода писал в Москву, что из Верхотурия сплавлять хлеб на больших судах довольно затруднительно вследствие многих мелей на реке Туре, находящихся между этим городом и деревней Меркушиной, тогда как от этой деревни Тура становится глубже, мелей нет и здесь есть большие леса, из которых можно делать государевы суда и житницы**. По

* А. М. Дела верхот. уезд. суда № 126, см. грамоту цари от 1606 г. февр. 7 дня.

** А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 6132/88, л. 553.

крайней мере несомненно, что при деревне Мерхупиной строились преимущественно суда большого типа, так называемые «коши»⁴⁵. Заметим также, что основание здесь судостроительства способствовало быстрому развитию этой деревни, и она скоро сделалась селом.

Мы выше заметили, что судебное дело было самой тяжелой повинностью для жителей Сибири. Эта повинность при Михаиле Федоровиче отправлялась двояким образом: или по государеву указу какойнибудь город и его уезд обязаны были в определенное время доставить известное количество судов, или просто сибирские воеводы заставляли строить государевы суда самих жителей своего уезда. В том и другом случае правительство оплачивало эту повинность, как и всякое «государево изделие», но только по самой низкой цене, например, за дощаник⁴⁶ платило 15 рублей, а за кочу 25, тогда как частные лица в то же время платили за суда первого типа по 35 и по 40 рублей, второго же по 50 и 60 рублей; точно так же правительство расплачивалось и с плотниками⁴⁷. Несколько тяжелее была судовая повинность, об этом можно судить и по многим жалобам служилых людей, посадских, ямских охотников, крестьян и гуляющих людей, а равным образом и по донесениям сибирских воевод. Так, в 1640 году туринские служилые люди, посадские, ямщики и пашенные крестьяне жаловались Михаилу Федоровичу: «По твоему государеву указу велено на нас наложить в Туринском делать суды — 12 дощаников больших и малых, а денег из казны дана цена малая: от малых дощаников 15 р., и от больших 25, а мы давали за те суды: за малые — по 35 и по 40 р., а за большие — по 50 и 60 р., и от того мы задолжали великими долгами и многие из нас разбрелись врозь; да и нас же воевода допрашивал большим правежком 10 человек плотников и послал к судовому делу в Верхнотурье, а мы тем плотникам сверх указанной цены дали по 15 и по 20 рублей, потому что на Верхнотурье судовой лес от реки удален и вывозка дорога; и от того судебного дела, государь, многие из нас бредут врознь и Туринский городишко стал пустеть...»⁴⁸. Из некоторых документов видно, что судебное дело возлагалось даже на оброчных крестьян,

* А. М. Ю. Собр. пр., ст. № 6127/83, л. 157.

** А. М. Ю. Собр. пр., ст. № 6138/94, лл. 151—152.

хотя эти последние, как мы упоминали, за пять четвертей ржи избавлялись от всяких других государевых изделий. Например, в 1639 году ирбитские оброчные крестьяне жаловались государю: «Наложили на нас воевода сделать дощатики в 9 печатных сажен, а нам такого судового леса добыть нетде, потому что у нас место степное и что от Верхотуры удаляло верст на 300...». Тяжесть судового дела увеличивалась еще от того, что воеводы иногда заставляли делать суда людей, не умеющих плотничать, и притом несмотря ни на «страдную пору», ни на жестокие холода». Это «изделие» особенно давало сибирским воеводам наживаться: они сточили на судовые верфи людей волных, гулящих, несмотря на то, что эти последние по своему положению не обязаны были нести каких бы то ни было государевых изделий, тогда как настоящих плотников, которые преимущественно занимались судостроительством, воеводы за взятки избывали. В 1639 году 17 человек туринских и 7 человек тюменских гулящих людей послали Михаилу Федоровичу следующую челобитную: «Присыпали мы, государь, из Туринска и Тюмени на Верхотурье к судовому делу, а мы скроты твои вигде судов не делывали и в этом деле ничего не знаем. Посланы мы воеводами вместо плотников насильно, за приставами, а за нас никто в судовом деле не ручается, потому что мы люди гулящие из разных городов и живем в Сибири только по получугда, а иные по 10 недель; в Туринске же и в Тюмени, государь, есть плотники, которые всяки суда делать горазды и люди полные, зажиточные, но воеводы тех плотников не посыпают к твоему судовому делу, пороля им, чтобы они делали суда «торговым людим». В заключение этой челобитной гулящие люди жаловались, что «за то судовое дело нас сирот твоих били на правеже нещадно и бросили в тюрьму, а тюрьма земляная и мы омывали и перепухли от голода; прокормить же нас некому, потому что на Верхотурье в летнее время городских людей мало и мы, государь, помираем голодно смертью, а некоторым уже умерли...»^{*}. И подобных челобитных нам приходилось встречать много и притом от всякого чина людей. Да и сами некоторые сибирские воеводы со-

* А. М. Ю. Собр. пр., ст. № 6139/94, л. 437.

** А. М. Ю. Собр. пр., ст. № 6138/94, лл. 78 и 79.

знавали, что судовое дело есть самая тяжелая повинность, и от нее более всего бегали сибирские жители, а иные даже лишали себя жизни. Туринский воевода доносил в Москву, что многие из тех плотников, которых он выбрал к судовому делу, «давились и резались до смерти от того судового дела...»*. Верхотурский воевода писал, что на Верхотурье строили суда 57 человек стрельцов, пашенных крестьян и имских охотников, и из них «от того судового дела 8 человек сбежали, 7 умерло, один постригся в монахи и два удалились...»**. Конечно, не каждый год одинаково сибирское население страдало от судовой повинности, бывали годы, когда правительство менее нуждалось в судах, и тогда эта повинность была не так обременительной или по крайней мере переносилась легче. Но тем не менее суда строились ежегодно, и население Сибири всегда более или менее участвовало в судостроительстве то личным трудом, то деньгами. А как была велика в Сибири потребность в судах, об этом можно судить по следующим данным. Например, в 1639 году под Верхотурьем было сделано 103 дощаника, 2 кони и 7 лодок, но уже в следующем году верхотурский воевода доносил в Москву, что государевых запасов из Верхотурья сплавилось в другие сибирские города не на чем: хлеба скопилось много, а судов готовых очень мало. Из этой же отписки видно, что в 1640 году назначено к отправке из государевых верхотурских житниц покупного, выделяенного и десятинного (с государевой пашни) разного хлеба 48417 четвертей. И если, пишет воевода, положить на дощаник по 300 четвертей, то нужно будет дощаников 161***. Но это, конечно, не все количество хлеба, которое требовалось на разные сибирские города: по смете тобольского воеводы «всего хлеба на жалованье служилым людям, ружникам, оброчникам и на разные неожиданные расходы в города тобольского и томского разрядов в 1640 году нужно было около 80000 четвертей»****. А так как из всех сибирских городов в обозреваемое нами время только Верхотурье, Туринск и Тюмень не нуждались в привозном хлебе, то, стало быть,

* А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 6127/67, л. 598.

** Ibid., л. 630.

*** А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 6138/94; ст. № 6127/67, л. 635.

**** А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 6127/83, л. 226.

ежегодно сплавлялось по реке Тура сотни тысяч пудов одног хлеба, а для этой операции нужно было иметь и соответственное количество судов. Да к этому нужно будет добавить, что суда еще прибывали под соль, на подъем служилых людей и для разной ямской гоньбы. Отсюда понятно, почему жители верхотурские, туринские и тюменские постоянно жалуются, что «они ежегодно мучаются над тем судовым делом».

Другие классы сибирского общества могли легче переносить судовую повинность именно потому, что они были избавлены от множества других «государевых изделий», тогда как пашенных крестьян она в высшей степени обременяла: они почти круглый год так или иначе работали на государя и затрачивали на всякие изделия такую массу труда, что им мало оставалось времени на работы по собственному хозяйству. Ко всем упомянутым повинностям нужно еще прибавить разные денежные поборы; нужно ли построить новый гостинный двор, амбары, житницы, двор на приезд инородцев и т. п., а крестьяне не только должны были возить лес на эти постройки, но и с них еще собирали и деньги на тот же предмет. Конечно, все эти «государевые изделия» и «денежные поборы» с увеличением крестьянского населения в Сибири не так будут тяжело отзываться, когда можно будет раскладывать их на большее число людей, но в обозреваемый нами период они делали положение крестьян невыносимым и заставляли их «бежать вроз». Из «списков пашенных государственных крестьян» видно, что последние бегали ежегодно и притом из всех уездов и из всех волостей. Одни крестьяне бежали в поморские города, другие «пропали безвестно», а приблизительно с 1628 года они все чаще и чаще начинают бегать чрез Тагильский волок на Чусовую, а оттуда, вероятно, на Волгу. Воеvodы ежегодно посыпают тоже крестьян в поморские города для отсыпивания беглецов оттуда еще удавалось спискам возвращать их на место жительства, но те, которые бежали чрез Тагильский волок, пропадали бесследно.

Однако следует заметить, что и между сибирскими крестьянами, и пашеными, и оброчными мы встречаем семейства очень зажиточные: они владеют значительными участками земли, десятин по 50 и по 70, делают ежегодно на

«собиных пашнях» большие присеи разного хлеба и косят по 100 и по 300 копен сена; иные пашенные крестьяне обрабатывают на государя по 3 десятины в поле, а оброчными платят в казну хлеба четвертей по 100 и по 120. Это, очевидно, большесемейные люди, к ним идут другие крестьяне в захребетники и половники. Кроме того, у одного встречавшего «купленного человека родом колмак» или родом «нагастин»; у другого живут какие-то «покормленики» по одному и по два человека. Или, например, в дозорной книге Тюменского уезда читаем: «Деревня при р. Карманке крестьян Тренки и Поздеинки Букиных, а у них крепостных людей три человека: Гришка, да Русанко, да Ивашико; пашни паханой доброй земли 25 четей, да перелогу 7 четей в поле, а в дву потому ж, да у них же под деревней мельница мутовка, да у деревни сена на 50 копен...»*.

В отношении ближайшего управления и суда государевы крестьяне были подчинены приказчику. Приказчик в слободе или волости имел также же значение, какое воевода в городе и в уезде; обязанности этих должностных лиц по своему характеру были почти одинаковы, инаксы, определяющие власть и круг обязанностей воевод и приказчиков, в большинстве пунктов буквально сходны. Как воеводе, так и приказчику предписывается: «делать всякие государственные дела по наказам и грамотам, смотря по таможенному делу, как будет при檄е, чтоб государь прибыль учинить, а людям тягости не навесты». Поэтому и злоупотребления приказчиков были такие же, как и воеводские, и жалобы крестьянские на своих ближайших начальников пишутся в тех же выражениях, как и на воевод, только, конечно, управу на приказчиков крестьянам найти было несравненно легче, чем на воеводу, потому что эту управу мог дать воевода, тогда как на воеводу — только государь. Новый приказчик, назначенный воеводой в слободу или волость, прежде всего должен был учесть старого точно так же, как это делали новые воеводы при смене старых. Затем ему предписывалось: «будучи на службе крестьян и всяких людей во всяких делах, кроме разбойных, судить в пяти рублях, а больные того не судить, а с приставными памятами и члобитными истца и ответчика отсылать к воеводе; собирать

* А. М. Ю. Сб. пр. кн. № 5, лл. 506—507, 508.

пошлины с дел судных, с купли и продажи и с проезжих людей, вести приходорасходные книги, призывасть крестьян на государеву пашню или на оброк и давать из государевой казни суду и подмогу, от обид и от насилия сторонних людей крестьян оберегать и самому крестьянам налогом, убытков, продаж и насилий никаких не делать, а поступать во всем по назказу и по воеводским памятам; смотреть, чтоб крестьяне из слободы или волости без спросу никуда не выезжали, не воровали и не грабили, в зернѣ¹⁴ и в карты не играли, корымы и бѣ..., у себя не держали; смотреть, чтоб пашенные крестьяне пахали, сеяли и убирали государевы пашни квартами и наперед своих крестьянских пашен; смотреть, чтоб государев хлѣб собирали с великим бережением, в скирды и в однина клали высуша гораздо, чтоб молотили хлѣб и из ухоботы и макину зерно выменивали до чиста, а обмолота, велеть привозить в житницу и сдать целовальникам; смотреть, чтоб крестьяне семянной хлѣб на государевы пашни высевали сплошь, на десятину ржи по две четверти, а сюса по 4 ч., чтоб крестьяне государев хлѣб лошадьми не травили и не крали, содому, ухоботы и макину продавать и деньги в книги писать порознь, по статьям; от калмыцких и от вских воинских людей жить с великим бережением, а как только будут вести про неприятеля, то писать об этом в город к воеводе и другим приказчикам в слободы, а крестьянам с женами и детьми и с имуществом велеть бежать в крепкое место и пр.¹⁵. Таким образом, круг обязанностей приказчиков был довольно обширный, и для всякого рода злоупотреблений им открывался широкий простор. Но особенно приказчики злоупотребляли своей властью при сборе пошлины: торговые и всякие провожаже люди, а также и крестьяне постолило жаловались на них, что «они берут пошлины лишние, цеят всякие товары не прямую ценюю, а дороже и тем сами користуются...», то есть делали то же самое, что и воеводы, когда в городах и на заставах не было еще таможенных голов. Правительство обратило внимание на эти жалобы и дозволило крестьянам некоторых слобод из своей среды выбирать целовальников, которые вели бы всякие пошлины, и тем самым значитель-

¹⁴ А. М. И. Д. Порт. Микл. № 478, см. 76; А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 6306/262, л. 50.

но ограничило круг обязанностей приказчиков и лишило их возможности самой легкой наживы. Из других выборных лиц в слободах и в волостях встречаются старосты и десятские, но они играли только полицейскую роль и были помощниками приказчиков в надзоре за поведением крестьян; им предписывается: «беречь крестьян от побегу и от вского воровства»*.

Таково было положение в Сибири государевых крестьян. Что же касается крестьян владельческих, то о них мы имеем мало сведений, да их и немногого было в описываемое нами время. Можем здесь отметить только следующее явление. Некоторые владельцы, например, боярские дети или подъячие, переселившись в Сибирь со своими холопами, дают последним спускные, но под тем условием, чтобы они прошли в их деревнях по несколько лет в качестве половников: по пять, по шесть лет, смотря по договору. Нам кажется, что к этому акту благоденствия владельцы были просто вынуждеными таможними условиями жизни. При дорогоизне хлеба кормить холопов было убыточно, а на их работы на пашнях не всегда можно было надеяться; при первом неудовольствии на своего господина каждый холоп легко может убежать, а искать его было совершенно бесполезно. Между тем отпущеный холоп, севши на пашню своего прежнего господина в качестве половника, сам заинтересовался в ведении хозяйства, потому что, когда кончатся срочные годы, то он по уголовной записи имел право на хлеб и скот, который наживает за время половничества.

Относительно монастырских и архиепископских крестьян можно смело сказать, что их положение было гораздо лучше государевых уже по одному тому, что они были несравненно менее обременены разными изделиями и денежными поборами. Мы в данном случае, собственно, разумеем крестьян тобольского Знаменского монастыря и софийского архиепископского дома, потому что другие сибирские монастыри в обозреваемое нами время большей частью обрабатывали свои пашни сами или сажали на них половников, а крестьян у них было слишком ничтожное число — человека по два, по пять, не более, да и те часто бегали, так

* А. И., т. III, № 172.

что в известный год монастырь имел несолько крестьянских дворов, а в следующем году уже ни одного двора. Но тобольский Знаменский монастырь и дом Софии Прем. Бож., как мы видели, имели достаточное количество крестьян, и о последних мы более имеем и сведений. Оброчные крестьяне как Знаменского монастыря, так и архангельского дома были большей частью люди малосемейные, а потому и бедные; об этом можно судить по количеству обрабатываемой ими пашни: они пашут по 2 ч. в поле и редко по 3 ч., а судя по ничтожному количеству собираемого ими сена, можно думать, что они имели и мало скота. Но пашенными крестьяне жили несравненно зажиточнее: они пахали паштитом по 7 ч. в поле и косили по 50 к. сена, а некоторые из них пахали по 20 ч. в поле, а сена косили по 100 и более копен. Вообще за богатым монастырем сибирским крестьянам жить было гораздо выгоднее, чем за государем или служилыми людьми; это ясно можно видеть по данным, касающимся половников тобольского Знаменского монастыря. Прежде всего заметим, что происхождение этих половников было разное: про одного говорится в зодорных книгах, что он приехал из Руси в Сибирь по проезжей монастырской грамоте, то есть он был при悲哀 в половники еще на Руси; другой по переселении в Сибирь некоторое время жил в наймитах у служилых или посадских людей, а потом поступил в половники к Знаменскому монастырю; третий был приговорен в половники каким-нибудь подьячим или боярским сыном еще на Руси, но монастырь его выкупил за 15 или 17 рублей и посадил на свою пашню тоже в половники и пр. Но все эти половники навсегда остаются жить за монастырем, жили отца до самой смерти лет по 20 и по 30, а потом живут и дети на тех же условиях, то есть в качестве половников. Мы не видели ни одного случая, чтобы монастырский половник переселялся на пашню к какому-нибудь другому владельцу, между тем как половники служилых людей, посадских и крестьян, едва только отживают срочные годы — лет 5 или 6, как уже переходят на пашню монастырскую. Даже отпущеные холопы, проживши в половниках у своего прежнего господина срочные годы, забирают наследственный скот и переселяются в монастырские деревни. Отсюда само собой очевидно, что за монастырем было

жить гораздо лучше, чем за каким-нибудь другим владельцем. Половники Знаменского тобольского монастыря хотя пашут на себя незначительное количество земли — четей по 5, по 12, но более, но почти все они имеют достаточное количество скота, и преимущественно rogatого, а некоторые из них имели по 2 лошади, по 4 быка, по 4 дойные коровы, по несколько телят и свиней. К этому нужно еще добавить, что многие монастырские половники имеют своих половников по одному и по два человека.

В заключение этой главы нам остается еще сказать не сколько слов о нравственном состоянии первых насельников Сибири. Занимавшимся отечественной историей хорошо известна грамота патриарха Филарета к первому Сибирскому архиепископству Киприану, в которой он самыми мрачными красками описывает храны сибирского общества, но, кажется, никому не известно то, что эта грамота написана не по рассказам «воевод и приказных людей, которые прежде сего бывали в Сибири», как говорится в этом документе, и которые можно было бы и не верить, а на основании донесения самого архиепископа Киприана и, может быть, есть только переписка части донесения последнего. Поэтому упомянутый документ имеет несравненно большее историческое значение, чем это кажется с первого взгляда, и факты крайней бесправственности сибирского населения, записанные в нем, заслуживают полнейшего вероятства. К сожалению, самой грамоты Киприана к государю и патриарху нас не сохранилось, но что она существовала и была писана ранее грамоты к нему Филарету, в этом мы никакого не сомневаемся: о ней упоминается в грамотах Михаила Федоровича к воеводам тобольскому и березовскому и в одной отписке воеводы тобольского Матвея Годунова к воеводе пельзмскому. А если патриарх Филарет в своей грамоте пишет, что он якобы узнал о беззравственном состоянии сибирского общества из рассказов воевод и приказных людей и упрекает в ней Киприана за то, что последний ему «о том ни о чём не пишет», то этого, вероятно, хотел сам Киприан, чтобы не ожесточить против себя воевод и служилых людей, которых его донесение главным образом касается.

Какие же сведения о нравах сибиряков сообщает нам грамота патриарха? Она прежде всего указывает на то, что

в сибирских городах многие служилые и жилицкие люди живут не по христиански, не по преданиям святых апостолов и сщятых отцов, а по своей воле, по своим скверным похотям; многие русские люди и иноzemцы, принявшие православие, крестов на себе не носят, постных дней не хранят, а едят мясо и «всакие скверны» вместе с татарами, остяками и ногулами. Затем упомянутая грамота отмечает факты крайней отвратительной полового разрата, господствовавшего как среди светского общества, так и в сибирских монастырях; многие православные люди живут с не крещенными инородцами, как бы со своими женами, и детей с ними приживают; иные женятся на сестрах дворянских и родных, на дочерях своих, «блудом посгают» на своих матерей и дочерей, «чего», — говорится в грамоте, — и в поганых и не знающих Бога не обретается, о чём не только писать, но и слышать гнущто». Из этого же документа видно, что многие служилые люди, отправляясь по делам службы в Москву или в другие города, закладывают своих жен на сроки, а те люди, у которых они бываюят в залкаде, живут с ними и «блуду творят беззаконю» до тех пор, пока мужья им не выкупят. Если же по истечении срока мужья не выкупят заложенных своих жен, то кредиторы продают последних «на воровство и на работу всяким людям». Некоторые же «бедных и убогих зев и девиц беспомощных для воровства берут к себе насильно и у мужей работных людей отнимают жен и держат у себя для воровства и крепости и них воровские берут заочно, а те люди бегают, у которых жен постинамают, отдаются в холопи, в неволю всяким людям и женятся на иных женах, а отнятых жен выдают за других мужей или продают, или отдают в залкад и в холопи всяким людям. А попы сибирских городов, черные и белые, не только такие беззакония не запрещают, но и говорят молитвы, в иныхベンчают без знамен, не по христианскому закону». Монастыри также вели соблазнительную жизнь. Мы упоминали, что первоначально, до приезда Кирриана в Сибирь, монахи и монахини жили вместе в одном и том же монастыре. Поэтому в сибирских монастырях царил полнейший разрват: монахини разратачиали и с монахами, и с мирскими людьми. Многие монахи и монахини снимали с себя чернецкое платье и жили в

одних домах с мирскими людьми и в своей жизни ничем не рознислись от этих последних. Далее патриарх пишет, что служилые люди, когда приезжают в Москву с государевой денежной и соболиной казной, то подговаривают многих женок и девок, приносят их в сибирские города и деркат вместо жен, а иные продают литовцам, немцам и татарам. «А воеводы, — читаем в той же грамоте, — того не берут и тех людей от такого коровства, беззаконных и скверных дел не унимают и не наказывают, покрываая их для своей беседливой корысти, и иные же воеводы и сами таким воеводам потакают и попам приказывают говорить им молитвы и венчать их насилино...»*. Но этого мало, сами воеводы подавали пример к разврату и творили всякие беззакония. Про первым воеводу тобольский воевода писал в Турицк, что «он жен служилых людей брал насилино к себе на постель, а когда мужья их хотели писать на него грамоту и обрагались с этой целью к своему попу, то воевода был кнутом и попа, и служилых людей...»**.

Такова была печальная картина нравственного состояния сибирского общества до открытия в Сибири архиепископской кафедры. Многие другие данные вообще указывают на падение религиозного чувства у русских людей, переселившихся за Уральский хребет, а так как религия для мало образованного человека служит главным сдерживающим началом в его страстиах, то при недостатке религиозности он уже не стесняется в проявлениях своих диких инстинктов и «творит, — как говорится в грамоте Филарета, — всякие беззакония беззазорно». Такой упадок у сибиряка религиозного чувства объясняется очень легко. В Сибири, особенно в городах, лицом к лицу столкнулись люди разных национальностей, разных религий, разных нравственных понятий: там были язычники, магометане, лутеране, католики и, наконец, русские православные; туда, как мы видели, ссылались пленные поляки, литовцы и немцы, принимавшие участие в смутной эпохе, а мы знаем, что в эту ужасную эпоху не только наши враги, терроризирующие русскую землю, забыли Бога, для которых не было ничего святого и которые были более похожи на зверей, чем на людей, но

* Сиб. Госуд. гр. и док. ч. III. № 60.

** А. М. И. Д. Порт. Малл. № 477, с. 3.

многие из русских людей, малороссийские и донские казаки вели себя не лучше врагов. Многие из этих извергов были пленены, сосланы в Сибирь и поверстованы в службу и, таким образом, вошли в состав сибирского населения; туда же ссылывались на службу и на пашню воры, разбойники, душегубы и другие преступники. И эта смесь элементов не могла не отразиться самым гибельным образом и на приборных, переведенных и вольных переселенцах из русских людей, на их религиозных и нравственных понятиях.

Очевидно, что с таким разваренным обществом архиепископу Киприану трудно было бороться, научить его жить по заповедям Божиим, и открытие архиепископской кафедры в Тобольске мало должно было повлиять на нравственную сторону сибиряков. Патриарх Филарет, отправляя в Сибирь Киприана, «заповедал ему достойно пасти словесное стадо, заботиться о чистоте веры завоевателей и русских пришельцев, обращать к Христу идолопоклонников и магометан, да проповедь слова Божия растет и множится...». Но Киприан, явившийся на место службы, сразу должен был почувствовать себя одиноким в деле выполнения той высокой задачи, которую заповедал ему патриарх; на тамошнее белое духовенство он при своем служении не мог рассчитывать: оно было и слишком малочисленно, и к тому же распущенено не менее светского общества: «белые попы, — говорится в доносениях разных сибирских архиепископов, — не учителя, а бражники». Черных попов было совсем мало, а монастыри служили примером разрата. Киприан привез с собой несколько белых и черных попов; первые должны были с ним служить в Тобольске, а вторых он послал в разные сибирские монастыри. Но мы уже упоминали, что за люди были белые попы, что они не только не хотели служить в соборной тобольской церкви, но даже восстановляли против Киприана тобольское сибирское население. А относительно черных попов Киприан писал патриарху, «что их не принимают ни в которых городах». Нечего уже и говорить о том, что воеводы и вообще служилый класс встретили неприметливо приезд архиепископа и сразу стали к нему во враждебное отношение. Они хорошо понимали, что Киприан будет начальником за всех обиженных, будет писать патриарху и государю о всех их беззакониях и его

* Киприан — первый арх. Тоб. Стран. 1864 г., авт.

допесения будут подействительней, чем жалобы посадских людей, крестьяня и инородцев. Вскоре после своего приезда в Тобольск, по крайней мере не позже конца 1621 года, Кирилл написал грамоту государю и патриарху, в которой он довольно подробно описывал нравы сибирского населения и указывал на те препятствия, которые он встретил при своем служении со стороны служилого класса. Кирилл пишет, «что когда он ехал в Сибирь, то в сибирских городах видел многое нестроение...». Затем, перечислив все те беззакония, которые приводятся в грамоте Филарета, Кирилл продолжает: «Разные служильные люди приходят к нему с великим шумом и сказывают, что у них есть государева грамота делать так, как они делают... не дают разводить незаконного сожительствующих, скрывают всякие зины беззаконников и беззаконниц... в монастырях чернечи живут с женами и он хотел развести их и учинить наказания по правилам святых отцов, и за тех беззаконников и беззаконниц стоят всяких чинов люди... что тех попов и игуменов, которых он послал в города, не принимают ни в которых городах... что попы и мирские люди, которые приезжают в Москву за церковным строением, получив от государя то строение, пропивают...»*. По поводу этого допесения Кирилла и от Михаила Федоровича посланы грамоты сибирским воеводам, и они составлены на основании тех же данных, как и грамота Филарета. Так, березовскому воеводе в 1622 году государь писал: «Ведомо нам стало, что в сибирских городах служильные и всяких чинов люди учинили меж собою совет в духовных делах богоомольца нашего архиепископа Кириллана и его десятильников слушать и под суд к нему ходить не хотят, а научают меж себя на архиепископа служильных и всяких чинов людей во всех сибирских городах шуметь, а взы, возводы, и им в том потякает... и во многих местах Сибири нестроением воевод города развалились... и в пьяниствах у вес многие люди блысят и режутся до смерти, а мы про то не слыхиваем, и т.д.»**.

* А. М. И. Д. Порт. Милл. № 184. См. отписку тоб. воеводы М. Голунова в Пельм от 1622 г. В этом документе почти целиком приведена грамота, в которой говорится, что государь и патриарх писали в Сибирь по грамоте архиепископа.

** А. М. И. Д. Порт. Милл. № 477, св. 6. Почти с таким же содержанием отправлена грамота к березовскому воеводе. См. А. И., т. III, № 113.

В заключение своей грамоты патриарх Филарет требовал, чтобы Киприан прочитал ее в соборной тобольской церкви пред воеводами, детьми боярскими и всячими служилыми и жилецкими людьми, а списки с нее разоссыпал во все сибирские города, чтоб эта грамота стала известной всем; требовал также, чтобы он приспал в Москву ту грамоту, на которую сложились служильные люди и которая будто бы разрешала им «из иных городов свозить жен и девиц и с ними жить по своему воле...». Киприан исполнил распоряжение патриарха: читал и разъяснял его грамоту в Тобольске, а рассыпая с нее списки в другие сибирские города, просил воевод собрать через бирючий⁴² всяких чинов людей с женами и детьми и прочитать им грамоту святейшего патриарха, «чтоб они всякое богоизбранистое и меракое дело покинули и жили бы по правилам святых апостолов и святых отцов»*. В царских грамотах, разосланных в 1622 году ко всем сибирским воеводам, также приказывалось, чтобы воевода в духовных дела не вступались, слушали бы в этих делах архиепископа и его десятников, в служильных и всяких чинов людей училили от всяких беззакония, тех же, которые не станут слушать в духовных делах архиепископа или его десятников, наказывать, смотря по вине. Но все эти грамоты оставались мертвой буквой для воевод и разных служильных людей. И во времена Киприана, и после него архиепископские десятники жалуются, что воеводы и другие приказанные люди покрывают всяких беззаконников и беззаконниц и не дают им судить их в духовных делах, а люди всяких чинов, надеясь на засутильство воевод, «живут блудно и творят всякие беззакония». В свою очередь воеводы доносят в Москву, что эти десятники всяких уездных и городских людям делают притеснения и обиды, берут большие взятки и т. п. Столкновение между архиепископскими приказанными людьми и воеводами было постоянное. Круг обязанностей десятников был обширный; дела, подлежащие их ведению, в распущенном сибирском обществе, можно сказать, возникали ежеминутно. Но городское население уже привыкло по всем делам суда и управы обращаться к воеводам и продолжало то же делать и при архиепископских десятниках; воеводы не хотели

* А. М. И. Д. Порт. Милл. № 477; см. гр. Киприана в Еланчине к воеводе.

ли поступиться своими правами и разбирали всякие дела. Киприан в своих грамотах к сибирским воеводам довольно подробно перечисляет все те дела, которые должны были передавать его приказанные люди, просит их не вступать в эти дела, не стоять за преступников и помогать десятникам в том случае, если преступники не захотят идти под их суд...^{*} Но на практике выходило так, что каждый обращался туда, куда ему было выгодней: истек шел за судом и управой к десятнику, а ответчик искал защиты у воеводы; следствием же этого былоineизбежное столкновение между этими двумя властями. Словом, между архиепископскими приказанными людьми как представителями церковной власти устанавливались самые враждебные отношения, и это не могло не отразиться печальным образом на выполнении архиепископом Киприаном той высокой задачи, которую возложил на него патриарх Филарет. И в самом деле, что могли сделать архиепископские десятники и даже сам архиепископ, если им не помогала светская власть, которая толкала одна и располагала материальной силой?? Например, в 1623 году старцы томенского женского монастыря жаловались архиепископскому десятнику на свою игуменью в луковном деле, что она «живет не по иноческому обещанию», и ссылались на одного ярыжку как на свидетеля грешных поступков игумены. Десятник потребовал к допросу этого ярыжку, но последний не захотел пред ним дать никаких показаний, говоря, что он может объязвать про духовное дело игумении только самому архиепископу. Тогда десятник обратился к воеводе с тем, чтобы он посадил на время ярыжку в тюрьму, но воевода отказал ему в этом**. Что значит после этого суд приказанных людей архиепископа?! И чем эти приказанные строже относились к своим обязанностям, тем население более их ненавидело и на их нравственный надзор не обращало никакого внимания, и продолжало жить так же, как и жило прежде.

Киприан скоро оставил тобольскую архиепископскую кафедру и, вероятно, с полным сознанием, что его заботы поднять нравственное состояние сибирского населения были совершенно бесплодны. И действительно, чтобы в этом

* А. М. И. Д. Порт. Милл. № 477, тетр. 1; См. гр. Киприана мангеймскому воеводе от 1 фев. 1624 г.

** А. М. И. Д. Порт. Милл. № 477, тетр. 6

убедиться, стоит только заглянуть в документы, относящиеся к последнему времени.

Можно было бы привести множество фактов для характеристики низкого нравственного состояния сибирского населения и особенно служилого класса, но мы не считаем этого нужным: низкого они дают нам мало, и если бы упоминать о них, то это значило бы целиком повторять то, что мы уже видели в грамоте Филиарета и донесении Киприана. Факты эти показывают, что в Сибири продолжает царить самый отвратительный разрат; монахи и монахини ведут мирскую жизнь, пьянятся, играя в зернь и карты сопровождаются драками и убийствами. Крестьяне жалуются на боярских детей, что последние со своими людьми выбывают из деревень, что он «был его, топтал ногами и выдалгороду»; целовальники бьют членом государю, «что их заможенный голова, пришел пьян, зевел служилым людям разболочи до нага, бил батогами насмерть и учел на век» за то, что они не хотели приложить своих рук к заможенной книге, которую он составил без их участия; софийский боярский сын доносил в Москву, что государевы деньги 900 р., которые посланы с ним в Тобольск, украли в Тюмени, ямские охотники однажды жаловались, что из 100 р., выданных им в счет жалованья, 28 р. оказались подделанными, оловянными, и т.п.*.

Как Киприан, так и другие сибирские архиепископы жалуются, что новодвиги амешиваются в их духовные дела, покрывают беззаконников и беззаконниц, берут белых попов «для письма и выделу», а церкви в это время остаются без службы, люди помирают без крещения и причастия, бьют белых попов батогами, сажают в тюрьмы и даже «отставляют от церкви Божиих». А о самых белых попах архиепископ Симеон в 1653 году писал государю, что в некоторых сибирских городах «попы живут не чинно, пьют, брачничают, священническая действуют иное не по преданию святых апостолов и святых отец, а по своему изволению». Затем тот же архиепископ доносил, что иные попы живут так далеко от Тобольска, что если их вызывать «на смиление», то им проезд будет гораздо больше...**.

* А. М. Ю. Смб. пр., разб. ст. № 6403/359; ст. № 6130/86; ст. № 6111/67; разб. ст. № 400.

** А. М. Ю. Смб. пр., ст. № 6444/100; см. гр. к Ал. Мих. в 1653 г.

Да и сами архиепископы не всегда стояли на высоте своего сана и, кажется, более заботились о материальных делах софийского дома, чем о своей пастве, о делах духовных. Иначе не было бы таких безобразий, какие мы встречаем в самом городе Тобольске. В 1637 году поп Григорий Пятка во главе своего прихода был человеком государю: «В 1613 г. в Тобольске воздвигнут храм во имя Всемилостивейшего Спаса с приделом тверского государева ангела преподобного Михаила Милетского и подле пантеры того храма на могилах различных людьми поставлены полки, где продают мясо и рыбу и от тех, государы, полок твоему богоугодному великию утеснение и во время службы от людского кричания не слышно и самого пения, а от собак бывает великая скверна; мертвых от тестов погребать негде, у архиепископских ворот положены многие мертвые; да подле пантеры, государь, стояли две полки, и Федыны Казанцы на месте тех полок в 1632 г. поставили две лавки вплоть подле пантерной стены и теми лавками заставил многие могилы, а самая пантера от них спнила». В заключение этой членистой членистости просяли государи, чтобы он велел очистить пантеру Всемилостивейшего Спаса от тех лавок и полок*. Этот факт важен в том отношении, что не архиепископы тобольские позабылись об уничтожении этих безобразий, которые торчались на их глазах, а сами прихожане Спасской церкви и поп. Таково-то было разделение о «духовных делах» сибирских архиепископов. Да некоторые из них и времени не было для этих дел; мы видели, какой страстью к стяжанию отличались архиепископы Нектарий и Герасим! Каким мог быть пастырем этот последний, когда «от его архиепископского мучения» два человека удивились?! Один боярский сын города Тобольска Ивашика Мильзин обвинил архиепископа Симеона в возмутительном насилии. Нужно заметить, что этот Мильзин служил у архиепископа Герасима в дьячках и велал сибирскими дворовыми людьми. По смерти Герасима в 1650 году тобольский воевода Шереметев с товарищами указал ему продолжать ту же службу до приезда нового архиепископа и, между прочим, вручил под расписку Мильзину 200 р. денег с тем, чтобы он раздал жалованье софийским дворовым людям на 1651 год. Мильзин действительно

* А. М. Ю. Собр. пр., ст. № 6111/67. л. 213.

деньги раздал, «а для веры в том взял с софийских людей расписку за их руки». Но архиепископ Симеон по приезде в Тобольск привез к себе этого Мильзина и отнял у него расписку дворовых людей, а этим последним приказал взыскать ими денег в государеву казну не платить и Мильзину не отдавать. «И за те, государь, деньги у меня, — жаловался Мильзин, — взял дворянко в твою казну, да меня же держали на правеже 20 недель до тех пор, пока добрые люди не выкупили. Да он же архиепископ Симеон без своего государева указа целый год мучил меня в цепи и в железах; а кто на меня наклепал из его дворовых людей и он без суда и ссыку велил править и тем меня разорил со всеми животишками...». Челобитчик, наконец, просит государя, чтобы он «указал его счетъ по приходным и расходным книгам в Тобольске мимо архиепископа Симеона и его приказныхъ людей, кому ты, государь, укажемъ»*.

Положим, как сейчас увидим, Иванка Мильзин во многом был виновен против софийского дома и заслуживал сурогового наказания, но во всяком случае тот способ, который употребил Симеон, чтобы наказать его, совсем не приличен и особенно для высшего представителя церкви. В свою очередь архиепископ Симеон жаловался государю, что этот Мильзин, управляя софийским домом в продолжение полутора года, совершенно его опустошил: «хлеб всякий, мед пресный и вино горячее, всякие питья и всякую посуду разносил к себе и с племенем и друзьями всяким софийским добром делился; да кроме того он приходил с друзьями и с племенем, с женами во архиепископский дом, пили, ели и прохаждались в архиепископских кельях и вследствие этого так разорил софийский дом, что я, богоомолец твой, по приезде в Тобольск не нашел никакой посуды ни в кельях, ни в поварие и нечем было воды зачерпнуть, а денег в казне не осталось ни одной денги...»**.

Вообще нравы в Сибири в обозреваемое нами время были жестокие, и распущенность царила как в мире, так и в монастырях. Для характеристики нравов сибиряков мы приводим факты не исключительные, а обычновенные, кото-

* А. М. Ю. Собр. пр., ст. № 6444/100; см. члоб. к Алек. Мих. 1653 г.
Извещ. Мильзина.

** Ibid, см. челобит. арх. Симеона к Ал. Мих. в 1653 г.

рые часто встречаются в документах. Однако здесь мы должны сделать оговорку относительно крестьянского деревенского населения: нам очень мало попадалось из крестьянской жизни таких фактов, которые свидетельствовали бы об особенно низком нравственном уровне крестьян, хотя между ними было множество ссыльных, разных преступников; мы не можем сказать, что и в деревнях парили те же пороки, какие мы видели в городах и монастырях. Очень может быть, что этих фактов не дошло до нас или просто они не попались нам под руку, но мы не можем не обратить внимания на следующее обстоятельство: в сметных книгах слобод ежегодные доходы с судных дел показаны самые ничтожные — 1 р., 2 р. и редко 3 рубля, а в некоторых слободах за иной год совсем судных дел не было. Этот факт довольно красноречиво говорит в пользу крестьян; по крайней мере можно сказать, что они между собой жили сравнительно мирно. Правда, мы упоминали выше, что, например, крестьяне Нильинской слободы убили своего приказчика, невьянские и тагильские крестьяне выходили против переписчиков и досмотрщиков с луками и дубинами, иные берут из государственной казны подмогу и ссуду и убегают с государственной лавши. Но к таким поступкам крестьяне иногда были просто вынуждены. Например, чем они могли ответить на такое распоряжение туринского воеводы Кафтырева: он велел не более не менее, как скечь всю Ирбитскую слободу. Мы не знаем, как крестьяне этой слободы защищались против этого дикого распоряжения воеводы, но только последнее не было приведено в исполнение.

Глава IX

Последнюю главу нашего исследования, как первую, мы посвящаем сибирским иородцам. Мы знаем, что в каких-нибудь двадцати лет русское господство (не упоминая о других местах Сибири) утвердилось над татарами, остиками, ногулами и самодами, жившими в пределах семи уездов: в Верхнотурском, Турийском, Тюменском, Тобольском, Тарском, Пеымском и Береловском; иородцы в это короткое время были покорены и обязаны платить дань. В первой главе мы заметили, что иородцев нетрудно было побеждать, и это понятно почему: русские завоеватели имели на своей стороне храбрость, большую воинскую опытность, а главное — огнестрельное оружие, которое вначале столько же путало сибиряков, сколько и американцев при покорении последних испанцами. Правда, сибирские иородцы очень искусны стреляли из луков, но они боялись близко подходить к русским, опираясь «ромы и молния», которые производили их мушкеты и пушки; в битвах они большей частью держали себя в отдалении, и потому их стрелы не причиняли никакого вреда русским войскам. На это ясно указывает также факт: например, воевода тобольский доносил в Москву, что он послал против Кучума 300 или 400 человек войска, настигли кучумовых людей в таком месте, множество татар побили, множество захватили в плен, «а русские люди привезли все Бог дает здоровое», или один убит, или один ранен. Но тем не менее иородцы упорно отстаивали свою независимость, и особенно тогда, когда у них был южный, знаменитый Кучум; их нелегко было заставить покориться московской власти и обязать платить ясак московскому царю. Этим упорством только и можно объяснить тот факт, что когда кончился период завоевания упомянутых уездов, то в иородцах осталось не более 4000 человек взрослого муж-

ского поля, хотя несомненно, что до подхода Ермака их было, по крайней мере в десять раз больше. Да и после завоевания иородцы не раз поднимали бунты с целью освободиться от русского края и «быть себе царством, как это было при Кучуме-царе». Смутная на Руси эпоха представляла для этого самое удобное время. Михаил Федорович, отправляя своих послов Войкова и Гордеева в Астрахань для принятия в подданство одного татарского князья Касая, наказывал им, что если Касай спросит про Сибирское царство, то сказать: «не только мыне, а колы была, за наше грех, и смута в Московском государстве, и Сибирском царстве и тогда стояло ни чем непоколебимо»*. Но на самом деле это далеко не было так. В 1607 году подняли бунт все ясачные люди Березовского уезда; во главе восстания стали ходокские остяжские князья Алчевы-Игричевы, несмотря на то, что они уже давно приняли христианство и в их земле Коде была ими основана церковь. Иородцы окружили город Березов в таком большом числе, что березовские служилые люди, которых в это время было 323 человека, не осмелились выйти из города, чтобы отразить неприятеля. Но иородцы не умели брать русских городов, а потому из их восстаний ровно ничего не выходило, кроме гибели их самих. Из одной челябинской крепости деревни березовских служилых людей видно, что хотя они просидели в осаде два месяца, но тем не менее им вреда иородцы не причинили, а они «Божије милостю многих изменников перемяли» и в том числе кодускую княгиню Ану**. Однако бунт этим не кончился: он продолжался и в следующем году. А в 1608 году иородцы затевали произвести общее восстание против русского господства в Сибири: в нем должны были принять участие вогулы и остяки Березовского, Пельмского, Сургутского уездов и татары иртышские, а судя по некоторым данным, в заговоре участвовали иородцы верхотурские, турунские и тюменские. В то же время тунгусы нападали на ясачных людей Кетского уезда и требовали, чтобы последние перестали платить ясак русскому царю или, выражаясь иными словами, чтоб тоже подняли бунт***. Томские вновьводы доносили в Москву: «В 1607 году учинилась болезнь

* А. И., т. II, № 289, стр. 409.

** Р. И. В., т. II, №№ 76 и 79.

*** Ibid, № 89.

тяжкая бесовским недугом в Томском городе над служилыми людьми и над женками; и им сказали служилые люди, что новокрещен татарин Иванка ходит по татарским юртам ворожить, и в бубен бьет, и шайтанов призываает, а они-де в съезжей избе пред собою того Ивашка спрашивали, кто ту тяжкую болезнь на русских людей напустил? И Ивашка... сказал: напустили-да на русских людей шайтанов кузнецкие и чулымские татары». Этим ответом воеводы не могли удовольствоваться: им нужно было знать, для чего шайтаны напущены на русских служилых людей, и потому подвергли того Ивашку пытке. На пытке он, во-первых, признался, что сам шайтанов напустил по поручению кузнецких и чулымских татар, казака Логи с товарищами и томского татарина Басандая, а во-вторых, объяснил цель своих действий. Из его объяснения видно, что между инородцами кузнецкими, чулымскими и томскими было установлено, как только Ивашка напустил на русских людей шайтанов, то «в те поры приступать к Томскому городу и к острогам Кузнецкому и Чулымскому... весело, как станет лист разметываться»*. И действительно, томские воеводы о напущении на русских людей шайтанов доносили в Москву в конце 1608 года, а в следующем году одновременно подняли бунт татары Томского и Кузнецкого округов.

Очень может быть, что враждебные действия тунгусов, кузнецких и томских татар и не имели связи с замыслами инородцев Передней Сибири, но все-таки мы сочли нужным упомянуть о них, чтобы показать, что смута в Русском государстве в начале XVII века была не только в Европейской Руси, но и во всей Сибири, и что Михаил Федорович был не прав, наказывая послан говорить Касью, что будто бы Сибирское царство во время смутной эпохи стояло неподобаимо. Но обратимся к вышеупомянутому заговору инородцев Передней Сибири. Трудно поверить, а между тем несомненно, что душой этого заговора была женщина, та же ходская княгиня, которая бунтовала в 1607 году и за этот бунт уже отсидела в березовской тюрьме. Инородцы на этот раз решились заняться не осадой какого-нибудь Березова или Пельма, а прямо идти войной против города Тобольска, против самого центра русской власти в Передней Сибири, и

* Ibid. № 82.

на его развалинах воскресить свою старую свободу. Это, конечно, была мечта, и попытка к ее осуществлению стала бы очень дорого инородцам, но она существовала, и этого достаточно, чтобы сказать, что в «земле зверообразных людей» независимость, свобода еще живо чувствовались в начале XVII века; стремление «быть себе царством», как было при Кучуме-царе еще танялось в сердцах сибирских инородцев. Но один случай раскрыл все их замыслы, тайна их обширного заговора сделалась известной русским воеводам; последние вследствие этого приняли свои меры, а инородцы по тому же самому не решились начать свои враждебные действия. Нужно заметить, что сибирские инородцы, прежде чем начать какую-нибудь войну, уоваривались на счет общих и одновременных действий оригинальным способом: по их юртам путешествовала «попытченная стрела» с изображением шайтанов как символ войны, и все те инородцы, которые соглашались принять участие в войне, должны были поклясться над этой стрелой. Одна-то из таких стрел попалась в 1609 году березовскому воеводе, а остик, который носил ее, под пыткой раскрыл весь заговор. Воевода Степан Волынский не замедлил уведомить об этом обстоятельстве воевод пельмского и тобольского, а последний известили и других воевод с приказанием, «чтоб жили в острогах бережно и наблюдали за изменой ясачных людей». Об открытии заговора Волынский писал следующее: «25 июня он послал казаков на Соссу для сбора государева ясака, и те казаки принесли в съезжую избу стрелу, а на стреле нарезаны одиннадцать шайтанов и поперег шайтанов разрезо ж, а железо терто. Остик, у которого казаки взяли стрелу, на допросе показал: ту стрелу он возил на Соссу для изменения государю; ходская княгиня Анна и ее новокрещенный брат ездили к сургутским остикам и наустам Иртыши к татарам и договорились всеми видамивойной под Тобольск, а эту стрелу послали с ним на Соссу к остикам».

После этого открытия инородцы уже не осмелились приступить к исполнению своих замыслов относительно Тобольска, но враждебное настроение их, или «шайтаны», как до-

* А. М. И. Д. Порт. Милл. № 477, св. 1; см. отмыску березов. воеводы к пельмскому » 1609 г.

носили воеводы, продолжалось приблизительно до 1617 года и притом по всей Передней Сибири. Думать, что эти замыслы, это «шатанье» сибирских туземцев не имело связи со смутной эпохой на Руси и что совпадение этих фактов было случайное, мы не имеем оснований. Нам известно, что разные инородцы, жившие по сю сторону Уральского хребта, несомненно, бунтовали вследствие смутной эпохи в Московском государстве, а они имели самую тесную связь и с инородцами сибирскими. Да и помимо этого последние хорошо могли знать о частых переменах царей на Руси и о разных неустройствах, сопровождавших эти перемены: они присягали Борису Годунову, скоро им велия присягать его сыну, затем Дмитрию-самозванцу, далее царю Василию Ивановичу... Трудно предположить, чтобы ко всем этим неурядицам инородцы отнеслись безучастно и не воспользовались ими для своего освобождения от русского ига. Мы также скоро увидим, что побежденные не жили замкнутой жизнью от победителей; общение между ними было довольно значительное: торговые люди путешествовали по инородческим юртам со своими товарами, крещеные инородцы жили в русских городах и если государеву службу наравне с русскими служилимыми людьми, да и некрещеные тоже служили; некоторые инородцы, особенно близкайшие к городу, сами приносили ясы к воеводам, закупали для своих потребностей разные предметы русской торговли и жили в городах по нескольку дней. Само собой понятно, что при этих сношениях между русскими и инородцами заходила речь о частых переменах царей и о московских неурядицах, и эти беседы не могли пройти даром для инородцев. Настроение русских людей в смутные времена было одинаково как в Сибири, так и на Руси; русские сибиряки не держали языка за зубами и критически относились к происходившим переменам на московском престоле. А если мы мало об этом знаем, то потому только, что от того времени немного сохранилось документов, но и те данные, которые дошли до нас, довольно ясно свидетельствуют, что московская смута коснулась и сибиряков и что последние также времдебно относились к московским царям, бывшим после Федора Ивановича: к Борису, к его сыну, к царю Василию и, вероятно, с такой же радостью встретили вступление на

престол Димитрия-самозванца, как это было и на Руси. Например, тобольский воевода в 1599 году отправил царю Борису следующее, в высшей степени откровенное донесение. «Русские люди, — писал он, — говорят в Тобольске: как тому сидеть на царском престоле, кто семена царские перенес: убил царевича в Угличе, а паря Федора Ивановича задушшил...**». Если так русские люди относились к Борису в Тобольске, где был боярин, то можно себе представить, в каких они выражениях отзывались о своем царе в других сибирских городах! Из Томска воевода в 1608 году писал царю Василию Ивановичу, что «томский казак Якушка Осокин про тебя государя говорил, невместимое слово, чего в уме нельзя взять, что тебе государю не многолетствовать на царстве, а быть недолго на царстве...**». Видно, что этот казак был очень проницателен, и то, чего воевода и «в уме нельзя было взять», исполнилось очень скоро — всего через два года после предсказания.

Все эти реи русских людей, конечно, были ведомы сибирским инородцам, и из них они легко могли заключить о тех неурядицах, которые происходили в царстве их завоевателей. А сибирские инородцы далеко не были так просты, чтобы не воспользоваться московскими смутами и не попытать счастья свернуть с себя иноzemное владычество. Вся их беда заключалась в малочисленности, рассеянности на громадном пространстве и в отсутствии между ними единодушия. В противном же случае они, хотя и не оспо-дились бы от ига, но хлопот сибирским воеводам причинили бы много. До покорения русскими, находясь под властью мелких князьков и мурз, сибирские инородцы вели между собой постоянную вражду, и эта вражда продолжалась и под владычеством московских царей. Русские воеводы прекрасно пользовались этой враждой, вооружали одного князька против другого и сами вмешивались в эти распри то с целью подчинения «непокорных землиц», то ради своей «бездельной хорости». Так, в 1594 году косский князь Игнай вместе с березовским боярским сыном Змеевым сделал большой набег на князя Большой Конды Агая и страшно опустошил его княжество: сам Агай, его сыны, дочь и

* А. М. Ю. Собр. пр., кн. 2, л. 131.

** Р. И. Б., т. II, № 81.

брат были пленены, имущество их ограблено, много кондинских ясачных людей было перебито и много захвачено в плен. Чтобы судить о зажиточности иородческих князьков, укажем здесь на имущество князя Агая, которое было послано березовским воеводой в Москву: «два венника серебряных, завитца серебряна, ложка серебряна, две цепочки серебряных, чарка серебряна, 426 соболей, 13 лисиц черных, бурых и красных, 61 бобр, 1000 белок...»*. Конечно, это только часть имущества князя Агая, а многое скрытое, вероятно, разошлось по рукам победителей. И впоследствии косский князь не раз делал набеги на Б. Конду и всякий раз опустошал ее настолько, насколько хватало силы. В 1600 году иородцы этой волости экзаменовали царю Борису: «В прошлом 1594 г. Иван Змеев и князь Игнатьев напали на их землю, юрты разорили, имущество разграбили, а жен, детей, род и племя их взяли к себе князь Игнатьев; да у мураза Курманака Игнатьев убил отца и мать его, а жену, и детей связал к себе в юрты, и иные жены их, и дети, сестры, братья и племя служат у князя Игнатьева и ех людей в холопях... и теперь люди Игнатьевы приходят к ним в Конду, и их побивают, жен и детей и людей берут к себе в юрты по-прежнему в холопи и юрты их опустошают...»**.

И этот пример вражды между иородческими князьями не единственный: они то и дело ссорились между собой и делали опустошительные набеги друг на друга²¹. Понятно, что при такой вражде трудно было ожидать от сибирских иородцев единодушной борьбы со своими завоевателями, а если иногда они и уговаривались между собой насчет общих действий против русского владычества, то свои замыслы не умели привести в исполнение: то или заговор обнаружит «воинственная стrela», то между самими иородцами найдутся изменники и раскроют глаза русским воеводам на замыслы своих согражданников. После неудачной попытки в 1609 году те же иородцы хотели поднять общий бунт и в 1612 году, но и на этот раз их враждебные намерения стали известны русским воеводам прежде, чем они могли приступить к действиям. Как видно из разных документов, и в этом году предполагалось общее восстание сибирских иородцев, но один из vogulов сначала случайно прогово-

* Р. И. Б., т. II, № 54.

** Р. И. Б., т. II, № 70.

рился о своих замыслах, а потом и прямо рассказал пелымскому воеводе о готовящемся позмущении татар, ногулов и остатков против русского господства в Сибири. Считаем здесь не лишним указать на то, что замыслы свои в 1612 году инородцы прямо ставили в связи со смутной эпохой на Руси. Так, некоторые пелымские вогтулы на допросе говорили воеводе: «Государа-ле на Москве нет, ныне-ле и в Сибири одни воеводы, а русских людей во всех сибирских городах мало...»*. Какую же цель преследовали инородцы, поднимая восстание тогда, когда на Руси не было царя? На этот вопрос мы находим прямой ответ в членитой одного верхноторского казака, который «смыкался про ногульскую измену». В 1612 году, — пишет он, — как в ногуличах была шатость и измена, хотели на наши сибирские города приходить вояюю, города скечь, служилых людей перебить, а умыслили, чтоб им быть себе царством, как было при Кучуме-на реч...**.

Все эти частные и общие бунты инородцев показывают, что они еще не склонились с русским владычеством, что у них еще живо было воспоминание о своем царстве и они стремились к его восстановлению; смутная эпоха на Руси подавала им надежды на осуществление своих замыслов. Но постоянные неудачи, которые сопровождали эти замыслы, должны были убедить инородцев, что борьба с русскими завоевателями невозможна и что им остается только помириться со своим положением. Затем с усилением русского элемента в Сибири инородцы, особенно служилые, все более и более оставляются со своими завоевателями, принимают русские нравы и обычай и начинают смотреть на «Белого царя» глазами русских людей. «Шатание» инородцев Передней Сибири, можно сказать, кончается со смутной эпохой на Руси, и при Михаиле Федоровиче если мы и встречаем отдельные вспышки инородцев, то последние уже не имели политического характера, а в них только выражался протест против злоупотреблений воевод, служилых людей, или были вынуждены тягостью ясачной подати.

Теперь обратим внимание на положение инородцев под русским владычеством. Завоеватели не коснулись ни веры

* Р. И. Б., т. II, № 100.

** А. И., т. III, № 1.

покоренных, ни их быта, оставил и инородцев жить при тех же порядках, при которых они жили и до завоевания. Московское правительство строго запрещало русским людям насилиственно крестить инородцев и даже пленных, приказывая приказчикам «исачных людей судом и управой и в каких делах не ведать...». Этот суд и управу по-прежнему производили князья, мурзы и сотники на основании того права, которое господствовало у туземцев. Только в делах уголовных, или в делах «смесных», или когда сами инородцы обращались за судом и управой к русским воеводам, последние являлись судьями, и притом в делах, касающихся одних инородцев, судили не на основании русского законодательства, а по обычаям туземным; в делах же комицких воевод обращались за разрешением их в Москву. Приведен здесь несколько более или менее характерных примеров дляяснения этих замечаний. В 1625 году турийский татарин Ишмамет обратился с такой жалобой на своего согражданина Бекбердея. «В прошлом в 1624 г., — писал любопытник, — мой братишка Боймамятко собирался у той Бекбердея дочь Линшую, а колыма мы дали, сирота твоя государева, с братищко тому Бекбердею три лошади... цена 21 рубль; да бухарскую выбойчатую курткю¹⁴, да полушибелковый кушак... цена рубль, да орловое перо¹⁵ и 5 алтын денег; и брат мой Боймамятко умер и тот Бекбердей дочери своей за моего братишка Тайтело не дает, и калыму нашего наследи не отдает же, а дочь свою Линшину просматрал за меркотурского ясачного погулдина Кулакея; а по нашей, государь, по татарской и по ногулской вере, как большой брат умрет и большого брата жену или невестку берут за себя меньшия братья». На основании этого права члобитник и просил государя, чтоб он велел тому Бекбердею или возвратить калым, или отдать doch за меньшего его брата*. Воевода турийский затруднялся решить это дело собственного власты и потому отоспал жалобу Ишмамета в Москву. Мы не знаем, какой оттуда последовал ответ, но несомненно, что он составлен в духе туземного инородческого права, то есть в пользу Ишмамета. Это дело гражданское, но и в делах уголовных московское правительство становилось на точку зрения инородцев и предписывало си-

* Р. И. Б., т. II, № 134.

бирским воеводам поступать по обычаям последних. Так, например, вогулы и остики в случаях убийства или заставляли убийцу платить вознаграждение родственникам убитого, или, если он не мог этого сделать, то выдавали его головою. Точно так же решали подобные дела и русские воеводы. Только в этих делах самым существенным образом замешивались материальные интересы русского царя, а потому убийца ясачного человека должен был отвечать и за эти интересы. В 1639 году один вогул убил другого за то, что тот застрелил его собаку. Возникшее по этому поводу дело Михаила Федоровича велел воевода решить его таким образом: убийца, во первых, должен был заплатить «головного» родственникам убитого 4 рубля 4 алтына, во вторых, уплатить головной ясак 9 соболей ценюю в 3 р. 12 а. и затем давать этот ясак в государеву казну до тех пор, пока «он не прищепт этот ясак гуляющим вогулам на место убитаго». Преступник оставался на свободе, если он мог представить за себя поруку, но упомянутый убийца сначала не нашел покровителей, и потому воевода посадил его в тюрьму. Но последнее случалось очень редко: ясачным людям не было никакого расчета не ручаться за своего собрата. Дело в том, что сибирские инородцы несли повинности за безглазых, мертвых и вообще выбыльных, как и русские люди. Поэтому, если б упомянутый убийца сидел в тюрьме, то им пришлось бы платить ясак и за убитого, и за самого убийцу, что, конечно, было слишком невыгодно. Вот почему вогулы скоро одумались, соглашались убийцу взять на поруки и прошли об освобождении его из тюрьмы на том основании, что «за него некому промышлять ясак». Челобитная, конечно, была удовлетворена, как удовлетворялись и другие подобные челобитные, хотя бы они касались не только убийц, но и изменников государевых*. Но бывали, однако, случаи, когда ясачные люди скорее соглашались нести повинности за преступника, чем брать его на поруки; так они поступали с людьми опасными, несправедливыми злодеями. В 1632 году лозинский вогул Маметко убил одного ясачного человека, в следующем году другого. «И за то коровство, — доносил воевода, — что он убил двух ясачных человеков, Маметко был быт кнутом нещадно наколе пред многими ясач-

* А. М. Ю. Собр. пр., ст. № 6132/88, л. 39; ст. № 6111/67, л. 477.

ными людьми». Когда же воевода хотел отдать убийцу на поруки, чтобы «ему впредь таким воровством не воровать и ясачных людей до смерти не убивать», то такой поруки не нашлось. Лозгинские бугуры заявили, что тот Маметко и после убийства двух людей «грозился на них ясачных людей убийством и они из него в конец погибли и в лес ходить не смеют, опасаясь от него убийства». Тогда воевода послал Маметку в тюрьму до тех пор, пока он даст за себя поручителей, но этот злодей скоро сам себя зарезал ножом².

Эти фактов достаточно, чтобы видеть, как русское правительство относилось к праву, господствовавшему у сибирских инородцев; оно признавало его в делах гражданских и в делах уголовных. На то же указывает и существовавшая торговля людьми между инородцами; эта торговля была совершенно свободна, и русское правительство никакого снуя не преследовало. Но вот интересный вопрос: как русское правительство относилось к человеческим жертвоприношениям? Неужели оно смотрело снисходительно и на этот дикий обычай идолопоклонников и не предпринимало никаких мер к его уничтожению? На основании тех данных, которые нам удалось собрать, мы затрудняемся дать положительный ответ на поставленные вопросы. Пожалуй, можно сказать, что сибирские идолопоклонники не имели свободы приносить людей в жертву своим богам, или, как тогда говорилось, «молитв людей», правительство русское запрещало им это. Но в то же время кажется, что такое запрещение оставалось только на бумаге подобно тому, как и запрещение русским людям покупать инородцев. Нам известно, что бугуры и остяки, за немногими исключениями, все были язычники и во все обозреваемое нами время приносили человеческие жертвы. Вероятно, для жертвоприношений служили главным образом пленники, но иногда инородцы целым племенем или племенной группой покупали людей для моления то у своей же братии, то посыпали за покупкой людей для той же цели к инородцам, жившим по сю сторону Уральского хребта. Нам кажется, что человеческие жертвы своим богам сибирские инородцы приносили очень редко, не более одного раза в год, и подобные жертвоприношения совершались у лиственницы и притом только

² А. М. Ю. Сыб пр., ст № 6081/37, лл. 1—5, 110—113.

осенюю; по крайней мере известные нам документы, касающиеся «моления людей», относятся исключительно к этому времени. Так, в сентябре 1618 года верхконондинские вогулы Нуксыйко Каванин, Ебелько и Хрокумко пришли в город Пелым и обратились к воеводам Ивану Вельяминову и Григорию Орлову с необыкновенной просьбой: они просили, чтоб православные воеводы разрешили им убить человека для моления «по их бусурманской вере у лиственицы»¹⁶. Воеводы, конечно, отказали. Но 2 октября того же года пришел в съезжую избу один стрелец и объявил, что те верхконондинские вогулы Ебелько с товарищами «малого убили и у лиственины молили в кортах, отшед от города». По этому донесу немедленно произведено было следствие. «И мы», — писали пельмские воеводы Михаилу Федоровичу, — «про то дело сыскывали до прямя пельмскими вогуличами и пельмскими вогуличи Яи Кислениской с товарищами сказали, что те верхконондинские вогуличи Ебелько с товарищами нас холопей твоих государя, не послушали: малого убили и у лиственины молили; и о тех, государь, верхконондинских вогуличах в их непослушанье, что величиа твой царский указ учинил...»¹⁷. К сожалению, мы не знаем ответа государя на этот вопрос воеводы. Из приведенного документа можно заключить, что русское правительство не относилось равнодушно к «молению людей» сибирскими идолопоклонниками, но в то же время, вероятно, и не строго преследовало этот дикий и обычай: в противном случае пельмские вогулы не осмелились бы обратиться к воеводе за разрешением «убить малого и молить у лиственицы».

Теперь спрашивается, в чем заключались повинности сибирских инородцев в отношении русского государя или государства? С самого начала завоевания Сибири русское правительство возлагает разные обязанности на покоренных: одних приказывает воеводам «верстать в служилые люди», других заставляет пахать государеву пашню, на иных возлагает обязанность ямской службы и, наконец, массы инородцев «вся служба состояла в том», как они сами говорили, «чтоб платить государю ясак». В служилые люди верстались преимущественно татары, и притом подгородные, и затем все новокрещеные. Христианство начало распространять-

¹⁶ А. М. И. Д. Порт. Милл. № 478, лист. № 61.

ся между сибирскими инородцами очень рано после их покорения; уже в конце XVII века новокрещенцы из татар, ногулов и остяков встречаются во всех русских городах. Конечно, не сама христианская религия побуждала их оставлять идолопоклонство или магометанство, а прежде всего материальные выгоды, сопряженные с принятием христианства. В то время не было еще миссионеров, проповедников слова божьего, а равным образом не требовалось никакого подготовления со стороны инородцев к принятию крещения; всякое миссионерство заменило объявление воеводы: кто крестится, того государь повестует в службу, покажут денежным и хлебным жалованье и избавят от платежа ясака, а чтобы совершил крещение над инородцем, достаточно было только одного его желания. Пленные князья и муры почти все принимали христианство, и притом одни из них после крещения оставались жить в своих вотчинах, а другие переселялись в русские города и верстались в боярские дети; в Целиме в 1624 году было семь боярских детей, и все они были из инородческих князей, несколько такого же происхождения боярских детей было и в Тобольске. Они служили в сотниках и даже в головах у служилых инородцев крещенных и некрещенных и получали такое же жалование, как и русские люди или иноземцы, немцы и литовцы. Кроме того, все инородцы при крещении получали подарки, и по тому времени довольно значительные. Так, в 1603 году в Верхотурье крестились четыре ногулая Верхотурского уезда, и воевода дал им «ради крещения» государева жалованья по два сукина сердника, по рубашке, по сапогам и, кроме того, «коры до государева указа». Из этих новокрещенцев мура и его брат отправились в Москву с ясаком и там получили: мура пять рублей денег, сукно доброе, тафтту добрую, а брат его — три рубля денег и сукно доброе; последнее жалование по государеву указу дано и остальным двум новокрещенным, которые не ездили в Москву. Всех их зелено повестить в стрельцы и давать годовое денежное и хлебное жалование наравне с другими стрельцами*.

Новокрещенцы из инородцев были христианами только по имени; не будучи подготовлены к христианству, они и после крещения оставались почти такими же язычниками,

* А. И., т. II, № 43.

какими и были прежде. Но тем не менее сам факт принятия инонродцами той веры, которую исповедывали и их завоеватели, имел очень важное значение: единоверие более, чем что-нибудь другое, должно было сближать покоренных с победителями, и это сближение вело к усвоению инонродцами русского языка, русских нравов и обычая. Дети новокрещенцев уже более были христианами, чем их отцы, и их скорее можно назвать русскими, чем татарами, вотурами и остяками, и особенно тех, которые жили в русских городах. А мы знаем, что редкий из инонродцев, принявших крещение, оставался жить в кротах; только князя и мурзы крещенные продолжали еще жить в своих вотчинах, а простые или переселялись в русский город, или русские деревни. Новокрещенцы говорили воеводам, «что им никак нельзя жить с своей братней, что они от своей веры отстали и их в свою землю не пустят, потому что крещены»*. Крещенные инонродцы составляли скользкий разряд служилых людей в сибирских городах, и они писались в особые списки; их более всего было в Тобольске; во второй половине царствования Михаила Федоровича число новокрещенцев преимущественно из татар, в этом городе простиралось до 35 человек, из них 15 человек тобольских уроженцев, то есть родившихся уже от христиан; над ними был даже особый атаман.

Положение служилых новокрещенцев, так и служилых юртовских, некрещенных инонродцев было несравненно лучше положения пашенных и ясачных; по крайней мере с их стороны редко встречается жалобы. Во главе служилых инонродцев стояли головы или из русских людей, или из новокрещеных князей и мурз; этим головам наказ предписывал: «судить и расправу чинить в правду, поминков и послугов не брать, от русских людей оберегать и ходить с ними. На изменников, но в больших судьях в спорных делах доказывать воеводе...**». Служилые инонродцы не только менее испытывали притеснений от воевод и русских служилых людей, но даже и сами они притесняли свою братию ясачных людей, как свидетельствуют об этом жалобы этих последних.

Что же касается положения инонродцев ясачных и особенно пашенных, то оно было в высшей степени тяжелое.

* Р. И. Б. т. II, № 83.

** А. М. Ю. Сб. пр. кн. № 11, л. 200; ст. № 6306/262, л. 39.

Мы видели, что число пашенных инородцев было невелико; они пахали на государя почти столько же пашни, как и русские крестьяне, но эта повинность для них была им «не за обычай». Жалобы от них мы встречаем постоянные и притом во весь обозреваемый нами период. В 1599 году пашенные инородцы Пельмского уезда жаловались, что «они ходачи за государеву пашню одеженику всю передрали, женщек и детинек проели, волочатся в наготе и босоте и помирают голодною смертико...**». Они же и в 1623 году были членом государю об освобождении их от пашни и замене ее ясаком, а в члобитной между прочим, писали: «Всех их с женами и детьми до одного человека пристава выгоняют из корт на государеву пашню и корты остаются пустые; накладывают на них работы великие, не в меру; за тою пашнею рыбы добывать. Не успевают и потому все лето с женами и детьми кормиться одною травою...**». Вследствие тяжелых работ и скучности питания между пашеными инородцами была большая смертность: в 1632 году в Пельмском уезде таких людей было 70 человек, к концу царствования Михаила Федоровича их осталось только 33, а остальные, замечает пельмский воевода, умерли, и на них место не государеву пашню прибрать некого.

Если теперь обратим внимание на ясачных инородцев, то, может быть, их положение было несколько лучше пашенных; мы думаем, что было несколько лучше только потому, что пашенные инородцы постоянно были членом об обращении их в людей ясачных, о замене пашни сбором с них ясака. Но, как сейчас увидим, и ясачные инородцы не могли не жаловаться на тяжесть своего положения под русским владычеством. Ясак собирался различно: то с волосами, то с каждого человека в отдельности, а самодея платили ясачную подать по родам. Ясаком облагались инородцы мужского пола только с 18 и до 50-летнего возраста; старые же и увечные были освобождены от всяких повинностей. В первое время количество ясака не было точно определено; воеводе предписывалось собирать ясак, «смотря по тамошнему делу, чтоб государеву казне не было убыли, а земле тягости не навести и людей ясачных от государя не ото-

* Р. И. Б., т. II, стр. 146; А. М. И. Д. Порт. Милл. № 478, св. 1, № 15.

** А. М. И. Д. Порт. Милл. № 478, св. 1, № 2.

гнать...». Поэтому после покорения какой-нибудь группы инородцев воевода, осведомившись о их числе, налагал на них известное количество ясачной подати; следующий воевода при сборе ясака с тех же инородцев уже руководился ясачными книгами своего предшественника и в то же время заботился о приборе в ясак молодых инородцев или вообще тех, которые почему-нибудь не были обложены ясаком прежним воеводой. Каждому воеводы изменялось в обязанности ежегодно и «накрепко» сыскывать ясачных людей, чтоб «в избыльх никого не было, ссыкывать русскими и ясачными людьми»: первые должны показать о числе ясачных людей в известной волости «по крестному целованию», а вторые «по шерти», да для той же цели послыять боярских детей, которые были бы добры и не воры.

Но по мере ознакомления с числом ясачных людей в уезде и с сбором ясака за прошлые годы правительство устанавливало более определенный размер ясака с каждого ясачного человека: именно с женатого по 7 соболей, а с холостого — по пять. Однако это определение подати с инородцем было далеко не точно и вызывало массу злоупотреблений со стороны воевод и давало возможность самим инородцам облегчать себя в ясаке. Неточность или неопределенность заключалась, во-первых, в том, что инородцы выплачивали ясак одними соболями, а с другими пушнинами зверями: бобрами, карими и рымжами, лисицами черными, бурыми и красными, белками, куницами, росомахами и т.п.; а во-вторых, и ценность соболей была неодинакова: один соболь стоил 15 копеек, другой 50 копеек, а пошидились соболи и по 8 рублей⁴. Поэтому в первом случае воеводам открывалась легкая возможность брать с инородцев мехом гораздо более, чем следовало по окладу, а во втором случае инородцы приносили в ясак «худых соболей», а «добрых» продавали торговым людям, потому что им разрешалось платить ясак такими соболями, «каковы соболи на промыслу добудутся». Соображаясь со всеми этими обстоятельствами, правительство около 1626 года перенесло ясачную по-

⁴ Прижеч. Просмотрев несколько приходных расходных книг Казанского приказа, где точка обозначалась цена каждого «сорока» соболей, мы заметили, что в царствование Михаила Федоровича самая высшая цена «сорока» соболей была в 300 рублей и самая низкая — в 5 р. 50 к.

датъ на деньги: положено было брать «с лучшихъ людей по 3 рубля и по 2½, с середнихъ — по 2 рубля и с худыхъ — по 1 р. 50 к. и по 1 рублю», а с новогородскихъ в первый год по 30 к. и затем постепенно возвышать до полного оклада такъ, чтобы года в три они «исполнялись полным окладом». Изъ этого видно, что ясачный налог сам по себѣ был невеликъ: иородцы уплачивали въ государеву казну столько же подати, сколько и русские Посадские люди; только первые платили свою подать мехами, а вторые деньгами*. Но на самомъ дѣле иородца ежегодно приходилось уплачивать подати гораздо болѣе полномочнаго оклада. Они имѣли съ ясакомъ еще приносилъ государю и воеводамъ такъ называемыя «поминки», которые вначалѣ были просто подарками, но потомъ они сделались настолько обязательными, что обратились въ особый налогъ; только этотъ налогъ платили не каждой платежной салой, а целой волостью; эти поминки бывали разной ценности въ разныхъ уездахъ, но не менѣе 4 р. 50 к. — именно въ 3 рубля государю и въ 1 р. 50 к. воеводамъ. Затѣмъ иородцы еще платили ясакъ за беглыхъ и мертвыхъ, и такого ясака имъ приходилось платить значительное количество. Например, въ 1604 году татары Ямыской волости Тѣрского уезда жаловались государю, что въ 1601 году въ ихъ волости умерло 67 человекъ и за всѣхъ ихъ они платятъ ясакъ, «и въ томъ ясакѣ они закабилили женъ и детей своихъ, а дети умершихъ еще малы и ясакъ добыть не могутъ...»**. Это примеръ не единственный, а, напротивъ, совершенно заурядныи: изъ ласчныхъ и изъ другихъ документовъ видно, что не было волости, не было года, когда бы иородцы не приходилось нести подать за выбѣглыхъ ясачныхъ людей. Правда, правительство по членитѣ иородцевъ освобождало ихъ отъ этой подати, но это освобожденіе обставлено такими условиями, что на него ясачные люди скоро не могли рассчитывать; оно могло последовать не ранее, какъ черезъ годъ, а въ уездахъ отдаленныхъ — черезъ два года, чрезъ три года. Дело въ томъ, что сами воеводы своей собственной властью не смѣли освобождать иородцевъ отъ платежа ясака за беглыхъ, мертвыхъ и ученыхъ, а только съ разрешеніемъ правительства. Каж-

* Примѣръ. Только въ редкихъ случаяхъ правительство разрешало землевладѣльцамъ взыскать ясакъ съ особенно бедныхъ иородцевъ деньгами, а не мехами.

** А. М. Ю. Собр. пр., кн. № 11, л. 79.

дый воевода должен был собрать с уезда платить столько ясака, сколько его предшественник; но, положим, «в ясачное время», то есть когда инонродцы платили ясак, он узнавал, что несколько человек в известной волости умерло или сбежало, или сделались стары и умечны, и все-таки в этот год волость должна уплатить столько же, сколько и в предшествующий. Затем наказ предписывал воеводе дать знать о вымыльях в своем уезде тобольскому воеводе, а этот последний по получении такого доиссения обязан был послать туда письменных голов «для сыску и досмотру сверх воеводских сысков и досмотротов». Если письменный голов подтвердил справедливость доиссения воеводы и члены ясачных людей, тогда тобольский воевода «сыски и досмотр» письменных голов вместе с члены ясачных людей посыпал в Москву к государю. И только после такой длинной процедуры «государь велел привезти (вымыльих) ясачных людей учинить свой государев наказ» об освобождении инонродцев от платежа ясака за вымыльих*. Все это, конечно, «не так скоро делалось, как говорилось», хотя воеводам и приказывалось доносить о вымыльих «не замотчая». А до тех пор, пока не придет государев указ, ясачные люди обязаны были платить за вымыльих. Яльянские татары, как мы упоминали, лишились 67 ясачных людей в 1601 году, и, конечно, в том же году об этом узнал воевода тарский, но государев указ об освобождении татар Яльянской волости от платежа ясака за тех вымыльих посыпал только в 1604 году, и значит, за все это время упомянутые татары платили значительно лишний ясак. Да и, кроме того, если бы даже инонродцы и не платили за вымыльих, то все-таки прямая ясачная подать на деле всегда была выше указанной нормы. Когда установлен денежный оклад, то каждый ясачный человек обязан был приносить пушных зверей столько, чтобы ценность этой мягкой рухляди равнялась 3 или $2\frac{1}{2}$ р., смотря по его зажиточности. Но ценили меха не сами инонродцы, а воевода с торговыми людьми, и эта оценка, конечно, была не в пользу первых. Наказ предписывал воеводам ценить ясак «по прямой сибирской цене», но так, чтоб «по московской приценке была государю прибыль», а в противном случае сам воевода отвечал за эту прибыль. Например, в «Приход-

* Полное собрание законов, т. II, стр. 556 и 557; Р. И. Б., т. II, стр. 538.

ной книге Казанского Дворца» за 1628 год читаем следующее: в 1627 году березовский воевода присыпал ясак, и в массе мягкой рухляди, между прочим, была лисица, которую тот воевода оценил в 6 рублей, но в Казанском приказе ее оценили только в 3 рубля, и потому с воеводы велено доправить мягкой рухляди на 3 рубля. Но этот случай единственный! Напротив, каждый воевода старался цинить принесенный ясак, как можно дешевле: во-первых, для того, чтобы показать свою службу, а во-вторых, и для того, чтобы кое-что и для себя из этого ясака можно было оставить. Просмотрев «ясачные книги» за много лет и сравнив по ним оценку сибирскую с оценкой московской по «Приходным книгам» Казанского и потом Сибирского приказов, мы не нашли ни одного случая, чтобы московская цена всей мягкой рухляди, присланной из какого-нибудь уезда, не превышала значительно сибирскую. Сибирскому воеводе правительство не делало никаких отмежеваний им мягкой рухляди только в том случае, если по московской привычке, например, с 500 рублей прибывало 100 рублей, но случалось, и очень часто, что в Москве прибывало на 300 и 400 рублей с 500 рублей.

Таким образом, если взять во внимание государевы и воеводские гоминики, платек за выбыльных и затем ненадлежащую оценку мягкой рухляди, то окажется, что ясачный человек должен был уплачивать ясак по крайней мере в три раза более против положенной нормы. Как известно сибирским воеводам ценили мягкую рухляди, привносимую инородцами в уплату ясачной подати, можно судить по чебитной тарских ясачных людей. В 1626 году они жаловались: «У них в Таре оценщики цнят дешевое ценою — красных лисиц и куниц поголовно 5 а. (15 к.), а гости и торговые люди покупают у них лисицу красную по 3 гривны (30 к.), а куницу по полтине*». Подобные жалобы заявляли инородцы всех уездов, и заявляли очень часто. Вообще установленная около 1626 года перемена в способе оценки ясачной подати (или оклад ясака не соболзми, а деньгами) оказалась не в пользу ясачных людей и вызвала с их стороны жалобные и правдильные протесты. Самую обосточительную чебитнюю по этому поводу написали в 1629 году инородцы 12 волостей

* А. М. Ю. Сиб. пр., кн № 11, л. 166.

Верхнотурского уезда. «В прошлые годы, — писали они, — платили мы твой государев ясак с 9 волостей по пять соболей из человека и с Туринской волости — с женатых по 10 соболей и с холостыи по 6 соболей из человека, каковые соболи добудутся на промысле; да твой государевы поминки платили — тебе, государю, по пяти и по шести соболей с волости, а воеводы по три соболя; да с молодых подрослей новинного брали по соболю, пока твоим ясаком исполнятся в пять соболей, года в три и четыре. Но в прошлом 1626 году по твоему государеву указу зелено нам сиротам твою платить ясак, твой и воеводские поминки против денежного оклада, и мы, государь, обложены тяжел: твой ясак положен на нас с членовка против 2 р. 29 а. 3 д. И по тому окладу в поминки и в ясак выходят соболи по 10, по 12 и по 15, и мы сироты твой тех окладов сполна вымлачивать не можем, потому что оценовщики соболей и яских других зверей ценят дешевою ценовою и в твоей государевой казне бывает прищепка большая. Да мы сироты твою платим ясак и поминки за старых и увечных, и мертвых против полного оклада. Вследствие всего этого мы обищали и одолажали великими долгами, женишк и детишек позакладывали...». Кроме того, в той же чеботинской верхнотурске ясачные люди упоминают, что теперь зверей стало меньше против прежнего во многих их старинных вотчинах: на Тагиле, на Невье и на Нице — основы русских села, и крестьяне выжигают леса и выгоняют тем всякого зверя. В заключение своей чеботиной инородцы просили у государя следующих милостей: а) чтобы воеводы ценили ясак настоящей горгой ценой; б) не требовать с них соболей с пулками и хвостами и лисиц с передними лапами, потому что «пулки, хвосты и лапы, — писали инородцы, — Мы продаем торговым людям и на те деньги покупаем хлеб, одежду, топоры и стрелы, а другого какого зверя не случается прорыть — весь промысел идет в ясак и в поминки; в) освободить их от платежа десятой пошлины, когда они продают «лосиных и оленей постели» и на те деньги покупают соболей, чтобы платить ясак, поминки и недовимки за прошлые годы; и г) освободить их от платежа ясака и поминок за старых, увечных и мертвых*.

* А. М. Ю. Сб. пр. Ст. № 6112/68, лл. 36—40.

Мы не знаем, какой дат был отдан на эту члобитную от верхотурских инородцев. По всей вероятности, Михаил Федорович указал всеводе: ценить ясак «по прямой торговой сибирской цене», не брать члобитников в течение некоторого времени десятины полчины, не брать ясак с мертвых и увечных. Но больные же инородцы не могли рассчитывать. Но судя по тому, что и впоследствии подобные члобитные писались и от верхотурских инородцев, и от инородцев других уездов, можно утверждать, что временные облегчения мало улучшали положение ясачных людей. Правительство никакими мерами не могло уничтожить злоупотреблений ксювод, яслатчиков и грабеж служилых людей, а до тех пор, пока эти беды существовали для инородцев, последние не могли исправно выплачивать ясак и не могли не жаловаться на тяжесть ясачной подати. За ними чисились постоянные недомыки, которые, постепенно возрастая, доходили до очень крупных сумм. Московские цари иногда сразу освобождали всех инородцев от всех накопившихся за несколько лет недомок. Так, Федор Иванович в 1597 году освободил от недомок березовских и пельмских ясачных людей, а Борис Годунов в 1599 году не только освободил всех инородцев от недомок, но «для царского земца и многолетней здравия» указал воеводам совсем не брать ясак со всех сибирских людей в 1600 году*. По поводу этого последнего указа царя Бориса считаем не лишним упомянуть здесь о следующем интересном факте. Едва только инородцам было объявлено о царской милости, как между ними поднялось странное волнение: остики, ногуды и татары от этой вести пришли в недоумение, и они начали смотреть на редкое благородие царя, как на средство, которым он хочет их обмануть для своих злых намерений. На Годунова как будто бы лежало какое-то проклятие, благодаря которому даже благо, делаемое им людям, обращалось против него же. В Москве он щедро помог бедным жителям, построить хижину после пожара, и что же? Начали говорить, что он сам приказал зажечь Москву, чтобы иметь возможность оказать благородения пострадавшим и тем привлечь на свою сторону сердца последних, а шель этой милости довольно темная — будто бы замять дело

* А. М. И. Д. Торг. Миль № 478, св. 5; Р. И. Б., т. II, № 46; А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 11, л. 62.

царевича. Нечто подобное случилось и в Сибири. Узнав об упомянутом указе Бориса Годунова, сибирские инородцы в страшном волнении спрашивали, почему с них не берут ясак, когда все-то их служба пред государем состоит в том, чтобы платить ясак? Наконец это свое недоумение они разрешили таким образом: царь Борис хочет всех простых людей послать на службу в дальние места лет на семь, а лучших людей и жен в то время насильно взять в Москву*. Как бы то ни было, но благоденствие Бориса должно было значительно облегчить сибирских инородцев. К тому же после 1600 года он же велел воеводам брать ясак, сообразуясь с силами ясачных людей, «как будет можно, что людям тягости не навестись...». Однако, несмотря на все эти льготы, недомики на инородческих скотопастбищах появлялись. Василий Иванович в 1607 году освободил инородцев Тарского уезда, вероятно, и других уездов, от всех недомиков за прошлые годы. Вслед за тем начинаются бутылки инородцев: ясачной подати в это время с них собиралось очень мало, и вследствие этого недомиков накопилось великое множество. Например, с волостей Б. Конды и М. Конды в течение трех лет — с 1615 по 1617 гг. — взято ясака только 80 соболей вместо нескольких тысяч**. Михаил Федорович, кажется, в 1624 году, именно после именной переписи инородцев при Сулепове, освободил ясачных людей от всех недомиков за прошлые годы, но в 1625 году на инородческих уездов опять числятся недомики, а к концу царствования этого государя они достигают уже до громадных по тому времени сумм. На тюменских ясачных людях в 1645 году было недомиком более чем четыреста тысяч рублей; с инородцами Тарского уезда в один 1628 год не добрано ясака на 1014 р. 24 а., а с Верхогурского уезда с 1625 по 1633 гг. не добрано на 665 р. 15 а.***

Словом, ясачные книги показывают, что инородцы ни за один год не в состоянии были уплатить всей ясачной подати и недомики накапливались на них ежегодно. Между тем мы знаем, что сама по себе ясачная подать не могла

* А. М. И. Д. Порт. Милл. № 477, стр. 1.

** А. М. Ю. Себ. пр., кн. № 11, л. 106; А. М. И. Д. Порт. Милл. № 478, с. 68. См. отписки Валымянова и дочер. книгу 1619 г.

*** А. М. И. Д. Порт. Милл. № 541, с. 5; А. М. Ю. Себ. пр., кн. № 17, л. 52, кн. № 11, л. 334; Р. И. В. т. II, № 156.

быть особенно тяжелой: десять соболей семейный человек мог легко добить в течение целого года, а если взять во внимание, что некоторые соболи ценились по 3, по 5 рублей и дороже, то, стало быть, ясачный человек мог и одним соболем заплатить всю ясачную подать. Чем же объяснить после этого постоянные недоимки с сибирских инородцев? Помимо тех причин, на которые мы указали выше, кажется, самой существенной причиной недоломок была та, на которую указывают сами инородцы в своих жалобах, — это грабеж воевод и служилых людей. Нам пришлось просмотреть много жалоб, и все они свидетельствуют, что злоупотреблениями воевод и служилых людей, посыпаемых в инородческие юрты то за сбором ясака, то по другим какими-нибудь делам, не было предела. Нельзякогу в 1624 году жалуются, что с них воевода берет ясака вместо 5 по 10 соболей, а как они пойдут на промыслы, то воевода и служилые люди берут к себе их жен и детей*. На нарымского воеводу остаки жаловались, что он берет ясак на 11 соболей, да еще берет посылы великие; тот же воевода взял у нарымского князя сына в холопы себе, и князь принужден был выкупить сына соболами и лисицами на 100 рублей. «Былое нам, — говорят членытичики, — давать закладчиков (амантов) с середней статьи, а нарымский воевода берет для своей бездельной корысти лучших людей». Тобольский воевода доносил про того же нарымского воеводу, что он побивает остаков до смерти, а жен и дочерей их берет к себе на постель**.

По членытию ясачных людей правительство назначало следствия, но эти следствия ни к чему не приводили и несколько не умеряли воеводских злоупотреблений. В 1633 году ясачные люди Березовского уезда — один русский служилый человек и несколько торговых приезжих людей — подали членытину на воеводу Алексея Плещеева. «Как приехал на Березов воевода Плещеев, — пишут они, — и от него ясачным людям начались притеснения и насилиства великие: у кого сведет лисицу черную, или бобра черного, или соболя доброго и по них посыпает служилых людей и велит насильно привозить их с лисицами, бобрами и собо-

*А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 6148/104, лл. 103—105.

**А. М. И. Д. Перг. Мицл.. ск. З.

лями к себе на подворье и заставляет ясачных людей предавать ему тех зверей дешевую цену — в треть цены и меньше...». Затем челобитчики подробно указывают на лиц, пострадавших от злоупотреблений воеводы. Они же жалуются и на служилых людей, что последние, когда приезжают к ним в юрты за сбором ясака, то требуют с каждого ясачного человека большие поминки, а кто не даст, у того ясачники ценят соболей, лисиц и других зверей в половину цены и дешевле. Тех же ясачных людей, которые сами приносят ясак в город, «воевода держит в городе дней по 10 и больше для своей бездельной корысти, а живя в городе, они продаются иолжают великими долгами...». Кроме того, воевода отнимает у иородцев их рыбные ловли, заставляет на себя «день и ночь шить пубы, ловить рыбу и делать всякие работы». «И от тех притеснений, насилий воеводы и служилых людей ясачные люди всех волостей обищцали, великими долгами задолжались, жен и детей поградавали, а иные позакладывали...». По указу государя тобольский воевода отправился в Березов письменного голову и подъчего, чтобы последние по челобитию иородных людей «объяснивали большим повальным обыском попами и дьяконами по священству, боярским детьм, служилым и торговым людям по крестному» целованью, а ясачным людям по их вере, по шерти...». Но эти обысы произведены еще тогда, когда Плещеев был воеводой, а потому наперед можно было предугадать, что показания свидетелей не подтвердят обвинений членов членов. И действительно, прочитав обысковые речи, мы заметили, что все они клонятся в пользу воеводы и служилых людей. Все допрошенные говорят одинаково и теми же словами и приводят по некоторым случаям такие же объяснения, как и сам Плещеев. Не говоря уже о служилых людях, даже сами иородцы ни в чем не подтвердили вышеупомянутой членов. На вопрос следователей, берут ли с них взятки и липкий корм служилые люди при сборе ясака и ценят ли мягкую рухляедь в половину цены и меньше, иородцы Погородной, Сосинской и Кунцовской волостей отвечают: «Им ясачным людям от ясачных сборщиков, от березовских служилых людей, тесноты и обид никаких не было, посулов, помикнов и лишних кормов они не берут, ценят мягкую рухляедь по прямой

сибирской цене, а если когда оценят ниже, то воевода прибавляет цену». Держит ли военода ясачных людей дней по 10, когда они приезжают в город с ясаком, берет ли взятки, заставляет ли дешевой ценой продавать дорогих соболей, и от тех ли притеснений они продают жен и детей или закладывают, инородцы отвечают: «Гесноты и обид от воеводы им не было никаких, суд и съск он дает прямой, без задержки и без посулов, а если им случится пробыть в городе два или три, то это они делают добровольно, закупая для себя у торговых русских людей хлебные запасы, ношенное платье и пр.; жен и детей продают и закладывают не от воеводской изгояни, а для бедности и голоду — продают своих малых ребят и девок русским людям и на те деньги покупают соболей для государева ясака, покупают хлеб, одежду, топты, стрелы* и т. п.

Буквально то же самое показывают и русские люди. Таковые же объяснения дал и сам Плещеев и, кроме того, говорил, что «все воевство» затянули членобитчики по личной к нему злобе. Например, в числе членобитчиков был осужден новоцерквиц Гришка; этот Гришка, по словам воеводы, «веры христянской отбыл, верует в их остаточную веру, молится шайтанам, участвует в остаточных жертвах и сделал он особо для себя двух деревянных шайтанов и им молится...». За это, говорит Плещеев, он посадил того Гришику в тюрьму, а он на него подал членобитную вместе с другими «боррами»*.

К сожалению, обыкновенных речей березовского духовенства и приезжих торговых людей в том деле, которое мы читали, нет, но, по всей вероятности, и их показания были в пользу воеводы. Само собой понятно, что после такого обыска членобитчики не нашли никакой управы ни на воеводу, ни на служилых людей, которых они обвиняли в разных злоупотреблениях. Но мы не можем сомневаться в справедливости их жалоб. На это, между прочим, указывает, во-первых, то, что все свидетели говорят одно и то же и одними и теми же словами — языки знак того, что они были подговорены воеводой, а во-вторых, трудно допустить, чтобы инородцы продавали или закладывали жен и детей ради государева ясака или ради покупки одежды и других

* А. М. Ю. Сб. пр. и ст. № 6080/36, лл. 1—218.

предметов необходимости. В Березовском уезде в то время еще много было соболей и других пушных зверей, и инородцы легко могли добыть их столько, чтобы заплатить ими ясак и накупить себе того, в чем они нуждались, не прибегая к продаже малых ребят и девок. И если им приходилось продавать или закладывать жен и детей, то только потому, что они были вынуждены к тому русскими воеводами и ясачниками. Самыя челобитчики, между прочим, объясняют, почему их обвинения не подтверждались даже их соплеменниками. «Ясачные люди, — говорят они в той же челобитной, — застращены и челобитных на воеводу писать не осмеливаются».

Вообще положение ясачных людей в обозреваемый нами период было тяжелое, и эта тяжесть заметно отразилась на приросте инородческого населения. Мы упоминали в первой главе, что в начале XVII века, или, точнее, в начале царствования Михаила Федоровича, число всех инородцев в семи уездах не превышало и 4000, а в конце царствования этого государя их было только около 4500 человек. Из этого видно, что прирост инородческого населения в обозреваемый нами период был очень слабый, а в некоторых уездах мы замечаем даже убыль населения: в Верхотурском уезде в ясачных книгах число ясачных людей показано: в 1626 году — 296 человек, в 1628 году — 326, в 1635 году — 295, в 1645 году (по присяжной книге) — 254 человека*, в Тарском уезде самое большое число ясачных людей показано в ясачной книге 1625 года, именно 831 человек, в 1635 их осталось только 612 человек, в 1644 их было 684 человека, а со служилыми — около 740 человек**.

Помимо всяких других причин, слабость размножения инородцев Передней Сибири много зависела от недостатка женского пола, так что очень многим инородцам не на ком было жениться, и они целую жизнь оставались холостыми. Мы выше упоминали, что воеводы и служилые люди жили с инородцами как с женами; они то отнимали жен и дочерей у инородцев, то покупали их. Вследствие этого мы встречаемся с такого рода фактом: умирает старый ясачный че-

* А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 10, л. 103; кн. № 19, л. 423; кн. № 57, л. 96; кн. № 194.

** А. М. Ю. Сиб. пр., кн. № 11, л. 214; кн. № 57, л. 276; кн. № 163.

ловек, а ни жены, ни детей после себя не оставляет. Если бы этот факт был исключительный или редкий, то мы могли бы еще предположить, что умершие ясачные люди потому не оставили после себя ни жен, ни детей, что последние еще ранее их умерли. Но документы приводят нас к иному заключению: именно что эти умершие были просто не женаты. Обратимся, например, к «имянному списку» ясачных людей, живших и умерших в Тарском уезде, относящемуся к 1641 году, и посмотрим, на что он указывает*.

	Общее число умерших,	Число умерших,
	у которых не осталось	ни жен, ни детей
Волость Каурдацкая:		
Деревня Када	3	2
Деревня Кашук	5	4
Деревня 1-я Омштамак	4	4
Деревня 2-я Омштамак	7	7
Деревня Тенкаш	6	6
Деревня Икери	11	11
Деревня Лядемак	8	8
и т.д.		
Волость Аиртыш:		
Деревня Верхний Тунус	4	4
Деревня Текиш	2	2
Деревня Биргамак	9	9
и т.д.		

Всего в 8 волостях умерших 147 человек, из них только у пяти человек остались жены и дети. В других уездах хотя и не такое отношение между общим числом умерших и числом умерших, у которых не осталось ни жен, ни детей, как в Тарском уезде, но и в них много умирало таких, у которых не оставалось никакого потомства; например, в Березовском уезде в 1641 году умерло 20 человек, и ни один из них не оставил после себя ни жены, ни детей**.

В заключение нашего исследования считаем не лишним сказать несколько слов о взаимных отношениях между победителями и покоренными и о влиянии русских на

* А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 6147/103.

** Ibid.

иностранцев. Мы обозреваем первый и сравнительно небольшой период, в который русские только что покорили Сибирь и начали ее заселять, когда большинство сибирских иностранных еще не вполне сжилось со своими завоевателями, смотрит на них дико и даже враждебно, когда русский элемент не проник еще во все места иностранных поселений и не мог ещеказать того влияния на иностранных, к которому способен русский человек. Поэтому отношения между завоевателями и покоренными еще не вполне сложились, и мы еще мало имеем материала для характеристики нравственного влияния русских на иностранных. Но в то же время мы знаем, что некоторые иностранные новокрещенцы жили в русских городах, служили им иностранные жили под самым городом, юрты многих иностранных находились посреди русских поселений в уездах, например, по рекам Тура, Ница, Тагилу, Иртышу и по другим. И значит, в этих местах различные жизненные столкновения между победителями и побежденными должны быть частными и не могли пройти бесследно, не отразиться даже в этот короткий период на их взаимных отношениях; тем более, что уже народилось новое поколение людей, происшедшее от смешения русских с иностранными, поколение, в котором текла кровь и русская, и иностранская.

Мы видели, что московское правительство очень внимательно относилось к сибирским иностранным, уважало их туземное право и веру. Мы даже можем сказать, что московские цари относились к иностранным несравненно гуманнее, чем к своим русским подданным. Обратим, например, внимание, на такого рода факт: с русских людей подати собирались посредством праведки; за недовинки, за игру в зерни или карты и за другие проступки правительство приказывало «быть их кнутом нешалю... что другим было неподвидно...». А как поводы по наказам должны были относиться к иностранным — татарам, ногулам, осякам и тому подобным подданным русского царя? «Ясак и поминки с ясачных людей, — наказывали цари воеводам, — брать смотря по людям и по промыслам... с старых и увечных совсем не брать, в который год промыслы не удалися, эвера добычи мало, или которые ясачные люди были больные давать в ясаке сроки на сколько

притоже... выбирать с ясачных людей мягкую рухладь ласкою, а не жестокою и не правежем... а правежем ясак и поминки не править, чтобы тем ясачных людей от государева жалованья не отогнать и тем бы их не оскорбить...». Правда, мы упоминали, что царя и к русским крестьянам, поселившимся в Сибири, относились заботливо, оказывали им большую поддержку в нужде их. Но тем не менее русские крестьяне не пользовались такими льготами, как инородцы; их спины часто испытывали удары кнута, и им не так легко обходились недомиками, как инородцам. Телесное наказание могло оскорбить инородца, но а русского человека? Неужели последний был менее чувствителен к подобному оскорблению? Напротив сибирские воеводы воинствуют против этой гуманности русских царей в отношении разных вогулов, остяков и татар и доказывают всю непрактичность подобных отношений: «Нам холопам твоим государь, — пишут они, — велено ясак и поминки с ясачных людей выбирать ласкою, а не жестокою и не правежем, а ясачные многие люди живут меж русских людей и всякому русскому обычую навычны и то им ведомо, что по твоему указу ясак и поминки править правежем не велено и они на твое жалование надежны, а многие ясачные люди соболей и лисиц пронгрывают в зерни, а в ясак не дают; сотников и десятников своих не слушают, на лещине промыслы проигрывают зерно не ходят; да у них же, государь, на зерни прож себя живетубиство...». Затем воеводы доказывают, что если ясак правежом не править и за игру в зернь не наказывать, то выбрать ясачную подать без недобора невозможнъ*. И тем не менее разрешения на правеж не последовало и за игру в зернь и за пьянство телесно наказывать инородцев не велено. Возьмем другой факт: с товаров русских людей взималась десятая пошлина, а с бухарцев — только пять процентов. Между тем бухари, поселившиеся в Тобольске, Таре и Тюмени, завладели в этих городах всю торговлей, от них русские люди в делах торговых столкно же терпели, сколько теперь во многих русских городах от евреев. Мало того, русские люди, хотя и победители, испытывают исключительное насилие и притеснение

* А. М. Ю. Сиб. пр., ст. № 6111/67, л. 502—503.

ния от этих бухарцев: жители Тобольска жалуются государю, что какой-то «бухаретин Ован Бакеев поставил к нашей русской улице свои юрты озорничеством и для своего покоя наши хоромники и банишки посномал...». В той же челябинской они жалуются и на тобольских татар, которые, оставив свой татарский городок, поставили 35 юрт в русской улице и тем стеснили русских людей. Разные тобольские жители позволяют себе такое самоуправство, как бухарцы? Нет, они просят государя, чтобы он велел татарам перенести свои юрты в их татарский городок, потому что по той улице архиепископы ходят с иконами и крестами в Знаменский монастырь, а священники ходят со снятыми тайками к русским людям, и в это время бывает от татар «иская скверна»*. А если бы русские люди позволили себе разорить татарские юрты, поставленные даже незаконно, то, наверное, велено было бы за самоуправство «быть кнутом нещадно». Между тем как бухаретин даже осмелился «для своего покоя» в русском городе сломать русские «хоромники и банишки». Осмелился, очевидно, потому, что пользовался привилегией обращаться с ним «ласкою, а не жестокою». Можно было бы привести и другие факты в подтверждение той мысли, что русские цари относились очень снисходительно к преступникам инородцев против русских, и что первые, пользуясь этим преимуществом, там, где чувствовали на своей стороне силу, безнаказанно притесняли своих победителей. Но такое отношение русских царей к инородцам скоро вызывало к ним со стороны последних особенные симпатии; они жалуются на воевод и служилых людей, а в царях видят только своих защитников и покровителей, у которых они могут найти правый суд и расправу против притеснителей. Словом, начинают смотреть на «Белого царя» глазами русского человека.

Затем мы видели, что воеводы и служилые люди страшно притесняли инородцев, но в этом выражалась не племенная враждебность русских людей к инородцам, а вичность воевод и служилых людей, злоупотребления своей силой. Если теперь обратим внимание на взаимные отношения русских и инородцев в уезде, то здесь заметим полнейшее об-

* А. М. Ю. Сб. пр., разд. стоб.

щение между завоевателями и покоренными. Так как первыми насельниками Сибири были русские люди из северных областей, где они и прежде сталкивались с разного происхождения инородцами, то и поселившись за Уральским хребтом, им пришлось встретиться уже со знакомыми народностями: с теми же оstsаками, вогулами и татарами, с которыми они сталкивались в разных местах и в Европейской Руси; языком, вера, нравы и обычай этих инородцев давно известны были русским людям. Вследствие этого завоеватели не живут замкнуто от покоренных: ни те, ни другие не чуждаются особенно друг друга. Конечно, враждебные столкновения на первых порах были ненавязчивы, особенно в тех местах, где русским людям пришлось селиться в вотчинах инородцев. Так, мы видим, что жалуются на притеснения русских крестьян вогулы Мулгайской и Верхотуринской волостей: жалуются инородцы Туринского уезда на крестьян Нижнекамской, Чубаровой, Ирбитской и Киргинской слобод. В 1639 и в 1640 гг. инородцы Тентюковой, Ермоловой, Колымаковой, Кичибасовой, Энзерзевой и Ичишибашевой волостей отправили государю две челобитные, в которых писали: «С того времени, как в 1600 году поставлен Туринский острог, мы жили в покое до 1622 года, но в 1632 году в наших вотчинах по Нице построена Чубарова слобода, а в 1632 году Ирбитская, в 1635 году Киргинская... и русские крестьяне тех слобод поселились дворами своими на наших юртовских землях, пашенные места и сенные покосы у нас отняли, леших собак выбили, в наших угодьях промышляют бобров, лисицы и соболей, ловят в реках рыбу, в наших лесах ставят ослолы¹⁷ насилиством; вследствие этого мы обицидали и в ясаке всякий год недобор...». Подобную же жалобу инородцы подали и крестьянам Ошепковой-Ницымской слободы. Затем инородцы всех уездов жалуются на русских крестьян, что они выжигают леса и огнем отгоняют всяких зверей*. Но эти поступки вовсе не свидетельствуют о враждебности русских крестьян к инородцам: им иначе и невозможно было поступать! Инородцы как туземцы занимали в Сибири до покорения ее русскими самые лучшие места, их вотчины были раскинуты на громадном пространстве, так называемые «отлежные угодья и бобровые гоны».

* А. М. Ю. Сб. пр., ст. № 6132/86, лл. 795 до 831.

находились иногда за 100 верст от их юрт. И понятно поэтому, что русским людям неизбежно приходилось селиться на инородческих землях и стеснить инородцев в их привольной жизни. Мы выше упоминали, что Артемия Бабицова с товарищами по членобитой туринских инородцев государь приказал прогнать с реки Ницы. Той же самой милости просили в 1639 г. и в 1640 г. инородцы и относительно крестьян Чубаровой, Ирбитской и других слобод по реке Нице. Туринские воеводы пришли их сторону и от себя писали в Москву, чтобы русские крестьяне этих слобод были сведены, при этом ссылка на инцидент с Бабицовым и на грамоту государя в 1620 году воеводе Милославскому, запрещающую русским людям селиться при реке Нице. Но чтобы иметь правильное понятие о значении упомянутых членобитых инородцев, нужно обратить внимание на следующие обстоятельства. Мы уже говорили, что Ницкие слободы преимущественно были основаны из Верхотурия, хотя и в Туринском уезде. Поэтому поднялся вопрос о том, кому ведать эти слободы — верхотурским ли воеводам, как основателям, или туринским, так как слободы были основаны в вотчинах туринских инородцев. Начавшийся по этому поводу спор между воеводами этих городов особенно обострился в то время, когда туринским воеводой был Никита Кафтырев, последний, кажется, и был настоящим виновником членобитых туринских инородцев 1639 и 1640 гг., или по крайней мере они писались не без участия этого воеводы. На это явно указывает само содержание членобитных. Правительство порешило спор между туринским и верхотурским воеводами тем, что все Ницкие слободы принадлежали к Тобольску, но Ошепкова-Ницкая и Ирбитская все-таки остались присудными воеводам верхотурским. Тогда Кафтырев решил силой прогнать крестьян с Ирбитской слободы и отправил туда какого-то Федичку-толмача «крестьянские селитбы разорить и дворы сжечь...». Новоприбраные верхотурским воеводом крестьяне — 24 человека — в 1640 году жаловались Михаилу Федоровичу, что они селиться в Ирбитской слободе не смеют, потому что воевода Кафтырев *зелит* жечь эту слободу^{*}. Из этого видно, что туринским во-

* А. М. Ю. Собр. пр., ст. № 6138/94, л. 505—506.

еводам было неприятно развитие Верхнотурского уезда на счет уезда Туринского, и они прибегали к разным средствам, чтобы ограничить это развитие. И врежда, возникшая между инородцами и русскими крестьянами, несомненно, была радута воеводой Кафтарьевым, а не явилась следствием притеснений крестьянами туринских татар и остикнов.

Теперь спрашивается, как же правительство отнеслось к членистым туринским инородцам? Как и прежде, там и теперь оно приказывало, чтобы русские крестьяне владели только пашнями, а в угодья, леса и бобровые гоны, которые находятся в вотчинах инородцев, не вступались, чтоб леса не выжигали в зверей не прогонили огнем, а в противном случае ведено воеводам бить их кнутом. Это странное требование правительства, свидетельствующее, впрочем, об особенных его заботах относительно инородцев, было совершенно невыполнимым. Разве русские населяники Сибири менее инородцев нуждались в разных угодьях? Ведь и им были необходимы для жизни и луга, и леса, и реки. Не ради же одной государевой пашни русские крестьяне селились в упомянутых слободах, основанных в вотчинах инородцев? Притом русские крестьяне и теперь еще смотрят на реки и леса, как на общий Божий дар, как на общее народное достояние. И если они ловили в реках и озерах рыбу, были бобров, охотились за всякими зверями в лесах, находящихся в вотчинах инородцев, то вовсе не считали это посягательством на чужую собственность, а равным образом вовсе не думали этим выразить свою враждебность к покоренным туземцам⁸. Какой-нибудь национальной гордости или презрения к инородцам со стороны русских людей мы совсем не замечаем. Они смотрят на вогула, самодуя, остыка и татарина прежде всего как на человека и только с этой стороны определяют к нему свои жизненные отношения. У торговых русских людей были «старые други и знакомды» между самодами Березовс-

⁸ Примеч. Точно так же целью обвинять русских крестьян за выжигание лесов: им присудце этого наказа была пахотная земля, и для этого нужно было расчистить лес; но вырубать лесные леса у них не хватило бы сил; только отец мог помочь им в этой работе.

кого уезда, которые доставляют им оленей для перевоза их товаров; торговые люди путешествуют со своими товарами по иородческим юртам во всех сибирских уездах и даже по тундрам, вместе с иородцами пьют, едят и носят в их жилищах, вместе обходят государевы заставы, чтоб не платить десятинной пошлины, и т. п. Из разных отписок воевод видно, что русские крестьяне ходят в иородческие юрты, а иородцы посещают русские деревни, вместе пьют водку, играют в зерныши и карты; иородцы говорят русским языком и «всакому русскому обычая напычны»; иородцы указывают русским людям на соленые ключи, на железные и серебряные руды*. В 1625 году пронесся слух, что калмыки и «Кучумы внучаты» намерены вторгнуться в русские уезды, вести об этих замыслах верхнотурский и туринский воеводы прежде всего получали от тамошних иородцев. Толбузин, приказчик Ницымской слободы, доносил по этому поводу тобольскому воеводе следующее: «Пришел татарин Берсегенев в слободу и сказал, что будет у нас драка с калмыками великая, нам-де и вам быть побитыми с женами и детьми». Поэтому татарин предлагает русским людям совместно построить острог в Ницымской слободе, куда на случай действительного нападения калмыков можно было бы перевести жен и детей русских и иородцев. «А будем, — говорил Берсегенев, — стоять за одно и измены-де от нас не будет». То же самое и в то же время иородцы Мулгайской волости предлагали тагильским крестьянам относительную постройки Тагильского острожка**. Не лишним считаем указать и на следующий факт, который довольно ясно характеризует взаимные отношения между крестьянами и иородцами. Верхнотурский воевода доносил в Москву, что в верхнотурской тюрьме с 1623 года сидят два вогула, носившие за измену государю, но ясачные и русские люди просили выпустить их на свободу и берут их на свои по-
рубы***.

* А. М. Ю. Собр. пр., ст. № 6111/67, л. 505. Серебряная руда, по словам (1636 г.) воевода Верхнотурской волости, находится в первых реки Серебряной.

** А. М. И. Д. Порт. Милл. № 477, с. 11.

*** А. М. Ю. Собр. пр., ст. № 6111/67, л. 477.

Благодаря таким отношениям, правительству нечего было заботиться о сближении русских населяльников Сибири и туземцев; оно установило само собой. Напротив, когда инородцы помирились со своим положением и обожились со своими завоевателями, мы видим, что русское правительство начиняет уже заботиться об отдалении русских от инородцев, потому что чесное между ними общество дурно отражалось на нравах русских людей. Так, например, Алексей Михайлович приказывает тобольским воеводам «разводить русских и татар, чтобы они имели не пили, не ели и не жили...». Это распоряжение вызвало было жалобой в 1654 году архиепископа Симеона на слишком близкие отношения, установленные между русскими православными христианами и магометанами: «После пожара в 1643 году, — писал он государю, — Тобольского города всяких чинов живущие люди живут в татарских юртах под горою, и те православные христиане окликнися и живут с татарами вместе, а живущи в татарских юртах, русские люди сквернится: пьют и едят из одиних сосудов и в пост с ними упиваются, с татарами живут блудно и детей призывают беззаконством, а татары с их христианскими женами живут тож блудно и детей призывают...». Этот документ ясно показывает, до чего простиралось общение между русскими людьми и татарами в Тобольске; не только они пили и ели вместе, но даже делались женами. Устроившись таким образом в татарском городке, русские всяких чинов люди, как видно, не хотели менять своего местожительства и в пролежание 11 лет не строили своих дворов, довольствуясь татарскими юртами. Конечно, не бесполезна в Тобольске привозилась русских людей в татарскому городку, а нечто другое. Архиепископ Симеон, прося государя «вызвести православных христиан из татарских юрт», в конце упомянутой грамоты замечает, что в Тобольске порожних земель много и на горе, и под горой, где живут русские люди особо и где татарских юрт нет*. Все эти факты показывают, что там, где русским населяльникам пришлось жить вместе с инородцами — в городе или в уезде, уже в первый период заселения Сибири установилось между завоевателями и покоренными полное житейское общение; какой-нибудь племенной вражды, отчуждения мы совсем не замечаем. Подобное общение условливалось необыкновенной способностью русского человека к уживчивости с людьми.

* А. М. Ю. Сиб. пр. разб. столб.

ито, конечно, предполагает и взаимную житейскую уступчивость. Русский человек легко ориентируется в каждой новой обстоятельности, умеет приспособиться ко всякой природе, способен перенести всякий климат и вместе с тем умеет ужиться со всякой народностью, будь то самоеды, остяки, ногулы, татары или немцы; благодаря этой способности, помимо превосходства культуры, он быстро превращал в свою плоть и кровь исконных сибирских инородцев, хотя, конечно, и сам не вполне оставался тем, чем был до переселения в Сибирь.

Комментарии

Печатается по изданию: *Буцинский П.Н. Заселение Сибири и быт первых ее населяющих. Харьков, 1889. 346 с.*

При подготовке книги к печати в ней произведена адаптация орфографии к сегодняшней норме, в отдельных случаях исправлены орфографические ошибки. Некоторые искаженности вынесены в комментарии.

Все авторские примечания, размещенные языку страницы под знаком *, сохранены в том виде, в котором были в издании 1889 г.

¹ Текст так называемой «шергской грамоты» (шерг — присяга) сохранился в архиве Уфимского губернаторства (см. *ГИА УФО. Оп. 1. № 1515. Ч. 1. Кн. 1. Лист 15*). В тексте Погоzinской летописи, в основе которой лежит «Написание» соратника Ермака Черкаса Александрова. Скорее всего, это копия несохранившегося послания Ермака Ивану Грозному.

² Правильнее — Вагитская, от названия левого притока Тавды — реки Вагит, которая именуется Богулой лишь на одной из карт «Чертежной книги Сибири», составленной в 1701 году С.У. Ремезовым.

³ Для обозначения Южной Сибири в тексте Погоzinской летописи — Лесун (Лесун). Максимовское поселение Лесун находилось на правом берегу реки Конды, чуть ниже по течению от противного берега Лягунинский Туман. Очевидно, волость включала в себя земли, расположенные южнее этого озера.

⁴ Расположение «южной земли» в исторической литературе трактуется по-разному. Рядом обозначаются земли, расположенные южнее «распределенных земенеделей» — западными, восточными или с обеими частями Свердловского Урала. В настолько время среди историков преобладает мнение о том, что Южра находилась в бассейне Северной Сосьвы. Важно отметить, что в тексте Погоzinской летописи первое это название не звучит за все территоию Ханты-Мансийского автономного округа, широко культивирующейся в последние годы средствами массовой информации, в том числе и в краеведческой литературе.

⁵ Очевидно, Бабинец пользовался услугами землемеров-манси, указанных в тексте как «супружеские землемеры» (стр. 3).

⁶ Речь идет о русском городе Пельмы, основанном в 1593 году новгородцами Н. Тракановским и П. Горчаковым на берегу р. Тавды при владении в нее р. Пельмы. Пельминский городок находился у подножия Уральских гор, на правом берегу реки Тавды, впадающей в реку Пельму.

⁷ Руками староверы или деревенской служительницы, получившей жалованье (руту) хлебом и другими продуктами. Рута — средство, спускавшееся государством или приходом на содержание церковного причта.

⁶ Половник — категория сельского населения дореформенной Руси. Половники, или половинники, обрабатывали чужую землю исколу и отдавали ее хозяину половину урожая, прибыли.

⁷ Найд — так же (лат.).

⁸ Тюмень — один из первых поселений в Северо-Восточной Руси и Сибири в X—XVII веках, центр сибирской общины. В середине XVII века на месте посуга уже стояло село Прокопьевская Слобода.

⁹ Невы — устаревшая форма названия р. Невы, левого притока р. Невы.

¹⁰ Камень — название Уральских гор, употреблявшееся в просторечии и официальных документах до XVIII века. Вызвалось глагольской с манси-кеского (Нер — «акменъ») или коми (На) топонимом.

¹¹ Ярыжные обрядовые деньги — деньги, собранные с т.н. ярыжных людей — категорий городского населения XVI—XVII веков, представляемой общинами посадскими людьми, белыми крестьянами.

¹² Укоботы — охолость, оставшаяся от персидской очистки зерна пшеницы.

¹³ Казань — столица Казанского ханства и известный город. Тут обитали татары.

¹⁴ В сибирских летописях спасение — татарский мир.

¹⁵ Черкассы в XVI—XVII веках на Руси звали запорожских казаков.

¹⁶ Пищали затинные и ручные — огнестрельное кременное или фитильное оружие, находившееся во вооружении русских стрельцов, казаков в XVI—XVII веках. Огнестрельное размерами оружие. Высота пищали без приклада колебалась от 1,5 м. до 1,8 м., калибр — до 50 мм.

¹⁷ Она служила для стрельбы небольшими свинцовыми или железными ядрами. Чаше употреблялась как крепостное ружье. К стволу привязывалась железный гак (крюк), предназначавшийся для зацепления за крепостную стену во избежание последствий отдачи при стрельбе. Ручные пищали имели калибр от 15 до 25 мм. и длину от 1,5 до 2,5 м. с механизмами и калибром. Длина ствола — 40—70 см, калибр — 10—20 мм.

¹⁸ Обский городок (из же Мансуроцкий; по Г.Ф. Мицлеру — Старый городок, или Рун-Ван — Русский городок по-хантайски) находился на правом берегу Оби напротив среднего устья Иртыша. Его остатки осмотрел Г.Ф. Мицлер, отметивший, что они почти незаметны на поверхности земли. Судя по всему, эти остатки не сохранились и находятся. Традиционно, начиная с Г.Ф. Мицлера, принято считать, что после первой зимовки Мансурова со всем своим отрядом покинул городок и вернулся на Русь северным (*чрезкименным*) путем. Вероятнее всего, Мансуров оставил в городе часть своего отряда, так как через узъя 1584 года он оставил перевозки грузов Обского города в станицу Сибирской горы Сургут, чтобы разобрать и скласть в Сибирь в 1585 году и шедшего по пути Ермака, т.е. через Тагильский волок по Тере.

¹⁹ Орда — название первого поселения в Сибирь по пути Ермака, т.е. по Тагильскому волоку, а не по Тере. Создана о зимовке дружины Ермака в Читинском Тире легендарна. Наиболее достоверные данные, восходящие к раз-

ним сибирским летописям и воспоминаниям ермаковских казаков, не упоминают о Чимын Туре как месте стоянки (тем более зимовки) другим.

²¹ Здесь «литва» — не этоним. Литвой на Руси в XVI—XVII веках называли подданных Речи Посполитой, или Литовского государства, среди которых были русские, белорусы и украинцы (современные этонимы).

²² Вполне вероятно, что изначальное укрепление Тюменя представляло собой настежь сооруженную т.н. «острожную стену», которая в 1595 году была заменена капитальной «городской стеною» из горизонтально лежащих каменных обработок («башни»), или срубов.

²³ Жаребей, жеребей — в данном случае имеется в виду участки пахотной земли, выделены, полученные по жребию.

²⁴ «Гонебные татары» — категория служилых татар, занимавшихся ямской головой (извозом).

²⁵ Атбаск — это один из атабаскского «Лесорезная голова». Атбаский юрт находился в верховьях р. Вятки в XVII веке. Точные хронологические рамки его существования неизвестны.

²⁶ Современный вариант топонима — Естерез. Озеро находится в междуречье Вятки и Иртыша.

²⁷ Руга — жаргонное название содержание, положенное священнику или переписчику приказом от приказчика.

²⁸ Коп — летний временный стан, стойбище кочевников (турок).

²⁹ В различных тюркских языках «юрт» — территории, страны, государство, селение, жилище, народ. Здесь имеется в виду Сибирский юрт (в русских источниках — ханство) — государство сибирских шайбанидов, включавшее в себя Сибирь и Запад Кучумов.

³⁰ После московских поражений в столице с русскими отрядами Кучум откочевал в степь к ногайцам, где при неясных обстоятельствах был убит. Его сын Кайий в 1601 году жаловался на прописки бухарцев, которые, заманив Кучума «в колодки», обмыли «убийца».

³¹ Видимо, озеро (Ямыш) находится в Кулундинской степи, в верховьях Иртыша.

³² Городки — земные городские стены из горизонтально лежащих бревен, концы которых были забраны в стойлы, или из прымывающих друг к другу срубов, расположенных в линию.

³³ Реставрация — пластина деревянный или помост для установки пушек в основании крепостной стены.

³⁴ Поняка — небольшая пристройка к православному храму, как правило, располагалась с южной или северной стороны храма. Иногда — специально выделенная часть основного здания, имеющая отдельный алтарь, обращенный к костому. Устраивалась в крупных храмах для пополнения запасов жертвенного, предварительно в случае, когда необходимо было служить единовременно для литургии.

³⁵ Житница — склад, амбар для хранения выпеченного зернового хлеба.

³⁶ Здесь Буцинский веточкой: кояндские вогтулы (мансы) начали платить ясак в государству казну в 1589—1590 годах. Однако они чувствовали себя вправе платить ясак в Казанском (волжском) или Астраханском (баскаков) острогах с земельными книжами Аблактином, расположенным по отложкам к русским. После разгрома дельцов в 1593 году был нанесен решительный удар по Кондомскому книжеству: зимой 1593—1594 годов сборный отряд из березовских казаков и стрельцов под командованием письменного головы Ивана Змеева и ходских остатков

во главе с князем Иличем Альчевым пободникою прошёл по кондитским замкам. Были разграблены и сожжены селения, многие вогулы были убиты или взяты в плен. Кондитский князь Агай, его сыны Азыма и брат Косахма были пленены и отосланы в Москву. Кондитские селики продолжали делать набеги на Кому до 1600 года, когда царь Борис Федорович издал указ о пресечении Илича Альчу и его людям. Альчевы в Кому и грабили тамошние селения. Сыновья Альчевых были хрецены под именами Василия и Федора, их посттеставший княжеский титул доподлинно «фамилией» Кондитским.²⁷

²⁷ Будицкий ошибочно называет Таборы «татарским городком». Письменные источники XVII—XIX веков, в том числе и дневные переписи исключают возможность того, что Таборы имели огороживание в верхнем течении Тавды исключительно вогулов.

В плену оказался младший сын Альчеврина Тутей и внук Учат (возможно, Учат — это имя внука, т.е. эмрикское слово *мюн* означает «младший»), а, как известно, толмачами русских чинов всегда служили имена эмриксов. Несмотря на то что Тутей был именем русским, звучало, возможно, отрывистым или смешанным было обычным делом). Оба пленника на родину не вернулись, но сын Учата — крещеный князь Андрей Пальмынский впоследствии нес службу в русском городе Пельме.

Рядом с этим «басынским князем» жил Алача, крашенный в Молдову в 1559 году под именем Анастасия.

Рогожский городок был построен не позднее конца XVI века на берегу р. Усы, правого притока Невы, рядом с реками Малой и Большой Рогожкой. По Усе проходил так называемый петчорский — «празмажийский» путь из Петербурга в Новгород. Рогожский городок был заселен несуществующим участком Усы. Отсюда первые отряды торговых лошадей и охотничьих артели передирали волоком до перевозки левого притока Оби — Соби. Возможно, название города связано с некогда проплывавшим на Уральском Севере промыслом магнитового бизона. Интересно, что князь белорусский Юрий Острожский, владевший Собой во сих пор существующими двоякими южного Рогожского города — поселком Шурышкары: Скоросколь в переводе с коми означает «Роговой городок».

²⁸ Этот водный путь в Сибирь начинался на Печоре, затем проходил по ее правому притоку Шуртору, спускался через золок выходил к верховым притокам Саги. Его называли «водорогой Саги».

²⁹ Правек — изъяснение долга, долг, сопровождавшееся пытками, истязанием,

³⁰ Паколхи — отпольское *ruchiekh* — «парень».

³¹ Грабильник — наименование грабителя.

³² Собольная пушка — от северорусского диалектного собль — «все свое, имущество». Означает значую, генеалогию папки.

³³ Обруб — деревянная бранешчатая обшивка для закрепления обрыва берега.

³⁴ «Лады делали...» — вероятно, речь идет об устройстве лады для досок, бревен, плах и т.п. Лады также называли ладичами, клепами.

³⁵ Вискалы — от русского диалектного «висла», означавшего пояс снов.

³⁶ Кот — морское парусно-гребное судно, получившее распространение в Русском Севере в XVI—XVII веках. Название происходит от северорусского диалектного слова «кота», означавшего левую щанцу.

Древнерусская ладья с нащитой из бортов ледовой защитой из края края дерева называлась «кочмой», или кочем. Форма бортов коча была окружной.

¹⁴ Дощаник — большая плоскодонная лодка. В XVI—XVII веках широко использовалась на Русском Севере и в Сибири для перевозки грузов.

¹⁵ Зернь — старинная русская игра в кости или в зерна на деньги, в четырех очках.

¹⁶ Бирючи — в допетровской Руси глашатай, вестник.

¹⁷ Бухарские купцы основали древний торговый путь в Прииртышье задолго до присоединения Западной Сибири к Российскому государству. В XV—XVII веках они поставляли северным сибирским народам различные украшения, предметы быта и т. д., в том числе складовые ткани и одежду. Купцы платили налогом за право въезда в чужие поселения.

¹⁸ Орлиные перья обладают прямизной и исключительной жесткостью. Эти качества высоко ценились такожными охотниками, так как оперение стрелы из орлиных перьев было лучшим стабилизатором: оно гарантировало наибольшую и точность полета (естественно, в руках умелого и сильного охотника). В одной из хантыйских были говорят о князе, который требовал со своих подданных ежегодно поставлять ему орлиные перья.

¹⁹ Сведения о принесении в жертву богам людей аборигенами Западной Сибири содержатся в местной фольклоре, русских документах конца XVI—XVII веков. Этот обычай уходил корнями в глубокую древность, арестован был в 1645 году царским указом на Урале и в Южной Сибири; свидетельствуют о существовании чеченского жертвоприношения, по крайней мере, с бронзового века. Такие жертвы приносились первозданным божествам в исключительно важных случаях: перед началом военных действий, при эпидемиях и при угрозе массовых головной смерти.

²⁰ Ослыны — ударные оружие, лубяны, толстые концы которых были окованы железом или снабжены железными шипами.

Оглавление

Разбор сочинения П.Н. Буцинского «Заселение Сибири и быт первых ее насельников», составленный членом-корреспондентом А.Н. Пышиным.....	5
Предисловие.....	11
Глава I. Расселение иноходцев: границы тогдашнего Верхотурского уезда и сюда же ту сторону Уральского хребта; волости и уезды, на которых они селились и числились в каждой волости в общем их числе: Верхотурский уезд; Тюменский уезд; волости инородцев и число их: Тюменский уезд; Пильмский уезд; Верзейский уезд; Тобольский уезд; Тарский уезд. Волости инородцев в этих уездах и число их в каждом уезде. Общее число иноходцев в семи уездах.....	14
Глава II. Верхотурье и Верхотурский уезд. Открытие новой дороги от Соликамска к верховым реки Туры Небиновым; основание города Верхотура в 1595 г., первоначальные жители Верхотура; население Верхотура в 1624 г. и в 1645 г.; волости и деревни Верхотурского уезда; волости и деревни первых поселенцев в уезде. Полтавская волость: деревни при реках Туре, Ине, Салде, основанные верхотурскими крестьянами до 1624 г.; число всех деревень и в них дворов и людей муж. пола; увеличение жителей. Полтавской волости до 1645 г. Тагильская волость: деревни основаны в 1624 г. деревнями Салде, Саде, Мутве, или Мутве, в Туре; число всех деревень в этой волости, дворов и людей до 1624 г.; увеличение населения в Тагильской волости до 1645 г. Заселение Невы, или Нейвы, и Реки. Основание Невьянской слободы в 1621 г.; деревни Невьянской волости, основанные до 1624 г.; основание Ильинской слободы в 1624 г.; Ильинская волость, основанная в 1645 г. Деревни, основанные верхотурскими служилыми людьми, посадскими, белым духовечеством и Никольским монастырем. Ямская слобода и деревни ямщиков. Общее число населения в городе и в уезде в 1624 году. Заселение реки Ницы; Ницанская Ощепкова слобода; Рудная	

слобода; Ирбистская слобода; Усть-Ирбистская слобода; Арамашевская слобода; Муринская слобода; Красногорская слобода. Постройка караулов. Хлебопашество в Верхотурском уезде; денежные государевые доходы и расходы в городе и в уезде; доходные статьи 27
Глава III. Туринск и Туринский уезд. Основание Туринска; первоначальное население города; Туринск в 1624 г.; развитие населения в городе до 1645 года. Заселение уезда; деревни, основанные крестьянами до 1624 г. Недостаток охочих людей в Туринске и значение этого факта. Основание слобод в Туринском уезде: Чубаровой, Красной, Верхне-Нишинской, Кирпичной, Белой, Белогорской. Развитие крестьянского населения в деревнях Туринского уезда с 1624 по 1645 гг. Общее число русского населения в уезде; хлебопашество в Туринском уезде; денежные государевые доходы и расходы 69
Глава IV. Тюмень и ее уезд. Основание Тюмени; Тюмень в 1624 г.; основная слобода; гавань в лесной струде; жилищный законодатель Тюменского уезда; деревни служилых людей, деревни посадских, деревни пашенных крестьян; деревни ямских охотников; общее число дворов и людей в уезде в 1623 году; дальнейшее развитие населения в Тюмени и в уезде до 1645 г.; общее число населения в городе и уезде в 1645 г.; государевые денежные доходы и расходы; государевые хлебные запасы и хлебные расходы; урожай в Тюменском уезде 85
Глава V. Тобольск и его уезд. Недостаток материала относительно истории города Тобольска; основание города и значение его; Тобольск в 1624 году; сподвижники Ермака; заселение Тобольского уезда; деревни служилых, деревни пашенных и деревни крестьян, деревни ямских охотников, людей, основанные в 1623 году постом; Преображенский и Рождественский; общее число дворов и людей в уезде; пашенные и оброчные крестьяне. Основание слобод Демьянской, Самарской и Кударской; основание острожного в Тобольском уезде: Тарханского и Багацкого — и стратегическое значение их. Колонизационная деятельность Тобольского монастыря и архиепископского дома; деревни монастырские и деревни архиепископские; общее материальное средство архиепископского дома; частность к стражанию у архиепископского дома; частность к стражанию у архиепископов Нектария и Герасима. Общее число населения в Тобольске и в уезде в 1645 г.; денежные государевые доходы и расходы; торговля в Тобольске 107

Оглавление

Глава VI. Тара и ее уезд. Необходимость основания нового русского города в верхних местах реки Иртыши; основание Тары; борьба с Кучумом; Тара в 1624 г.; заселение Тарского уезда; Тарские крестьяне; Тарские купцы; Тарские ремесленники; увеличение населения в городе и в уезде до 1645 г.; общее число русского населения в Таре и в уезде; государевы денежные доходы и расходы; хлебные запасы; сбор ясачной пятнадцатой рутилия 144
Глава VII. Пельм и его уезд. Основание Пельмы; борьба с польским королем Абсолютом; Пельм в 1625 году; население Пельмы; слободы Таборинская и Гаринская и развитие этих слобод; общее число жителей в городе и в уезде в 1645 г.; государевы денежные доходы и расходы; государева пашня; сбор ясака. Бересов и его уезд. Основание Бересова; население города; цель постройки города: заставы на дорогах Бересовского уезда: Обдорская, Собская и Киргасская; острожек между реками Мутной и Зеленоей и значение его; торговля в Бересове и на заставах; государевые доходы 160
Глава VIII. Каким образом заселялась Сибирь, какими путями проникло туда русское население; заботы правительства о заселении Сибири; заселение «по указу», «по прибору», переселение духовенства, служилых людей и крестьян. Ссылька в Сибирь и колонизационное ее значение, бесство ссылых; положение в Сибири. Всевозможные народы Сибири, привнесенные в Сибирь в пашенные и оброченные земли. Этнографический состав населения Сибири. Управление Сибири; приказы; мюнди, их власть и обязанности, их злоупотребления; меры правительства для пресечения воеводских злоупотреблений; таможенные головы и целовавильники. Положение служилых людей, посадских людей, пашенных и оброчных крестьян; Нравственное состояние сибирского общества в образованнейший период 182
Глава IX. Борьба иностранных за независимость; связь инородческих бунтов со смутой на Руси эпохи; замирение края. Положение иностраниц под русским владычеством; служба иностраниц и поминности; заботы правительства об иностраницах; злоупотребления воевод и асаччиков; взаимные отношения между русскими насељниками и иностраницами; злопотребление русскими на иностранице; ужасчивость русского человека. 283
С.Г. Пархимович. Комментарии 319